НЁМАН

5/2010
МАЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

БЕЛАРУСЬ—РОССИЯ
Совместный номер издан при поддержке
Постоянного Комитета Союзного государства

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционно-издательское учреждение «Литература и Искусство»

Первый заместитель директора — главный редактор Алесь БАДАК

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Е. А. Губарь*
Стильредактор *Н. А. Пархимович*
Набор *Т. С. Чуйковой*

Подписано к печати 12.05.2010 г. Формат 70 × 108 $^{1}/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 19,73. Тираж 3772. Заказ 1171.
Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Адрес редакции: 220034, г. Минск, ул. Захарова, 19.
Телефоны: главного редактора — 284-85-25; заместителя главного редактора, отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009 г.

Учредители — Министерство информации Республики Беларусь; общественное объединение «Союз писателей Беларуси»; редакционно-издательское учреждение «Литература и Искусство»

Ветеранам Великой Отечественной войны

Уважаемые друзья!

Дорогие ветераны Великой Отечественной! Вы и ваши фронтовые товарищи отстояли честь и независимость нашей Родины, вы спасли весь мир от фашизма. Вы проявили невиданный ранее героизм, несгибаемую волю к Победе.

Многое изменилось в мире за истекшие после войны десятилетия. Но на расстоянии пройденных лет ваш подвиг становится только зримее, масштабнее. Приходит понимание его истинного величия. Он должен навсегда остаться в благодарной памяти потомков.

Сегодня вам много лет. Позади труднейшие жизненные пути-дороги. Но я уверен, что вы никогда не уйдете в запас. У вас еще много отваги и упорства. И вы многое делаете, чтобы ваша вера в единство наших народов, в их великое совместное будущее передавалась нынешним и будущим защитникам Отечества.

Союзное государство Беларуси и России вносит свою лепту в это благородное дело. В течение нескольких лет финансировалась реставрация Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». Издан каталог захоронений советских воинов, имеющихся на территории 24 государств Европы, вышел солидный труд военных историков о начальном периоде войны на территории Беларуси. Для лечения и оздоровления ветеранов из бюджета Союзного государства на протяжении восьми последних лет выделено около 73 миллионов рублей.

Высшим Государственным Советом Союзного государства принят План мероприятий на 2009—2010 годы, посвященных 65-й годовщине освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Героике военных лет посвящаются научные конференции, творческие фестивали, художественные выставки, художественные фильмы. И конечно же, Союзное государство вносит значительный вклад в укрепление обороноспособности нашего Отечества.

Сердечно желаю вам здоровья, счастья и благополучия!

С уважением, *П. Бородин*

«Чтобы война была только на сцене...»

Лауреаты Премии Союзного государства, живущие в Беларуси, известны не только на родине, но и в России. Все они люди творческие, заслуженные, отмеченные множеством наград, почетных званий. И очень разные. Но у каждого из них тема патриотизма, гражданственности, памяти подвига советского народа занимает особое место. По заданию редакции журнала редактор отдела публицистики Татьяна Куварина встретилась накануне 65-летия Великой Победы с народным художником СССР Михаилом Андреевичем Савицким, народным артистом СССР Ростиславом Ивановичем Янковским, народными артистами Беларуси Владимиром Васильевичем Гостюхиным и Михаилом Яковлевичем Финбергом, заслуженным деятелем искусств Беларуси драматургом Алексеем Ануфриевичем Дударевым и попросила ответить на три вопроса:

1. Какой след оставила Великая Отечественная война в Вашей жизни или в судьбе Вашей семьи?
2. Как это отразилось на Вашем творчестве?
3. Что бы Вы пожелали участникам войны и всем пережившим ее ужасы?

Михаил Андреевич САВИЦКИЙ

М. А. Савицкий

1. Можно по-разному ответить на это вопрос. Но самое трагическое то, что моя семья распалась: братья погибли, отец умер вскоре после войны, а потом ушла и мать. Я один остался из всей семьи.

Первым в 1941 году погиб под Смоленском старший брат Алексей. Он был старшим лейтенантом запаса, призван в армию в первые дни войны. Второй брат, Иван, капитан, участник финской войны, погиб в конце войны от ран. Третий, Владимир, был хорошим сапером, командиром младшего звена, погиб на Дону. Он бросился ликвидировать какой-то прорыв в мосту и был убит пикирующим самолетом. Это случилось в 1943 году.

Я попал на фронт сразу, в 1941 году, восемнадцатилетним юнцом из Севастополя, где мы в то время жили. Прослужил год в почетном звании рядового. Меня, белоруса, считали хорошим солдатом. Потом попал в концлагерь и прошел через все самые печально знаменитые концлагеря — Бухенвальд, Дахау, Дора. И всюду был в категории лиц — «для уничтожения». И меня уничтожали. Довели до такой степени, что «бери за голову и ноги» и бросай как дрова. Не знаю, как остался жив. Я даже выжил в карцере абсолютного голода — ни продуктов, ни хлеба, ни воды в течение трех недель. И не умер. В 1944 году меня освободили советские солдаты. И взяли в армию художником: рисовал плакаты, занимался оформительской работой. На всех конкурсах занимал призовые места, не имея специального образования.

Когда после войны приехал домой в отпуск — меня не узнали. Родители не знали, что со мной, не получали обо мне никаких известий и думали, что я погиб. Мама мне говорила, что когда я в 1945 году зашел в дом и она меня увидела, то подумала: «Это мой!» А кто, не могла узнать. Отец был железнодорожным рабочим, умер в 1945-м из-за болезни сердца — как раз в то время, когда я приехал домой, я и похоронил его. В войне он не участвовал ввиду немолодого возраста. Но был участником Гражданской войны. Мама тяжело перенесла гибель сыновей. Она была редкая мама: труженица, вечно занята, нас, детей, сама лечила народными способами. И настолько эффективно, что мы быстро выздоравливали.

2. У меня ряд картин: «Партизаны», «Партизанская мадонна», «Витебские ворота», «Поле», «Плач по погибшим героям» и др., а также цикл из 16 картин «Цифры на сердце» и триптих «Агрессия» посвящены войне. Работа над картинами о войне требует много сил, нервов. Если сам не переживаешь, то и зритель переживать не будет. В это обязательно надо вложить свою душу. Циклу «Цифры на сердце» я отдал почти два десятилетия. Это очень сложные, большие полотна. Я рисовал их по памяти и все, о чем в них рассказал, пережил сам.

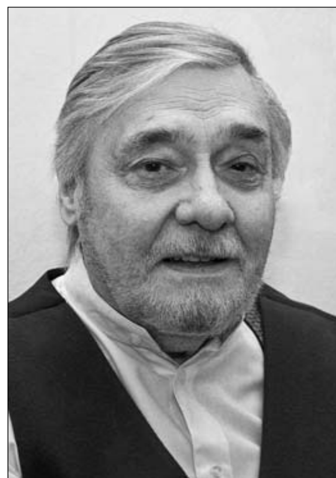
3. Переживаю за участников войны. Я был молод в то время, когда началась война, а взрослые уже прошли через одну войну — финскую. Это были другие люди, закаленные. Я хочу пожелать потомкам ветеранов, чтобы они были духовными людьми. Для этого надо трудиться. У нас есть хорошая основа, выработанная людьми веками. Это наш культ. Он у нас самый гуманный — Православие и законы Православия.

Я был солдатом и не раз принимал присягу. Я поклонник Сталина, но ни разу не крикнул: «За Сталина!» Я присягал своей Родине и народу и готов был тогда, как и сейчас, положить за них жизнь. Поэтому укорял военных, что они нарушили клятву Родине, присягнув Ельцину.

К сожалению, молодежь мало теперь думает о Родине, о мечте.

Я начал писать холст, отлично осознавая, что не доживу до его завершения. Это историческая картина. К работе я готовился очень серьезно: изучал состояние людей, армии, состояние государства. Это очень сложно делать такой анализ: какие люди, в какой одежде, — все должно быть достоверным в исторической картине. Я над ней работаю уже четвертый год и хочу, чтобы молодежь, глядя на нее, задумалась.

Ростислав Иванович ЯНКОВСКИЙ

Р. И. Янковский

1. Великая Отечественная война — это тяжелый момент в жизни большой, мощной, любимой страны. Во время войны наша семья жила в городе Джезказган в Казахстане, в котором находились медеплавильные комбинаты. Отца на сей раз на фронт не отправили, потому что у него была бронь.

Война — значительный отрезок нашей жизни, где было все: голод, холодные и нетопленные школы с замерзшими чернильницами. Учили нас женщины — все мужчины ушли на фронт. Я помню учительницу в положении — совершенно истощенную.

От голода кружилась голова: все время хотелось есть. Помню очереди большие, чтобы отоварить карточки на хлеб.

10-й класс нашей школы уходил на фронт вместе со своим вожаком — секретарем нашей комсомольской организации Виктором Максюковым, который перед этим вручил мне комсомольский билет и пожелал: «Ну, парень, оставайся здесь, руководи самодеятельностью. Берегите наших девушек». Потом до нас дошли известия, что они погибли: бомба попала в состав. Девушки приходили прощаться к их портретам. Это я запомнил на всю жизнь.

В одном из бараков был Дом культуры, в котором демонстрировались патриотические фильмы: «Она сражалась за Родину», позже «Два бойца». У меня в то время была большая радость: на каникулах устроился учеником киномеханика и смотрел все эти фильмы по нескольку раз. Я помню, на улице натягивали белые простыни и, сидя на земле, смотрели документальное кино — разгром немцев под Москвой. Показывали немцев, а мы, мальчишки, хватали камни и бросали в них — в экран. Такая ненависть была! Как все складывается в человеке... Потом уже, после войны, в том же Казахстане были организованы большие лагеря и туда привезли немцев, многие из которых являлись «вольнонахожденцами». Они там слесарили, что-то делали. Мама их даже кормила, и злобы уже не было.

В этом городе произошло и первое мое знакомство с театром: однажды к нам на гастроли приехал Казахский драматический театр, и мы, не понимая казахского языка, все равно с удовольствием смотрели.

Здесь мы увидели первых раненых, которых привезли для лечения. Мы создали тимуровские команды и помогали ухаживать за ранеными, помогали семьям фронтовиков. Это было все от души. Война — большой, очень тяжелый отрезок жизни, и конечно, День Победы, я никогда не забуду. Мы уже чувствовали, что война вот-вот закончится, но когда услышали по радио, это было что-то ошеломляющее: мы плакали, целовались, включали радио громко. На улицах звучала музыка. Была радость, радость... Слава Богу, так получилось, что мой отец, Иван Павлович, не был на фронте, но он все время рвался туда. Он был старый гвардейский офицер, штабс-капитан лейб-гвардии Семеновского полка, Георгиевский кавалер — прошел империалистическую войну, гнал немцев из Белоруссии, участвовал в наступлении Юго-Западного фронта в 1916 году — знаменитый Брусиловский прорыв. Был ранен, пуля у него застряла в почках.

2. Война, к сожалению, в моем творчестве не очень ярко выражена. В кино я сыграл генерала Смирнова — начальника Подольского училища в фильме режиссера Озерова «Битва за Москву». О подольских курсантах, которые погибли под Москвой. У режиссера Саакова играл вице-адмирала Кулакова в фильме «Море в огне», про героическую оборону Севастополя в 1941—1942 годах.

Конечно, в фильмах невозможно прочувствовать в полной мере то, что пережили фронтовики. Но я в качестве «вице-адмирала» ходил в поход на линкоре. Рвались снаряды. Снимали штурм Севастополя. Севастополь много перенес. Страшно сказать, сколько крови нашей пролито… Я с удовольствием сыграл в пьесе Дударева «В сумерках» Героя Советского Союза. Это хорошо написанная пьеса. Мы получали за этот спектакль очень много премий в Вологде, в Ярославле. Ее очень хорошо принимали. Что-то мы главное ухватили, раз по-настоящему может щипать сердце. Там из Дома ветеранов изгоняются пожилые ветераны, в том числе и мой Герой Советского Союза. В пьесе очень глубокие темы затрагиваются.

Хотелось быть летчиком, хотелось летать. Помню тридцатые годы — я, раскрыв рот, смотрел на ребят в гимнастерках с голубыми петлицами и в си-

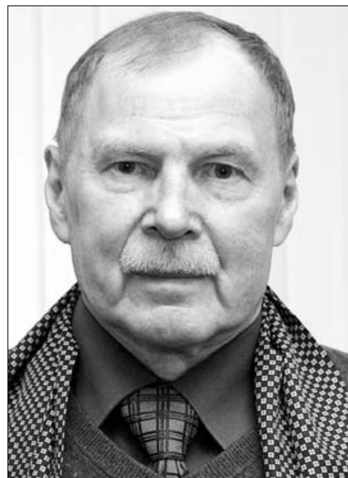
них пилотках. Чкалов, Бирюков, Леваневский — знаменитые их перелеты… Страна тогда была на подъеме, на крыльях. После окончания войны в 15 лет я поступил в 14-ю Одесскую авиашколу. Но летчиком не стал. Болезни. А потом разговаривал с ребятами, которые воевали в Корее, во Вьетнаме, и они говорили: «Мы тебя любим, у тебя хорошая профессия, мы гордимся тобой. У тебя свое призвание».

3. Для фронтовиков война — очень тяжелое, трудное время, но, как ни странно, счастливое. Они были счастливы. Они воевали, они погибали, они любили друг друга, были дружны — это чувствовалось. Была такая сплоченность, такой энтузиазм! Не дай Бог, что-то произойдет с нашими странами, будет ли такой патриотизм. Да, наверно, будет: страна — не страна, а Родина. А тогда было...

Теперь фронтовиков все меньше и меньше. Я помню, когда они собирались у Большого театра в Москве. Искали друг друга однополчане. А сейчас, по-моему, и искать некого, да и ходить тяжело, и жить тяжело физически. Я не знаю, что нужно отдать тем людям, которые принесли Победу и мирную жизнь. Очень много надо было бы отдать. А для них, я убежден, для них, как это ни странно, была счастливая жизнь, в которой они и теряли, и любили, и были сплоченными необыкновенно, и гордыми, что устояли. Какие изумительные песни тех лет! Не сравнить с той белибердой, что звучит сегодня. Да простит меня молодежь, но смысл в песнях должен быть какой-то.

Желаю фронтовикам, чтобы ноги у них двигались хорошо, чтобы давление было хорошее, чтобы сердечко билось, чтобы дни у них радостные в жизни были, чтобы внуки, правнуки хорошие росли и чтобы они понимали, кто их предки, и не забывали этого. И чтобы правительство уделяло им еще больше внимания — их уже не так и много осталось. Пускай поживут. Радости им и счастья. И с большой любовью к ним. Просто кланяюсь им.

Владимир Васильевич ГОСТЮХИН

В. В. Гостюхин

1. Мой отец, Василий Павлович Гостюхин — участник войны. Царствие небесное, его уже с нами нет. После тяжелого ранения стал инвалидом войны. В нашей семье в этой войне погибли четверо. Это братья отца. Как любая советская семья, и наша пережила боль потерь. Переживали все. Почти все семьи перенесли потери и страдания. Я — дитя Победы, потому что родители меня «запрограммировали», празднуя День Победы. Родился я в 1946 году. Все переплетается воедино в моей жизни: и ощущения послевоенные, и детство послевоенное. В моем детстве еще все напоминало о войне: много инвалидов на улицах города, трудности послевоенные. Но страна очень быстро восстанавливалась, где-то в течение десяти-двенадцати лет раны войны были залечены.

Отца тяжело ранили здесь, в Белоруссии, в 1941 году. Он ушел добровольцем на фронт на третий или четвертый день после объявления войны. Служил политруком в пехоте, ходил в разведку.

Послевоенная атмосфера, разговоры о войне — а я стал себя осознавать уже в пять-шесть лет — настолько в памяти. Было много разговоров на эту тему. Все осталось в детской памяти, а с возрастом только укреплялось во мне.

Это было трагическое, святое время. В детстве, в основном, мы, мальчишки, увлекались играми в войну: кто-то был фашистом, кто-то партизаном, кто-то красноармейцем, потом менялись ролями, чтобы никто не обижался. Когда стал постарше, увлекся чтением. Первые книги мои были о войне, особенно любил читать о военных моряках. Даже хотел стать одним из них. Большое впечатление на меня произвел двоюродный брат, моряк, приехавший к нам. Любил картины про войну. А вот отец о войне рассказывал редко, только когда на праздник выпивал немного, тогда из него изливался поток воспоминаний.

2. Естественно, что пройти в своем творчестве мимо темы войны я не мог. Поэтому и одной из первых картин и самых значительнейших работ стала картина «Восхождение» по повести Василя Быкова. Это очень значимое произведение, не только для меня, но и вообще для кинематографа. Картина имела большой успех, было очень много сильных рецензий на этот фильм режиссера Ларисы Шепитько. А мне она сделала актерскую биографию, потому что после выхода на экраны этого фильма, а картина получила массу наград: в Западном Берлине — Большой приз «Золотой медведь», главный приз на Всесоюзном кинофестивале в Риге, и много других — в Америке, в Белграде, мне посыпалось много разных предложений от режиссеров. Так что можно сказать, что моя творческая биография началась с этого фильма о войне. После выхода фильма встречался не раз с Василем Быковым, он мне даже подарил свое издание с подписью: «Гениальному Рыбаку от автора с благодарностью». На него очень сильное впечатление произвел фильм. Он всегда на своих выступлениях показывал финал картины.

Лариса Шепитько — один из тех режиссеров, которые воссоздают досконально атмосферу времени. Мы, весь актерский ансамбль, были погружены абсолютно в 1942 год. Вокруг нас создавалась такая атмосфера, что мы ощущали на себе это время. Я полностью вошел в роль полицая Рыбака, играя последнюю сцену: с яростью лез в петлю, и меня по-настоящему начало затягивать в омут самоубийства — за предательство, за Иудин грех… но петля порвалась, и я упал на колени в покаянии, забыв про камеру. Это неудачное самоубийство стало настоящим финалом. Главное в этой сцене — покаяние Рыбака на коленях. Иначе бы и картина не получилась.

И в следующей картине «Старшина», которую я очень люблю, мы с режиссером Николаем Кошелевым добивались достоверности времени. В фильме нет войны, только в самом начале военный эпизод, но атмосфера войны в тылу воссоздана точно. Чувствуется, что где-то там еще гремят взрывы, погибают люди. Я играл старшину Кацубу — человека войны, фронтовика, танкиста, отправленного после тяжелого ранения в военное училище обучать курсантов.

Среди новых моих работ тоже есть военные фильмы. Идут съемки сериала про московский уголовный розыск — «МУР есть МУР». Там показаны события 41-го года. Начало войны. Немец уже рядом, у Москвы, а в столице ситуация довольно сложная, драматическая складывается: уголовный мир зашевелился, предчувствуя приход фашистов в Москву, стремится создать панику. Вот таких диверсантов, продажных элементов, которые готовились к приходу гитлеровцев в Москву, и вычисляли сотрудники МУРа. Я играю оперативника, который погибает. Наше ОНТ снимает 13-серийный фильм — «Города-герои», и мы с актером Игорем Сиговым — ведущие этого сериала. Идет напряженная работа над сериалом: вот улетаю для съемок в Севастополь. Речь в фильме будет идти о городах-героях: Керчи, Новороссийске, Севастополе, Волгограде и Минске. Этот фильм посвящается 65-летию Победы.

3. Очень горько, что их остается все меньше и меньше. Это особые люди. Таких уже не будет, к сожалению. Это удивительное поколение какой-то неимо-

верной выносливости, по духу своему. Драматическое время войны выковало особый народ. И пока с нами еще есть ветераны, они не дают изменить взгляд на это время, исказить его. Хотя попыток очень много со всех сторон — и с Запада, и здесь, изнутри, со стороны новых коллаборационистов, которые готовы фальсифицировать то время, потому что победил в войне советский народ, победил Советский Союз. А многим слышать слова Советский Союз, советский народ — невыносимо, потому что они в девяностые все это предали. Они поэтому делают все, чтобы опорочить великую тему. Но пока живы участники войны, это им не удастся. Но, надеюсь, и новые поколения осознают величие этой Победы, осознают великий подвиг советского народа, наш общий подвиг — всей страны, всех республик, про который мы и сейчас снимаем на ОНТ фильм. Конечно, хотелось бы, чтобы как можно больше оставались с нами эти удивительные люди. Я просто не представляю, как можно было все выдержать, вынести на своих плечах эту войну. Мне кажется, что современные люди ничего подобного совершить уже не смогут, потому что нет такого духа, страны, ощущения себя как части чего-то огромного, великого. Ветераны пережили страшное время в девяностые годы, когда их всячески пытались унизить, извратить все, уничтожить память о войне. Многие люди ломались. Я как мог этому противостоял. И как меня в чем-то ни обвиняли — время было страшное, — я не изменил свои взгляды, а со многими мы просто стали по разные стороны баррикад. Даже с Быковым. Он предал своего Сотникова. Он перестал существовать для меня как личность, как писатель. И писать он стал плохо. Такие выдающиеся личности, как гениальный художник Михаил Андреевич Савицкий, уже покойный актер и общественный деятель Николай Николаевич Еременко, для меня были в то время светочами, с ними я в девяностые дружил и спасался. Оба они прошли все самые страшные, адовы муки в концентрационных лагерях и проявили огромную силу духа. Эти люди никогда, ни при каких обстоятельствах не изменили себе и не изменят. Таких, к сожалению, становится все меньше и меньше. Потому что современный взгляд на жизнь — либеральный — нивелирует все самые высокие понятия. Главное — пробить себе путь и нажить деньги, положение.

Важно, чтобы люди сохранили память о высоких достижениях своего народа. Это не только война, в нашей истории было много высочайших проявлений человеческого духа, и на это надо ориентироваться. Конечно, все мы грешим, но все же должны устремляться к чему-то высокому.

Михаил Яковлевич ФИНБЕРГ

М. Я. Финберг

1. Я родился уже после войны. Вспоминаю, как в послевоенное время было много инвалидов на самодельных протезах. Я помню, как уважали и любили армию. Мы не понимали в детстве, какая это была война, но понимали, что военные люди — особые, и, безусловно, всегда на них смотрели с почтением. Что касается моей семьи, то война затронула всех: кто был на войне, кто в эвакуации; мой отец и старший брат воевали и, повезло, вернулись. Двоих детей моя мама потеряла на фронте. Один мой брат умер от ран, полученных на войне. Все начинаешь осознавать только с возрастом. К военному прошлому надо относиться очень серьезно и на фоне этого воспитывать новое поколение, чтобы они понимали, что такое ужасы войны.

2. Я в очень раннем возрасте, в 15 лет, пошел сам в армию — был воспитанником военного оркестра. И тогда, может, ничего до конца не понимая, когда оркестр исполнял патриотическую музыку, которая рассказывала о победителях, о войне, ощущал «мурашки» на своем теле. Я очень уважаю ветеранов войны, очень благодарен им. В каждом нашем концерте звучат песни, посвященные ветеранам. У нас есть специальные, более десяти, программы, посвященные юбилейным военным датам. Одна программа просто удивительная — она сделана полностью на белорусском языке. Среди них также программы «От Москвы до Бреста», «В лесу прифронтовом».

3. Я могу пожелать им, чтобы они как можно подольше прожили и чтобы их никто не обижал, чтобы мы им говорили добрые слова, которые для них важнее всего.

А. А. Дударев

Алексей Ануфриевич ДУДАРЕВ

1. Я родом из детства, а родился уже после войны, в 1950 году, в небольшой деревне Клены Могилевской области. Прошло всего пять лет после войны. А это не срок. Она еще у нас громыхала. Моя родная Дубровщина, как и вся белорусская земля, дышала войной аж до 60-х годов прошлого столетия. Еще снаряды везде взрывались. Отец, Дударев Ануфрий Иосифович, гвардии старшина, был на войне и, слава Богу, вернулся живым. Мама, Анастасия Евхимовна, пережила оккупацию, беженство и другие ужасы войны вместе с двумя маленькими дочками — Диной, родившейся в 1937 году, и Надей, которой «посчастливилось» появиться на свет 20 июня 1941-го. Выжили мои родные, страшная статистика «каждый четвертый» (а может, и третий) их не зацепила. Когда я стал взрослым, то понял, что эта статистика добрала в какой-то другой белорусской семье, и там уже можно вести речь о каждом втором, а может, и первом.

Деревня наша находилась как раз на Днепровском рубеже. Там были самые жестокие бои и в 41-м, и в 44-м. Там наши при наступлении немцев отчаянно сражались, а потом и немцы при отступлении сильно сопротивлялись. В моем детстве как-то все было связано с войной. О войне говорили все: кто вернулся живым, кто не дождался своих — вспоминал их. Мы, дети, играли в войну в настоящих касках, и наших, и немецких, пробитых пулями или осколками. По всей деревне сохранились огромные ямы — воронки от взрывов бомб. Возле нашего дома было их аж две. Одну потом приспособили под силосную яму.

Вечерами мужчины собирались то в одном доме, то в другом и, иногда за чаркой, иногда только с самокруткой, вспоминали о войне, которая была еще близко, от которой земля была еще горячей. Рассказывали кто про партизан, кто про Сталинград, кто про концлагерь, кто про штрафбат. Для меня было счастьем, когда мужчины собирались в нашем доме. Лежал на печи (осенью и зимой это было мое пристанище) и слушал, слушал... Говорили о том, чего нельзя было услышать на торжественных собраниях, по радио, прочитать в книгах. Разве что потом, в произведениях Быкова, Астафьева, Бондарева... Много эпизодов рассказывали, которые невозможно было сочинить.

В юности мечтал стать офицером, неважно, какого рода войск, только бы носить погоны.

2. Когда спрашивают, откуда у меня такие знания о войне, всегда отвечаю — от отца, из прокуренных кленовских хат и из лучшей литературы о войне. Почему трудно писать об истории, которую ты сам не пережил, не присутствовал при этих событиях? Потому что ты должен это прочувствовать. А я войну прочувствовал. Какие-то вещи нестандартные рассказывали и об оккупантах. Бабка рассказывала, что они в одной хате были, а возле нее большой танк остановился: испортился. Немцы не могли его отремонтировать, а с востока взрывы раздаются — наши подходят. Немец злой вышел и давай людей выгонять из хаты. Думали, куда-нибудь погонят. А он завел нас в воронку из-под бомбы. У всех одни мысли: сейчас убьет, расстреляет. А он только пригрозил. Вдруг что-то как тряхнуло, оказалось, это они взорвали танк, чтоб не достался нашим.

Этот немец совершил человеческий поступок. Я помню об этом немце и молюсь за него. Потому что не все карателями были. Наверно, многие были тоже жертвами... Вот в «Рядовых», когда пьесу впервые в 1984 году ставили, ко мне подошел фронтовик и спросил: «Слушай, ты же пацан, откуда ты знаешь, что мы по очереди «наркомовскую» пили?» Я говорю: «Так батька же рассказывал». Он рассказывал, что им выдавали «по сто грамм», а для мужика сто граммов — не так много. Так они договорились между собой, что в один день один пьет двести граммов, а второй только закусывает, а потом наоборот. Или про такие случаи рассказывали бывалые фронтовики: молодые, еще необстрелянные солдаты, когда немцы начинали стрелять, ползли со всех сторон к тому, кто постарше. Отгоняли их, потому что вражеские пулеметчики по одиночкам редко стреляли, а когда группа собиралась, быстро расстреливали.

Я никогда не буду оспаривать утверждение, что лучшая литература, которая была о войне, это Быков, Астафьев, Бондарев, все писатели-фронтовики... Я эту литературу всю впитал. Я, может, не свою песню пел. Но, мне кажется, чтобы хорошо спеть чужую, ее надо прочувствовать. «Не покидай меня» — это я оттолкнулся от произведения писателя Бориса Васильева «А зори здесь тихие». Только у меня девчонки, фактически школьницы, на войне — Зои Космодемьянские. Им не удалось стать матерями, только одна выжила, беременная. Для них это игра, а не война — жестокая, бесчеловечная, циничная, страшная.

Когда в моих произведениях герой умирает, я умираю вместе с ним, он плачет, и я плачу вместе с ним. Это каким-то образом потом кодируется и в произведении, а потом переходит и на людей, зрителей. В пьесе «Не покидай меня» одна героиня — разбитная девчонка, которая говорит только о парнях, об «этом», кажется, что на ней клейма негде ставить, а потом, когда командир ей говорит, что мы можем погибнуть, она произносит: «Жалко». Он: «Конечно, жалко, и мне не хочется», а она ему: «Я не об этом, рано или поздно придется умереть, но я еще не целовалась ни с кем». Я когда это написал, у меня на рукопись посыпались слезы. Мне ее так жалко стало, как свою пятнадцатилетнюю дочь. Героиня у меня немногим старше ее. Исправить я, конечно, мог — оставить ее в живых, но это была бы натяжка, неправда, логика характера диктует судьбу. И автор тут ничего не может сделать. А если нарушит, произведение развалится.

3. Ветеранам войны желаю крепкого здоровья, долгих лет жизни, и самое главное, чтобы они на нашей земле были последними ветеранами войны. А всем остальным взрослым людям — христианам и другим верующим в Господа Бога — хочу пожелать, чтобы эти события были только на подмостках сцены, на картинах, в кино, но никогда — в реальной жизни. Но то, что пережила наша земля, нам вспоминать, писать, опевать и оплакивать придется еще долгие столетия.

Фото Елены Занкевич и из архива редакции

АЛЕСЬ САВИЦКИЙ

Зеленое поле

Рассказ

Где-то за лесом, в фиолетовой дымке майских сумерек, глухо погромыхивала война. Канонада была глухая — фронт проходил еще за Оршей, — далекая, но здесь, в бору, под высокими деревьями, что окружали партизанский лагерь, — явная и сильная. Эхо взрывов плыло в пахучей вечерней тишине; воздух вздрагивал, и от этих порывов пламя костра трепетало, багряные языки пламени метались, будто не только под слабыми дуновениями ветра, но и от толчков, шедших из-под земли.

— Что-то расходилось там, — сказал Антон Стрижак, командир подрывной группы. Он положил на колени мандолину, на которой только что тихо бренчал, и прислушался к далекому громыханию. — Если так пойдет, через два дня фронт здесь будет. Как думаешь, Рыгор?

Рыгор Данков ничего не ответил своему командиру. Он сидел у костра напротив Антона, и его серо-голубые глаза, освещенные отблесками костра, выдавали его трудные размышления.

— Слышишь, Рыгор? Фронт!

— Наши идут, — отозвался Данков. — Наши!..

— Они идут, а ты сидишь. Чего ты сидишь, скажи? О-оох, дают жару фрицам!..

Гул взрывов катился густо, взрывы словно догоняли друг друга; казалось, что далеко за лесом кто-то молотит в огромный бубен и тот выбрасывает из своего чрева похожее, как близнецы: «ух-ух-ух... гух-гух-гух...» Потом ритмичное громыхание рассек могучий тяжелый грохот и словно прижал, придавил «уханье», оно замерло, будто затаилось, но через несколько мгновений снова возобновилось, зазвучало еще чаще, будто тот невидимый барабанщик, сделав короткую передышку, перехватил колотушки и опять немилосердно замолотил в бубен.

— Так чего ты сидишь? А?

— Отцепись, — тихо попросил Данков, и на его лице, худощавом, с густыми косматыми бровями, сросшимися над крупным горбатым носом, словно бы сгустилась тень прежней заботы. — Душа у меня, знаешь, болит...

— С чего это она? Стрельбы боится?

— Тебе все шуточки... А что есть будем, когда отгремит?

— Хлеб. Сало. Яичницу пожарим! Только бы отгремело поскорей!

— А где ты хлеба возьмешь, если земелька вся в окружении лежит. Горюет земелька... А березки вон как опушились...

В Рыгоровой душе, душе бывшего колхозного бригадира, жили извечные крестьянские заботы. Война не вытравила их, и они, эти заботы, беспокоили его, особенно по весне, когда начинала просыпаться земля. Антон был почти вдвое младше этого старого партизана и уважал его не столько за мужество, которое тот не раз проявлял на заданиях, очень часто рискованных и опасных, сколько за это отношение к земле.

Прежде в Вуглы можно было проехать более-менее спокойно. Но теперь там немцы строят оборонительный пояс, да и сам отряд зажат в глухой уголок Полоцкого бора, откуда еще неизвестно как выбраться. Нашел Данков о чем думать!

— Ха-ха-ха! — весело расхохотался Антон. — О чем думать! Голова уцелеет — что-то скумекаем. Дойчлянд тряхнем как следует. Дай только до их логова добраться... Свечку я им там запалю! На весь Дойчлянд видно будет. Все услышат!..

— О-ох, думаешь, рай там у них? Они сами последний хрен без соли доедают... Да и у кого брать? У тех же селян?

— Зачем у селян? У фюрера!

— Трасца жиденькая у того фюрера есть, а не хлеб!

— Тогда одно остается, Рыгор, — с серьезным видом сказал Антон, и трудно было понять, шутит он или говорит серьезно. — Дуй в свои Вуглы, гони фрица и сей хлеб.

— А что?.. Ночи теперь светлые, можно и посеять.

— Ночью?

— Да, ночью, — задумчиво начал Данков, но увидев сузившиеся от смеха черные монгольские глаза Антона, небрежно махнул рукой: — Да тебе, городскому, не понять... Нам сеять, как тебе песни петь.

— А мне песня — она всегда песня.

Антон рассматривал медиатор, криво вырезанный из трофейной немецкой мыльницы, и улыбался. На лице его трепетали отблески огня.

— Потому, наверно, и нет у меня охоты задираться с тобой, — задумчиво признался Рыгор. — Песни у тебя идут здорово. Поиграй еще...

— А что вам сыграть, дорогой товарищ Данков?

— А вот это... Которую пел... Поле это...

— Можно... Можно и поле...

Антоновы пальцы, толстые и с виду неуклюжие, равнодушно легли на гриф мандолины. Но равнодушие это было напускным, ненастоящим: толстый, поцарапанный на краях медиатор тронул струны легко, почти незаметно, и они тотчас отозвались тонким певучим звоном. Звон этот поднялся над костром до крон деревьев и затих, будто растаял в вечерней выси, там, где четко обрисовывались на фиолетово-синем небе тонкие ветки берез.

Вершины раскачивал ветер, просветы между ними то уменьшались, то увеличивались, и звезды в них резко мигали.

Казалось даже, что это вовсе не звезды, а звон струн рассыпался в той выси, приобрел такие реальные формы и теперь сверкает, отплывая в неведомую даль.

Зеленое поле...
Зеленое поле!
Зеленое поле,
Чего ж ты шумишь?

Антон сидел, прислонившись спиной к березе, — береза была высокая, стройная, но по ширине лишь в половину его плеча, — глядел на дрожащие языки огня и будто вовсе не пел, а говорил кому-то о том, что видели его глаза. А видели они — широкое зеленое поле, залитое солнцем, наполненное радостным весенним шумом.

Он воображал себе это поле так явно, будто оно и правда оказалось перед его глазами, и потому плыли, грезились, волновали бесконечные воспоминания.

Антон пел о том, что было в душе, и лес уступал дорогу его мыслям, и впереди была даль, и он видел в этой дали дрожащий в дымной пелене зареченский простор и пел об этом просторе, и ему было легко, необычайно легко, и глаза туманились, горло сжимали спазмы.

Никто не знал, и, между прочим, никто не спросил Антона, почему здесь, в лесу, он всегда поет эту песню, никому не известную песню о поле. Но если бы кто и спросил, ответа все равно не было: просто эта песня жила в сердце Антона. А может, это была вовсе не песня, а воспоминание, воспоминание о счастливой поре, когда не было войны и он, студент университета, приезжал после экзаменов домой, в свой город на Двине, где он родился и вырос.

В том маленьком городке была у него любимая девушка, и было любимое место встреч и разговоров — высокий пригорок над рекой. На пригорке, почти на самом его краю, росли низкие, искривленные ветрами березки, внизу, под красным глинистым обрывом, зеленой гривой стояли черемуховые заросли; еще ниже, у воды, блестела неровная полоса крупной гальки, вдоль которой в реке ощетинилась рыже-зеленая островерхая осока.

За рекой, от воды и до гривки редкого березнячка и лозняка, лежал чистый и ровный луг. А за лозняками, до островерхого леса, темной пилой стоявшего на горизонте, разбежались поля — широкие, дымные, весной черным-черные, а летом, когда выспевали хлеба, золотисто-желтые, переливающиеся. Городской шум не долетал на пригорок, и очень приятно было стоять там, смотреть на сверкающую гладь реки, дышать пьянящим ветром, что постоянно дул из зареченского простора, и чувствовать свою силу и власть над всем, что видели глаза...

Песня Антона будила в душе Данкова что-то давнее, очень милое сердцу, приветное и доброе, лицо его светлело, а глаза становились по-мальчишески мечтательными.

— Смельчаки наши вернулись, — тихо сказал Данков, заметив, фигуры разведчиков, мелькнувших за деревьями. — Что-то очень быстро они сегодня...

Антон тоже глядел на разведчиков, которые быстро шагали к штабной землянке. Он любил этих людей и относился к ним с большим уважением, потому что самые нужные люди в отряде — разведчики и подрывники.

Порой Антон производил некоторую перестановку в этом утверждении и говорил: подрывники и разведчики. Но, поставив их на второй план, он никогда бы не согласился признать исключительное превосходство своей группы над взводом разведки — сам по натуре человек рисковый, он уважал отважных людей.

Однако теперь, уловив в словах Данкова восхищение смелостью разведчиков, Антон как бы обиделся: настоящими смельчаками он считал все же только своих подрывников.

— А чего волынить? — с деланым удивлением спросил Антон. — Поглядели — и домой. Копает фриц окопы в твоих Вуглах.

Данков или не заметил припрятанной иронии, или она прозвучала в Антоновых словах не слишком выразительно; он не рассердился, а со спокойной и твердой убежденностью подчеркнул:

— Недолго ему осталось копать... Недолго. Слышишь, как гремит? Вот что важно...

— Фронт, он гремит. А вот мы что-то слабо гремим...

— А большак позавчера? Добрую сотню накосили там!

— И теперь второй день песни поем. А на мое понимание — ахнуть по этим Вуглам. И — капут!

Данков вздохнул.

— Ты, Антон, хороший подрывник. Смелый. Это все знают. Но... Подожди, кого там штаб вызывает?

— Ну, ну... Говори дальше!

— Не слышишь? Командирам взводов и групп — в штаб.

— Увильнуть хочешь? Ну, ничего, я скоро вернусь, и мы еще поговорим...

Антон шел к штабной землянке в хорошем настроении: предчувствовал перемены в их лесной жизни. А что, может и в самом деле пришел приказ двинуть на эти Вуглы, что закрыли для них дорогу из лесу? Можно и так... А если одним тяжело — соседнюю бригаду позвать да навалиться всем вместе и ударить... Пыль пойдет от тех оборонительных поясов. И фронту будет облегчение...

Совещание в штабной землянке было очень коротким, и услышал на нем Антон совсем не то, что хотелось ему услышать.

Он вернулся к костру хмурый и недовольный. Сев на прежнее место, взял в руки мандолину, ждавшую его у березки, но играть не стал, а лишь вытащил из-под струн медиатор, осмотрел его со всех сторон и спрятал в карман.

— Что, новое задание? — осторожно спросил Данков.

Антон неопределенно хмыкнул, резко взмахнул рукой.

— Слезы, а не задание. И что бригадному начальству в голову стукнуло, скажи ты мне! Фронт под боком, надо фрицев колошматить, а они — землю колупать!

— Какую землю?

— Известно какую. Твою! Сеять ночью отряд пойдет.

— Что сеять?

— Пули, — насмешливо ответил Антон.

— Ты серьезно скажи. Или, может, это тайна?

— Какая там тайна. Комбриг приказал отрядам хлеба сеять. Все зерно, какое есть...

Лицо Данкова посветлело, словно Антоновы слова были необычайно приятной вестью, которую он, Данков, ждал давно, так давно, что даже потерял надежду ее услышать, и вот она пришла, эта весть, обрадовала и взволновала. В сердце Данкова тотчас возникла уверенность в правильности того, что им предстоит совершить.

— А что, вот это сердце мое и чувствовало...

— Ничего оно не чувствовало, твое сердце. Просто там, — Антон ткнул пальцем вверх, потом приставил к виску и повертел им, будто сверлом, — вот здесь у них, наверно...

— А я бы так не сказал. Разумный приказ!

— Мы — солдаты, и вот какое зерно нам надо бросать, — Антон постучал рукой по автоматным патронам, висевшим на ремне в брезентовом чехле.

— А что от них полю? Оно семя требует. И поле, братец, не попросишь подождать. Согрелась земля — сей. Это как рожать...

— Ха! Наверно, часто ты таким делом занимался, если все знаешь, — съязвил Антон.

— Э-и-эх, Антон, Антон... А такую песню о поле поешь... Это же смерть хлеборобу, если оно пустует, если землю не обработать...

Данков произнес это так проникновенно, что у Антона пропало желание посмеиваться; он что-то хмыкнул себе под нос, отнес мандолину в землянку и приказал подрывникам готовиться к ночному маршу.

Пасмурное настроение еще жило в душе Антона, но теперь, когда он увидел, как быстро собрались в дорогу люди его группы, когда ходил по лагерю и наблюдал, как ловко хлопотали около коней партизаны, упаковывая на седла мешки с зерном, почувствовал, что настроение у него изменилось. Теперь в его душе зрела тревога, всегда приходившая перед дальней дорогой.

Поздно вечером отряд двинулся из лесу, держа направление на деревню Концевая, до которой было километров семь.

Антон хорошо знал эти места. Нынче от этого большого и красивого селения осталось только пять хат, уцелевших во время блокады. Они стояли в ложбине над Двиной. За ложбиной начинались густые черемуховые заросли, и каратели, возможно, опасаясь близко подходить к ним, подожгли деревню от дороги, и хаты в ложбине уцелели. За рекой шла довольно крупная магистраль — широкая, хорошо выезженная гравийка, на которой под сильной охраной и днем, и ночью не прекращалось движение.

И то, что он увидит деревню, где группа вела когда-то свой первый бой с карателями, и то, что придется работать под самым носом у врага, примирило Антона не только с будущим заданием, но и с наивной любовью Данкова к земле, с тем радостным его возбуждением, над которым Антон постоянно посмеивался, хотя, возможно, и не совсем справедливо.

Шли сперва лесом, затем по узкой насыпи через молодую, высокую и стройную лесную поросль.

Насыпь скоро закончилась, дорога выбралась в поле, затем нырнула в низину к небольшой, не очень глубокой, но с крутыми берегами речушке. Под узкими кладками позванивала вода. На извилистой стежке, что вела на крутой берег, по колонне была передана команда: прекратить разговоры, взводам и группам набрать боевую дистанцию.

Антон одобрил этот приказ — в случае чего можно сразу принять бой, — он хорошо знал каждую извилину дороги за речушкой. Во время блокады деревни здесь были сожжены, а леса и даже кустарник вырублены. Фашисты часто делали в тех местах мощные засады — караулили партизанские группы, шедшие на задания к гравийке и железной дороге. Засады, хорошо вооруженные, устраивали обычно ночами: их тяжело было выследить, еще труднее уничтожить, поскольку густой пулеметный огонь был страшен не только своей неожиданностью, но и силой.

Однажды Антон со своей группой нарвался на такую засаду, и спасла их случайность: отблеск падающей звезды вспыхнул на вороненой стали вражеского пулемета, и Антон, заметив его, успел дать команду.

Это припомнилось сразу, как только они вышли с тропинки на берег ручья: Антон держал в правой руке автомат и шагал по-звериному легко, готовый в любое мгновение броситься на землю и, еще не успев распластаться, на лету прорезать ночь смертельной полосой огня.

Но вокруг было спокойно. Партизаны шли так осторожно, что даже шаги глохли, и казалось, не люди, а привидения двигаются по дороге; все вокруг

было как бы и не живое, и только храп коней и редкое тивканье металла по камням под копытами нарушали тревожную, настороженную тишину. И тишина эта все больше и больше беспокоила Антона. В душе его росло уважение к заданию, и когда впереди обрисовались из темноты очертания хат Концевой, он еще больше насторожился, чутко прислушиваясь ко всему, внимательно вглядываясь в нагромождения вырубленного кустарника.

Однако отряд спокойно и без помех дошел до деревни. Первая разведка, что пошла туда на час раньше, встретила их на подходе к селению.

Деревня была темна, без единой искры огня, но чувствовалось, что люди там не спят: какие-то тени передвигались у хат, порой долетала тихая речь, и снова все замирало, и была только ночь, низкое мглистое небо да полоса дороги, немного более светлая, чем все вокруг.

Антонову группу послали в засаду на берег Двины. Пикеты — по два человека в каждом — разместились по обе стороны Концевой, а также сзади, на дороге, по которой они шли сюда. Вокруг было по-прежнему тихо, и Антон, как ни вслушивался, не мог уловить ни звука за своей спиной, со стороны поля.

В полночь ветер разогнал мглу, прояснилось, выглянула луна, близкая к полной, и все вокруг посветлело, словно сразу и вдруг обновилось.

Из-за реки явственно доносился гул машин; колонны двигались с затемненными фарами, но по узким полосам лучей было видно направление их движения, видно было даже, как колышутся эти лучи, когда колеса попадают в выбоины на дороге. Антон хорошо знал, что напротив их пикета дорога поворачивает вправо, к объезду моста, который группа взорвала еще ранней весной. Почему же теперь полосы света не поворачивают, а ползут ровно вдоль берега?

— Успели отремонтировать... Видишь? — тихо спросил Антон своего соседа, молчаливого Тишку Ладуту. — Быстро...

— А куда денешься, если фронт стучит в с...

— Жаль, тола с собой не прихватили. Ахнуть да огоньку подкинуть. В тот раз, холера, сырой был, не горел.

— Сегодня все равно смальнуть не дадут. Попробуй смальни. Тогда тут не усидишь.

— А ты уже испугался!

— Почему испугался?.. Посевная... Это важней, чем мост...

Что-то одинаковое было в этих словах Тишки с тем, что говорил в лесу Данков, и это одинаковое — почтительное уважение к тому, чем занялся отряд в поле, — не обидело Антона, а заставило с доброй усмешкой вспомнить старого партизана из Вуглов. Сеет сейчас, дорвался до своего!..

Антон лежал молча, чутко прислушиваясь к звукам ночи. Их оказалось много, и было у них словно бы два оттенка: враждебный, тревожный гул моторов, вынуждавший настороженно всматриваться и вслушиваться, и сонный плеск воды на приречных камнях, шорохи гибкого ивняка и прошлогодней осоки.

— Кто-то идет...

— Што? А? — всполошился Тишка; он такой, может, и вздремнул.

— Слева от деревни... Идут!

— Теперь вижу. Наши, наверно...

— Наверно, закончили работу.

— Нет, там до утра хватит. Такое поле засеять — поработать надо...

Антон подал условленный сигнал и затаился, и лишь услышав ответ, поднялся навстречу. Это шли партизаны второго взвода.

— Тихо у вас? — спросил один из них.

— Пока тихо.

— Мы на подмену к вам. Люди устали от работы. А у вас тут отлежка...

— Курорт, — сказал Тишка.

— Вот мы и полежим после работки!

— Работнички, — с иронией протянул Антон. — Поле до сих пор не засеяли!

— Земля пересохла. Коням тяжело. На перемену все время.

Сказано это было без обиды, со спокойствием человека, который хорошо поработал и знает, чего его труд стоит. А в душе Антона возникло новое желание: ему захотелось оказаться в поле, испытать этой новой работы, к которой он так равнодушно отнесся там, в лесу, у костра.

Антон к новому заданию отнесся серьезно, это был приказ, который нужно выполнять без колебаний и не раздумывая, но в душе хотелось вырваться за реку, поднять толом тот мостик да жахнуть из автомата по машинам. Вместе с тем то новое, что ждало его впереди, в поле, где работали Данков и десятки других партизан, тоже волновало его.

Понемногу гул машин отдалился, затем и вовсе исчез за лозняками; хатки деревни тоже спрятались, расплылись, их очертания были едва заметны в ночной тьме, а все то, что было в стороне реки, словно свалилось за черную стену ночи.

Впереди лежало поле. Но поле не молчаливое, загадочное или мрачное, а живой простор, наполненный тихими звуками и движением: храпели кони, там и тут возникал и тут же затихал говор людей, приглушенно цвенькали лемехи — плуг натыкался на камень.

— Привет сеятелям! — шутливо воскликнул Антон, увидев у дороги фигуру человека, и тут же узнал Данкова. — А-а, вот кто срывает план посевной!..

— Антон?.. Давай, братец, давай, хватит отлеживаться у речки. Помоги. Тяжело одному насыпать. Неудобно...

Антон и Ладута подскочили к нему; втроем они, нисколько не напрягаясь, подняли мех с зерном. Бледный свет падал сверху на старое лукошко-севеньку, желтое зерно с тихим шорохом текло из меха, посвечивая темно-золотистой россыпью; взвилась пыль, словно дымок, и от нее щекотало в носу.

Там, у реки, на берега наплывал только один запах — чистой речной свежести, а здесь, в поле, их было много. Антон чувствовал и кислый запах пота от спины Данкова, и влажный запах свежевспаханной земли, и хлебный, смешанный с молодой плесенью, что поднимался над севенькой; этот запах возник вместе с зерном из меха и сразу исчез, испарился.

Легко и неслышно вынырнула из тьмы фигура Максима Клевко, начальника штаба отряда.

— Чего медлите? — строгим шепотом спросил он. — Какая полоса у тебя, Данков?

— Шестая. Сейчас погоним седьмую. Насыпали вот зерно...

— Ты у меня молодец, Данков. Хоть на Доску почета тебя, — голос начштаба немного смягчился. — А кто с тобой? А-аа, Стрижак явился. Как там, у реки?

— Порядок, товарищ начштаба.

— А здесь неуправка. Ладута пойдет к пахарям. Со мной. А Стрижаку — бороновать. Данков, помоги ему! — приказал начштаба, и Антон двинул вслед за Данковым, который споро шагал по глубокой борозде, начинавшейся от самой дороги.

Мех был не очень тяжелый, но весь залатанный, и все заплатки, пришитые толстыми узловатыми нитками, кололи, натирали шею; Антон, укладывая мешок, подбрасывал его, но он упрямо сползал с плеча, и все тянулась и тянулась из темноты — казалось, ей никогда не будет конца — борозда.

В конце концов она закончилась, закончилась неожиданно, словно отсеченная широкой межой; межа будто выкатилась из ночи и легка под ноги Антону широкой темной полосой. Груды камней, собранные сюда, наверно, со всего поля, загадочно белели в сумерках; за лозняками, что островком торчали на меже, фыркал конь, раздвигал мордой кустарник, видно, искал траву.

— Пришли, — сказал Данков. — Клади сюда...

Антон свалил мех на землю, с облегчением вздохнул.

— Зачем бросаешь? — упрекнул Данков. — Осторожнее надо...

— А что ему, больно?

— Не больно, конечно, но и бросать не надо. Это же хлеб!

И столько было укоризны в голосе Данкова, что Антон, собиравшийся пошутить над его чудачеством, сдержался, поняв, что можно обидеть старого партизана, обидеть сильно и больно; Антон промолчал, ничего не сказал, а только еще раз с облегчением вздохнул — искренне, без притворства: мешок сильно натер шею, и он был доволен, что избавился от него.

Данков показал Антону, как нужно гнать борозды, поправил севеньку на шее и, что-то пробормотав себе под нос, пошагал в глубь поля. И тогда смущение, которое почувствовал Антон, когда Данков упрекнул его, уступило место уважению к этому молчаливому человеку, который с такой любовью относился к зерну и полю даже чужих деревень. Данков был хлеборобом, ночная работа в поле принесла ему забытую радость, удовлетворение, отбросив все связанное с войной и сохранив в душе только то, что было главной сущностью этого человека — любовь к работе на земле.

Антон понял это неожиданно и так же неожиданно вспомнил то, что говорил ему Данков в лесу у костра, а вспомнив, почувствовал в тех словах настоящую горечь человека, который хочет и не может делать то, ради чего живет на этой земле; и тогда что-то сдвинулось в его душе, и он бросился вслед за Данковым, тронул его за плечо.

— Слышь, Данков! Может, дашь и мне сыпнуть горсть?

— Попробовать хочешь? — с улыбкой произнес Данков, и в голосе его не было насмешки.

— Ну... Никогда еще этим не занимался.

— Бери севеньку... Нет, лучше я ее понесу, а ты бери и бросай понемногу. Гляди. Вот так... Понял?

— Понял.

— Тогда пошли. Видишь черное пятно? Это знак мой, чтоб ровно идти. На него и веди...

Они шли по свежей пашне, и Антон горсть за горстью брал из севеньки зерно, широкими взмахами руки рассыпал его перед собой; зерно сухо шелестело и падало в ночь, сверкнув в дрожащем свете звезд, — сверкнет, прошелестит и неслышно рассыплется по пашне.

— Ровнее, ровнее, — тихо подсказывал Данков. — А то люди потом скажут: посеяли тут, будто вороны ковырялись...

— Разве я не ровно иду?

— Вон знак стоит! На него и старайся.

— Стараюсь, бригадир, стараюсь...

Антон и в самом деле старался идти ровно, как наказывал Данков, но ориентироваться в потемках так, чтобы зерно сеялось ровно, было тяжело; он скоро устал и со смехом сказал:

— Ну, бригадир, мне на блины уже хватит, пускай только вырастет. Пойду теперь бороновать...

Отдохнувший конь сразу же рванул и пошел быстро, едва Антон тронул вожжи; легкая борона — древняя, деревянная, непонятно как и где сохранившаяся, постоянно прыгала, съезжала в сторону, и Антон в конце концов понял, что ее надо чем-то прижать.

Подогнав коня к меже, он выбрал из груды камней самый большой, и конь, словно одобряя сообразительность хозяина, мотнул головой и тихо заржал.

По-прежнему мешал только автомат: как только Антон наклонялся, он сваливался, ремень натирал шею, чесавшуюся еще от мешка с зерном, а рожок с патронами стучал по колену — каждый раз почему-то по левому, в одно и то же место.

В конце загона Антон повернул коня; очень хотелось закурить, и он сел на обмежек, нащупал в кармане пачку трофейных сигарет, но тут же вспомнил, что курить в поле запрещено.

Необычайно остро, так, что першило в горле, пахло свежевспаханной землей и тем едким запахом, что шел от рубахи Данкова там, у дороги, когда они насыпали зерно в севеньку. Антон — ему показалось, что Данков сидит где-то поблизости, — обернулся, но никого не увидел, а едкий запах ударил в нос еще сильнее: запах шел от его собственной рубахи.

Несколько минут Антон сидел, не меняя положения тела, удивленный и впечатленный не столько этим открытием, сколько тем, что увиделось ему в темном пространстве ночи. В неверном свете луны, разлившемся по земле, трава на обмежках за лозняками казалась зеленой, блестящей, дымной, и Антону на мгновение представилось, что там, за лозами, где он недавно сеял зерно, не черная вспаханная земля, а дрожит в светло-сиреневой дымке знакомая даль зеленого зареченского поля, того поля, о котором он пел в лесу у костра.

1963 г.

Перевод с белорусского Олега Ждана.

МИКОЛА ЧЕРНЯВСКИЙ

* * *

Памяти Валентина Дончика

Все чаще их
Меж нас война находит —
Запомнила в лицо
Еще мальцами…
Помалу
Сыновья полков уходят
За братьями своими
И отцами.

За теми,
С кем в свинцовой круговерти
Одной стране
На верность присягали,
Одной для всех
В глаза глядели смерти,
Одной звездой
Надежды согревали.

За теми,
С кем сквозь огненные мили
С одной шагали жаждой —
Мести, боя,
Один сухарь
На целый взвод делили,
Просоленный
И потом, и золою.

С кем по пути
На Запад размотали
Клубок дорог,
Как аммонал, гремучий,
С кем из одной баклаги
Утоляли
И боль потерь,
И мести пламень жгучий.

С кем грусть и радость
Поровну
Делили,
Победы и утраты
Чередуя.

И дружбу среди всех
Одну ценили —
Ту самую,
Солдатскую,
Святую…

Все чаще их
Меж нас война находит —
Запомнила в лицо
Еще мальцами…
Помалу
Сыновья полков уходят
За братьями своими
И отцами:

В песчаный дол,
В траву,
Подзол,
Суглинки,
Под алые цветы и серый гравий,
Чтоб нас потом
Из вечности окликнуть
Со старых,
Пожелтевших фотографий.

Глядят на нас со снимков полустертых
Герои,
Сыновья полков,
Подростки
В солдатских запыленных гимнастерках,
Пилотках
И шинелях не по росту.

Им, закаленным
Порохом и сталью,
С боями
Прошагавшим полпланеты,
Гвардейские полки
Отцами стали,
А матерью —
Одна на всех —
Победа.

* * *

Развесили свечки каштаны
Под сенью — прохладный покой.
Иль поздно идешь ты,
Иль рано, —
Минутку под ними постой.

Под ветви
Заходишь с поклоном,
Молитвой тут —
Шепот листвы:
«Ты видишь в узорах зеленых
Мерцание свечек живых?
В унылый покой на погосте
Спешить вам, друзья, не пора.
Ступайте,
Как добрые гости,
В мой тихий,
Задумчивый храм…»

Под белым венчальным каштаном
Стою, опасаясь дохнуть:
Движением,
                    вздохом нежданным
Мне б свечку его
Не задуть!

Мне б чуду его удивляться
И до конца своего
Мне б этой красой обновляться,
Мне б слушать
Молитву его:
«Ты полон красы, ты немеешь?
От Бога и жизнь, и краса.
Коль свечку держать не умеешь —
Я сам подержу ее, сам…»

Развесили свечки каштаны…

* * *

Когда бы в детство я вернуться мог,
Что в росах пятками босыми отмелькало,
Зарницей утренней сверкнуло — и пропало,
Поспать бы пастушком
Я лег под стог.
                    Бывают ли на свете слаще сны?

Когда бы в детство я вернуться мог,
За колосками убежал бы в жито,
Натер бы зерен в шапку, будто в сито,
Смакуя их,
Как праздничный пирог.
                    Кто скажет, что колосья не еда?

Когда бы в детство я вернуться мог,
Полез бы в сад, но сад не свой, соседа,

За что б ремня отцовского отведал
Или «крапивных щей» —
По икрам ног.
Что ж на чужое тянет нас, хоть режь?

Когда бы в детство я вернуться мог,
Увидел маму бы,
Что, намотавшись за день,
Хлеб, только-только из печи,
На лавку садит,
До срока нас, детей, повыгнав
За порог.
Как вышло, что теперь не ценим хлеб?

Когда бы в детство я вернуться мог,
Что сделал бы?
Что в душу мне запало?..
Прожить все вновь —
Уже и жизни мало.
Спасибо памяти,
Что это в ней сберег,
И сердцу,
Что тепла не растеряло.

* * *

Как яблоко, солнце скатилось
За темный,
Притихший лесок.
И вечера сонная стылость
Из рос подает голосок.

Затих птичий хор, сжались тени,
В подлесок густой схоронясь,
Чтоб снова дождаться рожденья
Рассвета и нового дня.
Чтоб снова наполнился светом
Веселого утра почин…
Сова загугукала где-то
Единственной песней в ночи.

Хоть жуть эта песня наводит,
Но все же
Спасибо сове:
С ней таинства больше в природе,
С ней лес полуночный живей!

Мост

Перила выгнув калачом
Под взглядом месяца-вельможи,
О чем он думает, о чем,
Что в этот час его тревожит?

Туман, густой, как молоко,
Прогнав за пасмурные версты,
Речушки серебристый ковш
Он подает проворно звездам.

И те смеются ветру в лад,
Толпятся на мосту ночами,
Танцуют — доски аж гудят,
Перила скрипом отвечают.

Глядятся в воду под собой,
От удивленья рты разинув.
А солнце встанет — враз гурьбой
В речных скрываются глубинах.

Вдогонку мост им прогремит:
«Кто задержался, не проехал?»
И отзовется меж ракит
Зари разбуженное эхо.

Под скрип возов, под чаек крик
Навстречу дню он прогрохочет:
Жить в напряжении привык
И расслаблять спины не хочет.

Перевод с белорусского
Андрея Тявловского.

ЮРИЙ БОНДАРЕВ

Трое

Рассказ

Сон не приходил. Он сел на край постели, сжал зубы и опустил лицо в руки, закрыв глаза.

Когда это было? И было ли это? Неужели это он в счастливом и отчаянном замирании кружил по вечерам вокруг ее дома в Замоскворецком переулке, видел сквозь листву лип свет в окне за тюлевой занавеской, мягкое тепло сиреневого абажура и изредка ее тень, очертания ее головы, шеи? Она была не одна. Она разговаривала с кем-то, откидывала голову и смеялась, — он представлял, как нежно сверкали ее зубы, искрились глаза. Он догадывался, кто был у нее. Тот, в комнате, носил нежное имя Евгений и был знаменит — чемпион по шахматам в школе. А он не терпел шахмат, ходил по пятницам в морской клуб, начитавшись книг о путешествиях, о фоках, гротах, брам-стеньгах, бейдевиндах и фордевиндах, носил морскую пряжку, купленную на толкучке, расширил брюки до размера «клеш» и пытался двигаться, покачивая плечами. Евгений же носил аккуратные мосторговские курточки и серые выглаженные брюки.

Они не были закадычными друзьями, что-то не складывалось между ними, да и не должно было складываться. Может быть, потому, что Лиза Терехова вызывала у них неприязнь друг к другу, особенно после одного праздничного школьного вечера, когда разгоряченные мальчики решили проводить девочек до дома. Оба они довольно храбро подошли к ней, один в новых ботинках, другой пыля неимоверными клешами по школьному двору, и она, готовая рассмеяться, увидела их напряженные лица, сказала только: «О мальчики...»

Неожиданно для обоих они спросили одновременно:

— Можно?

— Что можно? — У нее дрожали от сдерживаемого смеха брови.

— Проводить, — бойко сказал Евгений и пошутил: — До дому, до хаты.

— Двоим?

— Нет, одному. — И не совсем вежливо он слегка отстранил Евгения. — Я провожу тебя до дома, а он до хаты.

— Ты что — на лыжах поехал? — Евгений толкнул его локтем, заметно бледнея. — Как всегда, рукам волю даешь и чепуху порешь! Остряк с одесской шаланды!

— Извинись за собственную глупость!

Она смотрела на обоих и покусывала губы от смеха, как бы придумывая что-то веселое.

— Извиняться не надо. А вы подеритесь, мальчики. Как в Древнем Риме гладиаторы. Кто одержит победу, с тем я пойду. Это будет очень забавно!

Ему тогда следовало бы усмехнуться, но он сказал то, чего в ту минуту не стоило говорить:

— Представляю картинку. Две тысячи лет назад на этом месте стояла красавица с золотыми кудрями и предлагала двум знакомым молодцам набить друг другу морды. Чтобы непобитая морда ушла с подарком. А побитая ревела бы белугой, целуя стопы царицы. Побить морду Женьке мне ничего не стоит. Но я этого не сделаю. Ради тебя.

Она дернула плечами, и лицо ее приняло растерянное и вместе брезгливое выражение.

— Ради меня — ты дурак! — И, ступив к Евгению, смело взяла его за руку, и тот, молчаливый, бледный, пошел с ней, ниже ее почти на полголовы, и его серенькие брюки задевали ее тонкие щиколотки.

До вечера он бродил по переулкам Замоскворечья, зачем-то сел в трамвай, быстро слез и снова вернулся к ее дому, стоял под липами, смотрел на теплое пятно абажура, потом прислонился лбом к шершавой коре липы и, глотая комок в горле, повторял про себя: «Дурак, дурак, выдумал какую-то золотокудрую красавицу и двух болванов-молодцов...»

Как в дурмане, он не осознавал, что завело его в подъезд, почему стоял у перил лестницы перед площадкой второго этажа, где была ее квартира, и очнулся от звука голосов, от шума открываемой двери, и увидел в большом зеркале освещенной передней ее и его в немыслимой позе: она, положив руку ему на плечо, поцеловала его в щеку, а он, держа ее за локоть, не отпускал, и лицо его жалко подергивалось, умоляло о чем-то. Как в беспамятстве, перескакивая через ступени, он кинулся на лестничную площадку к двери в переднюю, встречая ее огромные испуганные глаза, ошеломленный взгляд Евгения, схватил его за плечо, проговорил ссохшимся голосом:

— А ну пошел отсюда, Евгений Онегин! Мотай из этой квартиры, пока все ступени не пересчитал! Ну! Быстро! Шаровой молнией — вниз!

И рывком вытолкал его на лестницу. Тот не удержался на ногах, упал боком на ступени, поперхнувшимся голосом вскричал: «Бандит!» — и, хромая, побежал вниз, судорожно хватаясь за перила.

— Зачем? Зачем ты это сделал? Хулиган! Несносный наглец! Уходи прочь! И больше никогда ко мне не подходи! Я тебя ненавижу!

Она выкрикнула это и топнула ногой. А он сказал, не узнавая своего голоса, будто в глухом тумане:

— Кажется, ты сама хотела, чтобы мы подрались. К счастью, мы не подрались по твоему совету, но почти...

— Ненавижу! Ненавижу! — крикнула она, и ее лицо в ту минуту, гневное, отталкивающее, некрасивое, он помнил даже на войне.

Через месяц он уже был не в морском, как хотелось ему, а в артиллерийском училище, в декабре, получив звание лейтенанта, командовал взводом под Москвой, после — батареей в Сталинграде, потом — дивизионом в Берлине, наконец — возвращение, университет, увлечение филологией, женитьба, профессорская деятельность, защита диссертации, поездки за границу, звания, прием в академию, незаметно прошедшая молодость — и вдруг коварно оглушившая старость: болезни, слабость, безрадостные рассветы и неспокойные вечера перед неизменной бессонницей, когда ночь порой превращалась в пытку.

Двое его друзей умерли, ушли как-то странно, один за другим, постепенно прекратились телефонные звонки, и ему не хотелось никому звонить. Он уже боялся заглядывать в телефонную книжку. И опасался заводить новых друзей: было это бессмысленно в его библейском возрасте. Он перестал ходить

в академию: разговоры, споры, чашечки кофе, языковая артикуляция, общение утомляли, потеряли привлекательность, навевали сонную скуку. Потом без сожаления отказался от кафедры в университете, согласившись работать только с аспирантами. Он знал, чувствовал, кто из его коллег неравнодушен к нему, к его безоблачной карьере, как казалось им, к его известности среди филологов в России и за границей; знал и тех ревнивцев, кто тайно не любил его, тех, кому он, кроме несогласия в спорах, не причинил вроде бы никакого вреда. Он внушал себе не замечать этого.

И все чаще по ночам чувствовалось необратимое и неумолимое приближение, навечное прощание, и почему-то томила мысль: сколько же людей в его длинной жизни любили и не любили его? Он верил в любовь студентов, в их блестящие от внимания и даже восторга глаза на его коронных лекциях о стиле Лескова или Тургенева, их аплодисменты трогали его, но хвала студентов пролетала теплым ветерком, и совсем ненужно задерживались в памяти случайно услышанные колючие слова коллег: «Выдающийся, но самовлюбленный ученый, одержимо ищущий славы и популярности». И он старался вспомнить, кто из великих смертных объяснил, что же есть любовь и слава. Невозможно объяснить невозможное, неподвластное формуле. Любовь... Это понятие выявлялось не разумом, а чувством, которое в конце концов было элементом физическим. Так ли это? Это и есть истина? Или элемент духовный? Подсознательное чувство? Таинственное влечение души, сближение противоположностей, которые неподвластны воле? Неужели половое влечение? А что есть слава? Страсть? Одержимость? Ради чего? Ради продолжения памяти человеческой? Зачем? Кого это сделает счастливым? Но кто искренне любил его? То, что в юности мнилось ему любовью женщин, было зыбко, быстротечно, скоро забывалось, потому что все было ошибочным, легковесным.

Он старел, получал степени и признание, стал доктором западных университетов и всякую несправедливость к себе воспринимал иронически и уже не отвечал оппонентам каким-нибудь нарочито нелепым словцом: «Чувствительно потрясен и скомкан». Даже когда ревнители его умирали, и он во время своего очередного выступления на ученом совете или на собрании академии теперь не отвечал полуулыбкой на недобрую сомнительную усмешку, то приходила мысль: вот постоянный мой оппонент неизвестно почему чересчур раздраженно возражал мне — и что же? Злая недоброта ушла с ним, и ушли муки соперника, которые не сделали его талантливее и не дали ему славы. Неужели Бог покарал его за ложь, за злобный ум? Но он не хотел, чтобы Бог был убийцей его недругов и наказывал их.

Нет, он не лицемерил, не искал к себе любви и случайной дружбы, зная изменчивую натуру людей науки и искусства. Как понял в конце жизни, он был однолюбом. Он испытывал какую-то нежную жалость к своей стареющей жене, к ее мягким, потерявшим прежний блеск глазам, к женщине, которая по-прежнему любила его и его кабинет на даче, книги, письменный стол, его голос, улыбку, когда целовал ее на ночь, и он почасту со смертным ужасом думал, что будет делать один, без нее, в пустой даче, в пустой московской квартире (дочь жила отдельно). И сознавал, что не вынесет этого, рассчитывая на спасение, которое поможет догнать жену на пути к потусторонней юдоли. Он не мог бы прожить без ее слов: «Милый мой, спокойной ночи». Была ли это любовь? Верность? Преданность? Привычка? Это было что-то другое, выше этих понятий, выше физического чувства, которое в молодые

годы примитивно называлось влюбленностью, а в годы старческие божеским присутствием обоих.

Однажды перед сном она тихонько вошла к нему, неслышно подошла к письменному столу, виновато улыбаясь, и он, вздрогнув, оторвался от работы, взял ее за слабенькие плечи и, стесняясь увлажнившихся глаз, долго смотрел ей в лицо, в нежную теплоту ее взгляда, на милые морщинки и не мог произнести ни слова.

— Ты почему так, милый, смотришь на меня... как на ребенка? — спросила она.

— Я не знаю, сколько мне еще осталось смотреть на тебя, — сказал он, целуя ее увядшие губы. — Я не хочу расставаться, родная моя...

— Я тоже, — прошептала она и зажмурилась, прижимаясь щекой к его груди, как тридцать лет назад. — Господи, не хочу, не хочу...

И необъяснимо отчего они сели на диван и жарко плакали в объятиях друг друга, не говоря ни слова.

Но почему ему вспомнилась довоенная девочка в пелеринке и ее слова ненависти? И почему на миг он почувствовал отчаянную, до сердцебиения, влюбленность, как в давний невозвратный вечер? Что было бы с ним, если бы женой стала та девочка-одноклассница, которая так ненавидела его? Жена? И быть этого не могло: на войне в сорок третьем году он получил нежданное короткое письмо: «От твоей мамы, которую встретила в булочной, я узнала, что ты жив и здоров, стреляешь из своих пушек по фашистским танкам и получаешь ордена. Я тебя поздравляю! В классе ты был первый парень на деревне, а я делала тебе все назло, потому что, может быть, ты нравился мне. Не знаю, возможно даже, я любила тебя. Бедный Евгений погиб под Киевом. Его мать показала мне похоронку. Какие жуткие слова: «погиб смертью храбрых...» В письмах он умолял ждать его и переслал свой фронтовой аттестат. Кого же мне ждать? Может быть, тебя, кого я ненавидела в школе, задаваку в клешах и в морском ремне? Глупость все это. У меня открылся процесс ТБЦ, и мы всей семьей уезжаем в Ташкент, к среднеазиатскому солнцу, как говорит отец. Банальное «целую» не пишу. Оставайся живым. Ты это сможешь. Твоя одноклассница.

P. S. Продовольственный аттестат я, конечно, передала матери Евгения».

«Нет, она не фальшивила, когда девчонкой сказала, что ненавидит меня. Мои недруги после войны фальшивили, когда улыбались мне, поздравляли, произносили речи на юбилеях и официальных торжествах... И фальшивил я, целовался с ними, произносил тосты за здоровье, заканчивая по-грузински: «Сто лет!» Подлец! Трус! Ни разу не оттолкнул протянутую для чокания рюмку, никому не сказал, как бывало в молодости: «Подите вы ко всем чертям, любезный враг мой!» Я не любил лукавую переменчивость тщеславной братии, не любил за их страсть к славе, к хорошему месту, к орденским побрякушкам, за угодливое внимание к начальству!»

Он вспомнил их многих, умерших и еще живых, и почувствовал не ответную неприязнь к их самодовольным, желчно натянутым физиономиям, жестам, усмешкам, заимствованным остротам, а некую горькую боль, тошнотное отвращение к неверности и лицемерию коллег, существовавших рядом с ним в науке половину его жизни. Неужели он был в одиночестве? В одиночестве после смерти двух друзей. Но порой оно подслащалось преувеличенной, как ему казалось, хвалой молодых мужей науки после выхода его новой работы, замеченной в профессорских кругах.

Нет, он был не один. Книги, жена, внучка... Дочь не проявляла к нему особых чувств, как, впрочем, и он к ней. Но шестилетняя внучка!.. Он бы не смог определить точное чувство к ней — это была нежность, какой он не испытывал никогда, умиление, радость, как само сияние жизни, ее искренний смех и игривый блеск в глазах, милое озорство безвинного существа («Это не я, чашка сама разбилась, стояла, стояла и вдруг — бух!»). Он замирал от восторга, услышав ее топанье по даче, ее голосок, когда ее привозили («Дедушка, встречай меня, я тебя обниму, я соскучилась!»).

И было счастьем ее появление на террасе, желтые, как подсолнух, волосики до плеч, черные, весело смеющиеся глазенки и чуть-чуть тупо ступающие ему навстречу ножки в белых чулочках. Он подымал ее на руки, целовал в бархатистые щеки, стараясь не уколоть ее не вполне аккуратно выбритой щетиной, и носил ее, доверчивую, теплую, легкую, невыносимо родную, по комнатам, боясь, что короткое счастье исчезнет, она сделает нетерпеливое движение слезть с рук и сейчас же начнет выдумывать на полу игры с плюшевыми медвежатами, куклами и заводными автомобилями.

С трудом он подымался в кабинет, слышал внизу ее возню, шум, возгласы, золотистый смех. И он бросал писать и, уставясь в одну точку, слушал, слушал ее голос, и ему становилось страшно, что, наверное, последний год он слышит эту милую возню самого любимого существа на земле, наверное, последний год он видит ее, разговаривает с ней, с наслаждением гуляет по июльскому солнцу после дождя и улыбается, глядя на ее поднятый носик и на то, как она ловит ладошкой капли с деревьев.

— А знаешь, дедушка, вчера в Москве такой был веселый дождь, что по этим… как их... струям можно было забраться на небо. Дождь был как лестница...

— Ты в этом уверена? И ты не пробовала взобраться?

— Мама под дождь не пустила. Она боится моего чихания. А я люблю чихать. А ты как, дедушка?

— Да как придется. Но знаешь, в детстве я любил, признаюсь...

В тот летний последождевой день, сверкающий лакированными от влаги листьями, намокшей травой, фиолетовыми лужами, в которых плыли белейшие облака, возле калитки своей дачи они наткнулись на коричневого щенка. Его захватил дождь, мокрая шерстка свалялась, зеркально блестел черный нос, и заискивающие глядели снизу такие же черные, как нос, глаза. Он приветливо завилял хвостом, и на сандалии внучки полетели брызги.

— Дурачок ты такой балбесовый, откуда ты? Ты к нам? — засмеялась она и одним пальцем осторожно погладила щенка по влажной шерстке меж ушей. — Что ты тут делаешь? Дедушка, возьмем его. Он будет у нас жить. Я буду поить его молоком. Нам с ним будет весело, честное слово.

— М-да... С удовольствием бы принял черноносого гостя. Но, видишь ли, понимаешь ли...

— А почему понимаешь?

— А ты не думала, что нас примут за воришек?

— А почему?

— Мне кажется, что этот лопоухий господин принадлежит жильцам с соседней дачи. Начнут искать и цап-царап нас с тобой: вот они, воришки!

— Дедушка, ты плохушка, — сказала она обиженно, продолжая гладить щенка. — Ты его не полюбил. А я сразу полюбила.

— Сразу полюбила? Вот как?

— Я знаю, он круглый сирота. Умоляю тебя, дедушка, возьмем щеночка, возьмем, пожалуйста.

— «Плохушка» — это от слова «плохо»? Значит, дедушка у тебя плохой? Так, да?

— Нет-нет, я тебя люблю, но ты немножко плохушка.

Как это ни было ему тяжело после ее умоляющих слов, щенка все-таки пришлось отнести к калитке соседней дачи, и щенок, ободренно встряхиваясь, тотчас побежал по дорожке к террасе, бодро повиливая хвостом. Он узнал свою дачу.

Академик целый день был расстроен, кряхтел, хмурился, ходил из угла в угол по кабинету, принимался читать и отбрасывал книгу. Ему мнилось, что он все-таки обидел внучку, хотя слышал ее смех, топот ножек внизу: она, вероятно, забыла уже про щенка. А он сердился на себя за то, как если бы несправедливо отобрал радость у любимого существа.

Вечером он вошел в ее комнату, где горела маленькая настольная лампа в углу, на цыпочках приблизился к изголовью кровати и сказал почему-то виновато:

— Спокойной ночи, золотце, дай-ка мне поцеловать твою макушку.

— Дедушка, потом. Мне некогда... Я думаю. Вот мама одна в Москве. А мы тут без нее. Мне ее жалко. Хотя и ты и бабушка... Вы очень хорошие, и я вас очень люблю... И всегда буду любить. Когда вы умрете. Вот я еще думаю: скажи, пожалуйста, дедушка, а Америка знает, что ее открыл Христофор Колумб?

Колючая нежность перехватила ему дыхание, и, чтобы сдержаться, он вынул платок и кашлянул, но не сдержался: горячие слезы навернулись на глаза, он всхлипнул горлом и поспешно наклонил голову.

— Ты что, простудился, дедушка?

— Нет-нет, в горле что-то запершило.

— Дедушка, посиди со мной. Так будет хорошо. Бабушка спит, а мы с тобой не спим, как полуночники. И тихонько будем разговаривать.

«Драгоценная моя, красавица моя, умница моя, что же есть дороже, любимее тебя на этом белом свете! Воистину — ничего. Боже, обереги и сохрани ее!»

— Дедушка, это ты стихи про себя читаешь?

Он опомнился и задумался, туманно вспоминая, что в пятнадцать лет, как все в этом возрасте, писал стихи, конечно, бездарные, не помнил из этих сочинений ни одной строки, и сказал растерянно:

— Ты меня озадачила. А может, я тебе прочитаю что-нибудь из Пушкина или Некрасова?

— А я знаю: «Зима, крестьянин, торжествуя...» Это Пушкин, да? Это мне бабушка читала. А у Некрасова — вот: «Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел, был сильный мороз...» Нет, ты мне что-нибудь смешное сочини. И мы вместе посмеемся. Тихонечко. Чтобы бабушку не разбудить.

Он усиленно напряг не данные ему способности к стихотворству и, таинственно глядя на дверь, за которой спала бабушка, прочитал шепотом нелепую строфу, поражаясь дурашливой несуразице:

В океане плавала дверь,
Дверь — что это? Зверь?
Дверь есть дверь,
Хочешь, верь, хочешь, не верь.

— Вот, пожалуйста, философские стихи.

— А почему? — спросила она.

И они оба засмеялись шепотом, радуясь глупости, которая веселила и сближала их.

Через неделю дочь увезла внучку в Москву, и он один с женой остался в сиротливо опустевшей даче и, сидя над рукописью в кабинете, вздрагивал от малейшего скрипа калитки, вскакивал с задохнувшимся сердцем, подбегал к окну с жаркой надеждой: приехали!.. И всякий раз, обманываясь, опять разбито садился за стол, стонал, тер лицо, вдохом и выдохом успокаивал сердце. В эти минуты он сознавал, что непереносимая тоска по внучке — это его неизменное...

— Милая моя, золотая моя, единственная моя, как давно я тебя не видел, — бормотал он, как в туманном забытьи, уже не помня ни своих друзей, ни недругов, ни ту девочку-одноклассницу, впервые презрительно бросившую ему «ненавижу», испортившую ему последние школьные годы, — тогда даже мимолетный взгляд в сторону ее парты заставлял его морщиться.

«Друзья... недруги... — подумал он, очнувшись от неожиданной мысли. — Говорили, что я честолюбив, самоуверен, неподатлив, нередко насмешлив. Да, было так, вероятно. Но почему сейчас вдруг явилась в сознании вся эта заслуженно и незаслуженно занявшая удобные места научных верхушек так называемая элита, которую я не любил. Но кто-то... какой-то добрый ангел... на земле ли, наверху ли... защищал и давал мне сполна то, что я не просил... Зачем? Нужны ли были все эти блага, звания, дипломы, если скоро меня не будет? Как страшно сказал Бисмарк: «Уволенный в отпуск покойник». И перед уходом навязчивая мысль Толстого: «Судьбой отсчитанные мне дни». Что будет с моей библиотекой, которую я собирал всю жизнь? Книги, мои любимые книги без меня...

О Господи, так ли это все важно перед близким уходом к тебе? Ересь, чушь и глупость старого полуумершего осла, вспоминающего никчемное. Я хочу только думать, как невыносимо оставлять одну слабую, беспомощную, безумно любимую мною женщину, когда-то мечтавшую быть пианисткой, прожившую со мной долгую и, может, не очень счастливую жизнь, ту, которая у себя внизу каждый вечер начинает и почему-то не может закончить «Лунную сонату».

Опасаясь разбудить жену, он обеими руками охватывал, стискивал горло, напрягаясь от удушья, и никак не мог остановить судороги рыданий, потом вдруг затих, чувствуя отчаянную тоску, разрывавшую ему сердце. Он, сдерживая стон, сидел, опустив мокрое лицо в руки, почти теряя сознание, стараясь понять, чей это голос зазвучал в его ушах. Он лег на спину и закрыл глаза, обливаясь ознобным потом от дивного, ласкового смеха, услышанного им в темноте:

— Дедушка, встречай меня. Я тебя обниму, я соскучилась... Ты старенький, но ты мой дедушка...

ВИКТОР БОКОВ

И МОЙ НАРОД МЕНЯ БЛАГОСЛОВЛЯЕТ!

* * *

До самой старости,
Что метит мелом,
Живите яростно
На свете белом.

Не дотлевание,
Не дым костровый,
А волнование —
Вот основа!

В даль отправляйтесь,
Всю землю смерьте.
И не сдавайтесь
До самой смерти!

В наследство детям
Оставьте ярость.
Веселый ветер,
Упругий парус!

* * *

Жизнь — не Поцелуев мост,
Где влюбленных ожидают.
Жизнь сегодня грязный хвост,
Как собака, поджимает.

Жизнь опять, который раз,
Не симфония для слуха,
Не Хайям и не Шираз,
Падшая рябая шлюха!

Жизнь теперь черным-черна,
Ни единого просвета.
Из нее исключена
Непорочная Джульетта?

Как же ты, мой друг-поэт,
Этим всем не изувечен?
Говорят, что Бога нет.
Кем же ты тогда отмечен?

* * *

Твой поцелуй мне был как вызов,
Я ошалел и изнемог.
Сосульки падали с карнизов
И таяли у наших ног.

О, Женщина! Ты дерзость, смелость,
Решительность, каприз, излом.
Тебе бы только захотелось,
Ты в январе добудешь гром.

Хожу доверчивый, счастливый,
Твой поцелуй в себе несу.
И поэтическою гривой,
Как лев взъерошенный, трясу!

* * *

Поэзия моя проста, как хлеб с водой,
Как самые привычные понятья.
Я человек не молодой,
Играть словами не мое занятье.

Поэзия моя — поток любви.
Любовь! Одна любовь — мое моленье.
И я от встречи с добрыми людьми
Готов заплакать, ставши на колени.

Какие одолел я рубежи!
Как ни бодрюсь, а силы убывают.
Но человек, как тонкий стебель ржи,
Для блага всех свой колос наливает.

Простите мне мой вздох, мою слезу.
Порой и грусть поэта вдохновляет.
Я все еще иду, вперед гляжу.
И мой народ меня благословляет!

АНАТОЛИЙ СМОЛЯНКО

Мы не покорились

Фашистская блокада Налибокской пущи глазами мальчишки

Документальная повесть

На мое детство выпало несчастье три года жить в кромешном аду военного лихолетья. Его я помню от начала до последнего дня оккупации. Правда, познания ограничивались всего лишь масштабами отчего дома, но и Налибокской пущи, с которой связаны самые трагические и памятные события.

В моей памяти навсегда сохранятся яркие, героические и трагические эпизоды народного сопротивления фашистам. Они до сих пор не дают мне покоя, тревожат душу. Мелкие детали, подробности суровых дней пришлось дополнять рассказами родителей, родственников, участников тех грозных событий. Не всех называю в этом коротком и правдивом повествовании. Важно другое: от мала до велика, в самых экстремальных и тяжелейших, порой безнадежных положениях люди оставались людьми, не встали на колени перед врагом и не покорились.

Нашествие

Наш дом стоял на взгорке. На пологом склоне его земля засеивалась зерновыми культурами, несколько соток занимали огороды. Дальше, за полем, простирался сенокос до медленно текущей речушки Тихая, а за ней, на левом берегу, — огромные, в ширину километра на три, заливные луга до самого Немана. Они пролегли по обе стороны реки до деревень Еремичи и Синявская Слобода. Окна хаты выходили как раз на эту захватывающую картину безбрежного простора, кое-где усеянного кустами лозняка.

С тыльной стороны дома тоже был уклон, на котором приютились гумно, хлев, сараи. За ними струился ручеек. Он начинался у подножия Павловой горки, где веками из глубины земли бил родник. Густая трава, чахлая ольха, осока создавали затор воде, и в сильные дожди образовывалось болотце. Перейдя по доскам через ручей, приходилось по узкой колее, проложенной крестьянскими телегами, подниматься вверх, по отлогому склону, чтобы попасть на тракт или, как все здешние называли его, гостинец. Из дома или со двора хорошо было видно, кто прошел, кто проехал...

Наша семья жила в этой хате вместе с семьей брата отца Константина. В одинаковой мере пользовались постройками, лишь земля и сенокос были разделены моим дедом Степаном меж четырьмя сыновьями в равных долях. Поблизости вековали братья Иосиф и Павел с такими же наделами. Отец Владимир Степанович — обыкновенный крестьянин, окончил всего ничего: два класса церковно-приходской школы, ибо дальше было не до учебы. Трудился день-деньской в поте лица, чтобы хоть как-то свести концы с концам.

А мать Василиса Степановна не смогла даже научиться расписываться. Когда от нее требовали поставить подпись, она боязливо брала карандаш и еле-еле чертила крестик. Польский пан, у которого работала поварихой, часто втолковывал ей: «Грамота тебе ни к чему». Она прислуживала шляхтичам до самого замужества. Унижали, оскорбляли, попирали ее человеческое достоинство, требуя разговаривать только по-польски, называли девушку быдлом…

Но при всей нелегкой судьбе, бедности, бесправии мать и отец остались в моей памяти добрыми, честными и совестливыми людьми. Мать, если что не так делали, говорила: «Детки, гэдак нельга, не можна», «Люди засмяюць», «Чужога не бярыце ні ў якім разе». Батька, когда я учился, никогда не наказывал за плохую оценку, лишь иногда стыдил, не злясь, и я не помню, чтобы ставил меня в угол или угрожал ремнем… Родители после войны смогли выучить меня и брата Арсения.

17 сентября 1939 года Красная Армия освободила нас от гнета шляхетства, осевшего на хуторах по всей Налибокской пуще. Но недолго тешились мы пришедшим избавлением. С запада надвигались темные тучи.

В один из июньских дней 1941 года, примерно в полдень, раздался грозный гул. Он нарастал все сильнее и сильнее, казалось, от него дрожит вся пуща, страхом наполняя теплый лесной воздух. Все выбежали из дома. В чистом голубом небе увидели черные, так нам почудилось, тьму-тьмущую, самолетов, плывущих звеньями по три друг за другом в ровном строю. Кто-то из мужиков принялся их считать, но вскоре сбился со счета и бросил пустую затею, ибо армаде не видно было конца. Они, нашпигованные смертоносным грузом, словно вороны, тянулись беспрерывной чередой над нашими головами. Становилось жутко, аж мороз по коже пробегал от одного лишь монотонного завывания.

— На Минск, — с видом знатока процедил сквозь зубы Павел, помолчал, вглядываясь ввысь, и глубокомысленно, расставляя слова, заключил: — Теперь большевикам не устоять... Им с немцем не совладать, такая силища прет. Они нас освобонят, наверняка...

Так и сказал «освобонят». Спустя несколько недель его сына-гармониста Владимира фашисты живым бросили в пылающий дом помещика хутора Тихово, где молодежь собралась на вечеринку.

Стая ястребов спокойно пролетела над пущей. Через сутки, а может, и больше, у нас по двору сыпалась легкая, почти незаметная серая пыльца. Поначалу никто не мог сказать, откуда она взялась, покрывая траву, листья деревьев... Потом разгадали этот феномен: горел Минск. И это на расстоянии около ста километров!

Несколько дней и ночей отступали красноармейцы по гостинцу на восток. В последний день к вечеру промчались на взмыленных лошадях кавалеристы, прогрохотали тачанки, машины с солдатами. Утром было тихо, что очень всех насторожило. Мужики сделали вывод: сейчас пойдут немцы. Бабы всполошились, а мы, дети, были рады, потому что получили свободный доступ к маслу, сметане, молоку, салу...

— Ешьте, детки, ешьте, а то немчура придет и все подчистит, — приговаривали они и прятали ценные вещи, продукты, коров угнали на луг в густой лозняк. Мать схватила висевшие на стене портреты Ленина и Сталина и, чтобы не заметили пришельцы, спрятала их в гумне вместе с рамками под стеклом, которые делал отец.

Все были встревожены ожиданием нашествия. Волновались, шептались, крестились... Не сказал я о том, что в начале войны мужчин и молодых парней призвали в армию. Из Мира они колонной двинулись на Барановичи, но наткнулись на немецкий десант. Безоружную толпу разогнали, некоторых убили, остальные разбежались по домам. Теперь отец не знал, как ему быть, но на всякий случай скрылся в лесу, что сделали и другие.

Был полдень. Мы играли во дворе. Вдруг услышали оглушительное тарахтение. Все ребятишки как будто сорвались с цепи, бросились через ручей, толкая друг друга, к гостинцу, легли, затаились за можжевельником. Штук двадцать мотоциклистов помчались к хутору Дербуновича, стоявшего сбочь тракта. Медленно проехали мимо усадьбы и скрылись за поворотом. Вслед им лениво двигались велосипедисты, повозки с солдатами. Над гостинцем повисла серая пыль, и легкое дуновение ветра относило ее в сторону смешанного старого леса. Храпели упитанные кони в добротной сбруе, волокли большие, крепко сколоченные телеги, колесами утопающие в горячем песке.

Только мы хотели убегать, как увидели человека. Он показался из придорожного кустарника, а может быть, из большого леса, и передвигался, еле переставляя

ноги. Это был красноармеец — без пилотки, в разорванной гимнастерке, босой, за собой он волочил винтовку. Зачем ты, дурак, вылез из своего укрытия напоказ врагам? Куда ты плетешься? Затаился бы до темноты.

На одной телеге, развалясь, сидели несколько солдат с каким-то начальником, потому что он был в другой форме, весь в каких-то блестящих значках. Мы не могли их хорошо разглядеть. Один из них пошел к бедолаге навстречу, уверенно, широко шагая по песку сапогами с короткими голенищами. Приблизился к бедняге, с презрением окинул его взглядом с ног до головы, вырвал из его руки винтовку и тут же изо всей силы кулаком ударил в лицо. Тот сразу шлепнулся в перепаханную колесами и гусеницами землю. Фашист с трофейной винтовкой самоуверенно пошагал к своим. Все это время те галдели, кричали, гоготали, подзадоривая собрата. Не трудно было догадаться, что им эта сценка ловкого боксерского удара пришлась по душе.

Вдруг телега развернулась и прямиком двинулась на наш хутор. Мы настолько испугались и так драпанули, что только пятки засверкали. Возле дома стояли мама, соседка и две женщины с хутора Березинка. «Немцы сюда едут!» — в один голос крикнули мы издалека и спрятались за сараем.

А в это время по склону бодрой походкой маршировал к нам высокий человек в фуражке, и мы опять увидели из-за угла на его груди какие-то сверкающие бляшки. По голенищам хромовых сапог он хлопал металлическим прутиком, как мы потом узнали, шомполом советской винтовки. Он не спеша прошел по двум доскам, положенным через ручеек, и смело, гордо подняв голову, высвистывая какую-то бодрую мелодию, приближался к женщинам. Это был первый фриц, которого мы увидели так близко.

Во дворе, недалеко от гумна, рос молодой, наверное, лет эдак под пятьдесят, дубок. Крона его была пышной, густой. В жаркую погоду после ранних трудов на сенокосе или в поле отец любил, расстелив на травке дерюгу, час-другой прикорнуть. Немец на минуту задержался перед деревом, размышляя о чем-то, потом неожиданно с размаху метнул в густую листву шомпол. Нас изумило, что стальной прут как копье пронзил всю крону и с противоположной стороны воткнулся в землю. «Ух ты!» — вырвалось у нас.

Он надменно, с высоты своего величия, еще ближе подошел к женщинам.

— Ми Москау, — рукой, как шомполом, проткнул листву дуба, презрительно посмотрел на стоявших в оцепенении молодух, скорчил рожу неудовольствия от их невзрачного вида и вдруг внезапно крикнул страшным голосом: — Млеко, масло, шпек, яйко… Бистро! Бистро!

Увидев, что бабы не понимают, чего он хочет и что он им талдычит, фашист, недолго думая, взялся за кобуру, висевшую на животе, и неторопливо начал вытаскивать пистолет, не отрывая глаз от испуганно оторопевших женщин. Молодайки, увидев оружие, взвизгнули и опрометью бросились в дом, поняв, чем может закончиться для них медлительность в выполнении приказа. А оккупант так загоготал, что не смог сразу затолкать пистолет в кобуру, живот его трясся от смеха. Успокоившись, повернулся кругом, махнул рукой и крикнул: «Ком! Ком!»

Тут же на склоне показалась повозка, остановилась в тени под дубом. Солдаты соскочили, принялись стаскивать и распаковывать узлы, баулы, ящики, поглядывая на еще не старых красавиц, но в рваной одежонке, грязных, непричесанных. Мама, помню, попудрилась сажей, другие натерли руки и ноги крапивой... Боялись насилия. После такой «задушевной» беседы с офицером они принесли все, чего хотели завоеватели. «Хай яны падавяцца», — со злобой сказала тетя Оля.

Солдаты таскали из колодца студеную воду, мылись, раздевшись до пояса, а один сбросил с себя брюки, обливался, другие охали-ахали и все заливались смехом. Им до безумия было хорошо и весело. Увидев на разостланном брезенте домашние продукты, не одеваясь и не приводя себя в порядок, поспешили сесть в круг и принялись жрать, именно жрать, — и хамству их не было предела.

Долго я не знал, почему так гневно и брезгливо смотрели на них женщины, плевались, с презрением кидали взгляды на оккупантов.

— Они же как свиньи жрут, тут же пукают, кто погромче, — и хохочут вовсю... — пояснила мне позже одна из женщин.

Наелись и развалились на травке. Захрапели. Кони, всунув морды в специальные торбы с нашим зерном, хрумкали зубами. Офицер ходил по двору, заглянул в гумно, потом в хату, не обошел и хлев, услышав хрюканье свиней. Примерно через час он громко гаркнул, солдаты вскочили и начали собираться, двое из них вытащили за ноги крупного подсвинка, офицер хлопнул ему в лоб из пистолета, тушку, не разделывая, бросили на воз, повторяя: «Гут! Гут!»

Потом, когда немцы уехали и на гостинце стало тихо, мы схватили этот шомпол и побежали к тому месту, где лежал наш боец. Его не было. Поблизости валялась в песке винтовка без затвора, патронов и приклада, не было в ней и простого стального стержня, которым чистят ствол после стрельбы. Догадались: фашисты так разделались с оружием, чтобы из него нельзя было стрелять.

Они не знали в то время, не думали о той длинной и мучительно трудной дороге, которую определили для себя, не думали, что этой самой дорогой им придется драпать назад. Кое-кто, наверное, пройдет и по гостинцу Налибокской пущи, но не получит из рук белорусских женщин ни крошки хлеба, ни капли воды, чтобы обновить силы и спастись от гибели. А пока они ехали, шагали в колоннах жизнерадостно, с улыбками и песнями, а вслед им неслись проклятия.

Бой на краю болота

Он произошел накануне блокады. Обычный, каких во время войны происходило великое множество. О нем, может быть, и не стоило писать, но местные жители, хотя и косвенно, однако принимали в нем непосредственное участие. Сказать стоит и потому, что до сих пор ходят различного рода кривотолки о том, кто же заслуживает особой похвалы в одержанной победе, кому отдать предпочтение и кого называть героем нестандартной, внезапно возникшей схватки с врагами. Это во-первых, а во-вторых, в рассказах очевидцев и документальной литературе за давностью лет набралась уйма самых невероятных домыслов, откровенно говоря, отсебятины и явного искажения правды. Попробуем восстановить истину.

В тот жаркий день 9 июля 1943 года мы, ребятишки, «топтухой» (конусообразная из конопляной нитки сплетенная небольшая сеть) ловили рыбу в луговых озерцах и канавах. Они образовывались после весеннего половодья Немана, которое в ту пору затапливало несколько километров окрест. Понятно, когда спадала вода, щуки, плотва, караси, окуни заходили в низкие места, и их иногда набиралось очень много. Хлопцы постарше залезали в озерца-окошки почти по самое горло и загоняли рыбу в сеть, а потом выволакивали ее на берег. Мы наполняли торбы. Натешившись вволю, шумной гурьбой двинулись домой. И только вышли на чистое пространство, как неожиданно увидели летящий над лугом самолет. Немецкий! Прямо на нас летел. Гула моторов не было слышно, потому что он плыл так низко, что, казалось, задевал верхушки кустарников. Нас охватил ужас.

Мы их боялись как огня. Фашистские стервятники нередко появлялись над Налибокской пущей, подпаливали хутора, упражнялись в стрельбе из пулеметов по лошадям, коровам, и особенно любили потренироваться в меткости по бегущему человеку. Уберечься можно было в двух случаях. Надо было падать и... не шевелиться. Фашист считал, что цель поражена, и улетал. Другой способ. Если на вашем пути к спасению оказывались деревья, то надо было прятаться за ствол и ходить вокруг ели или сосны по мере облета вас самолетом. Но тут открытая луговина. Что делать? Думать было некогда. Мы, не сговариваясь, в один миг бросились в воду, нырнули, а когда всплыли, «юнкерс» удалялся на восток. Мужики

позже говорили, что он направлялся в сторону города Воложина, деревень Ивенец или Деревная...

Почему об этом подробно рассказываю? Да потому, что партизанское сторожевое охранение, несшее службу в деревне Синявская Слобода на правом берегу Немана, прошляпило этот самолет. Выскочили из землянки, когда он был уже недосягаем. «Если появится второй на такой высоте, я ему врежу!» — воскликнул кто-то из партизан, а стоявший рядом товарищ вдруг крикнул, показывая в сторону деревень Погорелка и Новое Село: «Летит еще один!»

Левобережье реки от Синявской Слободы (километра три) до названных сел — чистое, ровное, как стол. Оно и сейчас такое, лишь за прошедшие годы кое-где появился чахлый можжевельник. Видимость тогда была прекрасной. Гул самолета медленно нарастал с запада, и фашистский ястреб держал направление на восток, по тому же маршруту, что и первый. Высота — сто-сто пятьдесят метров.

Очевидцы утверждали, что кто-то из партизан тут же установил пулемет на стол, за которым бойцы обедали в хорошую погоду, и полоснул по нему очередью. Другие говорили, что по команде «огонь!» все разом дали залп по этой низколетящей цели. Нашлись и те, кто, стуча себя кулаком в грудь, доказывал: именно он попал в один из моторов «юнкерса». Поползли слухи, дескать, за сбитый самолет фашистов могут присвоить звание Герой Советского Союза. Но коль огонь велся коллективом, то установить, чья пуля угодила в воздушного стервятника было невозможно.

Партизаны успели заметить дымок, который потянулся за хвостом улетающего к лесу вражеского ястреба. Он на бреющем полете протянул не четыре, как утверждали «свидетели», а пять километров, и за усадьбой, стоящей у самого тракта, пошел на посадку, где был «хмызняк» (кустарник) с болотистыми лощинами. Пропахав колесами глубокие борозды метров двести, он круто повернул к большому лесу и замер. Запылал вовсю. Столб черного дыма потянулся к небу.

Автор документальной повести «Отряд «Комсомольский» бывший партизан Е. И. Крамко пишет, что летчики «бросили самолет и начали удирать в направлении на Мир». Это неверно. Гудение падающего самолета, огонь и дым привлекли внимание приехавшего на побывку к матери моего двоюродного брата Константина Смолянко — командира отделения разведки отряда Д. А. Денисенко («Митька» — так в народе его называли). Костя схватил свою десятизарядную винтовку, бинокль и бросился на гребень Павловой горки, чтобы узнать, что там происходит и что горит. Он увидел, как из пылающего самолета выскочили пять человек, один из них был в форме. Другие почти голые. Они на пенечке расстелили карту, посоветовались всего лишь несколько секунд и бросились бежать в направлении на город Столбцы, а не на Мир. Партизан даже не успел открыть огонь, так как они в мгновение ока скрылись в густом лозняке.

Поблизости в Горках (так называлась эта местность) дислоцировался отряд имени Н. Н. Воронова, которым командовал Д. П. Шаркевич (его называли «Данила»), и ребята сразу всполошились, получили приказ летчиков взять в плен или... Костя им подсказал, куда те драпанули, но напасть на их след сразу не удалось. Фашисты проскочили через тракт, пробежали вблизи хутора Дербуновича, прошмыгнули через луговую дорожку, что шла по берегу речки Рудьмянки, кустами добрались до болота и на его берегу затаились, услышав несколько одиночных выстрелов партизан, которые уже прочесывали густые заросли. Они бы их не заметили, и враги двинулись бы по болоту дальше. Оно не такое уж и гиблое, да и не очень топкое, хотя в отдельных местах царила трясина. Они прошли бы напрямик на Столбцы, но, увы…

Партизаны суетились, шныряли из стороны в сторону, оцепили пустой массив кустарников и принялись его старательно обследовать. Гитлеровцев заметил хуторянин Ивановский, усадьба которого стояла совсем недалеко на взгорке. Партизаны бегали туда и сюда, палили из винтовок по сплошному густому лозняку в несколько гектаров, полагая, что таким способом выгонят фашистов. На выручку пришел Ивановский. Он-то и «шепнул», где затаились гитлеровцы.

В лесничовке, где мы тогда жили, поднялся переполох, всполошились все, хватали домашние припасы, вещи, словом, все, что попадало под руку, криком нагоняя страх друг на друга. Мы увидели бегущих цепочкой партизан на подмогу тем, кто завязал перестрелку. «Прячьтесь за гумно!» — крикнул кто-то из них, но нам, пацанам, хотелось увидеть, что там происходит около хутора Ивановского. От матерей получали подзатыльники за излишнее любопытство, которое кипело в мальчишеских сердцах. Стрельба то затихала, то усиливалась. Две или три пули прожужжали совсем близко от нас.

После боя партизаны радостные забежали в лесничовку и наперебой принялись рассказывать, как и что было. Они предложили фашистам сдаться. Молчание длилось нескольку минут. Кто-то из них крикнул: «Хайль Гитлер!» Стало ясно, что сдаваться они не намерены. Было понятно и другое. Фашисты под прикрытием одного соплеменника могут удрать по болоту. Оно простиралось на полкилометра до самого Немана. Враги-летчики, конечно, знали об этом. Переплыв его, они могли запросто добраться до Столбцов. Медлить было нельзя. Им опять предложили сложить оружие и выйти из болота. Они вновь огрызнулись. Другого выхода не было, и пришлось с ними закончить разговор.

Из горящего самолета успели вытащить два пулемета, патроны, документы с планом блокады под названием «Герман». По всей видимости, «юнкерс» совершал перелет на небольшое расстояние из Новогрудка (в этом городе размещался штаб по проведению блокады, здесь же находился «особо уполномоченный Гитлера по борьбе с партизанами на востоке» генерал-майор СС фон Бах-Залевски) через Налибокскую пущу, чтобы доставить важные документы то ли в Воложин, то ли в Ивенец... А документы вскоре попали в штаб бригады имени Г. К. Жукова, а затем в Барановичский подпольный обком КП(б).

Надо сказать, что фашисты очень любили наводить страх на людей, и, видимо, им уж больно хотелось и на этот раз попугать низко летящим самолетом, мол, смотрите, какая сила у нас, какие мы смелые... Были известны случаи, о чем часто говорили взрослые, когда с большой высоты гитлеровские асы бросали на головы разбегающихся людей обыкновенные бороны или бочки с дырками... От них стоял такой страшный вой, что, казалось, сердце разорвется... Второй экипаж самолета посчитал, что коль без помех пролетел первый, то и они проследуют без преград, их никто не посмеет тронуть... Просчитались!

Через пять дней Налибокская пуща вздрогнула от грохота сотен танков, машин, орудийных и минометных выстрелов, беспорядочной трескотни автоматического оружия. Началась многодневная блокада. Со всех сторон двинулись полчища карателей с тем, чтобы полностью уничтожить не только партизанские отряды и соединения, но и тех, кто попадется на их пути: расстреливали, вешали, грабили, жгли, угоняли в рабство. Они были так заняты привычным для них делом и так старались, что не посчитали нужным предать земле своих пятерых соплеменников. Так они и остались в болоте на веки вечные.

Квартальная линия

Знойные летние дни сменились ливневыми дождями. Из темных туч лилось прямо как из ведра. И там, где раньше был сенокос Косовец, раскинулось безбрежное, насколько хватало глаз, море, лишь кое-где выглядывали бугорки верхушек редких кустов.

Но в начале блокады погода резко изменилась. Утром показалось ласковое солнце и теплом наполнило всю пущу. Наша семья из семи человек пыталась пройти по этому разливу, чтобы напрямик попасть в глубь лесов, подальше от надвигающейся фашистской навалы. Отец — крепкий и рослый мужик, тащил на спине Шурика (Александра), у которого за неделю до этой напасти отнялись левые рука и нога. Когда упал «юнкерс» недалеко от лесничовки, он с ребятами побежал

к горящему самолету и вместе с партизанами тушил его, вытаскивал трофеи. А вечером внезапно надвинулась черная туча и разразилась сильнейшая гроза. Он попал под ливень и шквальный ветер. Заболел. Пластом лежал до самой блокады, и уже начал поправляться, но идти пока не мог.

Папа взвалил его на спину, он обхватил одной рукой шею, а ноги свисали до самой воды. К тому же батьке пришлось тащить обыкновенный, из домотканой материи мешок с хлебом и салом, солью и другими небольшими припасами. Тяжело ему было. Дойдя до островка, он опускал сына на сушу и спешил к нам, чтобы помочь остальным пройти. Продвигались мы с черепашьей скоростью.

— Нам бы добраться до Пугачевских болот, там есть место сухое, сенокосное, укроемся, переждем, — отец не знал того, что на это рассчитывали многие жители.

Все устремились к известной в округе спасительной луговине. На этом клочке, покрытом кое-где чахлой ольхой, низкими березками и кустарниками, надеялись спастись от карателей. С превеликим трудом добрались до намеченной цели и были очень удивлены, увидев толпы народа. Пристроились на траве около копны. Батька не медля наломал веток, постелил на них сена, и мы, вымокшие до нитки и грязные, изнуренные, свалились на него. Комары тотчас навалились на «свежих» людей, и избавиться от них было невозможно.

Некоторое время царило оживление, дети плакали, не сдерживая себя, в полный голос, подростки затевали игры. Никто ничего не запрещал, и вольность собравшихся на острове вскоре обернулись страшной трагедией.

Утром следующего дня, примерно около десяти часов, на нас обрушился шквал минометного огня. Вначале мины плюхнулись вдали, потом огромный столб грязи от взрыва взметнулся совсем рядом. Люди бросились искать укрытия, но найти укромное местечко не могли. Со всех сторон слышались крики, вопли, рыдания...

Пишу эти строчки, а перед глазами жуткая картина. Вблизи нас сидела на кочке женщина, державшая на коленях мальчика. Она наклонилась над ним, прикрывая свою родную кровинку так, что видны были только маленькие ножки дитяти. Мина грохнула в двух шагах от них. Около воронки, на самом краю вывернутой черной земли, лежал без признаков жизни окровавленный ребенок, а она, отброшенная взрывом в сторону, подхватилась и, обезумев, носилась по острову и спрашивала: «Вы не видели тут моего Павлика? Он такой красивенькой, кучерявенькой...»

— Уладик, спасаться надо, убьют нас, — упрашивала мать, а мы начали зарываться в копну, чтобы не видеть и не слышать этих ужасов, и считали, что таким образом можно защититься от мин.

В полдень артобстрел замолк, а после обеда, ближе к вечеру, вновь возобновился с еще большей, невероятной силой. Отец опять взвалил Шурика на спину, и мы побрели по той же, нами проложенной дороге, назад.

Возвратились в Горки, откуда в начале блокады начали свой путь, пошли вдоль речки Рудьмянки. Лесная тропа блуждала меж деревьев, в колдобинах виднелись ржавые лужи. Отец шел быстро, оторвался от нас метров на сто, прислонял сына к дереву и, отдышавшись, снова тащил его дальше. В какой-то момент он тревожно замер, что нас сразу насторожило. Отец прислушался... Когда мы подошли к нему, он взволнованно пояснил: «Нам навстречу идут немцы, горланят, кричат, стреляют...» Мы бросились назад, подальше от этого места, но нам лишь казалось, что отбежали далеко. Батька выбивался из сил, мать обливалась потом, да и мы совсем ослабели. Выстрелы раздались недалеко от нас. «Не отставайте», — требовал отец.

Мы обрадовались, когда на повороте увидели застрявшую с возом лошадь. Видимо, ее в спешке бросили хозяева, потому что освободить из «плена» животное не представляло особого труда. Она, страдалица, усыпанная с головы до ног оводами и слепнями, беспрерывно махала хвостом, мотала головой и, услышав приближающихся людей, обрадованно заржала. Отец сдал воз назад, освободив таким

образом заднее колесо, зацепившееся за ствол сосны. Мы немедленно бросились на телегу, положили Шурика, уселись и, долго не раздумывая, тронулись дальше. Застоявшийся конь помчался галопом. Нас сильно подбрасывало, трясло, и казалось, все вывалимся. «Держитесь!» — кричал отец, вожжами погоняя лошадушку-спасительницу.

Внезапно он свернул влево и медленно въехал в дикую чащобу. Отец моментально распряг лошадь и отпустил ее на все четыре стороны. Только сейчас мы услышали погоню: близко урчали машины, слышалась частая стрельба. Отец, мать (она держала Арсения), Владимир, Нина и я принялись помогать закатить телегу под густую ель, ветки которой опускались до самой земли. Замаскировали так, что вблизи нельзя было заметить спрятанный воз.

— Мамочка! Папочка! — еле слышно шевелил высохшими губами Шурик, глядя на нас, окруживших повозку. Под елью тускло светилось его увядшее лицо. — Спасайтесь сами. Они меня не найдут, не тронут, я — не партизан, я — больной...

Мама плакала, гладила его по голове, и все эти прощальные минуты приговаривала: «Мой ты сыночек! Мой ты миленький! Мы скоро придем к тебе». Она громко зарыдала, и мы услышали, что она не хочет уходить от Шурика, и если случится непоправимое, то вместе с ним умрет.

— Спасайтесь! Уладик, беги с ними... Вон, чутно выстрелы... Я тут буду.

— Что ты надумала! — батька вглядывался в лицо сына, пододвинул к изголовью бутылку с водой, графин с медом, оставшимся на донышке, поправил дерюгу на ногах. — Мы скоро вернемся. Нельзя нам разлучаться!

— Сынок, вечером заглянем к тебе, — мать поцеловала его в лоб и начала успокаивать: — Они не увидят, не волнуйся, скоро поправишься, пальчики твои шевелятся...

Бежали, не чувствуя под собой ног, все дальше и дальше удаляясь от места, где оставили Шурика. Мать несла Арсения, отец — мешки, держал за руку меня. Жители близлежащих деревень и хуторов считали, что блокада продлится недельку, ну, от силы — две, а потом все возвратятся в свои дома. Так думалось. Мы, малышня, ничего этого не знали, и нам в какой-то мере было даже интересно путешествовать по лесам, болотам, перелескам... Но грохот тяжелых машин, выстрелы минометов, трескотня автоматов и пулеметов пугали нас, заставляли думать о спасении. Родители переговаривались только шепотом, и мы подражали им, понимая, что в любой момент могут нагрянуть немцы.

Вышли на опушку. Все были измазанные, мокрые с головы до ног. Батька отрезал каждому по кусочку черного хлеба, наверх положил ломтики сала. Мать беспрерывно сгоняла с личика Арсения комаров, успокаивала его, а он все хныкал и хныкал, и она очень боялась, чтобы не заплакал. Отец куда-то отлучился, и мы тревожились, чтобы он случайно не попал в лапы фашистов. Спустя некоторое время он прибежал и, запыхавшись, полушепотом сказал:

— На дороге немцы... Надо уходить. — Схватил мешок. — Видел семью Райских, пошли они к Бараньему Бору, все туда бегут... Они хотели с нами вместе, но я посоветовал прятаться отдельно. Куда деться? Нас шестеро ды их аж одиннадцать душ...

Кто, когда и почему Бор назвал Бараньим, никто толком не может объяснить и сегодня. Местные жители этот большой участок леса прекрасно знали. Преобладали мачтовые сосны и красавицы ели. Здесь, наверное, была благодатная почва, плодилась крупная черника, на белом мху издалека виднелись шляпки боровиков. Люди потянулись к этому Бору в надежде пересидеть нашествие оккупантов. Говорили: они не доберутся сюда через Косовец. До Столбцов — более тридцати километров, столько же до Мира и Кореличей, а про Воложин, Барановичи, Щорсы и Налибоки и говорить не приходится. Горько ошибались.

На третий или четвертый день блокады нас захватил сильный ливень. Не спасли мохнатые ели-шалаши, куда мы прятались, как мыши в стогу соломы. Вымокли

до последней нитки. Дрожали как осиновый лист. Хлеб превратился в тесто. Мы все-таки его ели, сгребая с мешковины раскисшие крошки. Другого ничего не осталось.

Отец пытался несколько раз прорваться к лежащему на возу Шурику, но путь преграждали фашисты. Оккупанты принялись планомерно прочесывать лес. Поквартально. Шли цепью, как загонщики на охоте, с той лишь разницей, что не криком выгоняли людей, а огнем автоматов и винтовок. Тот, кто появлялся у них на глазах, расстреливался на месте, а тот, кто, обезумев, бежал от загонщиков, натыкался на квартальную линию. Особенно пострадали те, кто оказался впервые в пуще и не знал, что на их дороге могут быть линии, разделяющие лесные массивы на кварталы. Эти линии часовые просматривали довольно-таки далеко. Отец искал участок, чтобы проскочить незамеченными, но, увы, сделать этого не смог.

Надо сказать и о том, что батька трудился и жил в здешнем краю с тремя братьями на хуторах в своих домах с земелькой в несколько десятин. Лес для них был как дом родной. Тридцатисемилетний крепыш, выносливый и сильный мужчина, если бы был схвачен карателями, его немедля расстреляли бы или повесили как лесного «бандита». Так фашисты называли народных мстителей. К партизанам в полном смысле этого слова родители не относились, но помогали им всем чем могли: отец отдал собранное им оружие после отступления наших войск, одно время укрывал на хуторе красноармейцев, снабжал их продуктами... Мать пекла хлеб, стирала белье, шила, штопала носки, чинила одежду...

Батька шел во главе семьи. Мы за ним цепочкой поспешали, не обращая внимания на кровоточащие царапины на босых ногах. Сзади нас слышались выстрелы будто кто-то хлопал в ладоши. Он остановился, прислушался и, медленно переставляя ноги, двинулся дальше. Его шагов не услышал бы лесной зверь. Поднял руку, и мы замерли, не понимая, в чем дело. Потом он прошел несколько метров вперед и вдруг рванулся назад, пулей промчался мимо нас. Мы оцепенели, соображая, куда он эдак побежал, но тут же устремились за ним, не теряя его из виду. Пролетев метров сто, папа замедлил бег, перевел дыхание. Мы окружили его и с нетерпением ждали, что он скажет.

— Чуть не уткнулся носом в спину немцу. Он стоит там, на линии, — отдышавшись, сообщил нам и, лавируя между елями и соснами, устремился вдоль этого рубежа.

Через каких-либо полсотни шагов приостановился, услышав стрельбу впереди нас, круто повернулся туда, где виднелся просвет между деревьями. Дальше идти было опасно: каратели и с этого направления приближались к концу загона. Что делать? Где выход? Стрельба шла и справа, и слева, и за нашими спинами. Все! Окружены! Кольцо сжималось. Нас прижали окончательно. Родители и мы за ними, пригнувшись, начали подкрадываться к самому краю квартальной линии.

— Дети, ползите за мной, — наш папаня опустился на колени, лег на живот, вытянувшись во весь рост, и пополз в противоположную сторону от смертельной черты.

Я двинулся за Ниной, прижавшись всем телом к земле так, что пилотка съехала с головы на лицо, не видя, куда ползу и сколько еще осталось, чтобы подняться во весь рост. Вдруг почувствовал, как отец коснулся моей спины: «Вставай, сынок! Хватит!» Отдышавшись, вытер пилоткой пот с лица, отряхнул с колен и рук грязь. Сочилась кровь на ладонях и ногах.

Последними ползли мама и Арсений. Он, как-то неуклюже расставив ручонки и ножки, карабкался за ней. Головка его почти упиралась в стопы матери, он не отрывал детских глаз от ее пяток. Он начал отставать, и мы боялись, что внезапно встанет на ноги. Все с трепетным волнением следили за ним, готовые тут же подползти к нему, прижать к земле и вместе доползти на спасительную сторону.

Дитя не понимало, что творится вокруг, но чувствовало угрозу и, передохнув, как могло передвигалось дальше. Мать добралась до нас, встала, и неотрывно смотрела на сынишку, заливаясь горькими слезами. Ладонями закрыла себе рот,

потом присела на корточки, шепотом принялась звать Арсения и как только он приблизился, протянула к нему руки, подхватила под мышки и осыпала поцелуями его личико.

— Сыночек, мой тыродненький, мой ты миленький! Как же ты не заплакал! Как ты додумался, что надо и тебе ползти! — она причитала, сжимая в объятиях тельце своего любимчика.

— Надо уходить отседова! — отец рукавом тоже смахивал слезы. — Кажись, спаслись. Васюта, дай мне меньшего, а сама иди последней и за детьми поглядывай.

Багульник

Мы отошли на приличное расстояние от места, где перехитрили врагов. Выстрелов не было слышно. Лес, травы и вся растительность в наступившей звонкой тишине благоухали. Но силы иссякли. Отец выбрал более-менее сухой и чистый клочок земли возле старой ели. Сгущались сумерки. Он наломал веток, притащил охапками папоротника, расстелил, и мы попадали на эту душистую постель.

— Спите, детки. — Сам пристроился у ствола дерева, плотно прислонившись к нему спиной, расчесал пальцами мокрые, сбившиеся и побелевшие от жары волосы. — Утречком пойду к Шурику, а вы будьте здесь...

— И я с тобой! — Володя (ему было тогда тринадцать лет) поднял голову, услышав тихий голос батьки.

— Хай иде, — мать поддержала его просьбу. — Можа, трэба будя подмога... Я с ними тутачы буду.

Измученные, голодные, напуганные карателями, мы так крепко уснули, что не проснулись даже тогда, когда наступило утро и солнце косыми лучами заглянуло в лесную чащу. Батя нас вовсю тормошил, но мы, подняв голову, снова без сил опускали ее на колючую подстилку. Тогда он, чтобы прогнать у нас сонливость, шепнул: «Немцы». Вмиг мы подхватились, засуетились, готовые куда-то бежать...

Торопились. Мама завернула Арсения в дерюгу, соорудила за спиной что-то похожее на мешок, и все двинулись за отцом. Помню, мои ноги, голые до колен, были все в царапинах с запекшейся кровью. Подобные раны имелись у Володи и Нины. Не было у нас ни йода, ни бинта, даже простой тряпки, чтобы перевязать глубокие порезы. Но что это по сравнению с ежеминутно витавшей над нами смертью!

Опять шел очередной загон. Стрелки стояли, как телеграфные столбы, не только на квартальных линиях, но и на прямой, как натянутая струна, дороге, что пролегла более чем на семь километров от гостинца до хутора Черная. Здесь стояла техника оккупантов, ходили часовые, готовые пристрелить любого.

— Не пройдем, — прошептал отец. — Попробуем на север, там, вроде бы, стрельбы не слышно...

Я помню печаль отца. Он стоял с опущенной головой от безысходности, а мы жались к его ногам.

— Если меня убьют, вы... Держитесь друг друга, матери, в случае чего разбегайтесь по лесу...

Отец попрощался с мамой, потом каждого из нас обнял, поцеловал, и я до сих пор ощущаю его колючую щеку, запах пота и вкус соленых отцовских слез, попавших мне на губы...

Мы пробежали с полкилометра и... замерли. Впереди раздались автоматные очереди и винтовочные выстрелы, послышались крики.

Мы выскочили на обширную, в несколько гектаров поляну, поросшую сплошным кустарником. Отец немедля бросился в эти заросли, а мы за ним гуськом. Со стороны нас, детей, нельзя было заметить, виднелись лишь головы родителей. Трудно пришлось пробираться сквозь эти «джунгли», но другого выхода не было.

Вдруг папа тихо проронил: «Ложитесь в борозду! Ни звука!» Мы тотчас попадали в углубления лесопосадок, он прикрыл нас и сам куда-то скрылся. Куда? Спрашивать было некогда. Мы затаились. Оцепенели. Стрельба приближалась. Палили из всех видов оружия: винтовок, автоматов, пулеметов, несколько раз что-то ухнуло так, что земля вздрогнула. По ком они вели пальбу, мы понятия не имели. Она все приближалась и приближалась. Послышались шаги, чужой говор людей, пробирающихся по кустарнику. До сих пор помню, как поблизости шаркали чьи-то ноги.

Мы — не дышали. Смертельная угроза нависла над нами. Стоило кому-то из нас чихнуть или заплакать, как все тут же очутились бы в лапах охотников за людьми и нам был бы каюк. Но послышался крик, кто-то кого-то позвал, шаги удалились, стрельба постепенно затихла.

Пережитые минуты так сковали нас, что не смели вставать, пошевелиться всем телом. У меня кружилась голова, звенело в ушах. Только Арсений тихонько спал между ног мамы. Молчали. И вот что странно: никто не взволновался отсутствием отца, тем, как он перенес этот кошмар. Не слышали, как он осторожно, почти неслышно приблизился к нам и шепотом сказал:

— Кажись, ушли. Вставайте! — Он нагнулся над нами, вглядываясь в спящих детей, жену и радуясь, что все живы.

А мы не могли оторвать головы от земли с непонятным нам запахом. То был запах багульника. Спустя много лет мы с батей, ставшим после возвращения с фронта лесником, пошли в тот квартал, где гонялись за нами фашисты. Нашли ту плантацию вечнозеленого кустарникового растения. Лесопосадку, где мы укрывались от гибели, трудно было узнать: гладкоствольные красавицы сосны чуть шевелили верхушками, словно разговаривали с кучевыми облаками, плывущими в мирном небе. Багульник в просветах был высотой больше метра. Сорвал пару узких, кожистых листочков и заметил на кончиках ветвей белые мелкие цветочки-зонтики. Понюхал. Они дохнули сильным одурманивающим запахом. От отца узнал, что растение это ядовито и у животных вызывает отравление. Но цветочки и листья используются как лекарственное сырье. Вот такие парадоксы природы.

Пилотка

Мы уходили один за другим цепочкой. Никто не знал, куда держит путь отец и где мы окажемся через час-другой. Одно желание владело нами: быстрее скрыться и не слышать выстрелов, громыхания тяжелой техники, гортанных голосов.

Трудно сказать, насколько мы удалились от багульника, но в какой-то момент остановились как вкопанные, заметив на лесной тропе медленно бредущих коров, жалобное мычание которых разносилось по окрестностям. Их было много, разных мастей, носились вокруг них телята, потерявшие своих матерей. Где-то позади покрикивали погонщики, видимо, полицейские или местные жители.

— На Зуберово, на Столбцы гонют, — прошептал отец, выглядывая из-за толстого ствола дерева.

Буренки плелись лениво, вразброд, словно знали, что кнутами и палками заставляют их идти на убой. Некоторые останавливались и хватали скудную лесную траву, протяжно мычали, пронзительными трубными голосами оповещая пущу о своей печальной участи. Этот последний марш животных грустью наполнял детские души, и мы понимали, что ничего не можем сделать для их спасения.

— Может, наша Красуня там? — сказала мать и вдруг воскликнула, забыв о том, что надо говорить только шепотом: — Вон она, Уладик! Вон! Я позову ее, хай домой идет! Она послушается меня...

И мы ее заметили. Были так обрадованы, как будто встретили родного человека. Не ожидая согласия батьки, мама вышла в просвет меж сосен и, вытянув правую руку, принялась тихонько звать свою любимицу:

— Красуня! Красуня! Иди ко мне, милая!

Корова остановилась, прислушалась, уловив знакомый голос, мотнула ушами от радости и ходко направилась к нам. Мы были на седьмом небе от радости, окружили маму в ожидании Красуни, но тут же нас охватил страх: корову могли заметить погонщики, и тогда нам несдобровать.

Буренка подошла, смотрела, как нам казалось, обрадованными глазами на знакомые лица и вроде бы хотела что-то сказать.

— Уладик, посмотри, ой, бедняжка, у нее вымя разбухло, — заметила мать, присела на корточки и проворно принялась доить.

Струи молока падали на хвойную подстилку, а мы стояли около матери и чуть не плакали, что такое добро пропадает. Готовы были подлезть под вымя и сосать эту драгоценную жидкость. Мать попыталась Арсения подсунуть под сосок, но корова искоса посмотрела, что там с нею хотят сделать, и недовольно отпрянула. А как хотелось пить! Тогда папа подставил под тугую струю пригоршню и, когда она наполнилась, быстренько поднес мне. Но молоко почти все пролилось. И тут его осенило. Он снял с моей головы пилотку и подставил ее под обильные белые струи. Все успели сделать по несколько глотков.

Пилотка досталась мне в дни отступления советских войск. Они двигались по гостинцу несколько дней и ночей, торопились выскочить из «котла», в который попали многие воинские части. А когда кольцо окружения сомкнулось, многие бойцы и командиры остались в пуще.

Голодные, оборванные, измученные, частенько тайно, а чаще всего ночью заглядывали в близлежащие деревни, расположенные на окраине пущи, и на хутора. Однажды поздним вечером кто-то постучал в окошко и нашей хаты. Неизвестные зашли в дом: при погонах, с оружием, в фуражках...

— Васюта, дай им поесть. — Отец ушел в другую комнату, и больше никто из нас не проронил ни слова.

Крестьяне в таких делах всегда проявляли осторожность, тем более что уже произошел печальный случай. Под видом красноармейцев бывали и предатели в форме советских бойцов. Жители хуторов знали, как «бобики» расстреляли одну семью. Хозяин их принял за солдат Красной Армии и проговорился, где надо опасаться полиции, передал им новый автомат ППШ...

Бойцы поблагодарили за еду, а один из них достал из командирской сумки пилотку и нахлобучил на мою голову так, что она закрыла уши.

— Носи, малец, звездочку береги...

Моей радости не было предела, сто раз я смотрел на звездочку, сто раз примерял эту обновку и никому не давал даже поносить. Мне казалось, что я самый счастливый человек на свете и мне все завидуют. Пилотку я не снимал весь день, а ночью хранил под подушкой.

Зимой мама прятала ее в сундуке. Но порой по моей просьбе она поднимала тяжелую, обитую железными полосами крышку, и я проверял, на месте ли подарок.

Со временем она побелела от солнца, края замусолились, только воинский значок не изменялся.

И вот теперь она оказалась очень кстати. Мама еще раз наполнила ее доверху. Потом обняла за шею свою любимицу, погладила, приговаривая на прощание добрые слова: «Иди, милая! Спасибо тебе!»

— Уходим! — Отец двинулся дальше.

Красуня некоторое время шла за нами и жалобно мычала. Мы оглядывались с грустью и жалостью. Она не поспевала за нами и вскоре скрылась за деревьями.

Пансак

После отцовской разведки мы вышли к хутору Максимовича, что располагался на окраине обширного Косовца, в ста метрах от речки Рудьмянки. От усадьбы через пущу тянулась добротная дорога до деревни Зуберово, и дальше шла до Столбцов.

У хутора собралось много семейных. Грелись у большого костра, сушили одежду после грозового дождя, пекли в золе картошку, готовили из трав чай...

Расползлись слухи, что немцы ушли из лесов и сейчас собираются на гостинце в колонны. Что они будут предпринимать дальше, никто не мог сказать. Не ожидая появления угрозы, многие решили не рисковать, а уходить в более укромные места, дабы не попасть в лапы фашистов.

Мы приютились в стороне от усадьбы. На малыша Арсения было больно смотреть: его лицо то ли от болотной воды, то ли от голода, то ли от укусов летающих кровососов — комаров, мошек, слепней, оводов — опухло так, что не видно было глаз, торчал лишь носик... Не голова, а футбольный мяч. Он не плакал, не ныл, ничего не просил... Сил у него не было вовсе, да и мы (Володя, Нина и я) ослабли так, что ни говорить, ни двигаться совершенно не было желания. Хотелось одного — лежать и молчать, смотреть и ничего не делать.

— Васюта, пайдзі да огню, вазьмі пансаку, — услышали голос Максимовичихи. — Зусим дзеці твае знямогліся…

Эту женщину обошло счастье по ее собственной вине. Как говорили хуторяне, будучи беременной, она пошла на «прием» к знахарке и с тех пор лишилась способности рожать. Жили с мужем в мире и согласии, в доме разве что птичьего молока не было. Детей любила и частенько заглядывала к нам с подарками: то леденцов принесет, то бублик, то кусочек пирога... Это были люди, обладавшие самым великим богатством — щедростью. Мама уважала ее за доброту, отзывчивость и ласку к детям.

Мать обрадованно поднялась и, еле переставляя ноги, потянулась к костру. Она где-то у кого-то выпросила котелок, две выщербленные деревянные ложки и осторожно принесла сваренной крупы на чистой воде без приправ.

— Ешьте, детки! — тихо выдавила из себя мама и одну ложку передала отцу.

У нас был принят такой порядок: первым за столом начинал есть глава семьи. Он дрожащей рукой зачерпнул варева, подул на него, глотнул один раз, второй, потом несколько раз отведала жижки мать. Мы с нетерпением ждали своей очереди и не сводили глаз с родителей.

— Крупинка крупинку догоняет, — мама передала ложку Владимиру, а отец Нине. — Патрошки, детки, каб усим хапила. Арсению дам чуть-чуть...

Какой смачный был пансак! Передать вкус этого кушанья, пахнущего дымком, с размякшими крупинками из раздробленных зерен то ли ячменя, то ли пшеницы, то ли гречихи или овса, — невозможно! Хрустящие крошки сами в рот лезли, тело наливалось теплом и бодростью. В один миг мы выхлебали содержимое котелка, облизали ложки, и нам почудилось, что вновь обрели прежний вид и силу. Мать отнесла посуду, а возвратилась с небольшим, со спичечную коробку, кусочком хлеба, который также оказался необыкновенной вкуснятиной. Она буквально по крошке дала нам, поднесла размякший ломтик к губам Арсения, и малыш сразу начал жалостливо просить: «Дай! Дай!» Мама прижала его к себе, гладила по головке и умоляла, успокаивала, чтобы он не плакал.

Спустя многие годы, уже в XXI веке, мы по случаю 60-летия Великой Победы собрались за праздничным столом у Александра Синицы — мужа моей сестры Нины. Пожилые и молодые. Родственники, их дети и внуки. Шумно, весело. На столе — чего душа пожелает: напитки, всевозможные холодные и горячие закуски. Не было здесь наших родителей, не было брата Арсения, умершего в больнице после операции, не было Шурика.

Были тосты. Вспоминали всех поименно. Живых и мертвых. Старшие заговорили об оккупации, как пережили блокаду... Незаметно разговор переключился на то, кто что едал вкусное в своей жизни.

— Объедением для меня был и останется наш пансак. Ничего и никогда вкуснее не ела, — задумчиво произнесла Нина, и ее глаза повлажнели, видимо, вспомнила блокадные дни. — Да, да, не удивляйтесь, наш белорусский пансак! Он спас нам жизнь. Мы были на пороге смерти.

— Что это такое? — поинтересовался кто-то из молодых.

Нина, толковая хозяйка и повариха, ответила кратко и ясно:

— Крупа без мяса, картофеля, пряностей и соли. Пансак легко сделать. Зерно очистить от шелухи можно в обыкновенной ступе. Толочь надо недолго. Вот и получается крупа или, как у нас ее называют, пансак, — пояснила она.

Молодые парни и девчата снисходительно улыбнулись, дескать, нашла бабушка, чем хвастаться, а пожилые гости, среди которых были и ветераны, и те, кто пережил ужасы фашистского нашествия, опустили головы, молчали и о чем-то думали. Наверное, о том, как им до ума и сердец донести правду о невиданных бедах и горестях, обрушившихся на нас с приходом гитлеровцев. Чтобы они помнили и не прощали.

Каждый из переживших блокаду помнит ужасающие дни, кусочки хлеба или лепешки из желудевой муки, печеные картофелины и вкус болотной воды...

Лодка

Тогда, после «сытного» обеда, мы спали до самого вечера как убитые. Разбудила мама, вернее, Арсений протяжным громким плачем. Она дала ему попить водицы, взятой из речушки, обвязав горлышко бутылки косынкой, сложенной в несколько слоев. Считалось, что через такой фильтр вода очищается от разного рода опасных для здоровья примесей и букашек. Вдруг мама насторожилась, приподнялась и ахнула, принялась тормошить отца.

— Уладик, там немцы!

От этих слов батька подхватился, встал на колени и из-за высокой травы стал смотреть, что творится на хуторе:

— Буди детей, отползаем в лес...

На хуторе происходило что-то ужсное. Фашисты орали, суетились, ударами прикладов гнали людей к повозкам, среди которых были и такие, что, казалось, вот-вот развалятся. Все догадывались, что их будут отправлять в Германию. Стоял невообразимый гвалт, плач, вопли, изредка раздавались выстрелы. Огромное стадо коров, быков, овец, окруженное полицией, беспрерывно и протяжно мычало, блеяло на все лады, и печальный зов животных разносился окрест. С обозом и животными полицаи-охранники торопились выбраться из дремучего леса, чтобы по полевой дороге гнать их на железную дорогу к Столбцам.

Мы шли за отцом. На повороте речки, в густой осоке затаились. Когда лес окутался щемящими сумерками, папа с Володей пошли проведать Шурика. Всем идти туда было опасно: а вдруг там устроена засада? Родители за прошедшие дни после разлуки с сыном измучились неизвестностью за его судьбу, ежеминутно переживали, как он там в одиночестве. Может, он пить хочет, не может достать из графина остаток меда, может... Сколько было этих тревожных «может»! Не терпелось узнать про своего первенца — четырнадцатилетнего сыночка. Мы не смыкали глаз, ждали вестей. Мама была уверена: ее любимый Владимир (она говорила — Уладик) — ловкий и опытный следопыт-охотник, так подойдет к повозке, что немцы, если они сидят в засаде, не услышат и не увидят его.

Было темно, когда услышали шорохи. Помню, батя как привидение внезапно вынырнул из высокой осоки, а за ним поспевал Володя. Они заплакали и не могли проронить даже слова. Потом сквозь рыдания, сдерживая себя, папа прошептал:

— Нет нашего Шурика. Убили, зарезали, изверги…

Горе нас так потрясло, что мы разразились громкими рыданиями, лишь малыш не понимал случившейся трагедии. Мы, обессиленные, попадали около большой одинокой сосны. Мама прижала нас к себе, беспрерывно косынкой смахивала слезы, успокаивала всех: «Тихо, детки, тихо!» Отец сидел тут же рядом, обхватив руками голову, и плечи его вздрагивали от рыданий. Так, сидя под сосной, мы ждали утра.

Июльские ночи коротки.

С рассветом мы, соблюдая осторожность, прокрались к тому месту, где прятали под елью Шурика. Повозка была вытащена из-под мохнатых ветвей, и увидев ее, мы бросились к мертвому братику. Все обливались слезами. Я смотрел в его открытые глаза, в муках застывшее лицо. Видно, что его пытали. Рядом с окровавленной головой лежали разбитые бутылка и графин, на груди были видны ножевые раны с запекшейся почерневшей кровью, вывернутые пальцы... Маленькое отверстие от пули заметно было у левого виска, с красными пятнами подушечка валялась на земле. Что мог сказать паренек? Как мог ответить на вопросы гитлеровцев — где прячутся партизаны, где семья? Он мог сказать безошибочную правду — в лесу, ищите... Одно он не сказал, что родители обещали вскоре прийти за ним. Так рассуждал мой отец, рассказывая о гибели сына нам, когда Шурика перезахоронили на хуторское кладбище, а позже установили на могиле табличку из нержавеющей стали с надписью на века: фамилия, имя, отчество, убит фашистами в блокадные дни июля 1943 года.

Сколько мы пробыли у повозки, не припомню, да и родители не могли сказать. Но когда услышали сливающийся воедино гул машин, заторопились. Надо было вновь уходить от погони. За отцом бросились в глубину пущи. Прошли приличное расстояние и, к счастью, не встретили карателей. Отец высказал предположение, что немцы из лесов ушли. Решено было идти в лесничовку, где мы до блокады жили.

Добротная усадьба строилась при панской Польше: оштукатуренный деревянный домище, большое гумно, хлев, шишкосушилка, бетонный погреб, два моста через Рудьмянку — один для холопов, второй, ярко окрашенный, узенький, пешеходный, — только для шляхты. Вот сюда мы держали путь, крадучись, часто останавливались и прислушивались.

Миновали Горки, бесшумно подкрались со стороны построек и, не говоря ни слова, повернули назад, увидев немецкие машины и солдат, суетившихся во дворе. Дымилась кухня, и легкий ветерок донес до нас запах чего-то очень вкусного, и так закружилась голова, что хоть падай. Мы облизывались и глотали слюнки. Раздавались крики, команды, играла губная гармошка. Было ясно, что в лесничестве нам места нет, а блуждая по чащобам, тропам и дорогам, запросто можно нарваться на выходящих из глубины лесов немцев.

Не помню, как мы оказались около Немана, напротив небольшого селения Криничное. Оно расположено на высоком левом берегу реки. Страх прижал нас к воде. Замерли, не решаясь что-либо предпринять. Могу сейчас предположить, что батя от усталости, нервного напряжения, голода и всяческих передряг потерял способность быстро и точно находить выход из сложной ситуации. Человек выдохся, он больше не знал, что делать, куда уносить ноги, чтобы остаться в живых.

Шепотом переговаривался с мамой, решая, как быть, куда податься. Пришли к выводу: спасение на том берегу, куда немцы не пожелали добираться в поисках лесных «бандитов», по-видимому, считая, что их там быть не должно. Леса здешние жиденькие, небольшие, да и партизаны прекрасно понимали: немцы могли их прижать к реке. Инстинкт отцу все-таки подсказал: спасаться надо в Криничном. Но как переправиться?

— Уладик, лодка каля вербы схована! Дырявая, холера яе возьми, — вдруг крикнул с того берега знакомый отцу мужчина. — Хай хлопец черпаком выгребае воду, а ты палкой толкай. Не зевай, браток!

Батька стремительно бросился искать лодку. Позвал нас. Расселись. Володя взял что-то похожее на черпак, выдолбленный из толстого бревна. Папа на корме занял место, мама присела на носу этого дырявого корыта, а мы пристроились посредине, ухватившись за борта. Лодка, как под парусами, шибко тронулась с места и поплыла, разрезая неманскую волну, но вскоре шест уже не доставал дна, и ход ее замедлился. Володя что было силы торопливо вычерпывал воду, струившуюся из многих щелей, но она неудержимо наполняла дряхлое суденышко, и вот-

вот оно могло пойти ко дну. К тому же ее на середине Немана начало сносить вниз по течению, но тут отец почувствовал опору и принялся рьяно толкать посудину к берегу.

— Возьми Арсения на плечи! — крикнул батька маме, поняв, что тонем. — Прыгайте к берегу, там мельче...

Лодка не дотянулась метра два и плавно опустилась на песчаное дно. Батя подхватил меня и бросил на мель. Я с головой окунулся в воду, торопливо хватал руками какую-то зелень, пыхтел, выплевывал мусор вместе с песком и всеми силами карабкался к берегу. Мать по пояс в воде бултыхалась, одной рукой держала меньшенького, второй толкала плывущего Володю, а Нина вскарабкалась на плечо отцу.

— Искупались! — мужчина подошел к нам. — Приготовился вас ратавать... Пойдем у хату. Немчуров нет пока. Им некогда, хозяйничают на хуторах, грабют, сволочи, потом палить будут.

Стекала вода с нашей одежды. Тут я непроизвольно провел рукой по мокрой голове и… онемел. Все уставились на меня, стоящего как истукан, и думали, что со мной случился какой-то нервный припадок. Придя в себя, я выдавил плаксивым голосом:

— Где моя пилотка? Пропала…

— Вон она, вон — чуть видна, на середину ее сносит, — Володя побежал по песчаному берегу, показывая рукой. — Ее теперь не достать! Не горюй, братик!

Тогда мне казалось, что произошло большое несчастье, что я лишился подарка в такой, как мне представлялось, простой ситуации, пройдя и пережив страшные дни блокады. С тяжелым душевным чувством я плелся за всеми к дому нашего спасителя.

Хозяин пригласил нас за стол.

— Ну что ты, сынок, так переживаешь! — Мама положила передо мной картофелину. — Ешь, ешь! Будет тебе хныкать! Ее не вернешь, не догонишь… Выбрось из головы и ешь…

Голод взял свое.

Мы с аппетитом уплетали вареную в мундирах картошку, макая ее в щепотки соли, кучками насыпанной на кухонном столе, и запивали кипятком, пахнущим вишней. Спали всю ночь в гумне. К счастью, все обошлось тихо. Казалось, что наконец-то окончился кошмар, длившийся бесконечно долго. Дети, как мы поняли позже, чувствуют страх в момент опасности, но не могут душой почувствовать ее масштабы и последствия.

На второй день хозяин сказал, чтобы мы ушли: по его сведениям, на хутор могут заявиться каратели. Понятно, боялся он и за свою жизнь, и жизнь своей семьи. В обед с высоты высокого берега Немана мы увидели, как один за другим загорались хутора. Была безветренная погода, и огромные столбы дыма тянулись к небу. Они поднимались все выше и выше, и там, в небесной выси, превращались в сплошные серые облака. Мы не сводили глаз с этого красивого и грозного зрелища, и нас охватывало странное чувство: любопытство, жалость, страх, ненависть и презрение к фашистам... Все в эти минуты слилось воедино. Наблюдали молча. Первым не выдержал безмолвия отец:

— Лесничество загорелось, — он вытер рукавом слезы, заметив взметнувшийся смерч огня от полыхающих построек. — Вот и брательника Павла усадьба в пепел превращается... А вон и Ледецких... Сжигают все, варвары! Глядите, детки, запоминайте...

Потом дрогнула земля, это, по словам отца, оккупанты взорвали бетонный погреб.

Делать было нечего. Родители поблагодарили хозяина хутора за помощь, доброту и двинулись в деревню Малая Обрина к другу батьки Мокоту. Спустя день-два, минуя деревни Еремичи, Синявскую Слободу, пробрались в родные места. На пепелище.

Последний оккупант

Когда немецкие войска по гостинцу уносили ноги, показав пятки, партизанское командование разрешило вернуться в землянки. От речки Черная, забрав кое-какие продукты, мы двинулись по лесной просеке. Она во многих местах была перекрыта поваленными деревьями. Их специально спилили, чтобы затруднить фашистам проникновение в пущу. Приходилось обходить эти завалы. Мы с опасением брели, минуя болотистые участки и загромождения, соблюдая тишину, чтобы не натолкнуться на блуждающих гитлеровцев. А это по прямой более семи километров! Так что еле выбрались к гостинцу, в который под прямым углом упиралась эта просека.

То, что мы увидели, не поддается описанию: стояли сотни фашистских горящих машин, валялись мотоциклы, танкетки, ящики со снарядами разного калибра, оружие и масса самого различного барахла. Кое-где замечали трупы солдат и лошадей в упряжке, над которыми тучами кружились мухи... Идти мимо было наказанием — стоял нестерпимый смрад. Наши войска гнались за оккупантами, и, понятно, те дали такого драла, что по всему гостинцу и обочинам лежали загнивающие продукты, награбленная одежда крестьян, посуда и даже мешки с неочищенной домашней птицей.

Были также вещи, необходимые в хозяйстве. Около хутора Дербуновича стояла большая мастерская, наподобие современной «летучки». Люди быстро сориентировались, несли из нее домой напильники, сверла, стамески, молотки и прочее. Отец приволок в нашу землянку оставшееся неповрежденным кресло, просторное, с подлокотниками из добротной фанеры, гнутой спинкой... «Генерал сидел», — авторитетно пояснил он и водрузил его около стола из нестроганых досок. И мы все по очереди садились, утопая в нем по самые уши.

В теплые июльские ночи мы спали вблизи землянки в сосновом лесочке на земле, устланной свежим сеном, которое для нас заготовил отец. Так мы спасались от кровожадных насекомых.

А проснулись мы оттого, что услышали плач матери. Сбросили с себя рваные одеяла, покрывала и увидели отца, обнявшего мать. Он ее нежно успокаивал: «Береги детей, — говорил он, — если что — обращайся за помощью к братьям Павлу, Иосифу... Ну-ну, не убивайся уж так. Авось повезет! Вернусь! Пойду с детьми попрощаюсь».

Он наклонился надо мной и колючей щекой прижался к моему лицу: «Мамке помогайте, слушайтесь ее!» И пошел бодрой походкой к гостинцу, несколько раз оглянулся, помахал рукой. Куда? Зачем? Почему прощался?

— Наш папка ушел в армию, — только и смогла сказать мама, заливаясь горькими слезами.

Время летело быстро. Для нас наступил час заняться серьезными делами. В деревне Синявская Слобода (в пяти километрах от хуторов) открылась начальная школа в чудом уцелевшем доме. Он и сейчас стоит на самом берегу Немана. В маленькой комнатушке в то время помещался сельский совет, а в большой — школа. Все четыре класса учились вместе. О тетрадях и карандашах мы понятия не имели и толком не понимали, что мы в этой школе будем делать и чем заниматься.

Если сказать откровенно, то вопреки утверждению знаменитостей, рвавшихся в школу и с четырех лет познавших грамоту, мы особенно-то никуда не спешили и не радовались возможности познать грамоту. Но веление матери для всех было законом.

Хлопцев больше всего прельщали валявшиеся на дороге и в лесу оружие. Мы его собирали и хранили вблизи жилища. У меня была, как пояснили старшие, бельгийская винтовка и один патрон к ней с пулей с закругленным кончиком. Брат Володя, увидев его, выхватил из моих рук и выломал из гильзы, чтобы не стрельнул нечаянно в кого-нибудь, а гильзу с порохом заткнул бумажкой.

У взрослых имелись винтовки, автоматы, ракетница, гранаты, наган. Многие парни гибли по незнанию и обыкновенной глупости. Один из них нашел мину от миномета и пошел глушить рыбу. Как? Хотел взрывателем ударить о камень и быстро бросить в реку. Пожилые мужики ему доказывали, что он не успеет этого сделать, а «смельчак» так уперся, что отговорить его от этой затеи не удалось. Разнесло бедолагу вдребезги, похоронить нечего было. Второму гранатой оторвало обе кисти, третий вздумал из запала для гранаты сделать мундштук... Мы, дураки, разложили огромный костер, вдвоем приволокли артиллерийский снаряд и недолго думая бросили его в огонь. Несколько секунд стояли и смотрели, что будет дальше, а потом с хохотом бросились наутек и залегли за небольшим бугорком, чтобы увидеть сам взрыв. Не успели отдышаться, как так грохнуло, аж земля задрожала. Воронка образовалась глубиной в рост девятилетнего подростка. Стоящая рядом с костром толстая ель была срезана осколком как бритвой. Смерть миновала нас.

Отец и другие мужчины были еще на фронте. По лесу шастали бандиты, те, у кого руки были в людской крови. Старшие хлопцы вечерами брали оружие и палили в темноту из всех имеющихся стволов, даже бросали в пущу мины из минометов. Это был своеобразный сигнал лесным «братьям» о том, что хутора охраняются и есть чем их защитить. Некоторое время они боялись появляться у нас. Но все же банды врывались в наши землянки и грабили, убивали...

Как-то осенним вечером двое парней ушли в соседнюю землянку на посиделки, а Миша (фамилии его никто не помнит) — бывший адъютант комиссара Петра Коновалова, не захотел идти с ними и остался с хозяйкой Ольгой Андреевной. Мишу после расформирования отряда Даниила Шаркевича в армию не взяли по возрасту, но ехать в столицу Киргизии с Петром Алексеевичем, где у того был дом, он отказался. Райком комсомола парням выдал два автомата, патроны к ним для защиты населенных хуторов. Мишка был храбрым парнем, не раз ходил в разведку, владел оружием…

Стемнело. Зажгли лучину. Хозяйка сидела около печки, Миша сидел на нарах, держал на коленях автомат ППШ. Вдруг до них донесся шум около землянки: кто-то ходил...

— Пойду посмотрю, что там, — Миша по ступенькам начал подниматься наружу.

Две пули из немецкого шмайсера пробили ему грудь. Пожил он секунды две-три на руках у хозяйки Ольги Андреевны. Так что война в лесу продолжалась.

Запомнился эпизод, смысл которого осознал, став взрослым.

Однажды, подойдя к школе, мы увидели цветной плакат величиной с газетный лист: на лицах малышей нашего возраста светились ликующие улыбки, радость, за их спинами развевались красные знамена, пламенеющие в лучах восходящего солнца, и виднелся портрет сурового человека.... Впервые мы увидели пионерские галстуки, портфели, беленькие рубашечки, пиджачки, туфельки.

Как зачарованные, вглядывались мы в лица этих веселых ребят, ожидая, когда прозвенит звонок, сделанный из гильзы снаряда 45-миллиметровой пушки. И обратили внимание на подпись, напечатанную большими буквами. Четвероклассница Нина медленно, чуть ли не по складам прочитала по-белорусски: «Дзякуй Сталіну роднаму за наша шчаслівае дзяцінства!» Никто из нас ничего не сказал, а в душе порадовались за хлопчиков и девочек, наших ровесников, за то, что они очень красиво живут, а не так, как мы.

В классе я сидел на самодельной парте около грубки, натопленной от всей души дедом-сторожем. Мои ноги в лаптях с портянками так промокли, что с них текла вода на пол. Повернулся к раскаленной печке и прислонил к теплу ноги, не снимая лаптей. Пошел пар. Учитель, добрый человек, увидел это, но промолчал. Идя домой, еще больше вымок. Особенно ноги. Подскочила температура. Лежал пластом. Пил какой-то отвар из трав и поднялся лишь на пятый день. И все это время меня волновал вопрос: почему этот грозный дяденька всем детям и мне при-

ходится родным? Спросил у отца: «Ну, как же! Сталин — батька наш, клапотится о нас». Но я так и не понял, как он заботится обо мне.

Было начало осени после освобождения. Мы заметили вышедшего из большого леса странного человека, направлявшегося по тропинке к нашему жилью. Кто это? Что ему нужно? Насторожились. Обогнали пришельца. Из-за кустов присмотрелись внимательнее. Весь облик незнакомца смахивал на немецкого солдата.

— Немец идет! — крикнули в один голос, забежав в землянку.

— Здурнелі вы, ці што? — не поверила мама.

Всполошились все жильцы. Кто-то бросился к двери, но тут она со скрипом отворились и ввалился давно не бритый, в шинели до пят, с винтовкой, небрежно висевшей на правом плече, человек. Петлицы, погоны, кепка натянута на уши, волосы спадали на плечи. Он кивнул головой, что-то прошептал и присел на скамейку за столом, винтовку прислонил рядом с собой. Он говорил тихо, хрипловатым голосом, показывая грязной ладонью на рот, и бабы поняли, что просит есть.

Тетя Соня, соседка, из печки кочергой вытащила три картофелины, вытерла их о подол, положила перед немцем. Мама принесла молока в стакане, сделанном из обыкновенной бутылки. Сделать такую посуду — раз плюнуть. Одним кругом ее надо обмотать веревочкой, примерно на середине, два человека берутся за концы и «пилят», а третий, когда стекло хорошо нагреется, на это место льет холодную воду. Бутылка лопается там, где была веревочка. Вот и вся премудрость. Потом, чтобы не порезать губы, края такого стакана обрабатывают напильником. Немец внимательно посмотрел на эту самодельную посуду, что-то опять прошамкал, принялся чистить клубни, с трудом откусывал мякоть и запивал маленькими глотками. Плямкал, чмокал от удовольствия, не поднимая головы от стола и не обращая на нас никакого внимания, словно в землянке никого не было.

Мы с нетерпением ждали, когда он уйдет и оставит нас в покое. Черт его знает, что у него на уме? Вошел мой старший брат Володя. Немец даже головы не повернул в его сторону. Он съел все, что ему дали, сидел согнувшись и не собирался уходить. Отодвинул стакан, и голова его упала на стол. Спал он до самого вечера, и никто не решился его разбудить. Проснулся, молча взял винтовку и посунулся к двери, потом по тропинке поплелся к гостинцу.

Мы выскочили из землянки и смотрели вслед горемычному человеку, шедшему с выражением тупой покорности судьбе. Куда он держит путь? Что ищет? Где найдет пристанище?

— А калі назад прыцягнецца? У яго ружжо вунь якое! — заговорили женщины.

— Когда он спал, я из винтовки вытащил затвор, — сказал Володя, и все с облегчением вздохнули.

Это был последний фашист, которого довелось увидеть.

Спустя год отец возвратился домой в солдатской форме и с раненной ногой. Мы с жадным любопытством и гордостью рассматривали на его гимнастерке единственную медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945». Отец из вещевого мешка достал рубанок, который ему подарил немец-старик, каждому дал по плитке печенья, а мне вдобавок вручил гостинец — новую пилотку, напомнив о том, как мы из такого же головного убора в блокаду пили молоко от своей коровы по кличке Красуня.

Не забыл отец вспомнить и про тот эпизод, когда тонула лодка, и он, спасая нас, схватил меня и бултыхнул в прибрежную воду Немана, которая сорвала с моей головы первый в жизни подарок, и тот уплыл вниз по течению реки. Горю моему тогда не было предела. Пришедшие в землянку хуторяне, чтобы проведать Уладика-фронтовика, громко хохотали, хлопали меня по плечу, радуясь вместе со мной, когда я предстал перед ними в боевой отцовской пилотке.

Жить стало веселей.

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

КОГДА Я ВЕРНУЛСЯ С ВОЙНЫ

Я впервые попал в Белоруссию летом 1944 года. Там воздушно-десантные войска целиком переформировывались в пехоту и стали 9-й Гвардейской армией. И были брошены в Венгрию, а дальше прошли с боями Австрию, брали Вену и закончили войну в Чехословакии. Так вот моя 106-я Гвардейская Тульская дивизия проходила переформировку в городе Старые Дороги. Потом я много раз бывал в Белоруссии. Добрые и дружеские отношения связывали меня с тоже бывшими фронтовиками Васей Быковым, Аркадием Кулешовым, Петром Устиновичем Бровкой, Иваном Шамякиным, Пименом Панченко, Наумом Кисликом — всех не перечислишь. Разумеется, встречался я с ними и в Москве. В 1975 году в Минске состоялся грандиозный Пленум Союза Писателей СССР, посвященный 30-летию Победы. На заключительном его вечере Петр Миронович Машеров так эмоционально высовывался из ложи, что его даже придерживали.

Предлагаю читателям «Нёмана» стихи о войне и послевоенном ощущении мира.

Константин Ваншенкин

* * *

Особенное наше поколенье —
Цветенья предвоенного краса.
Оно вводилось в виде пополненья
В неполные полки и корпуса.

Оно тогда осмыслило едва ли:
Его, пока еще не полегло,
Как кровь живую армиям вливали,
И это, между прочим, помогло.

Баллада о последнем

Контролировал квартал
На подходе к дому.
Со стрельбой перебегал
От окна к другому.

Хруст известки. Звон стекла.
Тяжесть ног чужая.
Плохо то, что кровь текла,
Целиться мешая.

Он мечтал укрыться в тень,
Лечь в зеленой пойме…
Два патрона между тем —
Все, что есть в обойме.

Под смородиновый куст…
Не будите скоро…
Только был патронник пуст,
Жалок стук затвора.

С ног внезапной пулей сбит,
Сжался под стеною.
И казалось, будто спит,
К ней припав спиною.

И настала тишина,
Но такого рода,
Что была поражена
Вражеская рота.

В оседающем дыму,
В городском квартале:
— Выходи по одному! —
Мертвому кричали.

Освобожденье

В мадьярском городке, куда наш взвод
Попал после форсированья Рабы,
Невзрачный обнаружился завод,
Где наши девки маялись и бабы.

Там молодуха кинулась ко мне,
Припала, возбужденная причиной,
И стала слабо хлопать по спине,
Как женщина, довольная мужчиной.

Баллада об отпуске

Вытаскивал тайком —
Что ж, дело молодое —
Бидоны с молоком
Вечернего надоя,

Что часто, от тепла,
В колодец опускали.
А ночь уже текла
Из притемненной дали.

Горели под луной
Бидонов белых слитки.
Под крышкой ледяной
Вверху густели сливки.

Девчонок городских
Во тьме светились лица,

И он, жалея их,
Велел не торопиться.

Мерцали небеса,
Поистине бездонны.
Лишь через полчаса
Он опускал бидоны.

Все было оттого,
Что шла война на свете.
Дружков — ни одного,
Одни подружки эти.

Плыла луна в кольце,
Под ней плыла поляна.
Был отпуск при конце,
И подживала рана.

* * *

Как мы кололи дрова
Ранней весною лиловой,
Долго, не час и не два,
За батальонной столовой.

Словно карельский валун,
Мощное это полено.
Все же тяжелый колун
Входит в него постепенно.

Все же достигнута цель
Нашим упорным нарядом —
Клин забивается в щель,
Новый вгоняется рядом.

Треск — и разлом золотой
Крепко крученых волокон,
Словно шутя завитой
Давний девический локон.

Холод сгустившейся тьмы.
Дерево разной породы.
Речка в овраге — и мы,
Близкие силам природы.

Так выпадает стволу
Молнии полная доза,
Так рассекают скалу
Клинья воды и мороза.

* * *

Задумчивыми глазами
Вдруг встретились за столом —
На миг растерялись сами,
Увидев себя в былом.

Не вспыхнувшие поленья
Ночного костра того…
Взаимное сожаленье,
Что не было ничего.

Из-за двери

Она ему: — Сюда нельзя!
Я не одета. — Он: — Да ладно! —
Признать приходится — не зря
В нем бездна легкого таланта.

Она свое: — Еще нельзя! —
Он вновь стучит в стремленье остром,
Ее, однако же, не зля,
А трогая таким упорством.

* * *

Ты потянулась в постели,
Выгнула спину.
Годы, что сгорбить хотели,
Сам с себя скину.

Август по ближним заставам
Копится густо.
Хочется сильным суставам
Охнуть до хруста.

Что же тебе еще снится?
Губы распухли,
Да и глаза сквозь ресницы
Тлеют, как угли.

Получение справки

Жизни сочные тона
Иногда бывают грубы.
— Мне бы справку… —
А она
В это время красит губы.

Растянув в оскале рот,
В центре каменной громады,
Мягко водит взад-вперед
Карандашиком помады.

Смотрит пристально мужик,
Как — иль это наважденье? —
Красят губы при чужих,
Получая наслажденье.

Женщина перед зеркалом

В зеркале рассматривать себя
То нарядной, то опять раздетой.
В окна свет врывается, слепя.
Что нас ждет, попробуй-ка разведай.

Животу от солнца горячо.
И, купаясь в утреннем бальзаме,
На себя смотреть через плечо
Чьими-то серьезными глазами.

Вспышка

Все женское, мучительное, раннее
Лишь на момент, как вспышку, нам вернут —
Очарование и разочарование,
А между ними несколько минут.

* * *

Сидя, днем, когда придется,
Спит поверхностно старик.
Далеко, на дне колодца,
Женский смех и детский крик.

Вот очнулся он, и сразу —
Будто помнили о нем —
То ли муха возле глаза,
То ли птица за окном.

То ли дымка сна земного,
Что с собой его брала.
То ли это тень иного
И не здешнего крыла.

* * *

Когда я вернулся с войны,
Родителей не было дома.
Я долго сидел у дверей
И даже вздремнул ненароком.
Потом появился отец,
И первым растерянным словом,
Им сказанным, было: — Совсем?..

АНАТОЛИЙ МАЙКО

Конфета с Большой земли

Рассказ

Малыш в гастрономе привередничал. Его маленький пальчик скользил по стеклу витрины, за которой блестели, переливались всеми цветами радуги конфеты, но не задерживался ни на одной из них. А рядом стояла молодая мама, уже не знавшая, что еще предложить своему разгневанному чаду.

— Вот посмотри — «Белочка»! А вон там — чудные орешки…

— Не хочу «чудных»!

— Тогда посмотри на «Петушка». Как живой…

— Не хочу живого!

— Умничка, правильно. Лучше мы возьмем… возьмем…

Постепенно за нами уже выстраивалась очередь. Кое-кто, как и я, собирался в лесной лагерь к детям, внукам и спешил на электричку. И упреки адресовались уже не юному баловню… Уже слышались вздохи по поводу нынешнего воспитания. Мол, что возьмешь с малыша. На то он и ребенок, чтобы капризничать. А кто виноват в этом? Конечно же, молодые родители. Плохо воспитаны, не желают учиться у старших. Взгляните на их одежду, прически. У мальчика вон пуговички нет на курточке…

Мама все слышала и понимала, в чей адрес эти упреки. Я видел, как налилось багрянцем стыда ее маленькое ушко. Мне стало искренне жаль ее. Именно ее, а не этого избалованного маленького гурмана с оторванной пуговицей.

Но прямо вступиться за женщину — значило перенести «огонь» на себя, затеять бесконечную дискуссию. К тому же — опоздать на электричку к Васильку, что охотно использует невестка как аргумент против и без того не частых встреч с внуком.

И тут — совсем случайно в самом уголке витрины, в стороне от целлофанового блеска и многообразия шоколадных чудес, я заметил горку розовых продолговатых помадок. Они словно стыдливо сторонились света, униженные роскошью своих именитых сестер в блестящих нарядах.

Господи, откуда они тут взялись, и в наше-то время? Я уже не мог оторвать от них взгляда. Что-то отозвалось во мне далеким колокольчиком. Что-то кольнуло в сердце…

Я уже видел когда-то эти розоватые кирпичики, держал их в руках. Я решительно наклонился к малышу и, как приказ, прошептал:

— Бери вот эти!

Малыш опешил. Он явно не привык выполнять чьи-то команды, прислушиваться к советам. Но то ли потому, что в моих глазах отразилось что-то необычное, то ли с ним впервые заговорили по-мужски, капризный пальчик потянулся к уголку витрины и замер. Для мамы это стало сигналом к действию.

Я тоже взял пакетик с помадками. Еще не зная, зачем.

…В электричке ко мне мягко, по-кошачьи, подкралась дремота. Полусон, полуявь — такое блаженное состояние…

Но едва замелькали за окном вагона первые сосны — дремоты как не бывало. Лес! Да-да, именно в лесу все это и произошло… Словно найдя затерявшийся,

полустертый файл, память начала раскручивать его, строку за строкой.

…1943-й. Весна. Сигнальные костры. Партизаны.

На поляне — впервые прорвавшийся через фронт У-2.

Оружие. Летчик, конфета.

Ярема с «нарядом вне очереди».

А Тамара… Тамара!

Все-все… Отставить! Что это меня закручивает в прошлое? С самого утра. Мало тебе ночных приступов, дедуля? А твой нитроглицеринчик где? На тумбочке у телевизора остался. И если прихватит, и если придавит, то что? Похекаеш, как тогда ездовым при раненых.

Так что приказ себе: «Отставить!» И ответ себе: «Есть!»

А вот и кто-то отдал приказ электричке. Она замерла как в строю. Приехали!

Поначалу я даже растерялся, оказавшись у ворот лагеря. Подумалось: уж не ошибся ли адресом? Помню, какими чистенькими, нарядненькими входили сюда дети. Особенно девочки! Все сияют! Разноцветные мини-юбочки — как цветы на клумбе!

А что увидел теперь? Какая-то одноликая толпа. Спорят, смеются, бегают. Как они сами умудряются распознавать друг друга? Как тут ориентируются родители? Это же можно целый день бродить по лесу и аукать…

— Здравствуй, дед! — Передо мной стоял внук. Мой Василек.

Оказывается, у меня уже изменился статус. Был дедулей, потом — дедой, дедуней, в конце концов просто дедушкой. А теперь лаконично и официально: дед. Что ж, открытие первое, но, по всему видно, не последнее.

Второе — внук не бросился ко мне на шею. Даже не попытался обнять меня, как прежде. Лишь протянул руку. Мою пожал резко, крепко. По-мужски. И сразу вопрос этаким полубаском:

— А как там мать?

— Мать? Все в порядке.

О, уже и «мамулю» разжаловали. Что-то ехидное шевельнулось во мне. От Василька это не ускользнуло. Открытие третье: внук стал наблюдательным:

— А чего это ты улыбаешься, дед?

— Представляю, как мамочка перенесет потерю твоего тенора.

— Я больше не буду петь в хоре.

— Футбол — лучше?

— Я же не даю вам советы, что лучше, что хуже.

Точно. Пока что до такого не дошло, слава богу. Но этого я не произнес вслух. И мы замолчали. Что ж, надо трезво оценивать сложившуюся ситуацию. А ведь еще не так давно у нас было столько тем для разговоров!

Чтобы как-то заполнить паузу, я взялся вручать внуку гостинцы.

Но принимал он их без прежнего энтузиазма. А когда дошла очередь до пакетика из гастронома, даже отвел мою руку :

— А это что?

— Конфеты.

— Конфеты? Как они называются?

Если бы я знал, как они называются. Не мог же я спросить тогда у летчика о названии конфеты, которой он так унизил меня перед партизанами. Но внук ждал ответа, и мне ничего не оставалось, как сфантазировать:

— Ну, предположим, «Партизанские».

— Интересно, какой же оригинал придумал это?

Ко мне подступило раздражение. Это уже слишком, даже для акселерата. Вызов на вызов.

— А если я? Так что?

— Извини, при чем здесь ты?

Да, задел меня внук за живое. Хотя откуда ему знать…

— А при том, что в твоем возрасте я уже был в партизанском отряде.

— Ты-ы?..

— Я!

Видимо, я очень громко ответил, очень эмоционально, поскольку на нас обратили внимание. Интересно, что люди подумают о таком деде? Что подумает Василек? Как ему убедительно рассказать, что мой отец-партизан погиб, что моя мама со мной и братиком жила в лесной землянке, что нагрянули каратели, что только я и убежал, что меня, уже без сознания, в лесу подобрали разведчики отряда, что…

Не сговариваясь, мы молча пошли подальше от шума, смеха, музыки, постепенно углубляясь в лес. И каждый думал о чем-то своем.

Боже, ну зачем я начал этот разговор? Дал же слово: никогда, ни с кем, даже с самим собою. Не хватало только произнести речь о том, что мы, ветераны, люди скромные, не то что нынешняя молодежь, прочитать бесплатную лекцию на тему, кем быть и что делать.

Нам, ветеранам, следует быть более сдержанными. И хранить свои советы при себе. Разве в сорок третьем нас кто-то поучал, читал мораль? Не до лекций было… Откуда же теперь эта словоохотливость, право на истину в последней инстанции? И это бесконечное «Мы-мы-мы!» Так что — «Отставить!»

Василек, похоже, на расстоянии прочел мои мысли, почувствовал мое настроение.

— Ты извини, дедуля…

О, мне уже вернули прежнее офицерское звание. Что еще?

— Хотя я не могу понять, при чем здесь конфеты…

— Ты прав, сынок…

Когда наши разговоры переходят в серьезную плоскость, меняю степень нашего родства.

— Это я запутал и… запутался. А на самом деле все очень просто.

— Просто?

— Да. Слушай… К нам с Большой земли…

— Это откуда?

— С той стороны фронта, где уже не было немцев…

— Понятно.

— Так вот, с Большой земли к нам впервые прорвался наш самолет. Привез оружие, боеприпасы, медикаменты. Летчик, увидев меня среди взрослых, вдруг решил осчастливить конфетой, хотя этим унизил меня перед взрослыми. Именно такой конфетой. Вот, собственно, и все.

И снова мы замолчали. Где-то шумел, веселился, играл, угощался лагерь. Но нам туда не хотелось. Нам снова было хорошо вдвоем. Оказывается, можно найти общий язык с собственным внуком, даже если тема не простая. А теперь можно переходить и на другую, чуток полегче, скажем, о лагерной жизни.

Да не тут-то было… Выходит, я поспешил с выводами. Внук думал немного иначе.

— Значит, в отряде, кроме тебя, детей больше не было?

— Почему же, — я даже растерялся от такого вопроса. — Были.

— Кто же?

— Ну, — смущаясь, ответил я, — была одна девочка.

— И как ее звали?

— «Как звали, как звали…» Тамарой ее звали!

Это уже было похоже на допрос. А к нему я не был готов. И, чувствуя, что краснею, ответил резче, чем следует, вопросом на вопрос:

— Что ты взялся за меня?.. И кто, и что, и зачем, и как зовут…

Все это я выпалил, не глядя на него, стыдясь и своего смущения, и своей резкости. Внук наверняка обиделся. И правильно сделал. Я бы тоже на его месте, в его возрасте, в такой ситуации…

Взглянул на него. Нет! Даже улыбается. Причем, этак ехидненько.

— Дедуля, а ты… ты покраснел.

Да, покраснел. И было отчего. Я словно превращался в Василька. Вернее, в мальчишку его возраста. Я словно возвращался в далекий сорок третий…

Каждое утро в отряде начиналось у меня со встречи с Тамарой. Если, конечно, меня не забирали с собой разведчики. И если она не дежурила возле раненых.

Нас разделяли каких-то пару годков, но вела она себя со мной как уж очень старшая.

И у меня, и у нее никого из родных уже не было. Ее родителей, братьев и сестер каратели сожгли живьем в собственном доме. За связь с партизанами.

Как много значил для меня каждый знак ее внимания, каждое прикосновение, слово…

— Мой русявенький! Мой лупатенький! Мой обидчивый!

Что правда, то правда. Особенно относительно последнего. Я возмущался, обижался на такие слова, но снова и снова искал повод для встречи с ней.

А какой фантастикой звучали для меня ее обещания:

— Вот закончится война, мой лупатик, и я испеку для тебя пирог с яблоками. Хочешь?

Я даже не мог представить себе, что война когда-то закончится. Я не знал, что такое пирог с яблоками, но охотно соглашался со всем — лишь бы она не сняла руку с моей головы. Только бы не уходила…

А однажды… (как раз перед прилетом того первого У-2, когда еще не сдавили нас железным кольцом каратели, еще на начался тот ад и не загорелась земля под ногами) Тамара потянула меня за собой на солнечную полянку. И там… она подхватила мои руки, обвив ими свою талию, слегка меня обняла за шею и прошептала:

— Антошка, милый, я научу тебя танцевать вальс. Хочешь?

Обомлевший от неожиданности, от такого горячего и доселе незнакомого мне девичьего прикосновения, я замер. А она будто не замечала, что творилось со мной и во мне, будто не понимала…

— Ну? Начали! Раз-два-три! Раз-два-три! Раз-два-три! И-и-и — поворот!

Она напевала себе. Мы даже попытались закружиться по траве. Вернее, кружилась Тамара вокруг меня — неловкого, смущенного, неумелого, растерянного. Я сбивался с такта, наступал ей на ноги, повисал на ней, как боксер в нокдауне…

Будто ничего не замечая, она все так же напевала… И улыбалась чему-то своему, потаенному…

Потом вдруг резко вырвалась из моих объятий. Раскинула руки в стороны и закружилась-закружилась, легко, красиво, завораживающе. И все быстрее-быстрее…

Казалось, сделай она один-единственный взмах руками-крыльями и тотчас же взлетит…

— …Раз-два-три. Раз-два-три. Раз-два-три…

Оказывается, это я уже произношу вслух при родном внуке. Ничего себе! По-научному это — склеротические явления. А по-народному называется: «Приехали!» Дальше некуда…

На реальную землю, в сегодняшний день, меня вернул голос Василька:

— Дедуля, я, кажется, догадался — ты отдал конфету летчика той девочке… Тамаре. Так ведь?

— Не совсем так, сынок. Я действительно хотел ей отдать, но…

Я даже придумал для этого как бы игру, когда Тамара снова подойдет, взлохматит мои волосы... Но почему-то после того вальса на поляне она даже не при-

ближалась ко мне. А пробегая мимо, не останавливалась, словно не замечала. И тогда я сам подстерег ее...

— Тома, я хочу предложить тебе игру…

— Какую еще игру? — Голос не тот, что прежде. Да и взгляд — тоже.

— А ты закрой глаза на минутку…

— Это еще зачем ?

— Ну, пожалуйста… Я тебе что-то подарю…

— Не буду с тобой играться. И ничего мне от тебя не надо. Не маленькая...

— Подумаешь, на два года старше…

— На два с половиной!

Сердито встряхнула головой и добавила :

— Тебе даже в голову не приходит…

Что именно мне не приходит в голову, она не уточнила. Резко повернулась и ушла. И тут как из-под земли вырос Ярема, наш помкомвзвода.

— Где тебя черти носят? Хочешь наряд вне очереди? За мной!

Пока бежали, Ярема успел сообщить мне новость — взяли немца. Сонного, тепленького, в стоге сена. Теперь нужен человек, который хоть чуть-чуть «шпрехает». Вспомнили обо мне…

Встречаться с карателями лицом к лицу — они гоняли нас днем, мы нападали на них ночью, — мне не приходилось. Правда, если не считать самого первого…

Я помню его — серого, с большим животом, со странной каской на голове. Он навел на бабушку винтовку и забормотал: «Шпек! Яйка! Млеко!» Бабушка как стояла, так и сползла по стене на пол. Тогда немец сам открыл шкафчик, увидел там решето с яйцами. Обрадовался! Схватил его и, даже не присев, начал какую-то дикую трапезу… Он пробивал штыком яйцо с двух сторон, выливая на пол белок, потом целиком заглатывал желтки. Сколько это все продолжалось, сколько было в решете яиц, не знаю…

Каков же он, этот пленный?

И тут Ярема мстительно засмеялся:

— Попался! Теперь выжмем из него все секреты. Выдавим! И ты поможешь…

Ну, это он загнул насчет моей помощи при допросе…

— А какой он, этот немец?

Видимо, вопрос Яреме не понравился.

— Какой? Пузо в три обхвата, вот такенная морда, глазки поросячьи. И, конечно, рога… Как на плакате. Разве не видел ?

— Какие еще рога?

А немец оказался длинным, худющим, с распатланными волосами. Цвета соломы. Серо-зеленая форма висела на нем, как на пугале. Ремень с него сняли, и штаны он придерживал руками. Он часто вздрагивал, как жеребенок от укусов овода, как-то странно оглядывался. Не то что испуганно, а скорее удивленно разглядывал окруживших его партизан. Удивлялся то ли тому, что видит их, то ли тому, что он оказался здесь. Даже попытался изобразить на лице некое подобие вежливой улыбки, как при случайной встрече с незнакомыми людьми.

Он что — контуженный? Или прикидывается таким? Не понимает, куда попал и что его ждет? Ведь почти у каждого здесь то ли родителей убили, то ли дом сожгли, то ли детей в Германию угнали. Да у меня самого — маму схватило гестапо, младший братик, бывший с ней в землянке, пропал без вести. Пусть не этот лично убивал и сжигал, но такие, как он.

А эта жизнь в лесу? Хуже, чем у волков. Ведь были такие, кто здесь с самого сорок первого… Тот же Ярема. Тогда ему было почти как мне…

— Ты только глянь на него… Фриц клятый! Да он еще и не усрался даже. Вот мы тебя сейчас — за длинные ноги. Свяжем их твоим же смердючим ремешком — и на сосенку, вниз головой. Ферштейн?

Кольцо гневных людей начало сжиматься вокруг пленного. Еще шаг или два и свершится то, что предсказал Ярема.

Меня затрясло. Я видел кровь, я видел смерть… Но вот чтобы живого человека при мне вешали, пусть и фрица поганого… И тогда, уже не соображая, что делаю и, главное, на что нарываюсь сам в случае чего, во всю силу легких, дурным голосом на весь лес взвыл:

— Хенде хох!

То ли от неожиданности самой команды, то ли от моего дикого визга, но немец мгновенно поднял руки вверх. Забыв даже о своих штанах. А те, надетые лишь на голое тело, поползли вниз, открывая все мужские атрибуты. Хорошо, хоть женщин тут не было. А посмотреть там было на что. Даже Ярема удивился:

— Ого-го-о…

И вздрогнул лес от смеха. Давно он такого здесь не слышал. Если вообще его слышал за эти годы. Немец, краснея, суетясь пытался подтянуть свои штаны, но что-то у него не клеилось. Руки не слушались…

Теперь я лучше разглядел его. Да ведь он совсем пацан! Ну, лет семнадцать. Не больше. Безусое лицо, ямочки на щеках, глаза словно васильки. Разве тогда я мог предположить, что боком мне выйдут эти «васильки»?

Смех как и возник, так и стих мгновенно.

— Смирно!

Уж этот голос не спутаешь ни с чьим. Воистину, командир отряда всегда появлялся в нужное время и в нужном месте. Он и здесь, в лесу, оставался директором школы. Кстати, моей и Тамариной школы. Он никогда не кричал, не суетился, не разбрасывался словами. А если уж скажет, то слова, как патроны в патронташе, — один к одному.

Ясно, что он мгновенно понял, что тут происходит и что могло бы произойти. Но виду не подал.

— Помкомвзвода Ярема! Вам, как старшему здесь по званию, перед строем объявляю замечание за… — посмотрел по сторонам, сориентировался, — …за несоблюдение правил маскировки. — Всем: — Вольно! Разойдись!

Вслед за другими рванул было и я. Но меня остановил голос командира:

— Боец Антон ! Ко мне!

— Есть! — Руки, естественно, по швам.

— Назначаешься при военнопленном часовым. И переводчиком.

— Есть!

Видимо, это второе «Есть!» я произнес сейчас вслух. И на него мгновенно отреагировал Василек:

— Ты как перед командиром!

— Я и стоял перед командиром. Он отдавал мне приказ…

— Тебе? Всерьез?

— Вполне. Дали карабин, приказали, что и как…

— И что же ты делал?

Что же я делал… Стал тенью пленного. Днем он расхаживал или пнем сидел в небольшом загородке, где раньше держали специально для раненых одну-единственную в отряде корову, которая в конце концов не выдержала нашей партизанской жизни. Ночью я отводил его в маленькую землянку, называвшуюся «губой». А еще сопровождал его к котлу или на допрос к командиру, если в этом была нужда. Сам командир не был силен в немецком, как и я, несмотря на школьные «пятерки» и грамоту на олимпиаде. Немец же ни хрена не понимал по-нашему. Но все-таки постепенно мы выяснили, что он совсем недавно прибыл из Германии вместе с пополнением, что к нашему району подтягивается артиллерия, что минируются дороги…

Командир постоянно делал какие-то пометки в блокноте, сверяя их с другими донесениями разведчиков и связных, и все более мрачнел… А потом я заметил, что из нашего лагеря, под прикрытием темноты, на другие базы выводились основные силы отряда. Здесь же оставались хозвзвод, матчасть, ездовые…

Лагерь опустел. Даже перемолвиться было не с кем. Не стану же я разговаривать с пленным! Не положено, да и с языком нелады… Он молчит, и я молчу.

Правда, вскоре я придумал себе развлечение… Когда, например, мимо моего поста кто-то проходил из партизан, я, чтобы привлечь к себе внимание, снимал с плеча карабин и кричал немцу в загородке:

— Хенде хох!

Поначалу он пытался поднять вверх обе руки. И, наученный горьким опытом, локтями придерживал сползавшие штаны. Потом поднимал одну только руку. А вскоре вообще перестал реагировать на мои выкрики.

Однако и этого развлечения меня лишили. Причем, совсем неожиданно.

Только я, завидев приближающихся ездовых, приготовился к очередному спектаклю, как вдруг из-за деревьев услышал сердитое:

— Да прекрати, наконец, этот чертов балаган. Немедленно!

Тамарин голос. Вот это да! Сколько дней не замечала, обходила стороной, а тут — сама. Еще и командует!

— Ты чего раскомандовалась? Я тут часовой!

— Пудило ты гороховое! — Но из-за дерева не показывается, кричит: — Настоящий часовой охраняет, а не унижает человека!

Человека? Фрица, что ли? Хорошо, что хоть он ничего не понял, если и услышал. А если б понял, что мне наговорила эта барышня?

А «барышня», оказывается, еще не высказалась до конца.

— Ты бы поучился у него, как следить за руками, неряха!

— Так, может, еще и отдать ему карабин за это?

— Да он и без карабина… Если захочет, забросит тебя на дерево!

Вот это пощечина! Так что, может, мне самому поднять перед ним руки вверх?

Хотя… подмечено точно — за руками «Хендехох» следил. Часто растирал их, поглаживал, сжимал в кулаки и разжимал. А пальцы длиннющие — как штык на моем карабине. И белые-белые… Берег их.

Конечно, это личное дело — руки. Но я после того ехидного намека Тамары не выдержал, спросил:

— На черта тебе это надо?

О, сразу понял, без перевода.

— Их бин… — подыскивал слово попроще, — музик… Музик!

— Дурачок ты, хоть и музик…

— Ду-ра-тшок?

— Вот именно — «дуратшок»! Тебя скоро кокнут…

— Вас ист дас «кок-нут?»

Вот тебе и «вас ист дас». Вспоминая все призабытые немецкие слова, как мог объяснил, что соберется трибунал, «тройка», для вида скажут несколько слов, зачитают приговор… Потом появится специальный наряд, отведут подальше в лес и… Такое уже бывало. Не раз.

— Енде… — печально произнес немец.

Точно: конец! Именно такими словами всегда заканчивала урок наша немкеня. «Хендехох» же снова взялся поглаживать свои руки. Ну, немчура!..

А жизнь брала свое... Просыпалась весна. Значит, отойдут клятые холода, сойдет снег, и уже черта с два нас заметит сверху «рама». Теперь легче будет добираться к «железке», пускать под откос эшелоны. Но радовало не только это. К нам приближался фронт, к нам приближались наши. Почувствовал весну и «Хендехох». По-своему…

Он то ли подзабыл мои прогнозы насчет «кокнут», то ли что еще, но сразил меня как штыком:

— Битте, ком цу мир!

Что же это он себе позволяет? Подзывает к себе, приблизился к часовому на неположенное расстояние? Еще и протягивает ему какой-то зеленый пупырышек.

Хотя, положим, про «пупырышек» я немного загнул. Это был подснежник, первый, самый настоящий подснежник. И где он отыскал его на мерзлой земле? Даже о пальцах своих забыл… И это для меня? Но такой номер не пройдет!

— Да что я тебе — девочка? Медхен? Ты за кого меня?..

— Найн-найн! Та-ма-ра! Битте шён… Блюмен!

Что-о? Неужели я ослышался? Тамара… И где же он ее высмотрел?

Может… в санчасти, куда я его водил? И теперь за доброту мою… моим же прикладом!

Конечно, если по-мужски, то мне следовало щелкнуть затвором карабина, уже всерьез скомандовать «Хенде хох!», отвести на «губу» и оставить там без света и тепла. За что? За нападение на часового! Ведь он же приблизился ко мне? Значит, мог и напасть. И откуда я мог знать, что он держит в руке. Камень? Гвоздь? Немцы — они сообразительные.

А цветочек — выброшу, словно его и не было…

Хотя нет, надо иначе, тоньше… Надо при нем растоптать этот «блюмен», чтоб знал, оккупант, как посягать на честь наших несчастных сестер (кажется, так говорил однажды командир перед строем), а уж потом — на «губу».

Но мне этого уже было мало. Хотелось наказать обоих. Во мне просыпался зверь, злой и хитрый… Как же я не сообразил сразу, что не ради меня вдруг стала ходить кругами возле моего поста Тамара. То ближе, то дальше… Но со мной не заговаривает. Ничего, теперь я уже не гордый, мою гордость они растоптали. Сам заговорю… Подойду так, чтобы немец не видел…

— Подснежник! — Тамара даже смутилась. — Где ты его нашел? — Но вдруг голос изменился. — Неужели сам додумался? Или кто подсказал?

Снова она меня по щеке! Ну что ж, держись, «сестра»!

— Нет, не сам. Это тебе, красной партизанке, от фашиста!

— От Людвига? — Будто не услышала о партизанке красной. — Данке!

Кому адресовалось это «данке!», я уже не сомневался. Как и в том, что она не выбросит фашистский подарочек, не растопчет его. Куда там! Взяла в ладони, словно упавшего с дерева воробышка, и ушла тихонечко.

Было понятно, что сговорились, а правильнее, снюхались они в санчасти, когда во время перевязок Тамара выставляла меня на улицу. Вон уже и на немецкий переходит! «Данке…» Да ведь так можно и военные тайны выдать врагу.

А он потом драпанет с ними из лесу! Аргументы (вроде того, что он не знает ни дорог, ни языка, что в лесу напорется на наши «секреты», что бежать ему в такой форме некуда, и если даже прорвется к своим, его поставят к стенке как дезертира) я игнорировал сознательно.

Новый план созрел мгновенно. Блестящий план. Мне бы мог позавидовать даже Ярема. Но ему я ничего не скажу, а молча, четко сделаю все, что задумал…

Задумал же я вот что: по дороге из санчасти крикну «Минен!», немец испугается, рванет в сторону, и я тут же кокну его… «За попытку к бегству!» Есть такая статья. А нас никто не видел и не слышал. Да и разве мне не поверят свои? Ярема же обрадуется — меньше мороки.

Рваные экскурсы в те военные годы, воспоминания и разговоры с внуком, мысли про себя и вслух так переплелись, что я уже не удивился вопросу Василька:

— Неужели… неужели ты и впрямь мог решиться на это?

— Не знаю… Все же шла война. Война за наше выживание, хотя жизнь каждого из нас не стоила ничего. И рядом был живой враг, способный на все…

А если он прикидывается простачком? — думал я. — А если его специально таким образом заслали в наш отряд? И что бы он сделал со мной, поменяйся мы местами и будь карабин у него, а не у меня? Вопросы непростые, особенно для той поры. Мне было тяжело.

Позже, уже сидя на пне рядом с «губой», я чуток поостыл, задумался: что же это за чувство, которое так быстро преображает человека, делая его совсем иным?

И куда подевались Тамарины гордость, заносчивость, неприступность? Теперь же она сама прячется за кустами, чтобы взглянуть, чтобы встретиться… Но не со мной!

Выходит, еще не зная, как называется это чувство, я уже ревновал. Впервые в жизни. Да, мне никогда не было так тяжело. К тому же я не знал, что мне делать с этой злосчастной, позорной для меня конфетой. Я ведь не все рассказал внуку, как было на самом деле. А было все так…

Действительно, к нам прорвался через линию фронта, сквозь огонь фашистских зениток, наш маленький краснозвездный самолетик. Как мы радовались, как обнимали летчика, стремясь хотя бы прикоснуться к человеку с Большой земли, где — наши, где нет оккупантов, нет постоянной угрозы со всех сторон — и днем, и ночью…

И он взлетал вверх, такой молодой, красивый, в кителе с золотыми погонами. А на груди его блестели, позванивали ордена, которых мы доселе не видели.

Летчик спешил. Ему до рассвета надо было снова пересечь линию фронта. А перед тем — выгрузить оружие, боеприпасы, медикаменты, принять нескольких тяжелораненых.

И когда все уже было сделано и летчик направился к кабине, он вдруг среди взрослых на поляне заметил меня.

— А это кто же?

— Партизан Антон, — прозвучало несколько голосов.

— Скажите-ка… — удивился летчик. — Ну, если он партизан, то за это ему — подарочек с Большой земли.

Рука его потянулась к широкому ремню. А там… там в блестящей новенькой кобуре лежал небольшой пистолет. С запасной обоймой к нему.

Все задрожало во мне от возможного счастья. Господи, неужели сбудется моя самая великая мечта? Да с таким чудом, да с запасной обоймой к нему я же куда хочешь — и в разведку, и к связным, и на «железку»! Я молча присягал летчику, что ни одна пуля не будет истрачена напрасно, что каждая попадет в цель. Да я же…

Но рука летчика скользнула мимо ремня, к карману роскошного кителя. Он что-то достал оттуда и протянул мне…

Конфета?.. Я сжал ее в ладони и молча пошел прочь, даже не поблагодарив. Да и за что? За то, что унизил меня перед всем отрядом? Сунул конфетку, как малому дитяти, чтобы не плакало… Кинуть бы ее подальше в кусты, чтобы никто не увидел. У меня даже не появилось желания ее попробовать — такой была обида.

Но я не выбросил конфету. Я придумал, как «порадовать» ею Тамару. Жестоко? Но я дал себе слово и должен сдержать его. Так поступают взрослые. А я повзрослел за эти дни.

Решено: завтра утром я смело подхожу к девушке и без всяких там детских игр и церемоний отдаю (а если понадобится, то силой), вкладываю ей в ладонь эту конфету. Если выбросит — ее дело. Цветок же не выбросила? В ладошках согрела!.. Скажу, что конфета — тоже от «Хендехоха». Извиняюсь — от Людвига. Повернусь, не козыряя, и айда себе! Покончим со всем этим. Раз и навсегда.

На душе сразу полегчало. А тут еще и проснулась луна… Заиграла, засеребрилась… И, может, впервые за эти месяцы я взглянул в небо.

Боже, какая красота! Тишь и благодать. Когда такое будет на земле? Звезды тоже сверкали, будто подмигивая мне, подбадривая: «Держись, Антон. Не дрейфь!»

Итак, решено: завтра!

Но «завтра» не наступило. Начался ад.

Все громы и молнии земли сошлись над нашим лагерем. Еще сонным…

Сначала мерзко завизжали снаряды.

Затем леденяще заквакали мины.

Их смертоносное дело дополняла, продолжала на бреющем полете воздушная «рама» своими автоматическими пушками и пулеметами…

Все смешалось в невообразимый вихрь — взрывы, пламя, дым, кровь, крики…

Кто-то пытался отдать команду…

…От боли и ужаса рыдал раненый, ища оторванную руку…

…Запутавшись в собственных кишках, старалась встать на передние ноги лошадь с распоротым осколками брюхом.

— Но в этом аду, Василек, я не забыл о пленном. Я не потерял «Хендехоха». Успел его вытащить из землянки раньше, чем туда попала мина.

— Так ты спас его?

— Выходит…

Мы вместе вскакивали после взрыва и бежали что есть сил… Уже тут не имело значения, кто кого охраняет, кто за кем должен следить…

Потом мы куда-то мчались на оставшихся целыми повозках.

В одну сторону — засада! В другую — снова каратели… Миной контузило командира отряда, который находился с нашим взводом. Отняло руки, ноги… Он еле шевелил губами.

Вот тогда-то я и услышал самый тяжелый для меня приказ.

— Сы-нок… — Командиру с трудом давалось каждое слово. — «Лимонку»… К шее… Бинтом!

Еще не понимая до конца весь страшный замысел командира, но уже переполняясь тревогой, я взялся обвязывать бинтом гранату, прижимая ее к шее…

— Так… Крепче!.. — Он потянулся губами к запалу. — Чеку…

— Что — чеку?

— Ра-зо-гни…

Я все понял! Я же не валенок… Он зубами рванет чеку! Но чтобы я собственными руками — своего командира? Своего директора?

— Не-е-е!

— Приказ… Мне… живьем к ним?..

Я начал потихоньку, спиной, отступать от командирской телеги… Но побелевшие губы вдруг жестко сжались. И выдавили:

— Партизан… Антон… Три-бу-нал!

Какой там к черту «трибунал»? Но в глазах этого крупного, теперь неподвижного человека было столько мольбы, что я наклонился и разогнул металлические усики чеки.

Я не решался поднять голову. А когда поднял, то увидел, как облегченно вздохнул командир. Он даже попытался улыбнуться мне. Потом повел глазами в сторону полуживого от страха, стоявшего неподалеку пленного:

— Го-ло-вой…

— …А почему он так сказал? — Это вопрос внука. — Ведь то — враг...

— Ты прав. Я тоже тогда не понимал, зачем нам этот белобрысый. Ну, если бы генерал с важными документами… Так нет же! Только потом, годы спустя, я понял, как далеко смотрел мой командир. Вернее — мой директор…

— Что это значит?

— Как-то я смотрел по «Евро» награждение лауреатов. И там я увидел неожиданно…«Хендехоха». Он играл на рояле… Как играл!

— Не может быть!

— Я тоже поначалу заколебался: он или не он? Изменился сильно. Постарел, раздался… Но то, как растирал руки… Он!

— Здорово… А если бы не ты? Из землянки его тогда?..

— Не спеши. Это еще не все. Бывало и похуже...

…Мы уже не вели счет дням. Счет вели только потерям. Из всего обоза осталось две телеги, где лежали раненые. А ездовыми при них стали я и «Хендехох».

«Ездовыми»? Скорее «беговыми»... Я бежал рядом с телегой, задыхался, как задыхалась и моя бедная коняга. Но уже не подхлестывал ее кнутом, а только умолял: «Быстрее, родная, быстрее!» Как не разжалованный еще часовой, я держался замыкающим, чтобы приглядывать за пленным. Партизаны, кто только мог держать оружие, бежали вокруг нас оцеплением.

Бывали минуты, когда каратели уже наступали нам на пятки.

Бывали дни, когда на всех дробился один сухарь.

Бывали моменты, когда мы жевали зеленые ветки, слизывая росу.

Главным у нас теперь стал Ярема. Он первым становился на кочки, пробуя их на прочность. Он оставался в прикрытии, пока по болоту не проходил последний из нас. Это он нашел в лесной развалюхе чугунок с почерневшей мукой. И мы, разведя ее ржавой водой, наслаждались этим пойлом.

«Хендехох» — тоже. Как и все, он вытягивал из тины телеги, тащил на себе раненых, сгибался под пулеметными дисками, жрал ветки. Вот разве что оружия ему не давали.

Нас становилось все меньше. Не все возвращались из прикрытия. Не выдерживали и раненые. Кто от заражения… А кто (чего греха таить!) — и самострелом…

Распрощались мы и с нашим командиром. Со всеми возможными на тот момент почестями: выстроились у невысокого безымянного холмика, подняли вверх стволы, но только щелкнули курками. Стрелять нельзя было — услышат! Да и стрелять-то, собственно, уже было нечем. Потому-то Ярема собрал все оставшиеся патроны в фуражку и разложил их на две неровные части. Большую сразу же разделил между оставшимися партизанами. А меньшую…

Ближе к вечеру он построил всех в шеренгу. Подходил к каждому и не просто вручал один-единственный патрон, а самолично вкладывал его в нагрудный карман гимнастерки или довоенного штатского пиджака. И каждый понимал, для чего…

Правда, когда помкомвзвода приблизился ко мне, произошла заминочка… Он вроде заколебался — давать или не давать пацану… Но я сам выдавил из его руки тот единственный патрон. Для себя!

Люди-люди… Они считают, что самое страшное на земле — смерть. Наивные! Было тогда и что-то пострашнее самой смерти — это попасться живым к карателям…

Еще никогда они не были так близко от нас. Мы даже слышали их гортанную речь. Нам уже некуда было отступать, некуда бежать. Да и силы покидали нас…

Мы с «Хендехохом» лежали на мху под сосной, когда я увидел Ярему. Он был страшен — высохший, черный, заросший густой щетиной. Но даже не это… Меня поразили его глаза — стеклянные, неподвижные, нацеленные в одну точку.

Он как-то странно приближался к нам. Словно кошка к гнезду… А рука его тянулась к трофейному кинжальному штыку в ножнах. И вот она уже на рукояти. Еще шажок — и молнией блеснуло длинное лезвие.

Немец первым понял, что сейчас произойдет. Вскочил. Но не бросился бежать. И не упал на колени. Своей худющей спиной он прижался к сосне. Скрестил на груди руки и забормотал что-то быстро-быстро. Молился…

Что-то подбросило вверх и меня. Я повис на руке у Яремы и застрочил, как дятел, одно-единственное слово:

— Командир… командир… командир…

Ярема пытался стряхнуть меня с руки, как зеленую гусеницу, вырваться из моих цепких объятий. Да не тут-то было! Я ведь умел взобраться на самую высокую сосну. Знал, как намертво сжать руки и ноги…

И он сдался.

— Байстрюк недоношенный! Да если он драпанет к своим… Если выбежит на опушку и крикнет «Хайль Гитлер!», всех нас сразу, как котят…

Но этого ему показалось мало.

— А тебя… как самого сопливого… подвесят за яйца!

Я же смотрел только на клинок. Вернется он в ножны или нет. Щелкнуло… Вошел!

Ссутулившись, Ярема стал удаляться от нас. Неужели пронесло? Да не тут-то было… Словно разогнулась в нем какая-то пружина. Он резко повернулся и строевым шагом пошел на меня. Остановился и отчеканил мне в лицо:

— За неповиновение командиру в боевой обстановке, за нападение на него и содействие врагу — пойдешь под трибунал! — И уже тише уточнил. — Когда прорвемся…

— Есть! — пролепетал я. Как и положено после приказа.

— Под трибунал? Тебя? — голос у Василька задрожал.

— Если по большому счету, то помкомвзвода был прав. Выскочи «Хендехох» на поляну, когда там пролетает «рама», или даже подай голос, когда рядом каратели, — и нам всем конец. Мне самому и этот немец, и особенно роль постоянного часового при нем уже осточертели, делали меня, как я считал, посмешищем в глазах взрослых. Не зря же я тогда вынашивал план, как его «кокнуть». Но… но был приказ командира. Хотя уже и погибшего… Вот почему я бросился на Ярему…

С той поры я будто исчез для Яремы. Он меня игнорировал во всем, демонстративно не замечал. А немец словно онемел. И я замолчал надолго.

Снова и снова всех нас, полумертвых от усталости, полуживых от голода, поднимал с земли Ярема. Гнал и гнал, неизвестно куда.

Мы брели по пояс, а то и по горло, в вонючей жиже, еле переставляя стопудовые ноги, боясь оступиться, захлебнуться. А превыше всего — боясь закричать. Не зря же помкомвзвода, держа в руке наган, грозил: «Тонешь — молчи!»

Когда, казалось, что мы уже навсегда останемся в этих болотах, превращаясь в серых жаб, именно Ярема вынюхал, выследил, нашел щелочку в смене нарядов карателей! И из-под самого носа у них вывел нас из кольца.

…После почти суточного марш-броска (ведь фашисты могли спохватиться!) к следующему утру мы вышли на опушку уже другого, не «нашего» леса. Грязные, оборванные, голодные и холодные, остановились, все еще не веря, что вырвались, что не повторится тот кошмар.

Последние предутренние, видно, загулявшие звезды подмигивали нам, прощаясь до следующего свидания. Деликатные, они уступали место главному светилу землян… Мы смотрели на все это, разинув рты, будто видели впервые…

И тут на грешную землю нас вернул грозный окрик:

— Стой! Стрелять буду!

Свои? Неужели свои!…

А тот, в «секрете», не унимался:

— Пароль! Назови пароль…

— Да вот тебе пароль! — И Ярема в характерном мужском жесте скрестил руки.

Хохот!

Взорвался, словно мина, на опушке хохот.

Хохотали все — кто всхлипывал, кто рыдал, кто матерился…

Обнимались, хлопали друг друга по плечам, по спинам, а то и пониже…

Такое «пониже» досталось и мне. Я резко обернулся — Ярема! Он молчал, но в глазах его не было зла. Не мог вымолвить ни слова и я. Но как я был ему благодарен! За то, что подошел, за то, что, выходит, простил. За то, что я стою здесь и перемигиваюсь со звездами.

Разве в ту минуту, даже в кошмарном сне, я мог предположить, что вот так, лицом к лицу, мы свидимся с ним не скоро. Что им займутся «особисты». Ему «пришьют» — неоправданно высокие потери взвода, загадочную смерть командира отряда, неграмотную тактику действий, постоянные контакты с врагом (это — о «Хендехохе»), низкий моральный дух в подчиненном подразделении (это — о самострелах тяжелораненых).

Косяком зацепят и меня — за привязанную к шее командира (по его приказу!) гранату. Но меня спасет то, чего я так стыдился в отряде, от чего хотел как можно быстрее избавиться — мое малолетство.

Братья-славяне… Что же это такое! Если даже в аду среди нас находится «стукач», то что же тогда говорить о рае?..

Но самое смешное (кому смешки, а кому слезки), что клеймо «стукача» навесят на меня и мне удастся его смыть только в 53-м… Тогда же, роясь в партизанских архивах, я узнал правду о нашем горемычном взводе во главе с Яремой.

Оказывается, мы не случайно оказались в аду. Так и задумывалось в штабе по ту сторону фронта: под покровом ночи тайком выводятся основные силы отряда, а на нынешней, уже рассекреченной немцами, базе остается одно только подразделение. Наше. Преследуя его и принимая за главный отряд, фашисты фактически будут удаляться от основных сил, давая им свободу действий.

Выходит, мы были как приманка, как наживка для карася. Выходит, были заранее обречены.

Тогда, спрашивается, что же делать здесь «особистам», при чем тут Ярема? И зачем было клеймить мальчишку? То есть, меня.

А затем, что, по прогнозам штабистов, мы не могли выжить. И тогда не будет никаких неожиданных вопросов и неприятных ответов. Но мы, хотя бы частичка, выжили. И теперь должны были расплачиваться за это.

Но этого я не расскажу внуку. Никогда! Пусть не знает обратной стороны войны. Хватит того, что мы сыты ей по горло. Еще и сейчас изжога…

А внук мой — не простак. Уже начинает анализировать.

— Извини, дед. — Снова официально. — Давай разберемся…

— Давай.

— Сколько немцев было брошено тогда на вас?

— Думаю, тысяч пять… Два полка — не меньше.

— А сколько было в отряде?..

— Человек триста — четыреста…

— И на такую, извини, «кучку» снимать с фронта полки, самолеты, пушки?

— А ты попал в самую точку. В «девятку»! Боец…

Я и сам, уже после войны, искал ответы. И постепенно находил, поражаясь их масштабности.

В то лето готовилась грандиозная битва на Курской дуге. Готовилась в строжайшей секретности с обеих сторон. И для обеих сторон она могла стать поворотной в этой войне. И надо же… Основная железнодорожная магистраль, снабжающая фашистов, проходила в зоне нашего отряда. Эшелоны с боевой техникой, с живой силой противника проносились по ней каждые два-три часа.

А что происходило, когда партизаны взрывали ночью два-три километра «железки», то есть железнодорожного полотна? Это минимум — полсуток простоя магистрали. А если пускали под откос целый состав с танками? Это уже

дня два, не меньше, — ведь по ночам немцы не работали, боялись. К тому же — постоянные разведданные партизан на Большую землю о крупных передвижениях немецких войск. Нависала угроза раскрытия стратегического замысла ставки Гитлера.

Вот так на нашу, как выразился Василек, «кучку» обратили внимание сразу в двух столицах воюющих стран — в Москве и в Берлине.

Но все это я понял уже годы спустя. А пока…

А пока мы входили в ритм жизни нового лагеря. Словно люди с «того света». Входили трудно. Многое здесь было непривычным. Начать хотя бы с того, что большинство партизан уже щеголяло в необычных для нас новеньких, с воротниками-стоечками, гимнастерках. Через плечо у них поблескивали невиданные доселе ППШ, а не те старые винтовки довоенного образца с несуразными штыками. Почти через ночь садились У-2 — привозили взрывчатку, автоматическое оружие, боеприпасы. Весь командный состав уже носил погоны со звездочками.

Над лагерем витал дух необычайного подъема, ожидания больших и решающих событий. Наши наступали, и фронт приближался. И только мы, оборванцы, выглядели здесь изгоями. Как-то незаметно нас рассеяли по другим взводам. Чтобы не выделялись…

Здесь тоже была землянка-«губа», но в ней теперь находился Ярема. И охранял его уже не пацан с музейным карабином, а крепкий автоматчик. И туда — не подойдешь. Мы же с «Хендехохом» перебивались где придется. Теперь на него мало кто обращал внимание. Его серо-зеленую шинель из тонкого сукна еще тогда, в бегах, из-за отсутствия бинтов, порезали на узкие полоски для перевязок. Ему же досталась окровавленная фуфайка. И если какая-то группа подрывников уходила на «железку», мы ютились в их землянке. Приходилось ночевать и в повозке, ложась другу к другу спинами — часовой и охраняемый.

Странная складывалась ситуация — никто не снимал меня с поста, никто не интересовался и пленным. Правда, до поры до времени. А потом все завертелось…

Так мы и жили несколько дней. Со стороны уже и непонятно было, кто здесь часовой, а кто пленный. А тот занимался своим главным делом — потирал, растирал, поглаживал, сжимал и разжимал ладони, растягивая и без того длиннющие пальцы.

Он молчал, и я молчал. Как глухонемые… Но те хоть общаются между собой с помощью жестов. Мы никак не общались. Хотя, наверняка, думали об одном и том же.

— О Тамаре? — внук вопросительно смотрит на меня.

От ответа не уклониться. Да и стоит ли?

— Да, Василек, о Тамаре…

На третий день я окончательно убедился: Тамары в лагере нет. Вот так, напрямую, не решался расспрашивать — гордость, уязвленное самолюбие не позволяли. Но мало-помалу выяснил…

Оказалось, что во время переброски основного отряда на новое место группа прикрытия вместе с санитаркой Тамарой то ли отстала, то ли заблудилась… В тех дебрях это немудрено. На поиски уже послали конных разведчиков. Так что вот-вот все вернутся, и их встретят как положено — с музыкой!

Они действительно вернулись. Но… музыка не понадобилась.

Они вышли на отряд как раз со стороны, где был мой пост возле «Хендехоха». Он первый, благодаря своему длиннющему росту, и заметил их. И первым почуял неладное.

Группа передвигалась как-то странно. Конечно, они не на плацу, не по стойке «Смирно!»… Но порядок есть порядок — хотя бы в колонну по два, тем более при приближении к штабу.

Они же двигались этаким удлиненным каре, в центре которого находилась повозка, а рыжую лошадку вел под уздцы старший.

Тамары… Тамары среди них не было.

Поначалу показалось, что телега пуста. Виднелось лишь несколько бушлатов, разложенных как одеяла, которыми прикрывали что-то…

Повозку сразу же направили к палатке, именовавшейся госпиталем.

По лагерю молнией разнеслось: наскочили на мину!

Завертелся я на месте как волчок. Циркулем кружил вокруг меня «Хендехох» своими длинными ногами.

И тут мы услышали стон — жалобный, леденящий, беспомощный.

Тамара… Узнал этот голос и немец. И сразу — бежать! Но от часового не убежишь. Я сорвал с плеча карабин:

— Стой! Стрелять буду…

— Дуратшок… Блют! — Он тыкал пальцем в изгиб локтя.— Блю-ю-т…

Как назло это слово вылетело у меня из головы. А может, мы его и не проходили. «Блюмен» — знал. А вот «Блют»… Потом разберемся!

— Буду стрелять!

— Аматьтвою!

И это он мне, часовому при исполнении?

— Да я тебя…

Я не успел осуществить свою угрозу. Он опередил …

Искры сыпанули у меня из глаз, земля закачалась под ногами, мой карабин полетел в сторону. Господи, чем же он так звезданул? Неужели своими музыкальными пальчиками?

Пока я поднимался с земли, искал в траве карабин, немца и след простыл. Кругом — темень, лес… Ищи-свищи ветра в поле.

Конечно, далеко он не убежит. И к своим никак не доберется — вокруг болота, бесконечные дебри! Так что если когда-нибудь и найдут его белые косточки, то не раньше конца войны. Туда ему и дорога… Черт с ним! Мне теперь надо было думать не о нем. О себе!

Моя же «колода» раскладывалась ясно и беспощадно. Сперва — «Руки за спину!» (не станут же меня связывать?), потом — трибунал (вот и сбудется пророчество Яремы!), а после (как водится) — к стенке. Вернее — к сосне. А что? Да я сам, даже без «особистов», мог загнуть несколько пальцев — на каждый по статье… Выходит, отвоевался ты, боец Антон.

Может, следовало поднять крик, объявить тревогу, показать свою разбитую физиономию… Но в итоге мне это мало поможет. А то еще и прибавит позора.

И тут вцепилась в меня, как репейник в волосы, подленькая, но по-своему спасительная мыслишка… Ведь если поднимется переполох, начнется поиск и пленного быстро отыщут, то, чего доброго, в один приговор трибунала нас и запишут. Невиданное доселе будет позорище — красного партизана свои же пустят в расход одновременно с поганым фрицем. Так что лучше всего не суетиться, а побыть лишний часок на свободе, полюбоваться на прощание небом, звездами…

Я взглянул вверх. Но даже небо отвернулось от меня, укрывшись свинцовыми облаками. А звезды повязали черные косынки.

Сколько времени я провел в таком полуобмороке, полусне, полугипнозе? Не знаю. Меня разбудили странные звуки, что доносились из-за ближних деревьев. Мне бы, как часовому на посту, грозно спросить: «Стой, кто идет?» Но голоса у меня словно и не бывало. Я потихоньку приблизился к тому месту. Лучше б не приближался…

Вот он, «Хендехох», никуда не делся, стоит у палатки-госпиталя и завывает, как раненый волчонок, то вскидывает к небу руки, изрыгая проклятия, то раскачивается из стороны в сторону, мыча, как от зубной боли.

Все это повторялось и повторялось, как в патефоне старая пластинка. Я не мог этого видеть и слышать. Но и не мог даже сдвинуться с места. Словно приговоренный к наказанию, стоял и слушал.

Да, видимо, хороший удар по голове иногда идет ей на пользу. Я вспомнил, что такое по-немецки «Блют». Кровь! Но я еще не знал, что же случилось с Тамарой. Разве меня пустят в санчасть?

А перед рассветом нагрянули двое автоматчиков и молча увели пленного. Мне же буркнули: «Сиди и помалкивай!» Что же это за всевидяшее око надо мной? Темень, никто нас не мог ни слышать, ни видеть, с физиономией своей разукрашенной я никому не показывался на глаза. И вот на тебе — те, кому надо, уже все знают, действуют. Так что вторая пара автоматчиков появится уже по мою душу.

Я сидел в землянке и помалкивал. Но они не появились ни днем, ни ночью. Лишь на следующее утро забежала из санчасти добрая пожилая санитарка и потянула за собой. Как я ни пытался выспросить, что и как с Тамарой, так ничего и не вытянул из нее. Лишь скороговоркой, со вздохом: «Жить будет…»

Ее я увидел сразу. Такое милое, такое родное лицо… Вот только бледное и странно маленькое, будто это не Тамара, а ее младшая сестричка. Мне показалось, что она спит. Я решил не тревожить ее сон.

Но вот губы ее шевельнулись, будто над лицом пробежал ветерок. Раз, другой… Она явно что-то хотела сказать мне.

И в гробовой тишине я скорее прочел по ее губам, чем услышал:

— А я… ждала… — Замолчала, собираясь с силами. — Ждала…

Из-под ресниц ее выкатился крохотный серебристый шарик. Остановился. Разросся. И побежал тоненьким ручейком по щеке.

Я замер. Не знал, что сказать, что сделать. И вдруг вспомнил: у меня же в кармане подарок летчика, та розовая конфета! Она, конечно, слегка поизмялась в моих бегах, но…

— Это — тебе... Еще тогда я хотел…

И я протянул конфету. Но там, где должна была быть рука, оказалось сооружение из бинтов и ваты от локтя до девичьего плеча.

На меня словно натянули противогаз — стало нечем дышать. Мои глаза не могли ни принять, ни понять того, что увидели.

А по девичьим губам снова прошелестел ветерок:

— Ты — хороший… Ты такой…

Пожилая санитарка мягко взяла меня за локоть и вывела из палатки.

Уже ночью, обессиленный, возвращаясь в землянку, я ощутил в руке что-то липкое. С трудом разжал ладонь — конфета! Вернее, то, что осталось от нее. Аккуратно свернул ее в розовый комок и уронил на землю.

Над опушкой леса, где мы сидели с внуком, пролетел самолетик. Бесшумно, высоко, оставляя после себя снежную полоску, которая, расширяясь, превращалась в некую небесную лыжню. Так же тихо, незаметно день уступал ночи.

— А ты… ты… Спасибо тебе, дедуля.

Василек не стал уточнять, что он имел в виду, за что именно благодарил.

Он вдруг обнял меня, прижался к плечу щекой и затих, как, бывало, в детстве…

ЕВГЕНИЙ КОРШУКОВ

С годами делаемся строже

* * *

От счастья перепало мне не много —
Оно прошло незримо стороной.
Крещен я был жестокою войной,
И, уцелев, поверил в милость Бога.

Обидно лишь: не видел в детстве хлеба…
И молодость промчалась, словно вихрь.
Со мной, пожалуй, согласитесь вы,
Что в жизни сложной многое нелепо.

Слова

Легко обидеть человека,
Унизить, оскорбить до слез —
Я сам немало перенес…
Обидчик — нравственный калека.
С годами делаемся строже,
Но словом ранящих не счесть.
Не потому ль всех слов дороже
Слова: «порядочность и честь».

* * *

Я помню лишь дождя начало…
Гроза — откуда ни возьмись!
Вдруг все тревожно замолчало,
И потемнела неба высь,
И в тучах молнии искрились…
Но вскоре кончилась гроза.
И дождь прошел.
А мне приснились
Твои любимые глаза.

Прогулка

Я зим суровых не страшусь:
Они приятны, как и вёсны…
Бояться зим — сплошная чушь, —
Бодрит веселый день морозный.

В лесок ведет мой лыжный путь.
Какая прелесть эти ели!
Белеют, будто поседели, —
В снегу им впору отдохнуть.

И в поле вдоволь намело…
Скользят легко и ловко лыжи.
Внизу, с горы, я вижу крыши:
В сугробах сонное село.

У камина

Давно уснул поселок дачный.
Бушует ветер за окном…
Но крепок домик наш невзрачный,
Нам так тепло, уютно в нем.

Сидим с женою у камина,
Следим за пламенем огня:
У стариков судьба едина…
Родная, слышишь ты меня?

Да нет, молчишь, вопрос излишний…
Сочится грусть из глаз твоих —
Ее с избытком на двоих,
В окно стучат тоскливо вишни.

Но стоит ли тужить в ненастье:
Еще живем, живем пока.
Горит камин. И в этом счастье.
Подбросить, что ли, сушняка…

Настроение

Что-то мне тоскливо, одиноко.
Шаг тяжел, но старостью не смят…
Кажется, из всех домов и окон
На меня сочувственно глядят.

Сердобольных не люблю я взглядов,
Жалости к себе я не терплю.
Если пожалеть кого и надо —
Это душу грешную мою.

ИВАН САБИЛО

Один день на всех

Повесть

Они уже сняли лыжи и ждали его на краю лесопарка. Впереди всех стоял Людвиг Иванович, нетерпеливо покачивал в руке черные титановые палки и со снисходительной улыбкой следил, как Ломакин, скользя и спотыкаясь, медленно всходил на пологое темя крохотной горушки.

Свежий снег давно не выпадал. Обледеневшая разбитая лыжня совершенно не держала направления, ноги разъезжались в стороны, лыжи цеплялись за кусты — Ломакин падал, вскакивал, делал два-три неверных шага и снова оказывался на почерневшем от частых оттепелей снегу. Пот заливал глаза, одежда вымокла и липла к телу — мучение, а не учебный бег на лыжах.

Рослый, кудрявый, вечно без шапки Виталька Свиридов небрежно пошутил:

— И года не пройдет, как Ломакин нас догонит.

Ломакин, наконец, подошел. Дрожащими пальцами отстегнул дужки креплений, высвободил ноги, очистил ладонью лыжи от снега, как это всегда делал Людвиг Иванович, и, взглянув на преподавателя, извинился, что заставил ждать. Людвиг Иванович помог ему укрепить палки на лыжах, с неудовольствием сказал:

— На уроках тебе лыжную подготовку не освоить. Сказывается бесснежная жизнь на юге, а коль приехал на север, надо наверстывать, Женя.

— Что смогу, то смогу, — улыбнулся Ломакин.

— Этого мало. Во-первых, надо ходить в лыжную секцию при Доме спорта, а во-вторых…

Свиридов и тут не вытерпел, сказал, что в Доме спорта все разбегутся, если к ним придет такой лыжный гигант, как Ломакин.

— Во-вторых, — не отступал Людвиг Иванович, — по воскресеньям будешь приезжать ко мне на дачу. Мы выходные проводим на лыжах, а значит, и тобой можем заняться.

— Соглашайся, — толкнул Женю Виталька. — У Людвига Ивановича дочка — первая красавица в городе! Не знаю, как она бегает на лыжах, а вот на рояле шпарит — будь здоров!.. Помнишь студенческий бал перед ноябрьским праздником? И девушку, что вышла к роялю в актовом зале?

— Подожди, Виталий, — перебил его Людвиг Иванович и обратился к Ломакину: — У тебя лыжи есть?

Дома были какие-то лыжи, стояли на балконе, завернутые в полиэтиленовую пленку, — широкие, шире ладони, с почти прямыми носами, с круглыми дырками в носах, будто для того, чтобы при необходимости можно было тащить по снегу, как сани. Но даст ли их дядя Леонтий? Почти каждая вещь в его доме была не просто вещь, а реликвия, доставшаяся от отца по наследству. К примеру, зеркало — щербатое, с отколотым углом, поцарапанное. «Два года партизаны и среди них мой отец брились перед ним, — говорил Леонтий. — А бинокль!.. А ранец! Где ты найдешь такой ранец!..»

Было в квартире и еще несколько старых партизанских вещей, в том числе деревянное колесо с железным, стершимся и поржавевшим ободом. Лиля, жена Леонтия, потребовала было убрать его, но он ей тихо и твердо сказал, что колесо будет стоять там, где оно стоит — за шкафом.

О лыжах Леонтий ничего не рассказывал, но кто знает, может, и они родом из тех далеких партизанских времен. И все-таки Ломакин ответил преподавателю, что лыжи у него есть, еще не веря, что соберется к нему на дачу.

По расписанию физподготовка была последней. Ломакин, сдав лыжи, взял сумку с книгами и конспектами и вышел на улицу. С ним увязался Свиридов. «Приглашают — надо ехать, — говорил он. — А так как сегодня суббота, то завтра же двинем за город».

Он назначил Ломакину свидание у почты и бросился к автобусу.

Пятый месяц Ломакин жил в этом городе — учился в кораблестроительном институте. С детства мечтал он строить корабли, занимался в судостроительном кружке Дома пионеров, но в их городе негде было получить судостроительную специальность. И мама, видя, что сын в своем желании непреклонен, сказала отцу: «Пусть едет к моей сестре Лиле и поступает. Думаю, там ему будет хорошо».

Она написала сестре, и та прислала ответ: мол, какой разговор, присылайте своего разлюбезного сыночка — она даже рада, что ее собственный сын Валька будет иметь не только старшего брата, но и друга.

И вот он здесь, учится на факультете корабельной энергетики, а что касается лыжной подготовки, то теперь он ее освоит в два счета.

* * *

Дома был один Валька. Он учился в седьмом классе, приходил из школы раньше Ломакина и сразу валился на диван. Просыпался лишь к приходу родителей, осоловело таращил опухшие от сна глаза и хрипло интересовался: «Сколько время?»

Возвращалась с работы мать, недовольно спрашивала сына: «Опять дрыхнул весь день?» — «Не дрыхнул, а учил, — бурчал Валька. — По новой методике «Обучение во сне». Тебе бы столько задавали, я бы посмотрел, сколько ты дрыхла!..»

Мать души не чаяла в единственном сыне, а следовательно, ее не особенно волновало, чем он занимался, учил или дрыхнул, — лишь бы жил на свете здоровым, остальное приложится.

Валькиному отцу Леонтию тоже все равно, чем занимается сын. И только изредка в легком подпитии он нежно срамил Вальку: «Эх, Валентин Леонтич! И что ты живешь без всякой идеи, на самом младенческом уровне? Я в твои годы…»

Тут он замолкал, будто зависал над пропастью, и Ломакину казалось, что сейчас начнет болтать о себе: мол, в твои годы я Северный полюс открыл, Эверест покорил, все рекорды по добыче угля перекрыл, а ты спишь, как сурок, да жареными блинчиками обжираешься. Но Леонтий говорил иное: «В твои годы хорошие люди уже десятилетки кончают, в институтах учатся, стихи пишут и даже мастерами спорта становятся. А ты все в седьмой класс ходишь!»

Вальку не каждый мог взять голыми руками. А уж такой «полемист», как Леонтий, и подавно. «Интересно, а что же тогда в твои годы? — состроив клоунскую рожу, спрашивал Валька. — Уж в твои-то годы академиками становятся, маршалами и даже президентами. А ты до сих пор, как пацан, по вышкам лазишь!»

После таких слов дядя Леонтий валился на кушетку, сраженный наповал. А Валька не унимался: «К тому же я не употребляю пива, а ты потребляешь!..» — «Но, но! — приподнимался дядя Леонтий. — Кто из нас отец, а?

Способный парень Валька, но ленивый. Если бы присваивали титул чемпиона мира по лени, Валька был бы первый претендент.

Сегодня Валька не спал. Судя по резвости, с которой он выскочил в прихожую, когда Ломакин открыл дверь, стало ясно — ждал! Пока Женя раздевался, он, улыбаясь, смотрел на него узкими глазами и наконец спросил:

— Ты человек богатый?

— Сколько надо? — спросил Женя, зная, что Валька без крайней нужды денег не попросит.

— Не знаю, рублей десять?

Ломакин присвистнул:

— Ого! Растут запросы у подрастающего поколения. Еще недавно по рублю просил, а тут червонец нарисовался.

— Тогда пять! — засмеялся Валька.

Женя вытащил из кармана две трешки, протянул брату.

— Последние?

— Бери, если надо, у меня еще есть.

Но Валька взял только три рубля. Он заявил, что и так должен ему девять рублей, а где их взять, чтобы отдать, если родители всегда дают меньше того, чем требуются. Женя успокоил его, сказал, чтобы тот не переживал, что он подарит ему эти девять рублей, и вообще братьям не пристало считаться, каждый должен быть рад, что помог брату. А жизнь, сколь бы юной ни была, требует расходов, и он, Ломакин, это прекрасно понимает.

— Ты гений! — радостно завопил Валька, пытаясь каким-то доморощенным приемом завалить брата на кушетку. Но сделать это непросто: рослый, плечистый, с развитой мускулатурой, Женя весил почти восемьдесят килограммов, и одной рукой, будто куклу, оторвал от пола легкого Вальку и плотно уложил его спиной на кушетку.

Ломакин хотел поинтересоваться, для чего на этот раз Вальке деньги, но удержался от любопытства — надо будет, скажет сам.

Они вошли в комнату, сели на диван. Валька вздыхал, морщился, будто у него что-то болело внутри, и вдруг сказал:

— Знаешь, для чего мне деньги?

Волнуясь, запинаясь, он признался, что хочет завтра поздравить с днем рождения одноклассницу, но ума не приложит, что ей подарить.

— Я еще ни разу ничего не дарил девчонкам, — тихо произнес он и посмотрел на брата с надеждой — не посоветует ли что-нибудь.

— Я тоже, — просто сказал Женя. — Но думаю, в твоем возрасте лучше всего подарить книгу. Лучше всего художественную.

Глаза у Вальки благодарно заблестели: действительно, какой подарок лучше книги?

— Ты гений, Евгений! — воскликнул он. — Может, сходим вместе?

Женя кивнул и пошел одеваться.

По дороге он рассказ Вальке, что дела его с лыжами плохи, что его пригласил к себе преподаватель и он согласился, а теперь не знает, как быть: завтра ехать, а лыж нет.

— У меня есть лыжи, но тебе мой размер не подойдет, у тебя лапа сорок пятого размера!.. Если только купить?

— Хлопотное дело, — сказал Женя. — Покупать нужно лыжи, палки, ботинки, устанавливать крепления. Где возьмешь столько денег? А ехать завтра. К тому же, зима на излете, осталось несколько занятий.

— Да, незадача, — вздохнул Валька. — И, судя по всему, они тебе больше не пригодятся.

— В том-то и дело.

* * *

Войдя в книжный магазин, они сразу направились в отдел художественной литературы. За прилавком стояла молоденькая беременная продавщица и ела апельсин. Вдохнув острый, такой радостный запах, они зажмурились — так захотелось апельсина.

— Пусть доест, не будем мешать, — сказал Женя и потащил Вальку в антикварный отдел. Здесь лежали и стояли пожелтевшие от времени, дряхлые, с неумело пришитыми обложками, с примятыми и растрескавшимися страницами, но судя по новеньким ценникам с фиолетовыми печатными цифрами на них, замечательные книжки.

— Смотри, такая старушка, а стоит тридцать рублей! — удивился Валька. — А вот двести пятьдесят!..

— Что вам, молодые люди? — поинтересовалась продавщица антикварного отдела, высокая полная женщина.

Валька отвернулся, делая вид, что не слышит вопроса. А Женя сказал:

— Нужна книга в подарок. Вот, его однокласснице, — показал на Вальку. — Но у вас такие дорогие!

Продавщица улыбнулась:

— Толковая девочка? У нас есть знаменитая книга и не очень дорогая — всего шесть рублей. Можете посмотреть, — достала она с полки тоненькую и такую старую книгу, что она уже казалась и не желтой, а пепельной старушкой. На мягкой, похожей на обыкновенный бумажный лист обложке написано:

Серія утопических романовъ
ТОМАС МОРЪ
УТОПІЯ
Переводъ съ латинскаго А. Г. Генкель
С биографическимъ очеркомъ и портретомъ Т. Мора
Изданіе 3-е, исправленное и дополненное.

Ниже, в черной восьмигранной рамке, изображен земной шар и рука с ручкой, которая что-то писала на земном шаре. Под земным шаром было помечено:

Издательство Петроградскаго Совдепа.
И в самом низу обложки:
Изданіе Петроградскаго Совета Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ
1918

Они открыли обложку — титульный лист был ее точной копией, а перелистнув его, увидели портрет человека в странной шапке, в зимнем пальто с меховым воротником, по верху которого шла массивная цепь, и каждое звено ее походило на латинскую букву S. На груди цепь замыкалась, и к замку была пристегнута брошь, похожая и на крест, и на розу.

ТОМАСЪ МОРЪ
(1478—1535)

Валька, еще не зная, о чем эта книга, даже не поглядев, что в ней, загорелся: «Берем!»

Пока шли домой, несколько раз открывали книгу и читали по очереди: «Присяжные, судившие Мора, оказались пристрастными и признали его виновным, не читая обвинительного приговора… А приговор был более чем зверский, потому что с казнью должны были сочетаться неописуемые мучения: «Тогда его следует четвертовать, и на каждом из четырех ворот Сити выставить по части тела, а голову на Лондонском мосту», — гласили заключительные слова этого гнусного приговора. Король заменил его отсечением головы, на что Мор воскликнул: «Избави Бог моих друзей от подобных милостей».

— За что его? — спросил Валька. — Чем он провинился?

— Не знаю, не читал, — сказал Женя, передавая книжку брату. Несколько шагов тот сделал молча, но вдруг остановился:

— Может, не дарить?

— И не пойти на день рождения? А ведь, наверное, обещал?

Валька повздыхал, но согласился, что это нехорошо. И сказал, будто пригрозил самому себе, что сегодня хоть до полуночи спать не будет, пока не одолеет книжку до конца.

Когда Валькино дело было улажено, Ломакин опять вспомнил, что завтра нужно ехать к Людвигу Ивановичу, а лыж нет. Валька почесал за ухом, поморщился, — он сам не раз просил лыжи у отца, но тот не разрешал пользоваться ими, как, впрочем, не разрешал брать и другие вещи деда-партизана: сколько раз Валька клянчил бинокль, чтобы рвануть с ним в пионерлагерь или хотя бы на футбол. Все его просьбы заканчивались не просто отказом, но даже угрозой: «Только попробуй взять!»

— Попробуем, — неуверенно сказал Валька. — Если что, вместе насядем. Скажем, что вещи без употребления портятся больше. Авось подействует.

Дома они открыли дверь на балкон, внесли в комнату лыжи и развернули пленку. Лыжи были серые, некрашеные, с полужесткими, рассчитанными на любой размер креплениями. Женя вставил ботинок, зажал скобу — в самый раз. И тут возле крепления, у самой пятки он разглядел на лыже три буквы: В. И. Р.

— Мне батя не давал, а тебе даст, — заверил Валька и улегся на кушетку читать Томаса Мора.

Женя поднял лыжи, обернул пленкой, поставил в прихожей рядом с вешалкой — вернется Леонтий и решит.

Зазвонил телефон — Валька схватил трубку. Это был отец, он сообщил, что далеко в области случился обрыв линии высоковольтной передачи и он с бригадой отправляется туда, чтобы наладить дело. А потому сообщает, что сегодня вряд ли им удастся вернуться, а будет он дома, скорее всего, завтра к вечеру.

— Скажи про лыжи, — подтолкнул Женя Вальку.

— Па, с тобой Женя поговорить хочет.

Ломакин взял трубку.

— Дядя Леонтий, у вас лыжи есть, не дадите ли завтра на них покататься?

И неожиданно услышал:

— Зачем спрашивать то, что спрашивать не надо? Бери хоть сейчас и гоняй на здоровье! Не все же им торчать без дела на балконе...

* * *

Валька и тетя Лиля еще спали, когда Женя оделся, вышел в кухню, напился чаю с колбасой и, стараясь не шуметь, снял с Валькиных лыж палки, прикрепил их к своим, надел куртку, вскинул на плечо лыжи и вышел из дома.

«Я с горок кататься не буду, по равнинке похожу», — думал он, направляясь к почте, где, приплясывая на утреннем морозце, ждал его Свиридов. На нем был спортивный, прямо-таки шиковый наряд: темно-синие эластичные брюки с широкими белыми полосами; узенькие, будто игрушечные, сработанные из нескольких видов разноцветной кожи лыжные ботинки; импортные пластиковые лыжи; японская нейлоновая куртка, серебристо искрящаяся при свете утреннего солнца, и на голове яркая финская шапочка «карху».

«Не Свиридов, а мальчик с подиума!» — улыбнулся Женя, принимая весь его внешний вид как должное. Брат Виталика был известным горнолыжником, да и сам он занимался лыжным двоеборьем, даже был победителем первенства города среди юношей, а в декабре выиграл приз открытия сезона по лыжным гонкам среди молодежи — того и гляди станет членом сборной страны!

Ломакину давно нравился этот парень, его слегка танцующая походка, манера говорить, будто бы заботясь о собеседнике — интересно ли ему? Нравились и его всегда безобидные шутки. Если же шутили над самим Свиридовым, он не то что не обижался, наоборот, подыгрывал тому, кто шутил, чтобы шутка вышла на славу и чтобы шутник заслужил аплодисменты.

— Что это? — спросил Виталик, взглянув на лыжи в руках Ломакина. — Где ты взял эти шпалы?

— С Великой Отечественной, — просто ответил Женя. — Но не шпалы, а нормальные лыжи, если учесть, что я — нормальный лыжник.

Они взяли билеты в кассе-автомате и вышли на платформу. Когда поезд тронулся, Ломакин рассказал Виталику о чудачествах теткиного мужа Леонтия, о том, что он держит в доме колеса от самодельных партизанских пушек, а также о том, что лыжи эти Леонтий совершенно неожиданно разрешил взять без каких-либо оговорок. И теперь он, Ломакин, озабочен только тем, чтобы вернуть их в целости и сохранности. Женя опасался, что Виталик с иронией отнесется к его рассказу, но тот, напротив, сразу же предположил, что Леонтий хранит и лыжи, и бинокль с колесами, чтобы не забывать, откуда он сам родом. Что Леонтий, возможно, не вещи хранит, а память об отце, и это уже совсем другой компот.

— Его отец был знаменитым партизаном?

— Ну, может, не в масштабах страны, но… он не вернулся с войны — погиб.

— Что ж, осторожнее с ними, — улыбнулся Виталик. Бережно, будто живое существо, погладил свои лыжи, а когда скосил глаза на лыжи товарища — ужас отразился в его глазах.

— Болотные? — ткнув пальцем в лыжи Ломакина, поинтересовался толстый мужчина в расстегнутой куртке и хихикнул, довольный собственным юмором.

— Да, партизанские! — глядя в его мутно-голубые глаза, произнес Виталик. — Вы не ходили на таких?

У толстяка пропала охота острить, он отвернулся и стал смотреть в окно.

Несколько минут приятели ехали молча, следя за тем, как в вагон набивалось все больше народу.

— Ты-то зачем едешь? — не удержался Ломакин.

— А ты еще не понял? — рассмеялся Виталик. — Приедем — поймешь!

* * *

Людвиг Иванович проснулся задолго до рассвета, почувствовав, что озяб под толстым ватным одеялом. Болела голова. «Уж не простудился ли?» — подумал он и сбросил одеяло. Сунул ноги в домашние туфли, прошел к аптечке, стоявшей на книжной полке, достал градусник и вернулся в постель. Сунул градусник под мышку и закрыл глаза. Представил, как быстро ползет вверх ртутный столбик, но, вспомнив, что сегодня к нему приедут студенты, привстал и посмотрел на дверь, будто они вот-вот появятся в комнате.

«Чего я испугался? Если сам не смогу, выйдет с ними дочка, а я почитаю — давно книгу в руках не держал».

В соседней комнате закашлялся отец — его сухой, с присвистом кашель болью отозвался в груди Людвига Ивановича. Отец еще не старый, нет и семидесяти, но в последние годы принялся болеть: астма, стенокардия, камни в почках будто сговорились одолеть человека, и в довершение всего — туберкулез глаз — катастрофически падало зрение, старик боялся света и все больше предпочитал сидеть в темноте, почти не выходя на улицу.

Людвиг Иванович достал градусник — ого! Тридцать семь и девять! И такое с утра, что же будет к вечеру?

Жена и дочка спали в крохотной боковой комнатке, дверь в нее была приоткрыта, и оттуда, неслышно ступая, вышел огромный белый кот Лазарь. Выгнув дугой спину, потянулся и вспрыгнул на постель Людвига Ивановича. Вслед за ним примчался Дымок — юный сын Лазаря.

— Пришли досыпать? — шепотом спросил хозяин, тронув теплую пушистую спину Лазаря. Кот громко, с удовольствием замурлыкал, и Людвиг Иванович снова уснул. А когда проснулся, все в доме были уже на ногах: делала зарядку дочка, отец крутил рычажок настройки приемника, а из кухни уже неслись запахи жареных на постном масле оладий.

— Дочка! — позвал Людвиг Иванович.

Она выбежала к нему в красной трикотажной футболке и синих спортивных брюках — стройная, длинноногая красавица.

— С добрым утром, па! Вставай!

— Не могу, температура выше нормы. Сейчас должны мальчишки приехать — придется тебе их развлекать.

— Какие мальчишки? Твои?

— Да, Ломакин и Свиридов. Надо погонять их на лыжах, особенно Ломакина, он на юге жил, там снег дефицитный.

Она обрадовалась. Ответила, что ей такое поручение не составит труда, что она даже рада визиту студентов. Она смеялась и подпрыгивала, стараясь руками достать потолок. При каждом прыжке поворачивала голову — смотрела на отца, — и в этом повороте, в быстром, веселом взгляде он узнавал свою жену Таню, которая почти не изменилась за восемнадцать лет, что они прожили вместе.

— Ты на маму похожа, — сказал он. — Как две капли!

Она подпрыгнула, ухватилась пальцами за дверную коробку и подтянулась до подбородка. Спрыгнув, сказала:

— Знаешь, па, мы, женщины, тоже сильный пол! Ты не представляешь, какая во мне моторная сила — хочется не ходить, а раскрыть руки и полететь над городом. И я верю, что могу полететь, только вот неудобно — как же я буду летать, когда все другие просто ходят, например, старушки.

От дочкиных слов, от ее смеха у Людвига Ивановича понизилась температура, и он, снова поставив градусник, увидел, что на шкале тридцать семь и три.

— Ты лучший доктор, — сказал он. — Лечишь без лекарств!

Из кухни вышла жена — высокая, стройная, с голубыми глазами, светлыми волосами, в синем халате. Весело сказала:

— Подъем, ребята! Умывайтесь — и к столу, а то оладьи остынут.

Людвиг Иванович поднялся и, сделав пару приседаний, вернулся на кровать — почувствовал, как заколотилось сердце.

— Подождите немного, — попросил он, — сейчас приедут гости.

* * *

Валька вскочил с кровати, метнул взгляд на часы — половина двенадцатого, пора собираться, а он дрыхнет, будто ему никуда не надо. Угораздило же пообещать Ритке, что придет на день рождения! Да и поймет ли она, что «Утопия» не макулатурная книжонка, а гениальное произведение одного из самых знаменитых англичан.

Взглянув на кровать Евгения, он подумал, что тот уже гоняет на старых отцовских колодах вместе с Виталиком и семьей преподавателя.

Матери тоже не было, наверное, поехала на рынок. Она знала, что Валька идет на день рождения, и не забыла приготовить его любимую, сшитую в ателье из плотной, защитного цвета хлопчатобумажной ткани рубашку с крохотными погончиками на плечах. Под рубахой на стуле висели брюки, а на телевизоре лежали три железных рубля и мелочь.

«С деньгами негусто, — вздохнул Валька, высыпая их в нагрудный карман. — Негусто, но при наличии подарка достаточно», — рассудил он.

До назначенного часа еще много времени, и Валька двинулся по улице, надеясь встретить знакомых ребят. Никто не встретился, и он приплелся к Риткиному дому, потоптался возле подъезда, вошел в парадное, поднялся в лифте на четырнадцатый этаж и позвонил.

— Открыто! — раздался голос из-за двери.

Валька вошел. К нему, сопя и словно отдуваясь, подлетел коричневый, в темных яблоках, боксер Грей, обнюхал, толкнул свинцовым боком в ногу и убежал на кухню. И сразу же оттуда появилась Рита — в легкомысленном сарафанчике со шлейками-крылышками, в цветастом переднике и с бантом в длинных вьющихся волосах.

— Ой, это ты! А что так рано? — спросила Рита, снимая с его головы шапку.

Валька сказал, что ему нечего делать, но если он некстати, то может снова пойти на улицу и дождаться положенного часа.

— Вот еще! — испугалась она. — Молодчина, что пришел! Ты картошку чистить умеешь?

Валька с готовностью кивнул.

Она раздела его, привела на кухню. Здесь на полу лежал Грей, а мама Риты — Нина Константиновна и Ритин дядя в черном тренировочном костюме и шлепанцах на босу ногу суетились возле стола. Большая лысая голова мужчины отражала солнечный свет.

Валька проглотил слюну — так вкусно тут пахло куриным бульоном и солеными огурцами.

— Хочешь есть? — спросила Нина Константиновна.

— Не, дома полпетуха съел, — соврал Валька, постеснявшись признаться, что не завтракал.

— Он хочет картошку чистить! — радостно объявила Рита и стала искать нож для Вальки.

Но мама не разрешила Вальке чистить картошку. Она велела дочери проводить гостя в комнату и включить телевизор или магнитофон, а если Валька любит книги, то пускай сам пороется в их библиотеке — посмотрит художественные альбомы.

Рита повела его в большую комнату, стены которой были сплошь заставлены стеллажами с книгами. Посреди комнаты стоял широкий стол, а на нем — белый и черный хлеб, круглая корзина с яблоками, ложки, вилки, ножи. В середине возвышалась высокая хрустальная ваза с нежными, хрупкими на вид цветами. Рита сказала, что это персидские цикламены. Она включила магнитофон — по квартире понеслось: «Рок-эн-ролл — казачок! Рок-эн-ролл — казачок!..»

Валька вспомнил про «Утопию», хотел выйти в прихожую, чтобы вытащить книгу из пальто и вручить Рите, но Рита уже улетела на кухню помогать матери.

Валька сел в мягкое кресло возле окна и стал смотреть на улицу. Отсюда, с четырнадцатого этажа, люди казались крошечными, а торговый центр совершенно потерял свою высоту и объем и темно-серой коробкой распластался на земле; пятиэтажные домишки походили на детские кубики, и даже девятиэтажные были неправдоподобно малы отсюда, с сорокапятиметровой высоты.

«Боюсь высоты, в отличие от папы-верхолаза, — подумал Валька. — И получилось неловко — приплелся рано. Хоть бы кто-нибудь явился из ребят, было бы легче…»

Вбежала Рита:

— Не скучаешь?

— Скучаю, — сказал Валька.

— Тс-с! — приложила она палец к губам. — Я тоже! Ты молодец, что пришел раньше, я так рада.

И она убежала на кухню, а он даже вспотел от ее слов и вновь со страхом подумал о том, понравится ли ей подарок.

Валька встал, вгляделся в книги, стоявшие на полках, поискал, нет ли среди множества литературы точно такой «Утопии», как у него. Кажется, не было, и это успокоило его. Он сделал звук магнитофона громче и сел на диван.

* * *

На остановке вместе с Женей и Виталиком вышло много людей. Почти все они надели лыжи и двинулись по обочине дороги.

— Может, и мы? — спросил Женя, понимая, что Виталику будет тошно нести лыжи на этом раздолье — тут в самый раз показать, на что способен.

Возле низенького станционного магазинчика стояли несколько парней, курили, поглядывали на Ломакина, возившегося с допотопными креплениями. Один сказал:

— Глянь, этот чухонец, наверное, с того света на них приковылял.

— Ага, истинные гробы! — захохотал другой.

Ни Ломакин, ни Свиридов ничего не ответили — говорят себе и пусть говорят. Встали на лыжи и тронулись прямо по целине, чтобы обогнуть засыпанный серым песком участок дороги и выйти на чистую лыжню. Женя сказал, чтобы Виталик не маялся возле него, а бежал как ему хочется. Не успел он договорить, как приятель, будто реактивный, оказался далеко впереди и скрылся за холмом.

Ломакин был настолько беспомощен, что даже не позавидовал мастерству Виталика, не смог оценить его совершенной техники.

«Форма у него отличная», — только и подумал он, стараясь удержаться на лыжне, не завалиться в снег. Он шел медленно и тяжело, но зато ноги совершенно не чувствовали креплений — нигде не жало, не терло.

Наконец показался дачный поселок на берегу узкого, вытянувшегося к лесу и закрытого теперь льдом и снегом озера. Его можно было принять за поле, если бы не маячившие там-сям черные точки подледных рыболовов. Голубые, зеленые, красные домики сбежались к широкой, укатанной легковыми машинами улице и дымили разноцветными трубами — веселили глаза и душу.

— Видишь коричневую крышу? — показал палкой Виталик. — Это и есть Людвигова дача. Всю осень таскал он сюда сборную института по лыжам, в том числе и меня: бегали кроссы и даже плавали в озере, хотя по утрам уже собирался ледок… Видишь возле дома коричневый гараж? У Людвига машина есть, «Москвич». Бывало, посадит нас и сюда…

Виталик не договорил — из дома на крыльцо выскочила светловолосая девушка в красном халатике, схватила на руки белого котенка, сидевшего на нижней ступеньке, и нырнула обратно в дом. И Ломакин узнал в ней ту девушку, что на институтском вечере выходила к роялю.

— Дочка Людвига — Лариса! — пояснил Виталик.

Они взошли на крыльцо, с грохотом обили снег и открыли дверь на веранду. Туда же, только из другой, внутренней двери выскочила и Лариса.

— Здравствуйте! — сказала она. — Добро пожаловать!

Ломакин шагнул вслед за девушкой, невольно стаскивая с головы шапочку. С веранды они попали в небольшую прихожую, откуда в открытую дверь была видна жена Людвига Ивановича.

Людвиг Иванович, уже одетый, терзал электробритвой щеку. Не оборачиваясь, видя ребят в большом овальном зеркале, сказал:

— Молодцы, что явились! Будем завтракать, а потом — на лыжи. Я малость прихворнул, так что поведет вас Лариса.

Гости сели на диван. Лариса приносила из кухни на стол блюдечки, розетки, чайные ложки, сахарницу с песком, трехлитровую банку с яблочным вареньем.

Глядя на нее, Ломакин вдруг увидел себя рядом с ней в своем далеком южном городе: лето, жара; они идут по сбегающей к морю улице, он держит ее руку в своей руке. Глубоко вздохнул, представив такое, и покосился на Виталика — не догадался ли тот, о чем он сейчас думал.

Из соседней комнаты, тяжело ступая, появился крупный старик в толстом шерстяном свитере и тренировочных брюках. Чуть наклонил седую голову — поздоровался и первый сел к столу.

— Мои студенты, папа, — сказал ему Людвиг Иванович. — Приехали у нас покататься… Пойдете на лыжах, — обратился он к Ломакину, — не особенно увлекайтесь горками. Лариса обожает горки, а вам лучше побегать.

— Не беспокойтесь, Людвиг Иванович, — сказал Виталик, — у Ломакина такие лыжи, что без фуникулера в гору не поднимешь. А на моих лыжах носиться с гор цена не позволяет!

Людвиг Иванович пригласил ребят к столу.

Ломакин с любопытством разглядывал комнату, в которой они находились. Возле круглой и, наверное, теплой печки сидел важный белый кот, а маленький котенок, лежа на боку, играл его пушистым хвостом. Небольшая полка с книгами, высокий, черного дерева старинный шкаф с посудой, овальное зеркало, пожелтевшее от времени, с облупившимся лаком на рамке, широкий диван, а возле него на полу — чистая самотканая дорожка. Таких вещей дома у Ломакина, в его южном городе, не было, а было все новенькое, модное, «самое-самое», и все это не задерживалось, не приживалось — стараниями мамочки изменялось и обновлялось. В доме царил вечный круговорот вещей, будто и не дом у них, а помещение для постоянно действующей выставки мебели, которую к тому же никто не посещал. Ломакин не особенно задумывался, хорошо ли это, плохо ли, однако, попадая в такие квартиры, где стояла старая мебель, он всегда остро чувствовал, что у него нет ни деда, ни бабушки…

— Зима нынче не балует нас погодой, — говорил Людвиг Иванович. — Все больше оттепели, плохо лыжникам в такую пору.

— Как в Сочи! — оживился Виталик, взглянув на Ломакина.

— Нет, — бесстрастно ответил Женя. — У нас средняя температура января — шесть градусов тепла.

— Вы из Сочи? — удивилась Лариса. — Не представляю, как это можно постоянно жить на курорте. Все кругом отдыхают, плещутся в теплом море, загорают, едят мороженое, а ты сидишь на уроке или работаешь. Мне кажется, я бы не смогла.

— Верно, — согласился Женя. — Когда в пятом классе нам задали писать домашнее сочинение на тему «Кем я хочу стать?», я написал, что хотел бы стать «отдыхающим». Мне тогда казалось, что более красивой и возвышенной жизни просто не бывает.

— И тебе за сочинение с ходу вкатили «пятерку», — обрадовался Виталик.

— Не помню, кажется, нет, — улыбнувшись, ответил Женя, и все рассмеялись.

После завтрака Людвиг Иванович стал показывать Ломакину технику ходьбы на лыжах.

— Руки не расставляй широко, будто хочешь объять необъятное. Палки старайся держать поближе к лыжам. Ноги нужно немного согнуть в коленях, вот так!.. Ладно, идите, Виталик подскажет.

Старик тоже вылез из-за стола, включил радио — передавали музыку. Минуту слушал, затем подвинулся к окну и стал смотреть на улицу.

— Лыж-ни-ки! — раздельно проговорил он. — Такого слова в нашей деревне, поди, никто не слыхивал. Были столяры, плотники, кузнецы, печники, кровельщики. А то — лыж-ни-ки, фут-бо-ли-сты!..

— Чем ты недоволен, папа? — спросил Людвиг Иванович.

— Почему, всем доволен. Даже рад, что есть лыж-ни-ки, фут-бо-лис-ты!.. Кто еще? А еще — бо-лель-щи-ки! Более мерзкого слова не сыскать.

Вдруг его глаза остановились на лыжах Ломакина, стоявших возле веранды. Старик забеспокоился, приблизился к стеклу, а затем широкими шагами направился к двери и вышел на двор.

— Что он там увидел? — спросил Людвиг Иванович и посмотрел в окно. — По-моему, он твоими лыжами заинтересовался, Женя. Разглядывает, крутит в руках. Не желает ли составить вам компанию?

Старик вернулся, глухо спросил:

— Чьи лыжи у забора?

— Мои, — сказал Ломакин, — а что?

— Ничего, милый, у меня тоже такие были. Давно, правда…

Старик хотел еще что-то сказать, но промолчал, согнулся, будто под тяжестью, и пошел в свою комнату. Тут же вышел и обратился к Ломакину:

— Ты, сынок, когда покатаешься, загляни снова к нам, ладно?

Ломакин кивнул. Он не понимал ни озабоченности старика, ни причины, из-за которой тот просил зайти.

Старик наклонил голову, будто что-то вспоминал, и проговорил:

— Благодаря этим лыжам… Благодаря таким лыжам я остался жить. То есть не лыжам, конечно, а мальчику, но и лыжам тоже.

— Когда склад взрывали? — хотел уточнить Людвиг Иванович. Но старик не успел ответить, из своей комнаты выскочила одетая в голубые брюки и красную нейлоновую куртку Лариса. Озарив присутствующих улыбкой, спросила:

— Что расселись, как на именинах? Пора на воздух!

У озера они встали на лыжи. Лариса первая бросилась вниз с пологого берега. Отталкиваясь палками, выскочила на лед и остановилась посмотреть, как вслед спускаются студенты.

А Ломакин горбился, ноги расставил широко, его лыжные палки волочились по снегу.

— Ноги! — закричала ему Лариса. — Что ты их раскидал, как Эйфелева башня опоры?!

Но Ломакин уже потерял равновесие и завалился на бок. Вставал долго и трудно, то левая нога уезжала вперед на пологом спуске, то правая. Наконец встал, но, не сделав и трех шагов, снова упал.

Лариса хохотала. Виталик стоял рядом, улыбался, а когда вымотанный, вспотевший Ломакин подъехал к ним, сказал:

— Может, вернешься? С дедом потолкуешь. Людвиг Иванович поставит тебе зачет только за то, что ты приехал.

— Я не к деду приехал, — мрачно ответил Ломакин.

— Он прав, пусть догоняет! — крикнула Лариса и бросилась по лыжне, протянувшейся по середине озера на лесной берег. Виталик помчался следом и очень скоро догнал ее. Он шел ровным, накатистым шагом, не оглядываясь и не стараясь обогнать Ларису.

Ломакин нехотя плелся за ними. В голову лезли обидные мысли, что вот из-за такого пустяка, как неумение ходить на лыжах, быть может, он теряет эту чудесную девушку.

Но постепенно он забыл о Ларисе и Виталике и с облегчением почувствовал, что остался один. Теперь, когда никто его не подгонял, не поправлял, не советовал, он пошел ровнее и свободнее. И дышалось легко, и лыжи не мешали.

«Лыж-ни-ки, фут-бо-лис-ты!..» — повторял он слова дачного деда и двигался дальше и дальше, не замечая, как быстро темнело небо, оседал туман и начал падать мелкий колючий снег.

* * *

Когда ушли ребята, Людвиг Иванович явился к отцу. Тот уже успел лечь на кровать. Увидев сына, усмехнулся:

— Твой студент на моих лыжах приехал. Я из окна увидал, что похожие, а вышел и вижу — мои! Даже инициалы мои вырезаны, я их собственноручно вырезал еще до войны.

— Что это значит?

— Пока не знаю, но может оказаться, что в одном с нами городе живет Леня Братко — это он спас меня от смерти. Столько лет я думал о нем, а может случиться…

— Почему ты не спросил у Ломакина, откуда у него эти лыжи?

— Вот не поверишь, испугался.

— Боишься, что Ломакин назовет фамилию, которая не имеет никакого отношения к твоему Лене Братко?

— Нет, больше всего боюсь, что он до сих пор не знает правды о своем отце. И эту правду мне ему нужно сказать… А вдруг твой Ломакин действительно не имеет никакого отношения к Лене Братко, что тогда?

— Ничего. Будешь знать, что не имеет.

За окном посыпался мелкий снежок, в комнате стало сумрачно. Монотонно и хрипло пробили двенадцать раз древние часы на стене.

Старик уже давно жил прошлым. Он часто вспоминал, как в марте сорок третьего командир вызвал его, старшего подрывной группы, и еще троих подрывников и сообщил, что в одиннадцати километрах от партизанской базы, на железнодорожной станции в старом кирпичном пакгаузе фашисты устроили склад боеприпасов. Разведка доложила, что его охраняют всего двое часовых, которые меняются каждые два часа. Нужно снять их, подложить взрывчатку и уйти незамеченными.

К операции готовились долго и тщательно. Достали взрывчатку, трижды выходили к железной дороге и в бинокль наблюдали за станцией, подыскивали пути отступления на случай неудачи. Взрыв наметили в ночь на восьмое марта, но седьмого днем повалил густой снег, разыгралась вьюга — стало ясно, что пройти полуголодным бойцам с оружием и взрывчаткой одиннадцать километров по глубокому свежему снегу почти невозможно. И тогда он, старший группы, вспомнил о своих лыжах. Решено было скрепить их вместе, устроить на них взрывчатку и тащить как на санках. При выходе на поле оставят лыжи-санки в лесу, заберут взрывчатку и уже на себе донесут ее к месту.

С ними в группу просился самый юный партизан, четырнадцатилетний Леня Братко. Но его и слушать не хотели. И тогда Леня подошел к Роману Ивановичу: «Возьмите, Иван Романович, я назад лыжи приволоку, когда вы их бросите в лесу».

Иван Романович не мог отказать не по годам смышленому и физически сильному парнишке и упросил командира отряда разрешить Лене Братко пойти с ними, чтобы вернуться на базу с лыжами. «У нас не последнее задание такого рода, — сказал он тогда, — может случиться, что лыжи и для другого дела понадобятся». — «Хорошо, пускай идет», — ответил командир.

В семь часов вечера буря утихла, и группа двинулась в путь. Нужно было за четыре часа дойти до железной дороги, а после полуночи, когда сменится очередной караул, уничтожить охранников и произвести взрыв. Идти по глубокому снегу тяжело, так что бойцы сложили на санки-лыжи и оружие — автоматы и карабины. Груз тащили за веревку, продетую в дырки на лыжных носах. Менялись через каждые сто-двести шагов. Когда в очередной раз Ивану Романовичу досталось тащить груз с Леней, он спросил паренька: «Не жалеешь, что пошел с нами? Сидел бы теперь у костра с партизанами, чай пил, а так…» — «Я не сидеть шел в партизанский отряд», — с вызовом ответил мальчик.

Иван Романович любил и жалел паренька. В начале зимы его мать и двух младших сестер схватили каратели и заперли в сарае вместе с другими семьями партизан. Сам Леня успел выскочить из дома, когда вошли фашисты. Почти двое суток скитался он по лесу, пока не нашел партизанский отряд, где воевал его отец. Он рассказал партизанам о карателях, о том, что они схватили несколько семей и готовятся их сжечь, если не объявятся партизаны.

Несколько бойцов вызвались напасть на карателей и отбить женщин и детей, но командование не позволило — наиболее сильная и подготовленная часть отряда находилась на боевом задании за пятьдесят километров от базы. А нападать на крупный вражеский гарнизон малочисленным, плохо вооруженным составом было безумием.

Все согласились. Но и отказаться от попытки освободить заложников тоже никто не мог. Поэтому командир отряда принял решение разведать, где находятся заложники, кто их охраняет и сколько понадобится бойцов, чтобы спасти их.

В разведку попросились Артем Братко, Иван Романович и молодой партизан, которого все звали по фамилии Борисов. Артем Братко вывел группу к

своему селу. И тут их заметил часовой, открыл стрельбу из автомата — пуля фашиста попала в грудь Артема. Иван Романович и Борисов подхватили его под руки, бросились в лес. За ними погнались фашисты. «Давайте влево, там кусты и болото», — прохрипел Братко. Свернули туда. Через несколько шагов их ноги по колено провалились в болотную жижу. А фашисты обходят слева и справа, вот-вот настигнут. И тогда Братко рванул с груди автомат: «Уходите, я прикрою. Троим не уйти!» Хватая воздух широко раскрытым ртом, он опустился на колени там, где стоял. Так что воды ему сделалось почти по пояс. В ближнем березняке показались фашисты. Артем Братко ударил по ним длинной очередью. И снова крикнул: «Уходите! Я прикрою!..»

Иван Романович и Борисов ушли. И только Артем Братко навсегда остался в болоте.

Через два дня партизанские связные сообщили из деревни Бор, что каратели сожгли в сарае всех заложников, и среди них маму и двух сестер Лени…

Леня Братко остался в отряде. Но на задания его пока что не брали — партизаны жалели мальчишку, боялись за его жизнь. А Леню это обижало — он хотел мстить за родных…

На половине пути возле широкой просеки сделали привал. Бойцы тут же повалились в снег, и только Леня остановился у саней и, опершись на толстую суковатую палку, ждал, когда партизаны снова поднимутся в путь.

«Посиди маленько, отдохни», — просили его, но Леня твердо ответил: «Не устал».

На опушку леса они вышли в половине одиннадцатого. Светила полная луна, и нечего было думать идти через поле к железнодорожной линии. Достали маскхалаты — в январе им десять штук сбросил самолет с Большой земли. Пока бойцы надевали их, Иван Романович подошел к Лене и сказал: «Все, друг, забирай лыжи и возвращайся. Дальше мы пойдем одни».

Леня продолжал стоять, может быть, надеясь, что старший группы возьмет и его с собой.

«Партизан Братко, выполняй приказ!» — чуть не крикнул Иван Романович. Он повернул парня лицом к партизанской базе и толкнул в спину: «Пошел!»

Леня сделал шаг, другой, натянул веревку, и лыжи-сани послушно зашуршали за ним. Через минуту он скрылся в темноте, и старший группы облегченно вздохнул.

Наконец луна зашла за тучку, вслед ей уже подходили другие тучки и тучи, и бойцы, низко пригибаясь, медленно двинулись к железной дороге. Там под тремя лампами-прожекторами, освещавшими подходы к пакгаузу, маячили фигуры двух часовых в длинных тулупах, в шапках-ушанках на русский манер.

Было решено, что Иван Романович и Борисов останутся ждать в сотне метров от пакгауза, а двое подрывников снимут часовых, наденут их тулупы и будут вместо них «охранять» склад. Тогда Иван Романович и Борисов заложат взрывчатку.

Группа успела в темноте преодолеть поле, отделявшее лес от железной дороги, и, не пересекая глубокого рва, залегла, дожидаясь, когда новая туча закроет луну.

«Плохо, что они вместе, лучше бы ходили по одному», — подумал Иван Романович, следя, как медленно, еле-еле подвигались к освещенному прожекторами пространству два белых холмика.

Вдруг в самое ухо жарко задышал Борисов: «Иван Романыч, смотрите!..»

Он поднял глаза под крышу пакгауза и увидел, что широкое окно медленно, беззвучно раскрывается и в темном проеме появляется зловещий силуэт. Это был еще один часовой, о котором ничего не доложили разведчики. Тут же из окна прогремел выстрел, за ним второй — часовой в упор стрелял по партизанам. Двое других охранников прыгнули за угол и стали палить из автоматов.

«Ах, сволочи!» — прошептал Иван Романович, бросаясь вперед, к ребятам. Он упал возле них и понял, что они мертвы.

В здании вокзала, в пристанционных домах вспыхнул свет, хлопали двери, гремели выстрелы. Через линию железной дороги бежали фашисты. Нужно было уходить, но в это время мимо Ивана Романовича промчался Борисов, на ходу срывая чеку гранаты.

Иван Романович понял, что произойдет через секунду, вскочил на ноги, и в тот же миг раздался взрыв, а за ним — еще один, в тысячу раз более мощный. Воздушной волной Ивана Романовича сбило с ног, и он, пролетев по воздуху несколько метров, шлепнулся в снег за канавой. Какое-то время лежал оглушенный, не понимая, что с ним, но тут же вскочил и бросился к лесу. Сзади строчили автоматы, он почувствовал, как пули дважды ударили его в правое бедро. Споткнулся, упал в снег и пополз, волоча простреленную ногу. До леса оставалось метров сорок, когда оттуда неожиданно выскочила темная фигурка — Леня Братко. Увидев мальчишку, Иван Романович потерял сознание…

В себя он пришел на базе. Рядом были партизаны.

«Не уйти бы тебе, Ваня, если бы не мальчишка, — сказал командир отряда. — Что склад уничтожили, молодцы, а что люди погибли — горе. Невосполнимую утрату мы понесли… Ты, Ваня, пока что отвоевался, повезем тебя в дальний хутор, подлечишься…»

Иван Романович закрыл глаза и стиснул зубы, выходило, что ему дважды спасли жизнь: сначала Артем Братко, потом его сын. А сам он тогда в болоте оставил Артема одного…

Лечение затянулось на целый год, а когда Иван Романович встал на ноги, война из этих мест ушла, он оказался на освобожденной территории, хромой, искалеченный, но — живой. И с той поры стал думать о встрече с Леней Братко, искать его. Однако искал словно бы с закрытыми глазами, боясь, что не удержится при встрече и расскажет ему об отце, о своей вине перед ним.

«А может, и не нужна ему правда, зачем она, что она теперь изменит?..»

Старик повернулся и посмотрел в окно — ему послышались голоса внучки и ребят.

«Пускай бы расстались на улице, не заходя к нам, — подумал он, задыхаясь от волнения, — пускай бы пошли сразу на станцию, я бы подготовился, я бы знал, что делать… Или нет, пусть идут сюда, я подумаю, как быть, я не скажу…»

* * *

Гости собрались быстро. Сначала пришли две одноклассницы — толстенькая серьезная Юля Корнеева и маленькая, вечно улыбающаяся Люда Хвощ. Они принесли в подарок большую золотоволосую собаку с белой плюшевой грудью, зелеными глазами, черным носом и высунутым красным языком. Собака была как живая и даже лаяла с хрипотцой, если ее хватали за хвост.

— Какие прелести! — восхитилась Рита, целуя всех троих — Люду, Юлю и собаку.

Вслед за ними явился одноклассник Вовка Мороз, длинный, столь же худосочный, сколь и ядовитый парень; он поздоровался, снял с головы шапку, тут же снова нахлобучил ее и, вытащив из-за спины руку с клеткой, промурчал:

— Это тебе, Маргоша, только не целуй и руками не трогай — прокусит хоть нос, хоть палец, у меня уже такое было.

Рита ахнула — в клетке сидела коричневато-серенькая, пушистая белка. К ним заторопились Люда и Юля, подошел и Валька. Все сгрудились возле клетки, девчонки верещали:

— Какая хорошенькая! А мордочка, мордочка, и ушки с кисточками. А можно ее выпустить?

Мороз ответил, что лучше не надо, пусть белка привыкнет к новой обстановке, а уж потом, когда разойдутся гости, Рита сама выпустит, без посторонних, —

при этом он почему-то сурово посмотрел на Вальку, будто именно из-за него нельзя открывать клетку.

— А ты что подарил? — спросила у Вальки Люда.

— Пока ничего, я ей книжку принес, «Утопию». Такая страна была, ее открыл Томас Мор.

— А кто закрыл? — встрял в разговор Мороз.

И снова звонок — пришел Ритин двоюродный брат Гена с женой Леной и пятилетней дочкой Светланой. Сняв пальто, Лена раскрыла сумку, достала пакет и, целуя Риту, сказала:

— Примерь!

— Мы тебе дагим вельветовые бгюки! — радостно подсказала Светлана.

— Не может быть, — улыбнулась Рита, скрываясь в комнате, куда за ней устремились обе одноклассницы.

— А ты что стоишь? — нагло спросил Мороз и, показав на дверь, посоветовал: — Беги скорей, а то успеют без тебя.

Валька ничего не ответил на пошлую шутку Мороза, он думал о том, как отнесется к его «Утопии» Рита, и поглядывал на пальто, где в кармане лежала книжка.

«Может, не дарить? Ей вон какие подарки несут. Сказать, мол, подарок дома забыл, а потом что-нибудь другое подарю».

Из кухни с подносом в руках вышла Нина Константиновна, а вслед за ней показался Алексей Юрьевич в генеральском мундире с большим бокалом в руке.

Валька знал, что Ритин дядя — генерал, но, увидев его теперь при полном параде, даже растерялся — таким значительным показался ему Алексей Юрьевич. Особенно поразили его широченные красные лампасы на брюках.

— Во, полный дом генералов! — не утерпел и тут Мороз.

— Ну, друзья, все ли готовы? — спросила Нина Константиновна и позвала всех к столу.

«Пожалуй, не стоит дарить», — решил Валька и двинулся в большую комнату. Но тут же вернулся и вытащил из кармана книжку.

Гости рассаживались. В новых брюках появилась Рита, щеки ее горели, на губах светилась счастливая улыбка. Сразу ясно, что о таких брюках она мечтала давно. Брюки действительно сидели на ней лучше некуда.

Одноклассницы, затаив дыхание, смотрели на подругу и были счастливы вместе с нею. Мороз шумно сопел, вздыхал и только изредка бросал взгляд на брюки, а в основном смотрел на клетку с белкой — похоже, жаль было расставаться с пушистым зверьком. Валька решил оставить без внимания выход одноклассницы в новых брюках, но не тут-то было. Взглянув на Риту, Мороз сказал:

— Теперь я знаю тайну улыбки Джоконды!

Валька не слушал его. Он шагнул к Рите и тихо, почти шепотом произнес:

— Это от меня.

Рита повернулась к нему, взглянула на книгу и, улыбаясь, нерешительно подняла руки, чтобы принять подарок, но тут же опустила их.

— Мне?.. Что это?

— Ты не думай, что она старая, она замечательная. Мы с Женей купили ее в «Старой книге».

— В «Старой книге»? — спросила Рита. — Хорошо, положи туда, — показала на стеллаж.

Вальке сделалось жарко. Тяжелыми, негнущимися ногами он подошел к стеллажу и понял, что праздник для него закончился. Он сидел за столом, ковырял вилкой салат, жевал хлеб. Наливал лимонад и не слушал гостей — казалось, что все они говорят одно и то же, об одном и том же.

Дождавшись, когда, наконец, включат магнитофон, Валька вышел в прихожую, схватил пальто, шапку и помчался вниз.

«Зря, зря поплелся на день рождения, — уже в который раз подумал он. — На будущее стану умнее: если пригласят, сначала спрошу, что подарить, и только потом пойду…»

Возле закрытого на выходной промтоварного магазина стояли двое: Мишка Песков, сосед — ученик автомобильного пэтэу, и Витька Старинский, который учился с Валькой в одной школе, но уже в девятом классе. Были они давнишними друзьями, Валька часто встречал их вместе и даже завидовал их дружбе.

Подошел, поздоровался. Мишка спросил, куда он держит путь, и Валька ответил, что подгребает домой.

Парни переглянулись:

— Может, ему доверим?

Витька настороженно пожал плечами.

Мишка снял-стряхнул с Валькиного воротника невидимую соринку, взял его за пуговицу:

— Помощь твоя нужна. Есть у нас одна фигня, ее в нейтральном месте подержать надо, сечешь? Не у меня дома и не у Витьки.

— Чужая, что ли?

— Не совсем, но… В общем, подержишь недельку, а мы тебе за это — червонец! Сунешь дома в темный угол, куда никто не заглядывает, а через недельку заберем.

«Червонец — хорошо», — подумал Валька.

— Крупная вещь-то?

— Да не мотоцикл, не бойся, обыкновенная кинокамера в футляре. А червонец получишь сейчас.

«Совершенно легкий червонец получается, — подумал Валька. — Даже если мать обнаружит или батя, легко сказать что угодно. Зато долг отдам. Сколько можно одалживать и не отдавать? Какое мое дело, откуда у них кинокамера? Суну в кладовке под ватный матрац — век не обнаружат!..»

— Давайте червонец! Только поживей, — пробормотал Валька, делая вид, что замерз.

Мишка побежал за угол и вернулся с небольшим свертком. Витька полез в карман, вытащил десятирублевую бумажку.

— Никому ни слова. А ляпнешь кому — пожалеешь.

Валька сунул сверток под мышку и молча двинулся к дому.

«Надо же, повезло! Всегда бы так», — ликовал он, прибавляя шагу.

И тут его окликнула мама. Она медленно, ссутулившись, подходила к дому, и Валька, почувствовав неладное, заторопился навстречу.

— Ты чего? — спросил он.

Мать оперлась рукой на его плечо и, сдерживая рыдания, произнесла:

— Наш папа, сынок, разбился… Привезли в больницу без сознания. Врач сказал, что плохой он.

— На работе? — спросил Валька, хотя понимал, что отец мог разбиться только на работе.

Она часто-часто закивала головой и, не сдержавшись, зарыдала…

* * *

Ломакин остановился передохнуть. Озеро кончилось, начинался некрутой подъем на берег, и там, вдали, уже виднелись заснеженные верхушки сосен и елей. Он огляделся в надежде отыскать Виталика и Ларису. Поправив крепление, Ломакин двинулся в гору — решил, если ребят не окажется наверху, повернет обратно. Чем выше поднимался он на берег, тем легче было идти. «Наверное, второе дыхание открылось», — порадовался Ломакин, и вдруг ветром к нему донесло какой-то странный звук — будто скрипнули тормоза автомобиля.

Он побежал в ту сторону. Впервые громоздкие лыжи подчинялись ему, не тормозили, а наоборот, помогали поддерживать скорость.

Выбежав наверх, он увидел на дороге у самого леса машину — хлебный фургон. Она стояла на обочине с поднятым капотом. Дверцу кабины покачивал несильный ветер. Грузный, рослый шофер, встав на бампер, копался в моторе.

Ломакин направился к нему и, подъехав, спросил, не видел ли он двоих на лыжах — парня и девушку. Шофер, не оборачиваясь, ответил, что видел, они проехали стороной — мчались друг за другом, будто сдавали на разряд. Он звал, чтобы подсобили, но они то ли не расслышали, то ли не захотели.

Шофер выпрямился, обиженно процедил сквозь зубы:

— Черт бы побрал эту рухлядь — весь хлеб заморожу.

Спрыгнул на дорогу, повернулся к Ломакину круглым безбровым лицом.

— А ты молодец, что сюда завернул, поможешь!

Вытащил из кабины заводную ручку, вставил в отверстие под бампером, дважды крутанул — машина фыркнула и тут же осеклась.

Ломакин понял, что от него требовалось. Воткнул в снег палки, сбросил лыжи и взялся за ручку. Дождался, когда шофер из кабины подаст команду, крутанул раз, другой — бесполезно.

— Обеими руками берись, легче пойдет, — посоветовал шофер.

Ломакин раскрутил ручку обеими руками — мотор зачихал и наконец лениво заурчал, затарахтел. Шофер добавил газу, крикнул:

— Молодец! Спасибо! Ты из поселка? Я туда хлеб везу. Хочешь, подброшу?

Соблазнительно было прикатить в дачный поселок на машине, но Ломакин надеялся отыскать Виталика и Ларису — не хотелось возвращаться без них.

Шофер махнул на прощание и тронул с места. Вскоре машина растаяла в снежной дали.

Ломакин снова встал на лыжи. Огляделся по сторонам, не зная, где искать ребят. Решил дойти до леса, а если и там их не окажется, повернуть обратно.

Медленно приближался лес. По снежному полю тянулись черные деревянные столбы, между ними, чуть провисая над землей, бежали тонкие провода.

Идти становилось труднее и труднее — соскальзывала то левая, то правая нога, пока он не увидел, что под каблуками — мокрые ледяные наросты. Он остановился, посбивал их острием палки и двинулся дальше. Вот и лес, но снег вокруг нетронутый — ни одного следа.

— Виталик!.. Лариса!..

Только эхо в ответ.

Остановился, в который уж раз огляделся по сторонам — пусто кругом, чуть слышно шуршат падающие снежинки. Пересек озеро, выехал на развилку дорог и очутился в поселке.

Людвиг Иванович сидел за столом, когда в дверях появился Ломакин.

— Ты один?

— Да, отстал я, — произнес Ломакин, тяжело опускаясь на низкую табуретку.

Скоро на дворе раздались веселые голоса — вернулись Виталик и Лариса. Бросив лыжи на веранде, ворвались в дом — розовощекие, возбужденные, — и, увидев Ломакина, набросились на него с расспросами, куда он пропал.

Ломакин хотел рассказать про шофера, про заглохший мотор, но понял, что теперь Виталику и Ларисе нет разницы, где он был и чем занимался. И спрашивали они только для того, чтобы их самих не заподозрили в побеге.

— Катался! — вскинул голову Ломакин. — Места у вас красивые.

Людвиг Иванович пристально взглянул на Ломакина, встал из-за стола:

— Места у нас действительно красивые, Женя. В следующий раз мы с тобой махнем на лыжах, я тебе такое покажу! А теперь мойте руки — и за стол. Татьяна Дмитриевна пошла за хлебом, вернется — будем обедать.

Виталик и Лариса направились в кухню. Женя поднялся, чтобы идти за ними, но тут из своей комнаты вышел старик, позвал Ломакина:

— Идем ко мне, сынок, поговорить надо.

— О чем это, деда? — спросила внучка.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — грубовато ответил Иван Романович и повел Женю в свою комнату. Ломакин остановился у двери, оперся плечом на косяк. Старик прилег на кровать, а ему указал на табуретку. Дождавшись, когда оробевший Женя усядется рядом, Иван Романович вздохнул:

— Здоровье, брат, опора жизни. Есть оно — есть жизнь, нет его — нет жизни.

Старик замолчал. Было видно, что позвал он парня не для того, чтобы говорить пустяки.

— Лыжи, с которыми ты приехал, мои. Инициалы на них тоже мои, я их до войны вырезал. На этих лыжах меня спас от смерти мальчик, совсем подросток.

Старик повернулся к Ломакину.

— Лыжи тебе дал Братко Леня?

— Да, мой дядя Леонтий.

— Вот!.. Лыжи впору мне хранить, а не ему. Но я не о том. Много лет я хотел повидать мальчика — теперь уже взрослого человека, — да все не получалось… Он тебе про своего отца рассказывал?

— Да. Что был партизаном. Геройским! Но однажды ушел на задание и погиб.

— Правда, — закрыв глаза, произнес старик. — Истинная правда.

Мучаясь, перебивая самого себя, старик рассказал, как погиб отец Лени Братко. Полез в ящик стола, торопливо достал фотографию, на которой изображен он сам — тогда еще молодой, — и возле него двое мужчин в черных полушубках. В одном из них Ломакин сразу узнал отца дяди Леонтия, — точно такая фотография была у него дома, лежала среди других состарившихся карточек в большом семейном альбоме. «Как же вы оставили его?.. Как бросили раненого в болоте перед наступающими врагами? Я бы остался, я бы не ушел», — хотелось сказать старику. Но вместо этого он глухо произнес:

— Я на войне не был, не могу судить.

— Война — сложная наука, — вздохнул Иван Романович. — Сам-то я до войны колхозником был, мирным колхозником и плотогоном. И большинство так.

— При чем тут колхозник, если…

Старик прикрыл темные веки. Несколько секунд лежал молча, будто мгновенно уснул. И вдруг сказал:

— Всю жизнь это мучает меня. Всю жизнь жду случая, чтобы повиниться перед Леней Братко. Меня они дважды спасли от смерти — сначала отец его, потом он сам.

Старик привстал на кровати.

— Оставь мне адрес, я ему напишу!

— Можно оставить. Только зачем? Что это изменит? Думаете, ему нужна ваша правда?

Иван Романович поджал губы, обиженно вгляделся в лицо парня, проговорил, будто простонал:

— Верно, сынок. Моя правда нужна мне одному.

Ломакину стало жаль старика. Но как ему помочь, чем успокоить? Он машинально сказал «до свидания» и вышел в комнату, где его ждали Виталик и Лариса.

* * *

Домой Женя вернулся затемно. Валька лежал на диване, тетя Лиля что-то делала в кухне.

— А вот и я! — шумно выдохнул Женя, входя в прихожую и радуясь привычному свету, родным, теплу.

Тетя Лиля как-то особенно ласково проговорила:

— Умывайся, Женечка, я сейчас подам на стол.

Валька головы не повернул, лежал, уставившись в одну точку, и тянул пальцами клок волос на собственной макушке.

Женя разделся и пошел к нему. Стараясь развеселить брата, ущипнул его за живот, поинтересовался, как прошел день рождения одноклассницы.

— Папа с вышки упал, теперь в больнице, — сказал Валька.

— Что? — испугался Женя. — Как это вышло?

Валька приподнялся на диване.

— Не знаю. Мама говорит, плохо ему.

Женя подождал объяснения, но, не дождавшись, вышел в кухню.

— Тетя Лиля, что случилось?

Она взглянула на него, хотела что-то сказать, но вдруг заплакала.

Женя вернулся к Вальке, сел рядом.

Валька полез в карман, достал десятирублевую бумажку, протянул брату.

— Где взял? — отстраняясь, спросил Женя. — Откуда у тебя?

— Заработал, — чуть улыбнулся Валька, и по его улыбке можно было догадаться, как он рад, что, наконец, может отдать брату долг.

— Откуда у тебя? У матери взял? Я сейчас узнаю…

— Подожди! — вскочил Валька. — Это не ее деньги.

— А чьи?

Валька, заикаясь, не глядя брату в лицо, рассказал, откуда у него десятка.

— В котором часу это случилось? — строго спросил Женя и показал глазами на десятку.

— Не помню, часа в три. Зачем тебе?

— А в котором часу упал дядя Леонтий?

— Не знаю.

Женя пошел на кухню и задал тот же вопрос Валькиной матери. Она обернулась — лицо заплаканное, глаза мокрые.

— Не знаю… Зачем тебе?

Женя вернулся к брату.

— Что такое? — дрогнувшим голосом спросил Валька. — Не хочешь ли ты сказать, что эта десятка и мой отец…

— Нет, Валентин. Я просто поинтересовался. Нынче столько событий — как будто один день на всех. А в жизни всякое бывает, жизнь ведь точно одна на всех, как наш день. Лично я так думаю, а ты не переживай. Батя поправится… У меня тоже нынче выдался денек!

И Женя поведал Вальке, как он съездил на дачу к Людвигу Ивановичу. Рассказал про шофера хлебного автофургона, про лыжи, про Ивана Романовича.

Валька слушал и кусал ногти. А когда Женя умолк, сгреб в кулак десятку, лежавшую на диване возле подушки, и несколько секунд сидел не двигаясь. Потом встал, направился в кладовку и вытащил кинокамеру. Оделся, нахлобучил шапку и двинулся к двери.

— Постой, — сказал Женя, вместе пойдем.

— Нет, я сам! — не оборачиваясь, произнес Валька и открыл дверь…

ОЛЬГА СЕМЕНЕНКО

Глазами детей

И сегодня прикоснуться в поэзии к теме войны — все равно что дотронуться до оголенного электрического провода. Об этом не знают люди, пишущие к дате, к победно-красному дню календаря, они с энтузиазмом берутся за дело, и редакционные папки пухнут от зарифмованных штампов. Такое впечатление, что эти стихотворцы пишут в резиновых перчатках. Но в конце-концов, разве плохо, что есть такие люди? Пишут-то правильно, искренне, убежденно. Но не пережито, не догадываясь, что повторяют сказанное теми, кто знает войну не понаслышке. Не судьбой пишут. Пожалуй, о ней лучше Орлова («Ему как Мавзолей земля»), Друниной («Я только раз видала рукопашный...»), Исаковского («Враги сожгли родную хату»), Твардовского («Я убит подо Ржевом») не скажешь. А те, кто все же сказал — «увидел» войну благодаря интуиции, которая сродни таланту («Мина в воздухе рядом завыла, // Тело дернулось, тяжко заныло, // И руда из плеча потекла» (Ю. Кузнецов), или увидел ее страшные отметины («Войною разрезанные пополам» — Евтушенко об инвалидах войны).

И вдруг в редакцию «Нёмана» приходит девочка, совсем еще школьница, и протягивает листок со стихами. «Откуда столько мудрости // В глазах твоих детей, война?» — читаю первые строки, не веря собственным глазам. Неужели и дети могут писать о войне правду? И что же за чудовище эта война, если даже правнуки тех, кто воевал, родившиеся спустя почти полвека после Победы, помнят войну, словно несут в себе ее генетический код?

Оля Семененко — ученица 11-го класса 29-й гимназии Минска. Ей 18 лет. Нельзя сказать, что публикуемое ниже стихотворение совершенно, но в нем попытка проникнуть в суть трагедии, имя которой война, живой нерв боли, не испытанной, но о которой девочка догадалась, видя еще не ушедших из жизни ветеранов войны.

Юрий Сапожков

Послушай, война

Откуда столько мудрости
В глазах твоих детей, война?
Где ты, война, рождаешься,
Где болью искупаешься?
Откуда столько горести
В руках твоих, война?

Куда течет былая жизнь
(Ей жили до тебя, война)?
Где вырастает дерево
Несбывшихся надежд?
Где песня-крик слагается
И сто раз повторяется
В ночи устами брошенных
Детей твоих, война?

Закат алеет пламенем
На небосклоне лет, война.
Куда ушел тот утренний
Сиреневый рассвет?
Там, где земля кончается
И звезды начинаются,
Там тоже помнят о тебе,
Безжалостной, война…

ДЕТИ ВОЙНЫ

Понятие это почти исчезло из нашей жизни. Но прозвучит оно — и вспоминаются «безбатьковичи»: босоногие, всегда голодноватые (а то и просто голодные, как волчата зимой), вороватые, смелые и отчаянные, всегда готовые к драке и примирению... Казалось бы, какое у них может быть будущее? Но все — или почти все — выкарабкались, выцарапались благодаря инстинктам, желанию жить и, конечно, благодаря людям, Родине.

Понятие это стало забываться. Но уже давно мы поняли, что «дети войны» — это отнюдь не только «безбатьковичи», а все поколение (может, и не одно), на котором лежит тень Отечественной войны.

Время, как известно, и жестоко, и великодушно к человеку. Оно не мучает «детей войны» воспоминаниями, но и не дает забыть о пережитом. А порой вызывает непреодолимое желание написать о людях на той страшной войне, осмыслить, как они жили, понять истоки их мужества и героизма.

Конечно, создать законченную панораму Великой Отечественной — дело будущих поколений. Задача сегодняшних авторов — бросить луч света на те далекие уже годы, выхватить из сгущающейся тьмы лица рядовых участников Отечественной войны.

Предлагаем вниманию читателей «Нёмана» несколько рассказов, написанных ветеранами труда — «детьми войны».

Олег Ждан

БОРИС БЕЛЕЖЕНКО

Осколок

Рассказ

1

Одна тысяча девятьсот сорок первый год. Витебщина. Одинокий хутор…

Короткая июньская ночь вздрагивает от грохота и зарева: война.

Война… Густой гул, как расплавленная масса, движется с запада на восток, все шире и выше поднимается над горизонтом, раскатывается по полям и деревням, по лесам и рекам, по дорогам и городам, надвигается на весь белый свет. Ослепляя землю, ползет, растекается, накаляя воздух, огромное зарево: война…

Из прелой затаенности леса выполз енот, вразвалочку подобрался к речке, лизнул острым язычком воду, чмокнул: сладко…

Бойко пишет круги бодрая выдра, полощет хитровато-ехидную мордочку в прохладной воде.

По дикой, первозданной топи грузными шагами подошел к реке исполинский лось, наклонился, тронул мясистыми губами воду, учуял запах крови, вздрогнул могучим телом и рванулся прочь, срезая раскидистыми рогами ветви ольхи и осин.

Из сырого мрака выскользнула хрупкая косуля, ткнула острые копытца в песчаную кашицу, замерла, принюхиваясь, повела грациозной головкой, шевеля горячими трубочками ушей, прислушиваясь к незнакомому гулу.

Насторожилась горлинка, приподнявшись на тоненьких ножках, вытянув хрупкую шейку, замерла в тревоге.

Не спит матерая утица, мечется, то выплывая на открытую зыбкую колыбель озера, то забиваясь в глухую, тенистую дрему. Черная бескрылая птица гикнула, выскочила из-за тучи, гнусаво взвыла, бухнулась в озерную отмель — рванулись врассыпную ее осколки, срезая гребешки ряби. Всплыли мертвые серебристые комочки густеры, тускло сверкая на поверхности воды беломраморными боками. Заколыхались бездыханные лещи, а в соседнем с озером болоте на тонких ножках-соломинках мечется, прыгает с кочки на кочку оглохший куличок.

Из сизого предрассветного сумрака выскочил раненый белый конь, бьет копытами, прыгнул, не разбирая дороги, резко осел на задние ноги, пошатнулся и грузно упал, хватая воздух окровавленным ртом…

2

Антон стоял возле своей хуторской хаты, прислонившись к забору, силясь понять, что же теперь творится там, где раскатывается грозный гул, громыхают взрывы, длинными языками лижет небеса бешеный огонь, пожирая на земле все, что может испепелиться. В сознании еще не уживалась мысль о том, что мирная жизнь прервалась, что отдаленные грохот и зарево могут докатиться до его хаты.

Во дворе теснятся друг к дружке клети и клетушки, чуть поодаль расселся просторный хлев, а на него оперся плечом односкатный навес. Двор с высокими двустворчатыми воротами охраняет злобный пес Жук. Он сидит притихший, изредка завывая, прислушивается к отдаленном гулу, и рыжая лохматая шерсть его то и дело вздрагивает.

Из открытого хлева доносятся глухие вздохи коровы. Ворочается, похрюкивает в загородке грузная свиноматка. Под навесом, широко раскрыв клювы, вытянули шеи любопытные гуси. Жмутся друг к дружке, трепыхаются спросонья куры. На широком камне, у входа в хату, сидит притихший черно-белый кот, сторожко пошевеливая острыми ушками.

Теперь, когда война приближалась, Антон чувствовал каждой жилочкой кровное родство с этим косогором, на котором стоит его двор, с этими стенами, крышами, живностью. Все казалось вечным, и Антон таил надежду, что война не докатится до него, если и придет, то на соседние деревни, и обминет его одинокий хутор.

Он взглянул в сторону Демидова и в сторону Сельца. Соседние деревни в двух-трех километрах от хутора тонули в сумраке июньской ночи. Антон вздохнул, длинными руками пригладил черные волосы. Ветер лизнул его выпуклый лоб, обдал холодком впалые щеки, крючковатый нос, тонкие губы. Слегка наклонившись, он шагнул в низенькую дверцу и вышел в сад.

Яблони перешептывались, тихо шелестела листва слив и смородины, вишен и крыжовника. Набирали силу пшеница, капуста, горох, наливались соками клубни картофеля, головки лука и чеснока. За свои тридцать пять лет жизни Антон сросся с этим миром животных и растений, с вечным круговоротом холода и жары, ливней и метелей. А похоронив год назад отца и став хозяином хутора, он еще отчетливее ощутил в своей душе привязанность к этому клочку земли, где размещалось все его состояние и счастье.

Антон дотронулся рукой до крохотной завязи ранетки и ощупал огрубевшими пальцами вспотевший плод. «Старается... растет», — подумал он и представил красноватые зрелые, сахарные яблочки.

Вдруг скрипнула калитка: кто-то спешил к саду. Это шла его жена, Мария, тоже невысокая, русокосая, дочь потомственных крестьян, сноровистая, работящая, терпеливая. Тихо промолвила: «Дети тоже не спят… Боятся… Что будет, Антон?»

Он промолчал, боясь признаться в том, что страх, как червяк в яблоке, уже поселился в нем самом, точил сердце, источал яд, растекавшийся по всему телу.

Антон положил руку на плечо жены. Сумрак скрадывал ее карие глаза, прямой красивый нос, алые полные губы. Густые волосы, казалось, распушились еще больше. Стройная и подвижная, Мария выглядела молодо, хотя дочке ее Ирине уже шел тринадцатый год, а младшему Кольке — девятый.

— Что будет? — переспросила Мария.

— Не знаю… Воевать придется…

Они постояли молча и молча пошли к хате. Вдруг до них явственно донесся скип уключин: кто-то быстро гнал лодку вдоль реки, пробегавшей за краем Антонова огорода, у самой кромки хуторского косогора. Несколько раз весла торопливо стукнули, и лодка растворилась в тумане: кто-то из рыбаков спешил к своим сетям, может быть, в последний раз вдыхая предрассветную прохладу июня…

Встревоженные хуторяне вошли к хату. Одна мысль неотступно мучила их: «Позовут воевать…»

3

Воевать позвали. И через день Антон уже ехал на зеленой трехтонке вместе с другими сельчанами, призванными на войну, на восток. Эта трехтонка шла в конце небольшой колонны машин, наспех замаскированой березовыми ветками. Немецкие самолеты настигали.

Вот уже где-то недалеко в небе взвыли моторы, засвистели черные бомбы… Трехтонка споткнулась на всем ходу. Невидимая сила швырнула Антона на землю. Он вскрикнул, жадно глотая воздух, и утонул в беспамятстве…

Сознание возвращалось к нему медленно. Какая-то клеточка мозга очнулась первой. Слабо колебались в ней токи жизни. Но она уже воспринимала гул и звон, заполнившие пространство. Медленно, словно после половодья речной остров, проступало из мрака сознание.

Глаза приоткрылись, но сквозь матовую пелену пока еще ничего не могли различить.

«Где я? — мысленно спросил себя Антон. И мгновенно в мозгу вспыхнуло главное: — Живой?»

«Живой! Живой! Живой!» Гулко, во всех жилках тела дрожало эхо радости. Антон приподнял голову и застонал: тело было тяжелым, болело правое колено. Он опустил голову, и пересохшие губы коснулись пыльной травы, на зубах хрустнули песчинки. Он хотел рукой смахнуть с губ песок и поднес правую ладонь ко рту. Кровь брызнула в лицо: она текла из обрубков пальцев…

Антон взвыл от ужаса и пробудившейся внезапно боли. И в то же мгновенье дикая радость охватила его: теперь он непригоден для того, чтобы держать оружие, он останется на своем хуторе.

Он осмотрелся. Рядом лежали мертвые тела сельчан. Он сел на траву, опираясь левой рукой на камень, лежавший рядом. И вдруг заметил осколок, длинный, словно лезвие ножа, и тонкий, будто травинка пырея. Это он отсек ему пальцы… Антон взял осколок и опустил в карман пиджачка.

Со стороны шоссе донеслись звуки моторов тяжелых мотоциклов: двигалась колонна немецких стрелков. Она остановилась вблизи обломков трехтонки, в которой ехал Антон. Он заметил немцев, и они увидели его. Коренастый мотоциклист улыбнулся, навел на Антона автомат и нажал на курок.

Антон не успел прикрыть сердце целой ладонью.

ИВАН СТАДОЛЬНИК

Лекарь

Рассказ

С**тройный**, седеющий, он не выглядел пожилым человеком. Студенты первого курса зубоврачебного отделения медицинского училища, будто повинуясь незримой команде, дружно подхватились с мест, когда он входил в аудиторию, и так же дружно сели после взмаха его щуплой руки.

Студенты уже многое знали о своих преподавателях. Большинство из них работали в поликлиниках, в медучилище преподавали по совместительству. Вот только о седовласом преподавателе физиологии почти ничего не слышали. И конечно, неведомо им было и то, что этот человек еще до войны работал в Миорском районе, в местечке Дисна. Что его очень ценили в районе и в области и что во время войны он творил настоящие врачебные чудеса.

Подойдя к столу, учитель не спеша, изучающим взглядом осмотрел класс, на мгновение задерживаясь на каждом студенте, потом, сняв очки, положив их в коричневый пластмассовый футляр, представился:

— Зовут меня Наумом Семеновичем. Фамилия Леках. Буду вести у вас уроки физиологии.

Прочитав по журналу фамилии и имена студентов, познакомившись с каждым по очереди, учитель принялся читать вводную лекцию.

Внезапно Наум Семенович замолк и внимательно, даже изучающее, засмотрелся на черноволосого, кучерявого, с выпуклыми глазами студента Матвея Стародорожского, сидевшего за третьим столом во втором ряду. Перед глазами Наума Семеновича на мгновение возник образ его давнего знакомого Якова Московича. Как бы пытаясь прогнать, стереть неожиданное видение, Леках тряхнул головой, зажмурил глаза. Но все равно кучерявый паренек за третьим столом казался очень и очень похожим на Якова Московича.

...Перед самой войной Леках прооперировал Яшку. Паренек запомнился доктору своей внешностью: черноволосый, кучерявый, с проницательным въедливо-блестящим, как далекий огонек, взглядом черных глаз. Парень всегда выжидал момент, чтобы увидеться со своими доктором и как с самым надежным другом поделиться своими приятными и не очень новостями.

Солнечным осенним днем всех евреев местечка фашисты сгоняли в гетто. В довольно большой колонне шли рядом Леках и Яков.

Конвоировали колонну немец и три полицая. Одного полицая, который шел почти рядом, Леках узнал: не так давно весной делал ему операцию. Не могло быть сомнения, что и полицай узнал доктора, потому что время от времени поглядывал на него, а, скорее всего, хорошо знал, как и многие в местечке. Поэтому Наум Семенович со слабой надеждою ждал, что полицай попросит немца пощадить доктора, который еще не так давно спасал его, полицаеву, жизнь. Но полицай ни на недавнего своего спасителя, ни на кого в толпе ни разу не взглянул: шел с окаменевшим лицом, как будто гнал не людей, а привидения.

Люди в колонне шли медленно, нога за ногу, и только после окрика полицаев прибавляли шагу. Некоторые шли, опустив головы, некоторые — глядя куда-то перед собой. Смотрели остекленевшими, невидящими глазами, будто хотели высмотреть впереди надежду на спасение.

Но все знали, какая судьба их ожидает. Никто не плакал, даже дети молчали. Детей было много. Больших мамы, папы, дедушки и бабушки вели за руку, маленьких несли на руках. Молодых в толпе было мало, особенно парней. Глядя на колонну со стороны, можно было подумать, что люди идут не на смерть, а на какую-то очень важную работу.

Вдруг в пяти-шести шагах от Лекаха из колонны выбежала девочка лет одиннадцати-двенадцати, и, как показалось Науму Семеновичу, этого никто и не заметил, все шли как раньше, даже не взглянув на несчастную. Наум Семенович, увидев это, остолбенел и тут же, придя в себя, рванулся было на помощь ребенку. Но его опередил Яков. Грянул выстрел. Из ствола винтовки бывшего лекарева пациента змейкой взвился черно-сизоватый дым. Сразу же рядом грянул и другой выстрел, и Леках будто сквозь туман увидел, как, широко раскинув руки, упал навзничь Яков, глядя стекленеющими, широко раскрытыми глазами. Этот прощальный, недоумевающий взгляд Якова на всю жизнь запал в душу Наума Семеновича и тревожил до сегодняшнего дня.

Детей и стариков немцы разместили в сарае, а всех остальных во дворе, за колючей проволокой.

Людей уничтожали не сразу. Сперва давали возможность откупиться, пока не обобрали всех до нитки. Отнимали ценности: золотые перстни, серьги, царские монеты. Не брезговали более-менее приличной одеждой.

Как ни странно, Лекаха ни немцы, ни полицаи не трогали, несмотря на то что никакого выкупа у него не было: ни ценных вещей, ни хорошей одежды. Возможно, его не трогали потому, что многие полицаи, а возможно, и фашисты, знали, что он доктор, великолепный хирург, и, видимо, рассчитывали на то, что он еще пригодится.

Однажды в гетто поползли слухи о том, что в ближайшее время их будут уничтожать. Кто-то молился Богу, кто-то прощался с родными и друзьями, кто-то в отчаянии плакал. Через три-четыре дня в субботний вечер в гетто пришли два немца — офицер и фельдфебель. Увидев их, все жители в страхе уставились на пришельцев омертвевшими, невидящими глазами.

— Юде, кто здес ист артц, есть доктор? — на ломаном русско-немецком языке выкрикнул фельдфебель, внимательно всматриваясь в лица узников, едва не просверливая насквозь каждого своим злобным и леденящим, как кинжал, взглядом.

Многие из геттовцев, как по команде, посмотрели на Лекаха. А у Наума Семеновича потемнело в глазах, сжалось сердце. И он тихо промолвил:

— Я...

— Ком гир! — приказал фельдфебель.

Наум Семенович через толпу людей, стоявших перед ним, протиснулся к немцам, и те, все время подгоняя: «Шнель, шнель», — повели его за колючую проволоку: офицер — впереди, фельдфебель — сзади.

Привели в ближайший, довольно просторный дом и сразу же приказали переодеться в чистую, отглаженную одежду, которая лежала на лавке. Молодая женщина в медсестринском халате помогла доктору надеть стерильно-белый хирургический халат с такой же стерильной шапочкой.

Офицер через переводчика-фельдфебеля приказал доктору прооперировать раненого офицера — любимца высокого начальства, знаменитого летчика-аса, и пригрозил, что если раненый не выживет, то ему, юду, будет капут, а выживет — обойдется без капута.

Наума Семеновича нисколько не смутило страшное слово «капут», наоборот, будто легкий огонек затеплился в сердце.

Ничего и никого не видя вокруг себя, кроме кровавых ран, доктор при необходимости поднимал перед собой левую ладонь, на которую две медсестры и два врача-ассистента клали тот или иной необходимый инструмент. Медицинские сестры белыми салфетками промокали на лбу и щеках доктора холодный пот.

Операция закончилась. Немецкий врач-анестезиолог, сняв с лица раненого наркозную маску, воодушевленно улыбнулся хирургу, несколько раз сказал:

— Гут. Гут, гут!

За анестезиологом это же повторили и врачи-ассистенты, и медицинские сестры. Потрясенный доктор не заметил и не услышал, как шумно вздохнул и застонал пациент, не увидел, как попробовал пошевелиться. Выждав несколько минут, офицер и фельдфебель повели доктора по каменистой и чистой дорожке. Куда — Наум Семенович не мог рассмотреть, потому что было темным-темно, хоть глаз выколи.

Привели не в гетто, а в довольно пристойный пустующий дом, хорошо накормили, даже налили в стакан немного самогонки и заставили выпить. Совершенно непьющий Наум Семенович подчинился и с отвращением одолел рыжую вонючую жидкость.

Перед уходом офицер сказал доктору, чтобы тот никуда не уходил из дому, а то будет «пух, пух», и, открыв двери, довел доктора до порога, показал на часовых — немца и полицая. Видимо, они заранее были приставлены к этому дому, чтобы стеречь доктора.

...Физиология была последним уроком. После занятий студенты заспешили кто куда. Только Матвей Стародорожский стоял у входа в училище. Будто под гипнозом, он сел на скамейку у входа и глубоко, даже с тревогой задумался: «Почему учитель, знакомясь со студентами, так долго и внимательно смотрел на меня?» Но тут его тревожное раздумье прервало чье-то шарканье.

По асфальтовой дорожке, в грязных ботинках-отопках, к нему направлялся сгорбленный дедок.

Не поздоровавшись, дедок сел на скамейку, подвинулся ближе к Матвею. Отдышавшись, всмотрелся в парня и, кашлянув, спросил:

— В медучилище учишься?

Матвей кивнул.

— Это хорошо, — прогнусавил дедок. — На доктора будешь учиться?

— На доктора, но только на зубного, — уточнил студент.

Дедок оказался довольно разговорчивым. Рассказывал про себя, про свою деревню, вспоминал какие-то услышанные истории. Говорил путаясь, повторяя одно и то же. Матвею все это надоело, он уже хотел встать со скамейки и уйти, если бы не Наум Семенович, который сходил с крыльца медучилища. Поравнявшись с ними, учитель мельком взглянул на Матвея и затем уставился блестящими стеклами очков на дедулю, даже на минутку остановился, будто задумавшись, и решая, присесть или нет на скамейку, посидеть в компании, но вдруг рывком, будто отгоняя какое-то тяжелое воспоминание, взмахнул рукой и поспешно зашагал своей дорогой.

— Этот доктор вас учит? — кивнув головой в сторону Наума Семеновича, спросил старик.

— Учит, — ответил студент.

— Молодец! Хороший когда-то был доктор, — оживился старик. — А мы его когда-то в партизанах чуть не расстреляли.

Услышав это, Матвей отодвинулся подальше от старика, как от чего-то досадного и опасного. Но дедуля не обратил на это никакого внимания и как ни в чем не бывало продолжал рассказывать дальше:

— Нашему командиру стало известно, что доктор Леках — предатель, что он сделал операцию смертельно раненому фашистскому летчику-асу. Фашист выжил. Поэтому хирурга-предателя не расстреляли, как других евреев в гетто, а даже выделили отдельный дом и приставили охрану. Чаще всего сторожили доктора полицаи. А в полиции был и наш, партизанский человек.

Дедуля, понурив голову, продолжал дальше:

— Командир приказал разведчикам пробраться в местечко и, когда будет на страже один из наших, второго полицая убрать, а предателя схватить и привести в бригаду, чтобы перед всем строем судить.

Мужчина вздохнул, настороженно оглянулся. И уже смелей взглянув на Матвея выцветшими глазами, продолжил рассказ:

— Но предателю повезло. Как раз накануне фашистами был сбит наш советский самолет, в котором из Москвы летели комбриг, комиссар нашей партизанской бригады и командир разведки. Комиссар и командир разбились насмерть, а комбриг чудом выжил. Но был тяжело покалечен. Нужно было сделать несколько операций, но партизанские доктора не решались на это. Да и считали, что никакие операции комбригу не помогут. Тогда и вспомнили о предателе-хирурге, который вытянул, считай, с того света фашистского офицера.

Под дулом энкаведиста, при мигающем свете керосиновой лампы, в сырой холодной землянке предатель сделал трудную операцию.

Комбриг выжил. Лекаря, как в свое время фашисты, командование решило не казнить, а на всякий случай оставить в бригаде. Много наших людей потом спас лекарь. Только распространяться про все это было запрещено...

Перевод с белорусского
автора.

Незабываемый диалог

Шла третья военная весна, весна 1944 года. После двухлетней оккупации в моем родном селе Лука на Полтавщине постепенно налаживалась мирная жизнь: заработали школа, магазин, почта. С большими трудностями колхоз готовился к посевной на освобожденной земле.

Мне, самому младшему из четырех братьев, недавно исполнилось шесть лет. Два старших брата, Николай и Григорий, воюют на фронте, офицеры. Были ранены, но, слава Богу, живы-здоровы, регулярно пишут письма. Третий брат, Михаил, учится в девятом классе нашей сельской школы.

После освобождения села в сентябре прошлого года отца, как и многих мужчин непризывного возраста, мобилизовали в так называемую Трудармию — восстанавливать разрушенные немцами и затопленные водой шахты Донбасса. До войны отец работал почтальоном. Теперь его подменяла мама. Она ходила каждое утро за два километра на почту, которая находилась тогда в небольшом пристанционном поселке Юсковцы.

А те дни, о которых идет речь, приехал из Донбасса и отец — в командировку в наше село, то есть домой. Начальство снабдило его необходимыми полномочиями и документами, дало помощника и грузовой вагон. Задание: заготовить продовольствие для своего рабочего отряда в том колхозе, откуда он прибыл. Вагон стоял на запасных путях нашей станции Юсковцы. Папа целыми днями мотался по окрестных колхозам, а вечерами — к всеобщей семейной радости — был с нами.

И вот наступил один из самых счастливых дней в биографии нашей семьи. Цепкая детская память сохранила его до сих пор во всех деталях, как будто это было месяц назад.

Весеннее утро. Папа побрился и с удовольствием — соскучился по такой работе — хлопочет по хозяйству. Мама делает несколько дел сразу: готовит в печке еду на весь день, собирает на стол завтрак и… гонит самогонку. Встала раньше всех, собрала и настроила аппарат, и вот «она» уже бежит тонкой струйкой с веревочки на конце трубы — деревенская «конвертируемая валюта». Миша собирается в школу. Я уже не сплю, но вставать не хочется. Мама меня подымает, быстро все завтракаем. Перед уходом мама дает наставления: как закончить гнать самогонку, как подкладывать дровишки, как потушить огонь водой; на улицу не выходить — еще прохладно; никому не открывать и т. д. Я привычно отвечаю: «Ма-а! Да, все это я знаю. А вы поскорее приходите домой». И все разбегаются: Миша — в школу, мама — на почту в Юсковцы, (у нас говорили: «на станцию»), папа — по своим делам.

Я остаюсь один. Стало тихо, скучно. Только струйка самогонки мирно журчит в бутылку, но это — неинтересно. Не первый раз вижу этот процесс. Но и отойти надолго к окну поглазеть нельзя: не дай бог, потухнет или, хуже того, выпадет наружу из топки горящая чурка. На столе лежат газеты, книги — все знакомые: читать я уже умел — все не один раз просмотрено. Вообще не жизнь, а наказание. А сколько времени? Наши ходики с гирькой цокают

исправно, но медленно — еще и полчаса не прошло, как мама ушла… Наконец набежало самогонки столько, сколько мама сказала, — можно тушить. Уже хорошо! Пошел к окну — погода весенняя, ярко светит солнышко. Но на улице никого: ни взрослых, ни пацанов соседских не видно. Полежал, может, и задремал. Опять встал, захотелось поесть.

Еда — самая простая, крестьянская: ржаной хлеб свежей маминой выпечки, картошка в мундирах и деревенское пахучее подсолнечное масло. Чистишь картошку, макаешь хлеб в масло, посыпаешь солью — объедение, скажу я вам.

Только почистил ножом пару картофелин, «накрыл» стол, слышу: в сенях цокает язычок ключа на наружных дверях — идет мама! Но как-то долго она идет, и возня непонятная в сенях, вроде шепот — прислушиваюсь. Тихонько открывается дверь и входит подтянутый молодой офицер, наш — советский. Я застыл с картофелиной в руке. Не то чтобы испугался, нет — военных наших уже много раз видел. Просто неожиданно как-то. И состоялся между нами этот самый незабываемый диалог.

— Ну, здравствуй.

— Здравствуйте, — отвечаю несмело.

— Как тебя зовут?

— Алеша.

— А где мама?

— На станции.

— А папа где?

— На станции.

— А кто это? — показывает на фотографию Миши в общей рамке на стене.

— Миша.

— А где он?

— В школе.

— А кто это? — показывает на Гришину фотографию.

— Гриша.

— А Гриша где?

— На войне.

— А это кто? — показывает на следующую фотографию.

— Коля, — я отвечаю все бойчее, осмелел.

— А где он? — голос у офицера дрожит.

— На вой... — диалог мгновенно прерывается. Офицер хватает меня на руки, обнимает, целует:

— Алеша, братик мой родненький, — я же твой брат Коля! Какой ты большой вырос!..

Заходит мама, в слезах, но со счастливой улыбкой на лице. За ней — папа, подозрительно поглаживая усы… Я еще толком не все понимаю. Коля меня видел последний раз осенью 1939 года, когда его призвали в армию после окончания педагогического техникума. Уезжая тогда из дома, он поцеловал меня, сонного, полуторагодовалого, на печи. И я видел его сейчас фактически первый раз. Когда все немного успокоились, Коля говорит:

— Я тебе, братик, гостинец привез, — и достает из полевой офицерской сумки — других вещей у него не было — кулек сахара граммов двести. Открывает на столе книжку и высыпает сахар на внутреннюю чистую сторону обложки. А сахар был тогда еще в большом дефиците, не говоря уже

о каких-нибудь там конфетах. Долго и с удовольствием лизал я тот сладкий песок на книжной обложке.

А как же все так счастливо сложилось? Даже в кино такое не часто встретишь, а тут в жизни — готовый сюжет!

Зимой 1944 года Коля воевал в составе 2-го Украинского фронта, освобождая родную Украину. Войска фронта (совместно с войсками 1-го Украинского фронта) в январе—феврале провели успешную Корсунь-Шевченковскую операцию по окружению и уничтожению противника.

В марте командование танковой бригады посылает помощника командира ремонтной танковой роты старшего лейтенанта Маляренко Николая Харитоновича в командировку в тыл: сопровождать поврежденные в боях танки на ремонтный завод в город Кременчуг. Коля с трепетной надеждой обращается к начальнику: «Мои родители живут в пяти часах езды поездом от Кременчуга. Я сдам танки в ремонт, и прошу разрешения заскочить на пару дней домой». Все понимающий начальник дал добро.

Пассажирские поезда уже ходили, но расписание плохо соблюдалось. Часто шли, говоря армейским языком, воинские эшелоны с личным составом. Женщины откуда-то узнавали об этих эшелонах. И приходили отовсюду на вокзал: и к пассажирским поездам, и к воинским эшелонам — вдруг приедет (или проедет) сын, муж. Бывало и такое, что солдат проезжал через свою станцию, а поезд не останавливался, тем более специальный воинский, так называемый «литерный» состав. А если и останавливался, домой не сбегаешь — дезертирство, трибунал. В военное время долго не разговаривали. Женщины надеялись хотя бы случайно «своего» увидеть, крикнуть имя, рукой махнуть. И главное — узнать, что живой. Так было и в этот раз — на перроне полно белых платочков.

Коля уже стоял в нетерпении на ступеньках вагона, когда поезд, гася скорость, подъезжал к перрону родной станции. Одна из женщин узнала нашего Колю и бегом к маме на почту: «Мотря, твой Коля приехал!» Мама, не веря ушам своим, стрелой помчалась на перрон — метров четыреста от почты.

А Колю уже обступили возбужденные женщины: «А моего, а моего… не видел там, на фронте?»

Со слезами радости обнялись мать и сын после долгой разлуки. Мама сообщила Коле, что и папа на станции: грузит свой вагон. Пошли искать его, а папа уже и сам бежит навстречу — женщины успели и ему сообщить. Вот так это происходило. Все окружающие по-хорошему завидовали нашим родителям, поздравляли их. А дома родители, под настроение, придумали красивый и трогательный спектакль с моим участием в главной, по-моему, роли. Самый любимый мой спектакль за всю и на всю жизнь!

Но приятные сюрпризы на этом не закончились: еще же Миша ничего не знает! Мама: «Беги в школу и зови Мишу». А для меня это — самое простое дело. Школа близко, в конце нашей короткой улицы. Был я там много раз и сам, и с друзьями. Мы любили смотреть уроки физкультуры в скромном спортгородке — спортзала, конечно, не было. А также уроки военной подготовки в старших классах. Ребята в классах были на два-три года старше своего школьного возраста: два года оккупации школа не работала. Помню, как они все дружно и слаженно вместе с военруком, одетым в длинную кава-

лерийскую шинель, шли строем и с энтузиазмом пели самую популярную тогда песню «Священная война». На все село неслись призывные слова:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой…

…В каком из двух зданий школы учился Миша, я знал, не знал только классного помещения. Резко, без стука открываю первую попавшуюся дверь, громко: «Миша есть?» Все головы — в мою сторону, кто-то начинает улыбаться. Учитель меня знал: «Ты что, Алеша, — без стука? А Миша твой в последнем по коридору классе». Бегу туда, так же бесцеремонно врываюсь: «Миша! Коля приехал!» У преподавателя указка замирает в руке, слово застревает в горле, а девчата (не девчата, а тетки уже…) — как по команде, взмахивают обеими руками и, словно выдохнув: «Ах!» Миша смущенно — из-за моей бесцеремонности — улыбается, спрашивает у учителя разрешения пойти домой. Учитель тоже улыбается и отпускает брата. Мы с Мишей выходим. А урок наверняка был сорван — таких новостей в начале 44-го было в селе очень мало, если были вообще. Позже фронтовики стали изредка приезжать в отпуск, особенно после ранений, а по инвалидности — и насовсем. Миша побежал быстро домой — не угнаться. А я с чувством четко выполненного наказа мамы последовал за ним.

Для больших банкетов время еще не пришло, но вечер с приглашением ближайших родственников и соседей родители, разумеется, устроили. Разговорам, вопросам, рассказам не было конца. Спели — ради Коли, в первую очередь, — и украинскую песню, но негромко — многие в селе уже получили похоронки.

На другой день Коля прошелся по родному селу, проведал деда и бабушку, родственников. Я за ним, конечно, увязался. Возражений не было, а даже — наоборот. Так приятно было держаться за крепкую руку старшего брата-офицера. За руку, которая в буквальном смысле через одиннадцать лет привела меня в военкомат, определив и мне профессию офицера.

На третий день проводили дорогого гостя. За ним вскоре уехал в Донбасс и папа. Начались весенние заботы — деревенский период, когда один день год кормит. Настроение после тех встреч у всех было хорошее. А тот, наш с братом, примечательный диалог многие годы вспоминался и рассказывался. Так и остался в поколениях нашей семьи красивой и правдивой легендой.

Январь 2010 года

НИКОЛАЙ ШАШКОВ

Березы

Гроза войны,
раскаты громкие…
Все это
пережито вами.
Враги крестили вас
осколками,
а вы их —
белыми крестами.

АЛЬБЕРТ ВАСИЛЬЕВ

Блокадные дни

В пальтишке, съежившись от стужи зимней,
Со старенькою сумочкой в руках,
Ходил я каждым утром в магазины
За долькою блокадною пайка.
Тревожно было — артобстрелы часты,
Но голод был опасностей сильней,
Делила мать паек на две неравных части,
Кусок побольше отдавала мне.
Настойчиво и ласково внушала:
Ты должен жить, ты должен жить, сынок.
Когда ж совсем невмоготу бывало,
Мне отдавала целиком паек.
Так постоянно жертвуя собою,
Стараясь на себя удар судьбы принять
И став совсем больною и седою,
Не дождалась «Дороги жизни» мать.

БОРИС ВОРОНИН

Наши пришли!

Враг уходил — он не готов был к бою,
И наступил тот долгожданный миг,
Когда мы вышли за село толпою
Встречать освободителей своих.

Шли наши танки, пыль столбом клубилась,
Танкисты в шлемах — витязям под стать.
Мы все сияли. Ни один папирус
Не мог бы лучше радость передать!

Шли наши танки. Шли они на запад,
И раздавалось в редкой тишине:
— Ну, фрицам все! Теперь им только драпать.
Потерпим год, а там конец войне!

Шли наши танки, звезды их венчали,
Шли в бой давить коричневую мразь,
И музыкой в моих ушах звучали
Моторный гул и гусеничный лязг.

АНДРЕЙ СКОРИНКИН

Ода деду

Максиму Скоринкину

1

Тебе, мой дед, солдат Победы,
Я посвящаю песнь свою!
Тебе, спасителю планеты,
Я дань потомков воздаю!
Ты сокрушил престол дракона,
Разрушил башню Вавилона,
Призвал к смирению владык;
И пусть духовные уроды
Не обрели с тех пор свободы —
Твой подвиг славен и велик!

2

Не за мундир «отца народов»,
Не за его кровавый стяг
Четыре долгих-долгих года
Ты шел с боями на рейхстаг! —
Ты воевал за Русь Святую,
И за супругу молодую,
И за безусых сыновей,
Что от работ изнемогали
И от болезней умирали
В сырых бараках лагерей…

3

Как ни молись — судьба жестока!
Ведь ты увял в разгар весны —
В пучине бурного потока,
Вдали от вод родной Двины[1]…
Где ты сегодня, дед поэта?
В каких краях иного света? —
Так и лежишь на дне речном?
Или зарыт в могиле тесной?
Или, оставив мир телесный,
Паришь в пространстве неземном?..

4

А на земле опять фашисты,
Из бездны гибельной восстав,
К престолам рвутся голосисто,
Законность действиям придав…
Они в соборах со свечами
Стоят и мутными очами
За нас в грядущее глядят…
Быть может, скоро за тобою
И мне идти придется с боем
В гнездо поганых дьяволят…

5

Каких бы ни было сражений
И на земле, и в небесах, —
Твой ратный подвиг, без сомнений,
Оставит яркий след в веках!
Доколе русская словесностъ
Имеет в обществе известность —
Ты будешь славен! Слышишь, дед, —
С каким достоинством и честью
Пою торжественную песню
Во имя будущих побед?!

---

[1] Скоринкин Максим Ильич геройски погиб 16 апреля 1945 г. при штурме Зееловских высот на западном берегу Одера.

ВАСИЛИЙ РОМАШКО

На учениях

Белые ночи, морзянки джаз,
Марши, тревоги. Учебный класс.

…Восьмой километр. Марш-бросок. Первый взвод.
Сопку штурмует зеленый народ.
Свои и «чужие» средь снежной пыли,
Бой закипает на краю Земли.

Мишка Мунтяну, мой друг боевой,
Яро сцепился с «врагом» — старшиной.
…Крепкий «орешек» наш ротный старшой.
Но и «салага» «фрукт» ох не простой.
Личный экзамен здесь, на огневой:
…«Мельница» — «дед» в снег летит головой.
Хохот вокруг: здесь не плац, не парад.
«Мишка, на кухню жди снова наряд».
…Вон танки грохочут, там — пушки палят.
«Десант» с неба градом на шеи ребят…
Последний бросок, огневая черта,
Скрипит под ногами солдат высота.
Мы все на вершине. Команда — отбой!
В «козлы» карабины! Лыжи — долой.
Тихие ночи. Антенная медь.
Севера ночи, как белый медведь.
Армия наша — родная семья.
Где ты «СА», где ты, рота моя?

МИХАИЛ ПЕГАСИН

Баллада о раненом солдате

(Случай на фронте)

Во время Великой Отечественной войны
по негласным медицинским правилам раненных
в живот, пролежавших на поле боя более
двух часов, оперировать не имело смысла —
считалось, что они были обречены на смерть.

(По свидетельствам очевидцев)

В холодном небе густела мгла —
Предвестьем больших потерь…
Мы ждали боя: а смерть ждала
Намерзшихся наших тел.

И дождь все утро шумел водой,
Осеннюю чушь меля…

И мой товарищ, совсем седой,
Учил воевать меня.

«…А если ранят в живот — держись;
Стони, если сможешь, вслух…
А спросят, сколько часов лежишь,
Скажи, что не больше двух».

И я, дотошен и с детства прост,
Чтоб суть уяснить сполна, —
«Да кто же спросит?» — задал вопрос.
Но тут — началась *война.*

Рвались снаряды, и смерть была
На пули врага щедра.
А наша рота в атаку шла,
И каждый кричал «ура!».

И мы бежали вперед, когда
Увидел я столб земли,
И, жаркой болью живот обдав,
Осколки в меня вошли.

Я вскрикнул — смерть, надо мной смеясь,
Мой крик превратила в пар.
И только чавкнула звучно грязь,
Когда я в нее упал…

…Очнулся: в небе — закатный звон,
Я — в поле среди камней.
Хотел подняться — не смог. На стон
Подполз санитар ко мне,

Спросил, на рану взглянув притом,
Мол: «Сколько уже лежим?»
И я, кривя от мучений ртом,
Ответил: «Час… с небольшим…»

Меня тащил он из тьмы на свет,
Я землю цеплял спиной —
И длинный-длинный кровавый след
Тянулся по ней за мной.

И я не верил, что встану вновь,
Что смерть одолеть смогу.
Носилки, простыни, люди, кровь —
Смешались в моем мозгу.

Я видел многих сквозь мутный сон,
Лежавших без рук, без ног,
И слышал стоны со всех сторон.
И смерть отгонял как мог.

Когда же мимо, с вопросом — «Жив?» —
И взглядом на мой живот,
Несли кого-то, с лицом накрыв,
И мой наступил черед, —

«Как долго раненный ты лежал?» —
Хирург у меня спросил.
А я лишь зубы в ответ разжал —
Для слов не хватило сил.

И дав мне спирту, пустился он
Со смертью моею в бой.
А я — то падал в тяжелый сон,
То вновь возвращался в боль.

И мне казалось, что доктор в две
Умелых своих руки,
Осколки выбросив в таз, в воде
Мои промывал кишки…

…Я видел много больничных снов —
Товарища в них я звал.
Сполна я понял значенье слов,
Которые он сказал!

И я остался тогда живой,
Неся через всю войну
Зашитый доктором свой живот
И тайну в душе одну.

И вот живу, за него молясь
И память в душе храня
О том, кто словом от смерти спас
В том давнем бою меня.

АЛЕКСАНДР СУСЛОВ

Два рассказа

Встреча

Последняя декада мая выдалась необычно жаркой. Термометр в тени зашкаливало за тридцать. Михаил Игнатьевич сбросил с плеч чесучовый пиджак, снял галстук, расстегнул ворот рубашки и засел за чтение очерка практиканта с журналистского факультета БГУ. Все в нем было вроде бы на месте, психологически оправданно и жизненно. Речь шла о художнике, который не блистал талантом и, по мнению автора, не обрел его потому, что не смог, не сумел построить семейную жизнь. Четырех жен поменял, от каждой имел по ребенку, а то и по два, а счастье упорно обходило человека стороной. И вот что примечательно: жен выбирал из молоденьких студенток, чуть ли не вдвое моложе себя, любимого. И вроде бы счастлив был первые годы, а потом терял интерес к подруге, изменял. Они отвечали тем же, и в конце концов расходились супруги в разные стороны, как в море корабли. А почему? Об этом очеркист умолчал. Конечно, можно было посоветовать практиканту, чтобы вскрыл глубже истоки расставаний, ну, хотя бы, как обычно, характерами не сошлись. Да ведь знал Михаил Игнатьевич, по собственному опыту знал, что дело тут вовсе не в характерах, а совсем в другом, в интимном интересе, о чем писать не принято, ибо это дело сугубо личное, и на то, что дозволено, скажем, в рассказе, в повести, — в очерке приходится наложить «табу».

Как объяснить начинающему журналисту, о чем можно писать, а о чем нельзя? Тут, скорее всего, дело не только в интиме. Если души родственные, если их нравственные и моральные интересы совпадают, то и семья будет крепкой и счастливой, а нет этого соответствия — извините, не жди от такого брака ни любви, ни счастья. Дети, конечно, будут, а вот духовной близости никогда.

Только-только успел Михаил Игнатьевич подумать об этом, как раздался телефонный звонок и серебряный женский голосок попросил его о встрече:

— Меня зовут Глашенька. Глашенька Пастухова. Впрочем, это ни о чем вам не говорит. Мне очень надо с вами встретиться.

— На предмет?

— Приду — расскажу. Закажите, пожалуйста, пропуск.

И вот в кабинет вошла эта самая Глашенька. Милое создание, лет двадцати пяти. Было в ней что-то неуловимо знакомое: голубые глаза, застенчивые и прозрачные, как у малого ребенка, черная родинка на верхней губе. Точь-в-точь… Боже мой! Точь-в-точь как у Машеньки.

— Здравствуйте, Михаил Игнатьевич, — не сказала, а прямо-таки прозвенела колокольчиком Глашенька и, белоснежно улыбнувшись, добавила: — Я ваша дочь. Мама мне перед смертью сказала.

Михаил Игнатьевич, огорошенный этим признанием, не нашел ничего лучшего, как предложить гостье сесть, и сам сел за стол напротив Глашеньки,

вытащил из кармана носовой платок, громко высморкался, потом этим же платком вытер розовую лысину и едва слышно произнес:

— Извините!

— Ничего, — сказала Глашенька. — Бывает. Вот вы какой, папа… Забавный.

«Забавный? Почему забавный?» — подумал Михаил Игнатьевич и, все еще плохо соображая, согласился с этим необычным и вроде бы странным определением. Отказываться от отцовства он не намеревался, но и как вести себя с неведомо откуда свалившейся на него дочерью, не знал. То, что эта девушка его родная дочь, он интуитивно понял, как только девушка переступила порог кабинета.

— Вашу маму звали Машенькой? — нашелся, наконец, он. И поправил сам себя: — Марией Павловной Семеновой?

— Точно так. Не забыли, значит.

— Помню. Помню Машеньку. Машеньку Семенову.

Они встретились в командировке. Она была студенткой третьего курса мединститута. Он — начинающий журналист. Девочка ему понравилась. Он ей тоже. Слово за слово. Ресторан. Танцы. А через день-другой встретились в его номере. И вот, пожалуйста, Глашенька… Похожа на мать. И на него похожа.

— Почему же разошлись ваши пути-дорожки? Расскажите, папа.

«Почему? Ну, не было у него к ней интимного интереса. Не было. Он это понял сразу. И она поняла. Медик ведь. Вот и разошлись дорожки. А как это сказать дочери?»

— Характерами не сошлись, — ответил, как обычно отвечают на такой вопрос.

— Понятно, — согласилась Глашенька. — А мама, между прочим, потом, уже после вас, удачно замуж вышла. Хороший человек попался и отец хороший. Кандидатскую она защитила, потом докторскую. Занималась онкологией. От этой болезни и умерла.

Они помолчали, не зная, о чем еще говорить. Наконец Глашенька нашлась:

— Расскажите о себе.

— Поедем ко мне, Глашенька! Познакомлю с женой, с братом, сестрой.

— Счастливы?

— Счастлив.

— Ну и слава богу. Ой, какая жара сегодня. Невыносимо. Говорят, у вас тут буфет на первом этаже. Купите, папа, мороженого.

— Я сейчас, я — мигом.

Когда Михаил Игнатьевич вернулся, гостьи в кабинете уже не было. На столе лежала записка: «Не ищите. Простите. Спасибо».

«Почему не искать? За что простить? Почему «спасибо»? Так и не узнал он ничего о своей первой дочери. Кто она? Кем стала? Есть ли у него от нее внуки? Счастлива ли она?»

После работы Михаил Игнатьевич, никогда не веривший ни в Бога, ни в черта, пошел в церковь, зажег несколько свечей в честь Глашеньки и ее возможных детей, произнес, как сумел, молитву за их здравие.

На душе стало светлее, спокойнее.

Подранок

Раннее детство у Адасика было счастливое. А потом… Потом началось что-то непонятное и даже страшное.

Адасик хорошо помнит себя примерно с четырех лет. Они все — мама, папа, бабушка, дедушка и, конечно, он, Адасик, жили большой дружной семьей. Дедушка утром отводил его в детский садик, а вечером забирал оттуда. В садике и дома ему было легко, весело жить. По воскресеньям дедуся брал Адасика в парк, катался с ним на каруселях, на колесе обозрения. Когда колесо поднималось на самый верх, мальчонка воображал себя летчиком и даже птицей, кричал от восторга, увидев вдалеке дом, где они жили.

Каждое лето на дедушкиных «Жигулях» они ездили в Крым.

Адасик всегда с нетерпением ждал встречи с морем. Он был заворожен им еще с тех пор, когда бабушка Ада читала ему сказки, где оно, море, непременно присутствовало, такое загадочное и непонятное. Адасик спрашивал: «А море доброе или злое?» Мама и бабушка говорили, что — доброе, а дедушка утверждал, что море, как и люди, бывает и добрым, и злым. Но чаще все-таки добрым. «А волны — они больше дома или меньше?» Дедушка объяснял, что величина волн зависит от ветра.

Адасика тянуло к морю, он бредил им с тех пор, как увидел его впервые. Море сливалось с небом, и не было этому сине-голубому простору ни начала, ни конца.

— Море! Море! — В неистовом крике мальчика было столько неподдельного детского восторга, что дедушка затормозил и вся семья высыпала из машины, чтобы полюбоваться рождением солнца из морской глади.

Адасик не боялся моря, лез в волны, бултыхался в них, и вытащить его оттуда было непросто.

Семья чуть ли не каждое лето отдыхала в Севастополе, на берегу Камышовой бухты, в двух брезентовых палатках. Адасик на всю жизнь запомнил эти дни, он засыпал под шум волн и просыпался вместе с прибоем. В карих глазах мальчика мелькала, не угасая, радость бытия и восторга жизнью, и весь он, загорелый, с курчавыми непослушными вихрами на голове, стал похож на негритенка. Море, небо, люди — все дышало добротой, лаской, спокойствием. Ощущение счастья от полного единения с природой и родными ему людьми повторялось каждое лето.

Позже, когда Адась подрос, он понял, что именно тогда, у моря, он был счастлив так, как никогда уже не будет.

Все когда-нибудь начинается и кончается. Человек рождается для того, чтобы жить и потом все-таки умереть. Только море и небо будут жить вечно. И солнце. Оно восходит каждое утро и заходит за горизонт каждый вечер. Но заходит, чтобы утром опять взойти.

Однажды солнце для Адасика не взошло. Это было страшно и непонятно. Конец всему: морю, небу, жизни.

Молодая семья получила отдельную двухкомнатную квартиру. Мама с папой спали в одной комнате, Адасик в другой. Но однажды мама заснула в детской. На следующий вечер тоже. Адасик радовался этому. Но он был уже взрослый мальчик — на следующий год ему в школу идти, и он понял, что случилось что-то нехорошее, страшное, непредвиденное. Рушилась семья. Он не понимал, почему это происходит, но обостренным детским чутьем, всем своим маленьким, неокрепшим телом ощутил: пришло горе.

Мама говорила, что скоро они разменяют квартиру и будут жить без папы.

— Как это, без папы? — спрашивал Адасик. — А куда папа денется?

— Папа будет жить отдельно от нас. Так надо. Мы вместе больше жить не можем, — разъясняла мама. Но Адасик не понимал ее. Впервые в своей короткой жизни он не понимал маму.

Адасик спрашивал отца: «Почему мама хочет жить отдельно от тебя?» Но и папа отвечал сыну так же, как мама: «Так надо, сынок. Так будет лучше всем. И тебе, и нам с мамой».

Мальчик впервые в жизни усомнился в папиной правоте и в слезах выдавил совсем не детские слова: «Вам, может, и будет лучше, а мне — нет».

Солнце зашло за горизонт и больше не взойдет. И моря он больше не увидит.

Папа спрашивает: «Ты с кем хочешь жить — со мной или с мамой?» — «С тобой и мамой», — отвечает Адасик. «Так не получится, мой мальчик», — уверяет папа и почему-то вытирает слезы.

Мама говорит Адасику, что он будет жить с ней, — и тоже плачет.

Зачем же они так поступают, почему не считаются с его желанием?

Он понял, что родители предали его.

Адасику не было еще и семи лет, когда он пошел в школу. Жили они теперь с мамой в однокомнатной квартире. Целыми днями мама пропадала на работе, и Адасик был предоставлен самому себе. Уроки не шли впрок. Улица затягивала. Научился играть в карты. И не только в «дурачка», но и в «очко». Иногда приезжали в гости бабушка и дедушка. Привозили торт. Пили чай. Дедушка вспоминал про войну. Слушать его было интересно. Но ведь дедушка — это не папа. А папа не приезжал. Солнышком светила только мама. Но Адасику нужно было, чтобы солнышка было два и чтобы оба никогда не прятались за горизонт.

Потом у мамы появился приятель. Когда он приезжал, мама отправляла Адасика гулять на улицу. Наконец она объявила, что чернобородый дядька с угрюмым взглядом — теперь его новый папа. Адасик не хотел называть его так. Потому что знал: папа у него один и другого никогда не будет.

Адасик хотел, чтобы они жили только вдвоем с мамой. Или с мамой, дедушкой и бабушкой. Зачем ему этот вечно угрюмый и злой «другой папа»?! Солнце убежало из груди Адасика. Темно и холодно стало на душе. Ему все время думалось о том, что мама его не любит, а любит только этого черного бородатого мужика, которого он должен называть папой.

Однажды, когда Адасику минуло четырнадцать, дедушка взял его на охоту. Стояла поздняя золотая осень. Адасику тоже дали ружье. Но стрелять в живых птиц ему не хотелось. Дед сердился: «Какой же ты мужчина! Целься впереди утки на два корпуса. Пусть хоть одна дробинка угодит. Подранок не улетит. Алиса вмиг его из болота достанет».

Адасик выстрелил, как учил дед. Собака принесла подранка. «На жаркое сгодится!» — обрадовался дед. Но только-только собрался он скрутить селезню шею да бросить его в ягдташ, как Адасик завопил: «Не надо! Отпусти его!» Дед усмехнулся. Но спорить с внуком не стал: «Ладно! Пусть живет. Но едва ли выживет. Только мучиться будет долго, а все равно сгинет».

На охоту подросток больше не ездил. Не по душе было ему это занятие. А вот в авантюру намного старшие дружки завлекли: уговорили Адама перелезть через ворота автостоянки и выгнать растаможенную «Ауди». Назвали ряд, цвет и номер машины. «Ворота мы тебе откроем», — пообещали.

Идея увлекла Адама. Он согласился. Не из-за денег, которые пообещали дружки, а просто захотелось вдруг испытать, способен ли он на такой, казалось ему, героический поступок. О том, что это уголовное преступление и оно карается по закону, как-то и не подумал даже.

Дружки не подвели. Ворота открыли. Машину угнали. А на второй такой же «ходке», уже в другом месте, его застукали. Состоялся суд. И хотя на момент угона Адаму не было еще восемнадцати, дали ему срок в пять лет.

Было время подумать о себе, о родителях, о селезне-подранке. Там, за решеткой, он понял, что дружки его подставили. Но он их не выдал.

Год ему скостили по амнистии. Другой бы, может, опять в воровское дело влип. Но он больше ничьих советов слушать не стал, хотя охотники использовать подранка в своих интересах находились. «Все, — сказал он бывшим дружкам, — я в эти игры больше не играю!» Сказал, как отрезал. Отстали.

Но тюрьма наложила на Адама свой след. Он вышел на волю другим человеком. Волевым, решительным, но нервным и грубым. Грубым не только к дружкам, но и к родным ему людям. Он любил мать, но уже не так, как раньше. Ревновал ее к отчиму. Да и отчимом он его не считал.

Работал Адам грузчиком в магазине. Здесь и познакомился с Груней. Была она года на два старше. Тоже подранок, с маленькой Маринкой на руках. Влюбился Адам по уши. Груня стала ему не только любовницей, а потом женой, но заменила и мать, и отца. Как она за ним смотрела, ухаживала… Такую женщину не полюбить просто было невозможно.

Дед сердился: «Что ты взял бабу с довеском? Свободных девок хоть пруд пруди!» Адам вспыхнул: «А сколько их, горемычных, обманутых нами, мужиками, с детьми в одиночестве горюют. Сирот плодим, а о том, как им в этой жизни выжить, не думаем. Рынок, мол, все спишет. Не спишет. Не перед Богом, так перед собственной совестью отвечать рано или поздно придется».

Дед обнял внука и тихо промолвил: «Пожалуй, ты прав, Адасик!»

Прошло несколько лет. Маринку Адам удочерил, Груня ему сына родила. Назвали малыша Владимиром, в честь деда. Дела шли неплохо. Занялись бизнесом. Правда, работали на износ — с раннего утра до позднего вечера. Дед им свои «Жигули» подарил. Поездили годика два. Продали. Купили мерседес, земельный участок в дачном кооперативе приобрели. Дачу строят.

Но случилось непредвиденное. Чтобы Адам еще сильнее ее любил, решила Груня пофлиртовать чуток. И вот, когда муж в командировке был, пригласила она старого дружка в гости. Сидят на кухне, шампанским балуются, а соседка соли одолжить зашла. И застукала голубчиков. Правда, не в постели. Но все же…

Спустя какое-то время о случившемся стало известно Адаму. Он ушел из дома. В чем стоял, в том и ушел. Ушел, не задумываясь о том, что же будет с Володенькой, которому как раз четыре годика минуло.

Опять, в который раз зашло солнце в душе Адама.

Но жизнь текла, требовала счастья. Адам женился вторично, потом в третий раз. Наплодил подранков, а сам спился. Потому как Груню свою первую забыть никак не мог.

ДОКУМЕНТЫ. ЗАПИСКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

Четырнадцать фронтовых дней из дневника Миколы Лобана

Долгие годы в исторических исследованиях и литературных произведениях, посвященных Великой Отечественной войне, отдельному человеку — простому солдату, офицеру, партизану, труженику тыла — отводилась роль части большого целого, участника всеобщей, народной борьбы с врагом. Наибольшее внимание обращалось на проявление коллективного героизма, самоотверженность советских людей, их готовность умереть за Родину. Во многом образ человека на войне обобщался, обезличивался и подвергался определенной мифологизации.

В последние десятилетия активно происходит переосмысление истории войны, а также роли и места в ней человека. Возрос интерес к историческим источникам — дневникам, мемуарам и письмам. Подобные документальные свидетельства, написанные «для себя», отображают реальный, относительно свободный от идеологических установок взгляд на события. В то же время эти памятники являются достаточно информационно содержательными и достоверными. На первый план в них выходит личность конкретного человека, попавшего в вихрь военных событий, его переживания и восприятие событий.

Фронтовые дневники являются наиболее редкими, уникальными историческими источниками о Великой Отечественной войне. Как известно, бойцам запрещалось вести на передовой какие-либо записи. Авторами большинства опубликованных дневников являются военные корреспонденты и писатели. Фронтовые дневники Константина Симонова и Бориса Полевого по праву вошли в антологию советской документальной прозы.

Среди белорусских литераторов — участников войны известны дневники М. Климковича, М. Лобана, М. Лынькова, А. Алешко, А. Жаврука (А. Синичкин), А. Карпюка, Я. Мавра (И. Федоров), А. Русака, Я. Романовича и др. Сегодня эти бесценные свидетельства о войне хранятся в составе личных фондов писателей в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства.

Одним из наиболее интересных памятников является дневник Миколы Лобана (1911—1984) — белорусского писателя, ученого, педагога, участника боев на Волховском фронте. Автор начал вести дневник примерно с 1938 года, на белорусском языке. В то время он уже активно занимался литературной деятельностью, много лет проработал учителем, поступил на учебу в Белорусский государственный университет. Дневники он вел до 1965 года.

Попав на фронт, М. Лобан носил в солдатском вещевом мешке блокноты с дневниковыми записями за довоенные годы; к сожалению, они были утеряны в неразберихе ночных маршей и привалов. Уцелел лишь блокнот, который М. Лобан держал в кармане шинели, записи в нем велись с 22 июня 1941 года. Это первый из сохранившихся дневников.

В небольшом блокноте, заполненном мелким почерком, чернилами и простым карандашом, содержится уникальная по своей объективности, правдивости и насыщенности информация о первых днях войны, которую автору пришлось встретить в Минске. Писался дневник нерегулярно, в перерывах между боями, в окопах, на коротких привалах, позже — в палате Бакситогорского эвакогоспиталя. В госпитале из-за нехватки бумаги приходилось писать даже на обертках от лекарств и железнодорожных квитанциях.

В первые дни войны М. Лобану пришлось пройти пешком вместе с беженцами из Минска до города Климовичи, где размещался мобилизационный пункт. Оттуда мобилизованных отправили в г. Липецк Воронежской области, куда они прибыли 13 августа 1941 года. Большую часть пути шли пешком, впроголодь. По прибытии началось распределение по частям. Так как М. Лобан по состоянию здоровья был «годен к нестроевой службе», его отнесли к «группе необученных, старых и боль-

ных». После долгого ожидания и личного обращения к командиру полка его все же взяли в действующую армию и направили в стрелковый батальон.

Пройдя краткое обучение, получив обмундирование и оружие, 7 сентября 1941 года бойцы были отправлены на фронт. М. Лобана назначили командиром отделения с присвоением звания сержанта.

В это же отделение попал Г. Коган, тоже учитель, с которым М. Лобан сдружился по пути из Беларуси. Плечо к плечу они прошли первые недели фронтовой службы. Позже, во время боя, Коган принял раненого М. Лобана за убитого и узнал, что товарищ жив, только через двадцать лет. Спустя годы они встретились, в БГАМЛИ сохранилась переписка фронтовых друзей.

После прибытия на передовую, 16 сентября, М. Лобан начал вести записи на русском языке. Возможно, чтобы вызывать меньше подозрений. Основное внимание в дневнике обращалось на окружающих людей, на их поступки, моральное состояние. Ярко нарисованы характеры и психологические черты бойцов, особенности их поведения в экстремальных условиях. Никакой героизации и нивелировки участников событий. Всё названо своими именами: трус — трусом, предатель — предателем, поражение — поражением. М. Лобан не раз отмечает слабую организацию военных операций и ошибки командования.

После тяжелого ранения М. Лобана вместе с другими ранеными эвакуировали в тыл. По дороге эшелон был атакован немецкой авиацией, в вагон с ранеными попала бомба. М. Лобан выжил единственный в вагоне, но сильно повредил ноги. После длительного лечения в госпиталях Кирова и Иркутска 25 мая 1942 г. он был комиссован и отправлен на работу учителем в Казахстан.

Далее дневник рассказывает, как после возобновления в тылу (1943 г.) работы Белгосуниверситета М. Лобан продолжил учебу и в 1945-м закончил университет. В послевоенные годы полностью посвятил себя литературной и научной деятельности, работал в Институте языкознания АН Беларуси и БелСЭ.

Среди известных художественных произведений М. Лобана «На парозе будучыні», «Гарадок Устронь», «Шэметы», критики выделяют повесть «Іркуцянка», в которой прототипом главной героини стала его врач из Иркутского госпиталя. На основании записей дневника писатель готовил автобиографическое произведение о войне. В его личном архивном фонде хранится составленный в 1970-е годы машинописный текст военной части дневника за период с 22 июня по 31 ноября 1941 года на белорусском языке, куда были внесены определенные дополнения и правки.

Также М. Лобан сделал значительный вклад в развитие белорусского языкознания. Он являлся одним из составителей нескольких фундаментальных словарей по белорусскому языку, автором многочисленных научных публикаций. Активно занимался переводами, литературной критикой.

В данной публикации печатается текст дневника М. Лобана за 14 дней, проведенных на передовой линии фронта. Часть текста печатается непосредственно по фронтовому блокноту; часть приводится по машинописному варианту (оригинал не сохранился).

Ранее публиковались отрывки из дневника писателя. Полный текст дневника, написанного на фронте, публикуется впервые.

Владимир Кулаженко,
заместитель директора
Белорусского государственного
архива-музея литературы и искусства

16-17.IX.1941 *(вторник, среда)*

Наша рота начала движение на передовую линию. Я видел раненых, которые рассказывают, что ранены своими. Я видел огромные воронки, наполненные водой. Мы проходим несколько десятков метров и залегаем. Теперь мы лежим — чем это вызвано, не знаю, впрочем, лежать хорошо, [вокруг] высокая трава и редкий лес. Я своему наблюдателю приказал смотреть за густыми зарослями по сторонам, чтобы не нарваться на «кукушку». Наши минометчики забыли миномет на привале. Вот остолопы! Ушли за минометом.

Микола Лобан.Фото 1940-х гг.

18. IX.1941 *(четверг)*

В 11 часов дня по тревоге мы построились и двинулись на передовую линию. Прошли несколько километров по грязной дороге, на нас налетела немецкая авиация. Вся батальонная артиллерия была подбита. Самолеты бомбили один за другим, пикируя, бросали бомбы и секли из пулеметов. Я рисковал умереть, струя огненных пуль прошла в непосредственной близости от меня. Кто-то закричал. Мы бросились на помощь, это умирал раненный в голову Каранкевич. Несчастный человек. Он мне показывал два рубца от ран, полученных в финскую кампанию. Мы отошли в лес и оторвались от батальона. Пришлось долго бродить по болотистому лесу в розысках батальона.

На заходе солнца налетело несколько десятков самолетов, начали бомбежку. Я второй раз ожидал смерть, но все прошло также благополучно.

Уже совсем стало темно. Мы стояли, как стадо овец, лишенное пастуха, среди непроходимого леса. Стоило кому сделать шаг, как все двигались за ним. Наш комвзвода Манджула вконец растерялся. Он не только не подает своего голоса, но и более того — сам не откликается, как бы боясь привлечь на себя вражеский огонь.

Большим счастьем для нас была встреча со своим комроты. Здесь был и старшина, он раздал сухари. А мы, командиры отделений, собрали и отвели свои отделения на отдых. Мы думали, на этом наши блуждания прекратятся, и мы, найденыши, придем к своему батальону и похлебаем горячего супу. Но наш комроты как внезапно появился, так внезапно и пропал. Мы снова остались одни среди леса, без всякой связи. Со всех сторон на нас летели огненные пули автоматов, засевших где-то неподалеку «кукушек». Казалось, мы в полном окружении. Но вот, к нашему счастью, мы встретили комиссара 3-го батальона. Он нас направил временно, до завтра, в расположение своей части.

Из шестой роты к третьему батальону пристал один наш взвод, и тот не в полном составе. Одно отделение (Скудного) почти целиком отсутствовало. У меня появилась мысль об их дезертирстве. Мы расположились за одним из взводов 3-го батальона, который начал окапываться. Манджула решил пойти разведать про наш второй батальон. Его долго не было, и я решил приказать окапываться. Скоро мы узнали, что наш батальон участвовал в атаке, провел ее неумело и был разбит. Командир батальона Третьяков также убит. Говорили, что его разорвало на части. Убиты также некоторые командиры рот и лейтенанты, многие были ранены.

Но вот в наше расположение пришел «адъютант»[1]. Я его по голосу узнал. Это очкастый представительный малый с сомнительным военным соображением.

Я бросился с вопросом: «Вы ранены?» — «Да, легко, — ответил он. — Все руководство батальоном передано Сацохину» (он назвал фамилию командира пулеметной роты).

Через некоторое время вернулся Манджула, и мы переменили место расположения, окопались и легли спать. Кстати, следует вспомнить о моих двухчасовых, если не больше, блужданиях по лесным трущобам в поисках своего окопа после поисков моей потерянной котомки.

19.IX.1941 *(пятница)*

Ночью нас разбудил комвзвода. Оказывается, собирают остатки 2-го батальона. Нас построили, и мы пошли. Вскоре мы соединились с батальоном. Сацоха[2], новый комбат, бегал вдоль строя, отдавая распоряжения. Мы пересекли поперек поляну с хутором посередине и подошли к лесу. Комбат отдал распоряжение по ротам занять оборону на опушке леса. Нас начали разводить по местам. Я получил выступ опушки и показал место каждому бойцу своего отделения. Начали окапываться. Через некоторое время командир роты приказал переместиться к краю опушки. Бойцы без желания начали копать в новом месте.

Настало утро. Защелкали наши минометы. Нам сообщили, что ожидается наступление противника со стороны противоположной опушки. Противник изредка отвечал на наши выстрелы. Получили приказ усилить наблюдение. Направили своих наблюдателей в более удобные места. Но те ничего не заметили в расположении противника. Чтобы обнаружить противника, было приказано отделению Теплакова выдвинутся вперед по поляне и сделать несколько энергичных очередей из пулемета. Противник не отвечал. Была какая-то подозрительная тишина.

Здесь мы впервые получили водку. В два часа нас повели в наступление, но совсем в другом направлении. Мы шли завершить вчерашнюю недоделку нашего батальона. Выйдя из расположения заградительной роты, мы пошли по отделениям, винтовки наперевес вдоль по поляне[3]. Слышалась команда: «Вперед! Подтянуться! Как вы винтовку держите?! Что, на охоту собрались?!» Это кричали на тех, кто нес винтовку на ремне.

Мое отделение шло впереди. Я старался держаться ближе к командиру взвода. Начался обстрел нас из минометов. Артамошин закричал: «Вперед! Я вам залягу!» Огонь минометов усиливался. Мины рвались в непосредственной близости от нас, хоть поражений и не было. Несмотря на приказ не залегать, Манджула, услышав полет мины, моментально падал наземь и ковырял лопатой землю. Когда он вставал, его нос и скулы лица были запачканы грязью.

Мы стали продвигаться вправо по опушке. Скоро мы вошли на соседнюю поляну, где была расположена небольшая деревушка. Один дом был объят пламенем.

Мы привели себя в боевой порядок и двинулись на левый конец деревушки. Как только передовые бойцы, в том числе и я, подошли к улице, по нам открылся интенсивный пулеметный огонь. Огонь был направлен со стороны, где по предварительному согласию действовал 3-й батальон. Я в недоразумении приказал своему отделению ложиться и сам бросился в уличный ров. Кто-то скомандовал: «Пулеметы, огонь!», и пулеметы всего батальона заработали одно-

[1] Адъютант — прозвище начальника штаба батальона.

[2] Сацоха — прозвище командира батальона Сацохина.

[3] Заградительные отряды НКВД созданы в июле—сентябре 1941 г., выставлялись на наиболее важных участках для удержания линии фронта и предотвращения дезертирства. После перелома хода войны в 1943 г. применялись только к штрафным подразделениям.

временно. Это был урожайный свинцовый ливень. Огонь по нам прекратился. Выпустив по ленте патронов, наши пулеметы ослабили огонь. В метрах 400 от нас, у опушки, показалось несколько наших бойцов. Они махали нам руками и кричали. «Свои, — раздался чей-то голос. — В своих стреляем!» Мне вспомнились рассказы раненых, что из-за бездарности нашего командования часто солдаты гибнут от своих. Какой-то лейтенант, размахивая пистолетом, подбежал к нам и закричал: «Кто здесь командир, кто командир, я спрашиваю? — все лежащие молчали. — Своих убили, идиоты!»

Возле меня лежал наш батальонный писарь. В руках у него был карабин. Он улыбнулся мне, выругался. «Вставай, вперед!» — закричал он. Я последовал за ним, а за мной мое отделение. Впереди стоял одинокий станковый пулемет, брошенный бойцами. Писарь, разразившись отборной руганью, заставил бойцов взять пулемет. Результатом нашего огня было несколько жертв и раненых.

Впереди протекал ручеек, через который был перекинут мостик. Здесь батальон собрался толпой, переругиваясь друг с другом. Как могли, мы разобрались по взводам, и нас повели занять линию обороны слева от горящей деревни. Мы залегли во рву. С противоположной опушки по нам начали постреливать из миномета. Время приближалось к вечеру. По приказу комроты я и Миронов со своими отделениями направились осмотреть деревню. За это время еще несколько домов объялось пламенем. Первой подожжена была школа. Одним-двумя отделениями мы пробирались по деревне. Дома в деревне были пустыми. Мы обходили каждый дом, заглядывали на чердаки, осматривали сараи. Возле горящих домов ходили осиротевшие куры. Пара молоденьких поросят-сосунков испуганно стояли возле горящего забора. Мы прошли вдоль деревни, не найдя признаков жизни. Но вот и люди. Несколько семей оставались в уцелевших избах. Завидев нас, к нам вышла женщина средних лет.

«Кукушек у вас нет на чердаках?» — говорю я, улыбаясь. «Чево говорите?» — переспрашивает меня женщина. «Кукушек, говорю, немцев или финнов?»

Женщина поняла и замахала руками, также улыбаясь.

«А кто здесь был, немцы или финны?» — «Да немцы». — «А давно отсюда они ушли?» — «Четвертый день, как их нет, уехали».

По словам жителей, немцы не чинили насилия над населением. Коган пускался с ними в длительные разговоры, что раздражало меня. Я торопил осмотреть быстрее деревню. С нами ходил и писарь. В брошенных огородах он нашел прекрасную брюкву. Хрустя сладкой брюквой, мы возвращались в роту.

На линии обороны мы заметили значительное оживление. Строились взводы. Слышны были команды ротных командиров. Пальба из минометов по нам усилилась. Неповоротливый Манджула пока собрал взвод, нашей роты уже не оказалось. Два других взвода уже ушли. Манджула растерялся, начал топтаться на месте. Нужно уходить, пока не перестреляли. Манджула едва решился на самостоятельный отход. Скоро мины начали рваться в непосредственной близости от нас. Мы бросились к оврагу, чтобы скрыться в кустарнике. Мины точно следовали за нами. Овраг, по которому протекал небольшой ручеек, очевидно, был хорошо пристрелян. Мы поднялись на высокую насыпь, поросшую густым и высоким кустарником. Кое-как пробираясь сквозь гущар, мы устремились вперед. Мины провожали нас. Одна мина взорвалась буквально в нескольких шагах от нас. Некоторые товарищи застонали. Манджулы среди нас уже не было, он бежал впереди всех. По моему совету решили лечь и переждать, пока огонь будет перенесен вперед. Так мы и сделали. Ко мне подошел боец с окровавленной рукой. Пока я перевязывал, товарищи поднялись и ушли. Мне пришлось поспешить, но я нашел только 4—5 человек. Со мной был помощник комвзвода[1].

---

[1] Гришанович.

Выбравшись кое-как из кустарника, мы увидели толпу. Среди толпы лежал боец, раненный в ноги. Его никто не хотел отнести в расположение своей части. Лишь наше вмешательство оказало какое-то воздействие. Сняв шинели и намотав на винтовки, четыре человека унесли бойца в указанном Гришановичем направлении. Тут произошел один интересный случай. Два бойца шли за водой, их заметили и арестовали, обыскали, но ничего уличающего не нашли, кроме ленты от пулемета Дегтярева, которую приняли за немецкую. Кравченко защелкал затвором и закричал: «Руки вверх, а то застрелю!». Оба подняли руки. Кравченко был готов стрелять. Он дернул одного из них и приказал лечь. К счастью, подошел какой-то сержант, который знал одного из них. Несколько вопросов, и они оба были освобождены.

С нами был лейтенант Серый. Мы решили держаться его. Но он оказался человеком, который боится массы, чтобы потом с ней не возиться. Мы дошли до расположения 1-го батальона. Там Серый куда-то сбежал, а мы расположились под елкой на ночлег.

20.XI.1941 *(суббота)*

Ранним утром мы пробрались в старое расположение, где и нашли своих. Мы заняли свои окопы. Здесь я снова увидел Когана. Он оказался раненным осколком мины в плечо. Но рана оказалась настолько легкой, что он не обращался к медикам. Стало совсем светло. Ожидали кормежки и водки — ворошиловских сто грамм. Прислонившись к сосне и положив записную книжку на колено, я начал записывать события вчерашнего дня. Очень тяжело регулярно вести дневник. Чтобы не было больших пропусков, использую каждую минуту привала. Коган признался, что он без меня теряется, а со мной спокоен. Случилась свободная минута, хочется подумать с бумагой в руках. Эти два дня, если не двое суток, прошли в беспрерывном хождении и окапывании. Впечатление такое, что никакой линии фронта нет, немцы посреди леса сидят островками, а мы тычемся, как слепые мыши, то в одну сторону, то в другую, подставляя свою грудь, чтоб узнать, есть ли в этом месте немцы. Это как называется — поиски разведчиков? Весь лес ископан окопами и кишит солдатней. Неужели и у немцев столько частей? Прошло два дня, как я на передовой, а я еще ни разу не выстрелил, если не считать то, когда я выстрелил по пикировщику.

Подошла обеденная пора. На поляну привезли кухню. Собралось много бойцов. Каждый боялся прозевать обед, никто тебе его не вернет. Как-то плохо была организована раздача. У старшины не было бачков, каждый боец вынужден был подставлять свой котелок. Повар недоволен, кричит: «Сейчас как плюнет, тогда всех накормит!» Повар как в воду смотрел. Заурчали мины. Первый взрыв в лесу за поляной, второй на поляне. Все — кто куда. Посреди поляны осталась стоять только кухня с черпаком. Я стою и издали смотрю на эту кухню. Главное, Манджула попросил и ему взять в один котелок. Что делать? А огонь не прекращается. Вдруг мне в голову пришла дерзкая мысль: подойти к кухне и самому зачерпнуть супа. Иду медленно, спокойно, становлюсь ногами на спицы колеса, скребу черпаком по дну котла и выливаю в котелок. Полный котелок одного мяса. На радостях бегу в свой окоп, чтоб позвать лейтенанта и поесть горячего. Только я приблизился к своему окопу, как за бруствером взорвалась мина. Все равно как ждала меня. Взрывной волной шатнула меня, котелок перевернулся, и мясо высыпалось в сыпучий гравий. Это произошло на глазах у Манджулы. Обидно было: я оставил без еды не только себя, но и товарища. Обстрел нашего лагеря продолжался, может, только не так интенсивно.

Манджула повел контуженного, старого Яковлева. Меня, я слышу, вызывают в штаб роты. Возле самой штабной землянки, вижу, возятся двое, один на спине другого. Нижний жив и старается освободиться от груза мертвого своего товарища. Окопчик глубокий и узкий и не позволяет ему это сделать. Чуть смог при-

поднять верхнего, чтоб освободить раненого товарища. Веду раненого в штабную палатку. Там кричит от боли Артамошин. Его ранило в ягодицу. Там уже крутилась возле него наша фельдшерша. Были там и политрук роты, и санитар. Покуда я помогал санитару раздеть раненого, чтоб осмотреть рану, Артамошин прекратил стонать и обратился ко мне: «Может, Лобан, воды расстараешься, пить хочется? А? Только будь осторожен».

Я схватил котелок, выскочил из леса, спустился в низинку. Вода в речке чистая как слеза. Зачерпнул. Принес. Неужели для этого вызвал Артамошин? Почему-то в землянке никого не было из взводных. Кто-то из них должен возглавить роту. С этим не спешили. Кто делает такие назначения? Отправить Артамошина в медсанбат не составляло труда. Мы находились на бойком месте: рядом проходила грунтовая дорога.

21.XI.1941 *(воскресенье)*

Всю ночь немцы вели по нам вялый минометный обстрел. За три дня мы уже стали привыкать к урчанию мин и взрывам. Не удивляло и то, что после очередного взрыва мины кто-то стонет. Ночью под самым крайним деревом поставили противотанковую пушку. На рассвете они начали вести огонь. Я никогда не был так близко к пушке во время огня. После каждого выстрела покалывало в ушах, снаряды вылетали из длинного тонкого ствола со звуком, похожим на вылет пробки из бутылки шампанского. Подбежал ко мне Манджула, спросил, видел ли я Гришановича. Нет Гришановича. Мы вчера утром вместе пришли. Где он мог пропасть? Манджула ушел. Коган начал варить кашу в котелке из старой крупы, оставшейся у него с дороги. Манджула нервничал. Снова прибежал ко мне: «Будешь помощником командира взвода. Гришановича не будет. Я давно за ним слежу. Его не будет».

Долго лежать не дали. Перебежками направились в лес, что начинался за речкой. Повзводно идем атаковать хутор. Приказ — выбить немцев из хутора. Мы с Манджулой идем впереди взвода, за нами четыре поредевших отделения. Первое отделение у меня сзади справа. Впереди, как всегда, командир отделения Скудный. Что-то мне не нравится, как он идет: все отделения идут как надо, а он со своим отдаляется в сторону. «Товарищ Скудный, примите влево!» — приказываю я. Скудный нехотя принимает влево. Но стоит только перестать за ним следить, как его отделение уже в двадцати метрах от взвода. Как только пришли на место, с ходу пошли в атаку. Впереди шел танк, за ним дружно поднялись бойцы. Со стороны хутора застучал пулемет и затих. Бойцы закричали «ура» и ворвались на хутор. С хутора выбежало несколько человек в шинелях мышиного цвета — живые немцы, я их первый раз увидел. На моем пути стоял подбитый немецкий танк, а недалеко от него — труп немецкого солдата. Мы вскочили в немецкие окопы. На бруствере лежало несколько ручных гранат. Гранаты были тяжелые, замашные. Но мы не умели ими пользоваться. Мне захотелось выстрелить в сторону того перелеска, куда убежали немцы. Перелесок живой: на мой одиночный винтовочный выстрел ответили несколькими автоматными очередями, и достаточно точно, пули летели над нашими головами, были слышны. Мы своим взводом заняли оборону правее хутора. Окапываться не стали, потому что вокруг было накопано окопчиков малых и больших. Но вот беда, в каждом окопчике на дне блестит вода. Нашлась как раз по длине доска, я положил ее на дно, попробовал ногами подвигать, будет ли покрывать вода. Нет, не покрывает. Лег на доску и заснул. Проснулся на рассвете. Весь мой правый бок был в воде. Мне казалось, что у меня застыла кровь. Я чуть выбрался из окопа, начал прыгать разминаться. Кое-как пришел в себя. Я думал, воспаления легких мне не избежать или какого-нибудь плеврита. Посмотрим, что будет дальше.

22.IX.1941 г. *(понедельник)*

Нас сняли с этого проклятого места и повели назад в лес, из которого мы пришли. Окопались на высоком месте. Теперь бы на солнышке поспать, отдохнуть. Так нет. «Лобан, Коган и Островский, в боевое охранение батальона!» Раз такой приказ — идем. Я как раз заканчиваю записывать в дневник. Свернул записную книжечку, засунул ее в левый карман гимнастерки и пошел. Рассредоточились: я иду посередине, метров двадцать справа — Коган, на таком же расстоянии слева — Островский. «Лобан, не зарывайся!» — слышу голос Островского. Я и правда немного вылез. Можно замедлить ход. Лес — редкий сосняк, место низковато, лапником разбросан вереск. Впереди полоска кустарника, за которой лес немного поднимается вверх. Вхожу в кустарник, он высоковатый, прячет человека, пересекаем его, чтоб идти дальше. Нет, задерживаюсь, и даже пячусь назад: из тех же самых кустов, где и я, метрах в восьми справа вышли двое высокорослых, в кителях, автоматчиков. Они, не обращая на меня внимания, медленно, нога за ногу, потащились вверх. Меня прижало в траву. Стрелять или не стрелять? Одного я бы мог снять, другой скосил бы из автомата меня. Нет, надо воздержаться — боевое охранение, заметив противника, не открывает огонь, а сообщает своему командованию про опасность. По-моему, так написано в боевом уставе. Я посылаю Когана предупредить командование батальона, а сам продолжаю следить за автоматчиками. Они дошли до высотки и попрыгали в окоп. Как только батальон приблизился к полоске кустарника, немцы из окопов открыли массированный минометно-пулеметный огонь. Кто-то уже застонал, подбежали солдатики и подхватили его под руки. Паршивая штука эти мины, они рвутся не только на земле, но и в воздухе. Подбежал Манджула: «Нет отделения Скудного, надо бежать искать». Такого поступка со стороны Скудного я давно ждал, нигде его теперь не найдешь. Давно принятое решение он осуществил сегодня. Тем не менее, я побежал в ту сторону, откуда мы шли. Метров 300 я пробежал и вернулся назад. Хотел доложить Манджуле, но его нигде не было. Кто-то сказал, что Манджула с группой бойцов перебежал через поляну и вскочил в лесок, откуда наступает наш первый батальон. По этому леску велся сильный огонь. Там было все синим от дыма. Возле меня было несколько бойцов нашего взвода: Пахомов, Доморад, Мазин и Коган. Вдруг огонь прекратился: кто-то закричал «ура», я поддержал его, меня поддержали мои бойцы, и поднялся весь батальон. Мы поднялись, побежали и забежали в самые немецкие окопы. Немцы отбежали метров 50 и открыли огонь. Кроме нас пятерых никто в окопы не забежал. Мы захватили в качестве трофея крупнокалиберный пулемет и офицерскую шинель с «железным крестом» и четырьмя открытыми письмами. Пулемет и китель я пока оставил, а письма захватил в карман. Над нашими головами летели пули из двух, как мне тогда казалось, наших пулеметов. Один действовал с тыла и, видимо, поддерживал нас огнем. Второй стрелял с фланга и был более опасным для нас. Я был страшно зол на этот пулемет. Чтоб остановить его огонь, который вжимал нас в окоп, я поднял руку с винтовкой и обложил своих пулеметчиков трехэтажным матом. В ответ оттуда же, с того самого левого фланга, просвистела мина и разорвалась возле самого бруствера нашего окопа. Взрывной волной нас прижало к земле. Я понял, что пулемет не наш.

Я приказал Когану читать письма. Коган поморщился — в таких условиях письма? Это не было бравадой с моей стороны, я был абсолютно спокоен. Я даже не подумал о том, чем мы будем обороняться, если придется. Пулемет? Мы им не умеем пользоваться. Гранаты? У нас их только две, к которым у меня были запалы, но я их не могу найти. Винтовки? У меня винтовка не действует, в песке. Быстренько протираю тряпочкой, которую ношу в кармане. Больше у нас никаких средств. Прибежали два солдатика, посланные командиром батальона. «Ну, что у вас?» — спрашивают. «Возьмите пулемет и китель, и айда отсюда!» — отвечаю. Что солдатики охотно и сделали. Коган удивился, почему я отдал свой трофей. А у меня и в мыслях не было, что за трофей может быть награда. Да

какой это мой трофей? Мазин сидел и весь трясся. Просил, чтоб я разрешил уйти отсюда. Я посмотрел на него и говорю, что ты нам не помощник, ползи. Обрадованный Мазин подхватился и бегом. Вдруг в кустах кричит: «Лобан, меня ранило». — «Ползи сюда, перевяжем».

Приползает. Ранение в ягодицу, легкое. Перевязали. «А теперь ползи». И он спокойно пополз. Вдруг мы заметили, что батальона нет. Наступила тишина. Зашло солнце. Пора нам была отходить. Доморад сказал: «А можно ли нам оставлять завоеванные позиции? Я останусь». Тогда я применил свою маленькую власть. «Я приказываю присоединиться к нам!» Я расценил его упрямство не как проявление патриотизма, а как проявление предательства. Доморад нехотя присоединился к нам.

Как-то в момент стемнело. Мы никого не видели и не слышали, и вдруг нас окликнули: «Стой! Кто идет?!» — «Свои», — отвечаю. «Ложись, е… мать! Окапывайся!» — «Есть ложиться, окапываться», — отвечаю. С заградотрядом спорить не стоит. Мы достали лопаты и застучали ими по корням. Зачем нас заставляют окапываться, а сами лежат наверху? По цепочке заградотряда прошел шепоток, и вдруг возле нас никого не осталось. Почему же нам не сказали? Разве мы чужие? Пора и нам. Пошли на ощупь, приблизительно в то же место, откуда сегодня вышли. Опушка полна храпа. Прислушались — спят бойцы. Наши. Немцы по-другому храпят. Совсем близко засветила ракета, светло, хоть иголки собирай. Пристраивайся — свои.

23.XI. 1941 *(вторник)*

Утром проснулись — свои. Узнаем, что Манджула ранен, Мацкевич разорван миной — самый большой оптимист, всегда говорил про себя, что он будет жить, он своим ощущениям верит. Нестерович убит — самый большой в взводе трус. Физически здоровый и, казалось, смелый, достаточно активный был. Дали ему противотанковую гранату, кто, как не он, сможет быть настоящим уничтожителем танков? Утром 19 сентября с ним был такой случай. Все окапываются, а Нестеровича нет. Манджула спрашивает: где мой Нестерович с противотанковой гранатой? Скоро может понадобиться. Вот только что был. Где он может быть? Прохожу метров пятьдесят в тыл — сидит мой Нестерович на пенечке и плачет. Я отобрал у него гранату и пригнал его в отделение. Только я отвернулся, а Нестеровича снова нет. Я к тому самому пеньку — сидит. Мне жалко стало этого долговязого недотепу. Я ему пригрозил арестом и военным трибуналом и снова пригнал в отделение. После этого я перестал обращать на него внимание. А он не обиделся на меня и, мне казалось, искал со мной сближения. Если был случай и привозили нам водку, Нестерович сам не пил, подносил свои сто грамм мне. И вот Нестерович погиб. Видно, есть люди, которые чувствуют свою судьбу. Я был относительно спокоен. Ненавидел пикировщиков.

Построились, пошли лесом. Погода была лётная. Сердце ныло. Шли толпой с холма на холм. Вдруг остановились передние. Остановились все. Кто ведет? Никто не ведет. Где же командиры? Нет командиров. А кто знает, куда мы идем? Никто не знает, куда мы идем. В эту минуту растерянности в расположении батальона послышалась автоматная очередь. Кто стрелял? Молчание. Ни у кого автомата нет, кто мог стрелять? Автоматы только у командиров взводов и рот. Но ни одного из них нет. Кто же стрелял? В эту минуту автоматная очередь повторилась. В стане батальона началась паника. Кто стреляет? Кто стреляет? — неслось со всех сторон. Начали озираться и вдруг побежали, один быстрее другого, как дикое стадо. Метров двести пробежали и остановились — объявились командиры. Снова повели на тот же холм. И снова на том же холме командиры пропали. И вдруг мы услышали справа гудение самолетов. Надвигалось то, чего я так боялся в данную минуту. Самолеты были еще за лесом, надо было что-то делать. Я был убежден, что наш холм — цель их бомбежки. И неожиданно для себя я закричал:

«На поляну!» — и побежал. За мною побежали человек тридцать. Мы попадали в заросли на поляне. Кустарник был низенький, чуть прятал нас. Из-за верхушек сосен уже вылетали самолеты. Сделали круг. В эту минуту с противоположной стороны полетели на нас одиночные винтовочные трассирующие пули. Пахомов зашевелился на сухих шелестящих листьях. Я его обложил трехэтажным матом — замри! Вот первый самолет лег на крыло и начал падать на холм. Бах, бах, бах! Троекратно застонала и троекратно сотряслась земля. Самолет, который скинул бомбы, со страшным ревом взмыл вверх. За ним падал второй самолет — и снова стонала земля. Пока самолеты отбомбили, а их было пять, прошла целая вечность. Холм, с которого мы выбежали, имел страшный вид: земля была перемешана с ломаным, вывороченным лесом. Мы обходили по кругу этот могильник. Сыграв эпизод в спектакле и недосчитавшись доброго десятка человек, мы построились, и будто отутюженные танками, уставшие и голодные, пошли искать другое место, где можно было бы сыграть следующий эпизод в этом страшном спектакле. Скоро это место нашлось: на поляне около самого леса. Весь батальон спрятался в лесу, а мне приказано выдвинуться на открытую голую поляну и окопаться для стрельбы стоя. Распределил бойцов, кому, где копать, и сам также взялся. Холодно было, думаю, буду себе копать, чтоб согреться, буду копать горшок, лучше прячет от пулеметного обстрела с самолетов. Выкопал, принес даже моха и травы, чтоб сделать подстилку. Прилег. Нет, не до сна, мучает голод. Своего старшину мы уже который день не видели в глаза: или его где-нибудь подбили, или в этом лесу найти не может. Бужу Пахомова и Когана. Они также не спят, голодные. Подаю идею сходить в деревню, которая тут недалеко, на этой же поляне, засветло ее было видно, посмотреть на огородах чего. Хлопцы молча согласились. Ночь темная, идем почти на ощупь. Возле самой деревни стали проступать силуэты домов. Решили сначала найти колодец и напиться воды, а потом пойти пошарить на огородах. В конце деревни нас окликнули: «Стой, кто идет?!» — «Свои», — отвечаем. — Воды ищем напиться». — «Нет воды. Вода отравлена», — отвечают.

Это, оказывается, наши танкисты. Мы нарушили их покой. Танк их на огороде при улице. Все колодцы и дома были разрушены. Мы обошли несколько колодцев, но ни из одного не было чем достать. Нам танкисты помогли найти чем зачерпнуть. Мы привязали к крюку котелок, зачерпнули воды и напились. Танкисты увидели, что с нами ничего не происходит, попросили и себе пить. Из центра деревни донесся стук колес. Кто мог ночью в таком месте ехать? Может, старшина какой? А вдруг кухня, и мы по котелочку каши выпросим? Подождали. Никакая не кухня, а военная повозка, запряженная парой лошадей. Нагружена доверху и укрыта брезентом. Я трогаю рукой — хлеб. Взмолились: дай буханочку. Старшина ни в какую, схватил карабин, кричит, стрелять буду. Неужели хлеб улизнет от нас? Нет, счастье пришло и к нам. Немцы услышали, наверное, громкий разговор среди ночи и открыли огонь из пулеметов вдоль улицы деревни. Огонь вел давно пристрелянный пулемет. Трассирующие пули летели над нашими головами. Мы пригнулись за повозкой, а старшина кулем скатился под телегу. Тут мы и не растерялись: я схватил буханочку, Коган — другую, Пахомов аж две. Схватили и отбежали. Хорошо, радуемся мы, и тут я осмотрелся, что у меня нет на плечах винтовки. Что делать? Без винтовки нельзя возвращаться. Начали искать. От колодца к колодцу. Час, не меньше, шарили. Нашли-таки — стоит, родная, у забора возле колодца. Терпения не было, по дороге разделили и съели буханку. Остальное принесли для всей страждущей братии.

24.IX.1941 *(среда)*

Ночь продрожал в своем «горшке». Поднял голову, а пуля просвистела возле уха. Снайпер. Зачем я ему понадобился? Еще раз поднял — и еще раз пуля. Чего он прицепился ко мне? Еще раз поднял, и еще раз просвистела пуля. Я разо-

злился, махнул в его сторону рукой и вылез из окопа. Пули перестали свистеть. Наверное, цель оказалась не очень интересной, а может, потому, что я ходил в немецкой каске? Стрелял в меня как в предателя, а увидел, что я в русской шинели, перестал стрелять? Нас повели атаковать позиции немцев на противоположной опушке. На поляне, нам показалось, лучше атаковать, и мы ринулись на немецкие позиции. Немцы сделали несколько выстрелов, повыскакивали из окопов и побежали. Бойцы, воодушевленные этой маленькой победой, кричали: не останавливайтесь, надо гнать и гнать. Сколько в этом чувстве было доброго детства! В немецких окопах я подобрал нашу плащ-палатку. Валялась губная гармошка.

Мне приказали занять оборону на некотором отдалении, на правом фланге батальона. Занимаю, окапываюсь. Если нас не беспокоят, то мы рады отдохнуть. Если поступит приказ, то найдут. Нет, меня что-то начинает волновать. Приходят и сообщают, что на том месте, где был батальон, нет ни души. Как же так? А кто же мы, что нас можно забыть? Выхожу на поляну. Вижу, с той стороны, откуда мы атаковали немцев, идет человек, военный, одет по-командирски. Я к нему навстречу. Майор, возможно, командует полком, возможно, нашим. Мне кажется, я его видел. Так и так, рассказываю, что делать, где искать батальон. Майор со вниманием отнесся к моей ситуации и рассказал подробно, как найти батальон. Возможно, майор шел снять нас? Штаб полка где-нибудь на этом хуторе? Уже было не рано. Если заблудимся, то чтоб было время распутаться. Пошли. По дороге нас встретили самолеты. Нас было 19 человек. Весь лес кишел нашими военными подразделениями. Мы вышли к болоту. На большой высоте три самолета сбросили на нас весь свой запас бомб. Первая бомба, которая, казалось, летела на нас, разорвалась метрах в сорока, подняв веер грязи. Остальные бомбы шлепнулись в болото, и ни одна из них не взорвалась.

Солнце уже было совсем на закате, когда вышли на просеку с высоковольтной линией. По этой просеке мы и пошли. Мы долго шли, как вдруг нас обстреляли автоматчики. Вот тебе и раз, никакого батальона. Немцы. Что делать? Мы залегли. Хорошо, что окопчики не надо было копать, ямки были на каждом шагу. А если на другую сторону перебежать? Ткнулись. Пулеметный огонь остановил нас. Перебежал один Пахомов. Думаем, что делать. Проходит немного времени. Слышим, Пахомов зовет нас. Обсуждаем, как перебежать к нему. В эту минуту пришел какой-то лейтенант. Откуда он взялся?

«В разведке?» — спрашивает. «Да», — отвечаю. «Я тоже. Давай действовать вместе?» — предлагает он. «Давай», — говорю. «Вот боец мой перебежал на ту сторону просеки и кричит, зовет меня». — «Не ходи! Там немцы! Он перебежал через Черную речку, и его схватили, заставили звать».

Признаться, мне хотелось арестовать этого разведчика-одиночку, он мне показался каким-то растерянным и двуличным — говорит одно, а в глазах другое. Только отсутствие опыта разведслужбы не позволило мне это сделать. Лейтенант как появился, так и пропал. Помешало мне еще и то, что я не знал, где находится батальон и есть ли поблизости какая-нибудь наша часть, куда его можно сдать.

Решили не путаться впотьмах по лесу и лечь спать. Облюбовали окопчики и залегли. Еще автоматчики не перестали трещать, а мои хлопцы уже заснули. Я никого не выставил дневальным, тяжело было довериться — люди были до того замучены, что на ходу спали. Да и дисциплина во взводе была невысокая.

Мне вспомнился один случай на марше. Пришли в одну деревню и остановились на привал. Поздний вечер. Батальон разместился возле каких-то хлевов. Поздно вечером Манджула мне приказал выделить дневального. Я в темноте называю фамилию бойца, который, я знаю, находится неподалеку, и приказываю приступить к обязанностям дневального. Я повторяю приказ. Мазин не отвечает. Я повышаю голос — Мазин не отвечает. Я вызываю другого бойца и ставлю его дневальным, а про Мазина докладываю командованию. Дальше командира роты дело не пошло. Артамошин приказал утром расстрелять. Этим своим приказом он поставил меня в

неловкое положение. Выполнить приказ я не мог, мне казалось, что это будет превышением власти, да и рассчитан он был на то, что утром Мазин придет и попросит прощения. С педагогической точки зрения проступок, каким бы маленьким он ни был, если он замечен, должен быть наказан. Мне довелось через товарищей подсказать, чтобы Мазин подошел ко мне и попросил прощения. Что Мазин и сделал. Я облегченно вздохнул и заменил расстрел двойной бессменной ношей.

Я был уверен, что сам не буду спать, — нервы у меня по-настоящему расстроены. Все-таки заснул и я. Сидя, прислонившись к стволу сосенки. Ночь прошла очень быстро. Мне показалось, что уже светает. Ночь была относительно тихая. Один раз только неподалеку разорвалась мина. Я подхватился, чтоб поднять бойцов, но другой мины не последовало, и я беспокойно заснул. А теперь, когда я проснулся, мне не давал покоя этот лейтенант. Но уже ничего не поправишь. Было, наверное, часов шесть утра. В нескольких, может, двадцати шагах от нас взорвалась мина, другая — ближе. Минометный налет. Кричу: «Встать! За мной!» — и я кинулся на просеку. Бойцы бегут за мной и кричат, куда я бегу, на просеке перестреляют. Но это, может, и было нашим спасением. Логика была такая — на просеке еще сумерки, поднялся туман, никто нас не мог видеть и никто не мог допустить, что мы из лесу станем выбегать на открытую просеку. Правильность моей логики скоро подтвердилась. Огонь велся по лесу параллельно нашему отходу. Мы прошли по лесу метров с триста и увидели, что навстречу нам по дорожке в тумане что-то двигалось, послышался голос: «Но-о-о!» Еще несколько шагов — и мы увидели повозку: коник, запряженный в телегу, и человек сбоку с поводьями в руках. Боже, да это ж наш недотепа-старшина! Он также нас узнал.

«Лобан, браток, где ты ходишь? Я ж тебя давно не видел», — тут он выхватил из телеги поллитровую бутылку и сует мне. «Батальон где?» — спрашиваю. «Да вот же он», — и старшина повернул лошадку вправо. «Идите за мной. Вы же несколько дней не евши?»

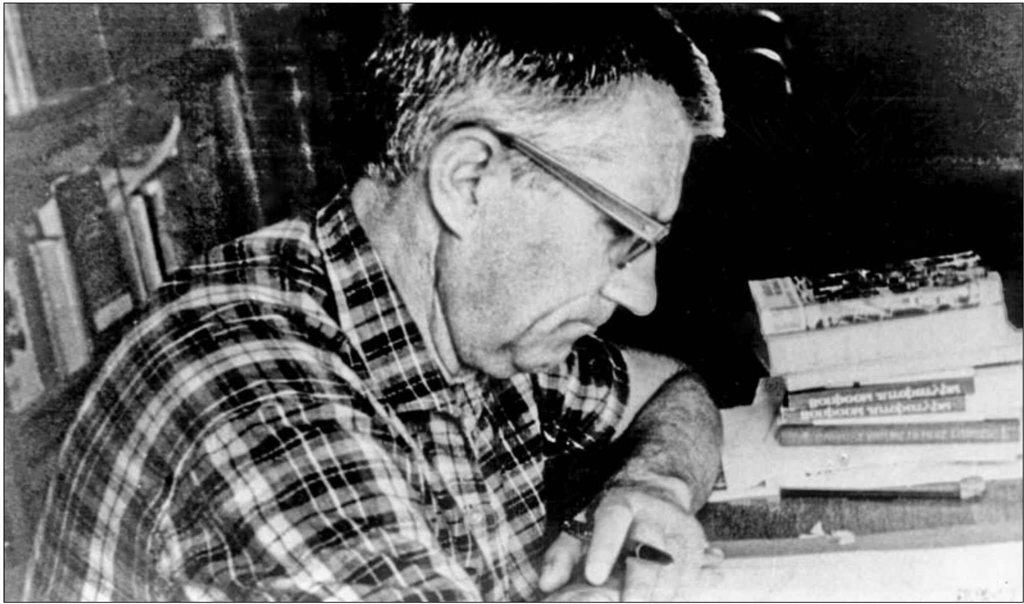
Достойна отдельного описания повозка старшины. Конь маленький, слабенький, хомут большой с веревочной упряжью, оглобли — одна на полметра длиннее другой, колеса восьмерки, виляют. Будто специально все подобрано для фотошаржа. Колхоз и тут. Трудно и большой кровью нам придется побеждать. Иду напрямую к Сацохе и докладываю: «Брошенный вами взвод отыскался!» — «Да ну, не обижайся. Чего не бывает на фронте. Все мы еще не обстрелянные. Где же ночевали?» — «У немцев под мышкой. Двоих недосчитались после минометного налета». Сацоха кивнул головой, что все ясно. «Таем, таем. Тимохин! Третьему взводу усиленное питание!»

Встретились с Пахомовым. Он вчера вечером присоединился к батальону, сообщил, что мы ходим, ищем, и после этого никто не пошел забрать нас. Почему не послали того самого Пахомова? Почему он не попросился сам пойти сообщить нам, своим товарищам? Чем объяснить такую заторможенность мышления?

25.XI. 1941 г. *(четверг)*

Выпили и поели. Я выпил на голодный желудок грамм с 300, и хоть бы в одном глазу. И водка не брала — нервы. Приказали проверить оружие и боеприпасы. Я недосчитался одного патронташа на поясе, правда, найденного. Вещмешком мне служила сумка от противогаза. Половина дня прошла в непонятных переходах из одного оврага в другой. Видно, мы искали определенное место перед атакой крупными силами. Движение на наших позициях было большое и не могло быть не замеченным противником. Над нами повисли корректировщики — надо было ждать обстрела[1]. И он начался. Огонь был массированный, из нескольких

[1] Имеются в виду самолеты-корректировщики.

Микола Лобан.Фото 1970-х гг.

минометных батарей. Закашляли и многоствольные минометы. Нам еще надо было куда-то пройти, но взрывы мин заставили нас залечь. Мы лежали и долбали землю, чтоб хоть немного опуститься ниже, а нас обрабатывали минометы. Скоро земля вокруг нас была покрыта слоем синего дыма. Издалека доносились какие-то команды, и начался отход. Мы, пригнувшись, начали перебегать в то место, где, как нам казалось, падало меньше мин. Не весь взвод побежал за мной, часть побежала в другую сторону. Мы знали, что в случае неудачи отходить на Новую деревню, в наш знакомый чубок. Это далековато, как мне казалось, километров 4—5. Но как идти на эту деревню, в какую сторону? У кого спросить? Сориентировавшись по звуку выстрелов и взрывов, я выбираю направление. Жду, может, кто опротестует или подтвердит мое решение. Таких нет — иду. Иду впереди уверенным твердым шагом. К нам присоединяются одинокие бойцы из других частей. Скоро за мной вырос длинный хвост. Я даже испугался, человек восемьдесят шло. Я говорю Когану: «Я ж не знаю, куда вести». А он говорит: «Не смей признаваться, выведешь». Это, наверное, было правильно. Теперь важен не знак на петлице, а знание, уверенность. Слава богу, шли правильно и скоро вышли на знакомую нам широкую дорогу. Всю дорогу по лесу нас вели взрывы мин. На дороге огонь стал более прицельным. Идем по вытоптанной обочине возле самой дороги. В кустах стоит генерал. На петлице два ромба. С ним майор. «861 пропустить, остальных — кругом», — слышу я. Майор перегораживает нам дорогу, нас пропускает, а тех, кто присоединился к нам, повернул обратно. Где-то на дереве сидел корректировщик, мины ложились до того прицельно, что мы вынуждены были разбежаться по лесу. Я потерял всех своих бойцов, кроме Пахомова. Оглядываюсь назад — Коган сидит под сосной. Подхожу. «Ты чего тут сел?» — «Не трогайте меня, я устал, я не могу идти», — чуть шевелит губами он. Мины перестали рваться, и мы с Пахомовым вышли из лесу возле самой Новой деревни. Возле мостика через речку стояла батарея тяжелых минометов. За речкой — окопы с солдатами. Из одного окопа, в черной хромовой тужурке, с пистолетом в руках вылазит и идет нам наперерез капитан: «Вы куда?» — «Нам приказано собираться на этой опушке», — отвечаю я. «У вас дети есть?» — «Так точно, есть дети. Что мы должны делать?» — «Кругом и вперед!»

Мы развернулись и пошли к лесу. Перед лесом встретились с Сацохой, который вел человек сто бойцов. Тут были и наши. Это все, что осталось от батальо-

на. Узнав от меня, что за речкой заградбатальон, Сацоха быстренько скомандовал «правое плечо вперед» и повел батальон назад в лес.

26.IX.1941 *(пятница)*

Сегодня какой-то непонятный день. Несколько раз меняли место и все ворочали желтый песок. Виделись со своим недотепой-старшиной, а это значит, что лежали «наевшись и напившись». Ночью началась ходьба. Как раз, когда хорошо бы поспать, набраться сил, нас погнали ходить — ломаем в ночи ноги, выбиваемся из сил, чтоб потом замученными пойти в атаку.

27.IX.1941 *(суббота)*

Сегодняшняя и вчерашняя запись сделана в палате Бакситогорского эвакогоспиталя 3 октября.

Уже чуть-чуть показывался рассвет. Мы шли колонной по четыре. Вел Сацоха. Шли по дороге вдоль низковатой поляны. Блестел иней на траве. Тихо, даже ракеты не шипят. И вдруг возле меня падает человек. Нагибаемся, раскрываем грудь — возле самого соска слева пулевое ранение, хлещет кровь. И без шума? И духа не показал. Пошли дальше. Слева в каком-то отдалении — лес, справа от дороги — кустарник. Выбегает из кустов лейтенант и к нашему командованию: «Братцы, помогите». Минута разговора на высоких нотах, и мы сворачиваем в кустарник, помогать. А пока — окопаться. Окапываться не стали, заняли готовую земляночку. Заняли втроем: я, Пахомов и Коган. Коган сэкономил бутылочку. Сели распить. Пахомов рассказал про свою невесту — война помешала ему жениться на ней. Как только война кончится, поеду к себе в Казахстан и женюсь. Будет ждать. Любит.

— «Встать, в атаку!» — слышим голос Сацохи. Еще минуту ждем, пусть голос повторится. И голос повторился. Правда, это был не голос Сацохи, а кого-то другого: «Встать, вперед!»

Пора. Я встал, присмотрев пенек, прилег за ним. Вижу, другие тоже перебегают. Пулеметно-автоматный огонь немцев нарастал. В нескольких шагах от меня лежал наш боец. Лежал на спине, раскинув руки и ноги. Мне захотелось пройти мимо него. Это был высокорослый мужчина, лет сорока. Голова его была пробита навылет снарядом противотанковой пушки. Я никогда не видел такого ранения — дырка была как обточена, просвечивалась. Я прошел еще несколько шагов — долго стоять было невозможно — и прилег за вывернутой землей воронки от авиационной бомбы. Воронка была полная воды. Где те немцы, далеко они или близко, было неизвестно. Впереди стояла стена кустов, и все они пронизывались пулями. Что-то рвалось непохожее на мины. Неужели гранаты, тогда немцы близко, метрах в сорока от нас. Я насмотрел местечко, куда мне перебежать — березовый пенек, будто он спасет от пуль. Вскочил, и что-то невидимое рубануло меня по лицу, и голова зазвенела мелодично миллионом колокольчиков. Сознания не терял и минуту-вторую стоял на ногах. Затем подумал, что это я ранен, а раз ранен, то надо упасть. А как упасть, чтоб красиво, как в театре? Падаю, как подстреленный артист, на вывернутую землю воронки. Тут до меня дошла трезвая мысль, что я лежу наверху на открытой земле, тут меня могут добить, надо скатиться с гребня вниз. Я делаю большое усилие, чтоб отодрать голову от земли, а она как приросла. Качусь и попадаю в воду. Как отсюда выбраться? Хоть бы кто подал руку! Никого! Я собрался с силами и пополз из воронки и даже стал на ноги, но в ту же минуту упал на землю. На этот раз уже не театрально. Вот так приходит смерть, подумал я и стал прислушиваться, когда скрипнут двери и она покажется. Но двери не скрипят, слышу голос Когана: «Лобан, милый Лобан». Я в ответ кричу: «Коган! Коган!» Ни звука. Прошел. Каждый занят собой. Хоть бы взял меня за руку, послушал сердце. Я же живой.

И я пробую встать. Встаю и пьяно переставляю ноги. Я иду осторожно — хотя бы снова не упасть. Кто-то подбежал и спросил: где винтовка? Потом Сацоха увидел и спросил: «Что с тобою?» Показал, куда идти к машине. Потом подбежали двое, взяли меня под руки и повели. По дороге поохали, как меня изуродовало. Сестра развернула кусок бинта, линула на него йода, приложила к ране и обмотала-обвязала. На машину.

Шофер гнал машину, не разбирая дороги, — надо было выскочить из опасной зоны. Раненых на машине было человек восемь. По углам кузова стояли елочки — маскировка. В конце деревни, в одном из крайних домов медсанбат. Покуда подошла моя очередь, мне сделали противостолбнячный укол и дали поесть вкуснющей гречневой каши. Рот у меня не открывался, и я вкусную кашу сосал из ложки. Врач посадил меня на стул и спросил: «Где ваша винтовка?» — «Товарищ забрал», — отвечаю я. «Обыщите карманы, может, что-либо взрывающееся осталось».

Я обыскал все свои карманы и отдал доктору два своих запала от гранат, которые когда-то, сидя в немецких окопах, не мог найти. Голова моя сделалась большой, как барабан, рот не открывается, глаза заплыли. Часа четыре пришлось ждать — не было транспорта, чтобы отправить нас дальше.

К вечеру мы прибыли в полевой лазарет. Лесок, а в нем много длинных палаток. Меня записали, кто я такой, из какой части, накормили реденьким мясным супом, который я мучительно втягивал сквозь зубы, и показали матрац, на котором я буду спать. Но какой сон? Я только входил в смак своего ранения — голова раскалывалась, подушечка, набитая соломой, казалась камнем, кругом стонали, кричали, ходили в атаку. Кто-то отходил, возле него толкались врачи и сестры. Потом его выносили.

28.XI.1941 *(воскресенье)*

Запись сделана 4 окября в палате Бакситогорского эвакогоспиталя.

Наконец закончилась эта мучительная первая ночь. Днем как будто немного легче. Лежим не раздеваясь — в палатках холодно. Каждую минуту приходят и уходят машины. Кого-то привозят. Хочется быстрее попасть в настоящий госпиталь.

29.XI.1941 *(понедельник)*

Прошла еще одна мучительная ночь. Утром били зенитки. Где-то не очень далеко. Боль головы не утихала, но я немного привык к ней.

30.XI.1941 *(вторник)*

Ничего существенного не произошло. Сегодня после завтрака вдруг мне объявили, чтоб я был готов к эвакуации. Поехали. Хоть бы подальше, чтобы не слышать этих бомбежек, этой вони минного дыма, этой автоматной трескотни...

Перевод с белорусского
и публикация В. Кулаженко

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

КОГДА МЫ БЫЛИ НА ВОЙНЕ...

Солдатские истории

Тридцать с лишним лет, со времен работы в районной газете, вел записи воспоминаний фронтовиков, участников Великой Отечественной войны. Записывал на диктофон и в блокнот, когда случалась очередная встреча с бывшим минометчиком, рядовым пехотинцем или лейтенантом, командиром стрелкового взвода, когда человек открывал душу и рассказывал о том, как все было. И вот настал срок собрать записанное воедино. Получилась огромная рукопись. И тогда я взял из солдатских рассказов самые яркие, на мой взгляд, эпизоды и выстроил их в хронологии. Получилась цепь монологов, коротких историй, которые рассказывает Солдат.

Однако, публикуя эти истории, я все-таки обязан сказать, что рассказаны они мне конкретными людьми. На войне у них были разные звания и должности. Вот их имена: радиотелеграфист, автоматчик пулеметно-автоматного взвода Николай Иванович Алексеев из г. Волжский Волгоградской обл., командир взвода связи, лейтенант Василий Иванович Антипов из пос. Износки Калужской обл., тоже калужане командир отделения автоматчиков Григорий Фролович Борисов из с. Закрутое, командир стрелкового взвода, лейтенант Александр Васильевич Ткаченко, артиллерист, лейтенант Александр Евменович Горбатин из Калуги, красноармеец Петр Васильевич Демичев из пос. Бетлица, командир танковой роты, лейтенант Иван Евтухович Деркач из Калуги, командир отделения автоматчиков, сержант Николай Сергеевич Жаворонков из с. Мокрое, водитель полуторки, красноармеец Екатерина Ефимовна Калиничева (Рогачева) из д. Муравьевки, командир стрелкового отделения, сержант Николай Степанович Мордасов из д. Бодберезье, минометчик Иван Иванович Олимпиев из Калуги, старшина Ефим Трифонович Половой из д. Зимницы, связист Георгий Васильевич Прокопов из Краснодарского края, командир стрелкового взвода, кавалер ордена Александра Невского Николай Петрович Назымок из д. Кербутовки, что на Черниговщине, шофер противотанковой батареи Михаил Семенович Кареев из Санкт-Петербурга, москвичи — старшина, стрелок экипажа штурмовика Ил-2 Георгий Афанасьевич Литвин, командир экипажа скоростного бомбардировщика Геннадий Георгиевич Соколов из г. Мещовска, а также минометчик Александр Павлович Прокофьев, летчик-штурмовик, лейтенант Алексей Филиппович Романов, военфельдшер Василий Иванович Саменков, морской пехотинец, старший матрос Виктор Леонидович Сумников, лейтенант Иван Алексеевич Таланов из г. Кирова, командир минометного расчета Дмитрий Федорович Тройнин, стрелок-радист танка Т-26 Алексей Иосифович Чухилев из г. Волчанска Харьковской области, партизан, а потом красноармеец Николай Николаевич Шабалин, командир стрелкового взвода Иван Матвеевич Шведов из с. Черная Грязь Жуковского района Калужской области, земляк маршала Победы Г. К. Жукова, кавалерист 1-го гв. кавкорпуса Василий Давыдович Ушаков.

Многих из них уже нет на свете. Отправился в свой последний, теперь уже бессрочный полет кавалер двух орденов Красного Знамени пилот Ил-2 Алексей Филиппович Романов. К своему погибшему взводу, о котором вспоминал всю жизнь, ушел лейтенант Василий Иванович Антипов. Отболели раны старшины Ефима Трифоновича Полового.

С нами осталась память о них и их рассказы.

Сергей МИХЕЕНКОВ,
г. Таруса

1941 год

— В первые дни войны наша дивизия попала в окружение под Невелем.

Медсанбат мы развернули в лесу. Машины постоянно подвозили раненых. Очереди к операционному столу скапливались огромные.

Мне запомнился первый мой раненый. Я его нашла на передовой, на поляночке. Он лежал на земле. Чернявый, молодой. Москвич. У него было осколочное ранение в живот, и он сильно мучился. Я бросилась к нему, стала перевязывать. А сама плачу, прямо рыдаю, и не могу никак успокоиться. Бойцы, которые рядом были, и говорят мне: «Сестричка, что ты так убиваешься? Не плачь. Нас еще много будет. Всех не оплачешь».

В тот день мы отправили раненых двадцать машин. Увезли. Я своего москвича до медсанбата не довезла. Он умер по дороге.

А когда поехала вторым рейсом, налетели немецкие самолеты. Наша машина ехала как раз по полю. Целая колонна машин. Самолеты стреляли из пулеметов с бреющего. Горят, помню, наши машины, горит рожь, а из ржи ползут раненые, и одежда на них тоже горит... Крики, вопли, стоны.

Дивизия таяла быстро. Бои не прекращались. Немцы то там прорвутся, то там. Начали обходить нас.

Потом был выход из окружения.

Нас выводил какой-то подполковник.

Раненые по пути умирали. Хоронить их было некогда. Бывало, снимем сверху мох, положим его и сверху мохом прикроем. Вот и вся могилка.

Однажды на хуторе набрели на дикую яблоню. Бойцы набросились на нее. Наелись. И началась дизентерия. Многие умерли.

Шли, шли, сели отдохнуть. Нас в группе осталось уже мало. Расположились на полянке. Кто сразу уснул, кто сидел, переобувался. Никакого караула не выставили. Вдруг вверху, на горе послышался рокот моторов. Не успели мы опомниться: «Хенде хох!» Глядим, стоят немцы с автоматами.

Нас обыскали. Отняли оружие. У меня забрали сумочку с медальонами, предсмертниками, как мы их называли. Когда раненые умирали, мы забирали у них медальоны, отмечали на карте, где кто похоронен. Все забрали.

У меня в петлицах было два кубика — военфельдшер. Одета хорошо. Немцы сразу: «Комиссар?»

Привели в Невель. Ворота. Рвы. Вонь, смрад. Трупы немцы сбрасывали прямо во рвы и немного присыпали землей.

Из нашей колонны отобрали сорок человек. В число этих сорока попала и я, очевидно, как комиссар. Потому что в этой команде были в основном политработники и командиры.

Подвели нас ко рву.

Расстреливали медленно. Отберут двоих-троих, заставят плясать. При этом избивали плетьми. Потом выстрелят. Убитые падают вниз. А немцы хохочут.

Передо мною в шеренге стоял какой-то командир, в петлице две шпалы. Еще четверо — позади. Остальные уже все во рву. Возле меня все время прохаживал-

ся молоденький немец, оглядывал всю с головы до ног и приговаривал: «Шаде, щён. Шаде, щён...» Мол, жалко, красивая.

И вдруг в ворота въехала машина с открытым верхом. В ней немецкий офицер, видимо, начальник лагеря. Из машины вышли другие офицеры.

И меня узнал переводчик, немец. Я его тоже узнала. Однажды он оказался в числе наших раненых, только что поступивших с передовой. Он был ранен в руку, всю ночь стонал, и я ему сделала укол. До утра сидела возле него, успокаивала. Тогда он был в красноармейской форме. Кем он был на самом деле, не знаю. Русский язык он знал в совершенстве. И отличить его от русского было нельзя.

Он подбежал ко мне, за руку вытащил из строя смертников. Что-то стал торопливо говорить начальнику. Тот ему не верил, отмахивался перчаткой, отворачивался. Тогда он вытащил мой медальон. На нем, к счастью, была пометка: «Военфельдшер».

Так меня миновали пуля в затылок и ров.

Отвели, бросили в подвал. Избили.

Через несколько дней повезли. Везли в товарных вагонах. А бойцы из лагерной санчасти прихватили медицинскую пилу, пронесли ее с собой в вагон. Выпилили доски в стенке вагона.

Так мы и бежали. Прыгали в эту дыру и тут же перебегали за придорожный кустарник. К счастью, поезд шел небыстро. Немцы вскоре заметили, открыли огонь. Но стреляли разрывными пулями, которые, попадая в кусты, тут же разрывались и никакого вреда никому из нас не причинили.

День и ночь бежала я по лесу. Наконец, обессилев, зашла в одну деревню. А женщина, в дом к которой я зашла, и говорит: «Ах, деточка, да тебя же схватит первый же полицейский!» И начала стаскивать с меня мою армейскую одежду. Тут же швырнула все в печку: и гимнастерку, и ремень, и юбку... Дала мне длинную рубаху с цветочками по подолу. Такую, знаете, какие сейчас ночные рубашки шьют. И вот в этой рубахе с цветочками я пошла дальше, под видом беженки.

Так дошла до знакомых мест. В Полоцком районе я до войны работала медсестрой. Тут меня знали. Жить меня приняла одна крестьянка. Стала я лечить больных. Особенно часто приходилось принимать роды. Рожали тогда, в сорок первом году, много. Помогу я людям, они мне еды дадут. Так и жила.

А потом в наших местах появились партизаны, и я ушла в лес. Не могла больше смотреть на полицейские морды и притворяться.

— Вышли мы из окружения из-под Вязьмы. Вместе с нами шли артиллеристы, весь расчет. Всегда вместе держались. Командовал ими сержант, уже в годах. Они его слушались беспрекословно, по имени-отчеству звали.

Когда вышли, сержанта того сразу забрали. И — под трибунал. Где орудие? Почему бросили? Военный трибунал рассмотрел дело и пришел к выводу, что командир расчета проявил трусость, бросив на поле боя исправное орудие...

Я видел, как его расстреливали. Мы, человек десять, стояли на опушке леса. Артиллериста поставили к березе. Вышел офицер НКВД, вытащил из кобуры новенький ТТ и выстрелил сержанту в затылок. Тело оттащили, стали закапывать.

Вот и вышел из окружения... Вывел людей... Если бы погиб во время прорыва, домой послали бы извещение: пал смертью храбрых...

— Родился я на калужской земле, в семье хуторян. Предки мои приехали сюда с Украины. В 1912 году мой дед Кирилл Анисимович купил шестнадцать десятин земли под Калугой. Материнская линия — род Шевченко. Между прочим — двоюродного брата Тараса.

Работали мы на своем хуторе с темна до темна. Много работали. И зажили было хорошо. Хутор наш так и назывался — Сумников.

Все прахом пошло...

Отец ушел работать на железную дорогу.

Когда началась война, мы жили под Калугой на станции Желябужская.

16 октября 1941 года, как раз на Покров, к нам в Бабаево, тогда Детчинского района, пришли немцы. Лежал снежок. Но было еще тепло. Они бегали в мундирах, налегке, без шинелей. Один, помню, подошел к нашему дому, расстегнул штаны и начал мочиться прямо на окно. Тут мы сразу и поняли, кто на нашу землю пришел.

Вскоре они ушли по Старо-Калужскому большаку, к Москве.

Однажды мать послала меня посмотреть, что с нашим хозяйством в деревне. Отец за год до войны все же купил в одной деревне домишко, и мы там сажали огород. К земле тянуло.

И дом, и весь урожай наш разграбили. Уволокли все подчистую. Свои. Немцам этого не надо было. Даже крышу сорвали и картошку из погреба выгребли.

И вот возвращался я домой. Шел лесом. Места знакомые. Иду, не боюсь. Вроде все тихо. И вдруг мне кто-то — на голову плащ-палатку. Схватили под руки, поволокли. Я и понять ничего не успел, а уже стоял перед командирами. Смотрю, форма на них наша, красноармейская. Тут я немного успокоился. Политрук мне: «Почему ходишь один? Где твоя деревня?»

Я им все рассказал. Спросили, встречал ли где немцев. «Нет», — говорю. И мы пошли. Прошли между деревнями Осиново и Руднево, вышли к Сидоровке. Немцев нигде нет. Приходим в наше Бабаево. Их человек сто. Рота. Все с оружием. Зашли в овраг. Политрук мне: «Пойдешь с нами?» — «Я бы пошел. Но отец неизвестно где. Мать дома с двумя сестрами. Не знают, где я и что со мной?» Политрук: «Я все улажу. Где ваш дом?» И пошел к моей матери. Вернулся через полчаса. Мать с ним — вся в слезах. Принесла сапоги, кое-что поесть, что у них было. И благословила меня: «Иди».

Шли мы все лесами. Мимо деревень Верховье, Азарово. У них была карта. Шли, постоянно сверяя маршрут по карте. Шли в сторону фронта. К Высокиничам и Угодскому Заводу. Шли ночами. Возле Башмаковки пересекли Старо-Калужский большак. Повернули к Угодке.

Остановились. Какая-то слобода. Меня послали на разведку. Посмотрели по карте, сказали, что впереди будет такая-то деревня, потом такая-то. И говорят мне: «Туда не заходи». А задание мне было вот какое: выйти к реке Протве и узнать, цел ли там мост.

Дорогой я встретил поляков. Солдаты, в немецкой форме, ехали на подводе и разговаривали по-польски. А я по-польски тоже разумел. На хуторах-то мы на четырех языках разговаривали: на русском, украинском, белорусском и польском. Я с ними заговорил. Они обрадовались, усадили меня на подводу и подвезли до деревни. Что ж за деревня? — думаю. Ни разу в ней не был. И зашел в деревню. Любопытство верх взяло. Смотрю, кирпичное здание. Уже без окон. На стене вывеска: Овчининская сельская больница. Пока я, разинув рот, читал трафаретку, кто-то тихо подошел сзади, схватил меня за воротник и приподнял. Я обернулся, смотрю: здоровенный немец, схватил меня и не отпускает. Что-то мне по-немецки кричит. Вот по-немецки я был еще слабоват. Потом, на фронте, немного подучил, начал разговаривать с пленными. Тряхнул меня тот немец, и из-за пазухи моей вывалились две книжки. На краю деревни я поднял их и сунул за пазуху, вроде как из школы иду... Обе книжки — Чехова. Книги упали, и немец ногой начал их листать. Листал, листал, увидел портрет Антона Павловича — с бородкой, и мне: «Лэнинс? Лэнинс?» Я говорю: «Наин, Чехов». А он как закричит: «Лэнинс!» схватил меня, подвел к краю оврага. Овраг глубокий. Как дал мне по уху, и сразу я очутился на дне того оврага.

Вылез я из оврага и больше в деревни не заходил. Трубино и Ивашковичи обошел стороной. Вышел к Протве. Настил моста разобран и сожжен. Лаги остались. Я перешел на ту сторону по лагам. На той стороне — деревня. Зашел в крайний

дом. Открыла мне старуха. Ну, может, и не старуха... Мне было всего четырнадцать лет, и все женщины старше тридцати казались мне тогда старухами. «Ты что?» — говорит. «Из Овчинина иду, — говорю. — Лошадь пропала. Ищу». Она посмотрела на меня внимательно и, видимо, поняла, какую я лошадь ищу. Но виду не подала. И говорит: «Проходи. Поешь». Налила мне молока, дала хлеба, картошки в мундире. Народ тогда добрый был. В любом доме накормят. Я ем и спрашиваю: «А немцы тут где поблизости есть?» — «У нас, — говорит, — нет. В Угодском Заводе стоят. Но приезжают почти каждый день. За продуктами. Грабят».

Деревня та приречная называлась Огубь.

Вернулся я к своему отряду. Доложил: «Моста нет». Рассказал, что узнал, что видел и что слышал от людей. Про немца рассказывать не стал.

Один сержант и говорит командирам: «Пойдемте на Остров! Там пройдем. Я там все знаю. И идти там можно все время лесом».

Я шел и думал: что за остров такой? Видимо, на Протве есть такой остров... Оказалось, село с таким названием. Сержант был родом оттуда. Он нас и вел.

Однажды вышли на хутор Борцово. Колодец там был, родник. Сильный такой родник! Баню затопили. Помылись. Солдаты были довольны. Отряд простоял там целый день. Воды из родника с собою набрали. Ночь настала, пошли дальше. Шли долго. Вышли к монастырю. Вперед пошли разведчики, трое солдат с пулеметом. В монастыре никого не оказалось. Зашли. Два кирпичных двухэтажных домика и полуразрушенная или недостроенная церквушка. В отдалении вдоль леса домишки — деревня. Утром пошли дальше. Через село Чаусово шли открыто. Народ вышел на улицу. Люди кричали: «Не ходите в Караулово! Там немцы! Тьма-тьмущая!» Запомнилась и еще одна деревня, которую проходили. Название больно забавное — Шопино.

К утру вышли к Острову. Начали переправу через Протву. Распрягли лошадей, начали пилить сосны и вязать плот. В стороне Кременок и Троицкого все грохотало и вспыхивало. Там шел бой.

Дальше я с ними не пошел. То, о чем они меня попросили, я все выполнил. Политрук и командиры были довольны, что вышли к фронту, что в дороге нигде не попали под обстрел, что никого не потеряли. Они оставили мне вещевой мешок с продуктами и комплектом солдатского белья. И дали мне лошадь. Назад я ехал другой дорогой — через Барятино и Сугоново. До своего Бабаева пробирался три дня. В деревни не заходил, боялся: попадусь немцам, отнимут лошадь.

— В окружении я был дважды. На войне хуже доли нет у солдата, чем оказаться в окружении.

Когда немец нас обошел с флангов, мы заняли круговую оборону и какое-то время отбивались. Проход для отступления еще был. Но не было приказа на отход.

Бой шел кругом. И со стороны фронта, и в тылу. Это — страшно. Когда тыла нет, когда неразбериха, когда связь нарушается и приказы не доходят...

Начали выходить. Артиллерия и мы, две минометные роты. Артиллеристы успели выйти, а мы, минометчики, оказались отрезанными. Все, немцы замкнули кольцо. Начали нас добивать в «котле».

Помню, пошли они на нас в атаку. Прорвались через линию заградительного огня. Из минометов вести огонь уже бессмысленно. Вижу, бегут двое. Но бегут не прямо на нас. Я лежал с винтовкой. Прицелился, выстрелил. Немец, в которого я стрелял, тут же сунулся за камни. Попал я в него или нет, не знаю.

Мы не удержались, начали отходить. Дело-то, видим, совсем плохое. Умирать — страшно. Отошли метров на сто. Остановились. Командир роты, младший лейтенант, мне говорит: «Прокофьев, давай становись здесь».

А сами, гляжу, собираются уходить дальше. Куда ж мне, думаю, с винтовкой против такой лавы немцев? Нет, думаю, я пойду вместе со всеми. На войне хуже всего оставаться одному.

Когда отошли дальше, — а голодные! жрать охота! — вызвал меня комиссар: «Прокофьев, возьми кого-нибудь из бойцов и сходи на наши позиции. Забери у убитых комсомольские билеты. Заодно возьми хлеб в нашей землянке. Буханка там осталась». Хлеб, правду сказать, меня и соблазнил. Комиссар знал, чем взять голодного солдата. На то он и комиссар...

Наших там погибло много. Два сержанта, много бойцов. Приказал нам комиссар забрать у убитых и оружие. Вооружены мы были хорошо. У меня, наводчика минометного расчета, был пистолет ТТ, две гранаты РГД, две Ф-1.

Пошли. Пробрались тихо. Со мною шел Зыбин, тульский. Бывалый солдат, в финскую еще воевал. Мне с ним было не так страшно.

Пришли. Немцев нет. Отыскали землянку НП командира роты. «Зыбин, — говорю, — лезь в землянку. Посмотри получше, там где-то должна быть буханка хлеба». Полез мой Зыбин. Кто за буханкой не полезет?

И вскоре оттуда говорит: «Нет тут никакого хлеба».

Поняли мы с Зыбиным, что нас попросту обманули. Никакого хлеба в землянке и не было. И откуда ему там быть, если ничего из продовольствия нам уже которые сутки не доставляли?

Рядом с землянкой был сделан шалаш. Я заглянул и туда. Гляжу: в шалаше сидит человек, весь в крови, и лопочет что-то непонятное. Я даже испугался, когда увидел его. Это был старшина соседней роты. Эх, думаю, вторая рота, мать вашу!.. Довоевались, старшину своего раненого бросили!.. «Зыбин, — говорю, — смотри, тут человек живой есть». Собрали мы оружие, у убитых забрали комсомольские билеты и документы. Подняли старшину и пошли.

Так мы и вернулись назад: с документами, с оружием, со старшиной и — без хлеба. Кто-то из наших дурачков Зыбину: «Зыбин, а хлеб, что же, сожрали, что ли? Хлеб где? Комиссар же сказал, целая буханка была». Меня не спрашивали, меня побаивались. А Зыбин поменьше меня ростом был и характером поспокойней. Мы в окопе лежали, уже свечерело, темно, не видно, кто это у Зыбина допытывался про комиссарову буханку. Я поднялся, говорю: «Ну, иди сюда, отломлю тебе от комиссарской пайки!» Никто не встал. А мне так хотелось кому-нибудь в морду дать! Хлеба ему захотелось...

— В сорок первом, под Вязьмой...

Разгрузили наш полк на станции Новодугнинская. Построились повзводно. И пошли дорогою влево от станции. Шли день. Никого не встретили. Никто нас не встречал. Переночевали в каком-то овраге. Доели свои сухари.

Утром нас опять построили. Прибыл какой-то генерал и несколько человек с ним, тоже, видать, из начальства. Комполка наш докладывает: так, мол, и так, такой-то запасной полк в составе стольких-то человек прибыл в ваше распоряжение... Генерал уже пожилой. Прошелся вдоль строя, внимательно осмотрел нас. Потом отвел комполка в сторону и говорит: мол, нам тут пушечное мясо не надобно, своих безоружных хватает, веди, говорит, дальше и действуйте там самостоятельно. Передал нашему комполка карты, указал, где занимать рубеж обороны. Разговаривали они тихо, не для посторонних ушей. Но я стоял крайним в первом взводе первой роты первого батальона и все слышал.

Ну, думаю, хреновые наши дела. Ну что мы, правда, за воинство? Не обмундированы даже. Кто в чем. Орава деревенская. Как будто на драку в соседнюю деревню пришли... Из оружия — одни винтовки. Из них половина учебных. Патронники рассверлены, стрелять нельзя. И зачем мы их к фронту волокли? Пугать, что ли, немца решили наши командиры этими рассверленными винтовками? Показать ему издали, что, мол, и мы вооружены? Но всем, даже тем, кто и без винтовки был, выдали по тридцать патронов и по три запала для гранат образца 1914 года. Когда запалы те раздавали, я спросил, а где же, мол, гранаты? Там, сказали, на передовой, там и гранаты, и винтовки, и пулеметы. На передовой, сказали, все получите.

Получили...

Правда, накормили нас. Выдали на каждую роту по кулю воблы и по два куля сухарей. Все это мы быстренько разделили. А я свое думаю: лучше бы гранаты раздали да винтовки, да к ним патронов побольше.

Повели. Долго шли. Несколько дней. Деревни попадались. В которой деревне остановимся, переночуем, подкрепимся. А из которой нас из минометов да из пулеметов обстреляют. Комполка все карту генеральскую теребил, видно, никак не мог понять: как же это, в тылу, и — немцы. Специальные команды. Они глубоко проникали. То мост захватят, то дорогу перережут. Потери пока были невеликие. Мы почти не стреляли, боя не принимали.

Раз так вышли. Деревня впереди. Внизу речушка. Вдоль речушки сараи. На крыше одного сарая стоят три человека. Один в бинокль смотрит. Мы идем. И вдруг они кинулись куда-то вниз, и тут же оттуда длинными очередями стал бить пулемет. Это были немцы. Подпустили близко. Тут наших много полегло. Рядом со мною парень бежал, так я видел, как его убило.

Обошли мы эту деревню. Никто нас не преследовал. Такая вот война была.

Пришли в назначенное место. Окопы там уже вырыты были. Оружие тоже кое-какое. В основном старые непристрелянные винтовки. Пулеметов ни одного. Минометов тоже. Ладно, думаю, хоть окопы надежные. Лопаток-то у нас не было.

Я перед этой войной в финскую воевал. Там оружие и снаряжение у нас куда лучше было!

Позиция для обороны была выбрана неплохая. Крутой берег. Внизу, под берегом, лощинка, болото, ручей. А за ручьем лесок. По опушке — немцы. В болоте навалено трупов. Раненые стонут. Это тех, кто до нас тут стоял, в атаку посылали.

Больше суток мы лежали в окопах. Ждали приказа. Ждали, что вот-вот и нас, вот так же, через болотце пошлют, под немецкие пулеметы. Раненые постепенно затихли. Видать, перемерли все. Начальство что-то молчало. На другой день с того берега немец начал кидать мины. И так ловко стрелял, что — по три разрыва рядом.

Это было 7 октября сорок первого года. Мы еще и знать не знали, что Вязьма уже отрезана, что мы в окружении.

У меня во взводе был связной, Петр Прудников, свой, дубровский. В армии еще не был. Страшно под обстрелом. Когда мины стали ложиться близко к нашим окопам, он выскочил, закричал, что надо уходить, а то, мол, всех побьет. Я ему: назад! В окоп! Куда там... Бегал он так, бегал, и заметил немец нас. Начал кидать мины прицельно. И стали наши окопы осыпаться. Песок. Стенки не укреплены. Одна мина совсем рядом разорвалась. Меня сразу ранило и контузило. Прудников закричал: братцы, Полового убило! Уходить, мол, надо, пока всех не перебило! Рядом со мною в окопах лежали ребята из соседних деревень Синявки и Ивашковичей. Кричат: Половой, мы тебя сейчас вытащим! Лежите, говорю, а то и вас!..

Перетянул полотенцем ногу под коленкой. Лежу, терплю. Боли вроде и нет. Только трясло и голова немела. Сильно контузило. Мина рядом разорвалась. Так что временами я даже забывал, кто я, где я и что со мною случилось.

Когда стемнело, позвал: идите, говорю, берите, теперь можно, не заметят.

Стащили они меня в задний овраг, и тем оврагом вынесли на дорогу. По той дороге мы подходили к передовой.

Темно совсем стало. Левее нас вроде как деревня виднеется. Дорога проселочная. Место сухое. Там уже лежал один. Такой же бедолага, как и я. Его тоже в ногу. В ступню, навылет. Пулей.

На дорогу нас выносили с тем расчетом, что рано или поздно будут проезжать наши и заберут, увезут в тыл. Никто ж еще не знал, что никакого тыла уже нет. Отрезаны тылы. Везде — немцы.

Ночь пролежали на обочине. Октябрь — холодно. Хмарно. Осколок у меня из ноги наружу торчит. Я смотрел на него, смотрел, подцепил да и рванул. Ох, сколько ж кровищи было, боже ты мой! Я опять перехватил полотенцем под

коленкой. Бинтов-то не было. Ни у меня, ни у ребят, которые меня выносили. Кровь скоро унялась. Осколок большой, длинный, с указательный палец. Положил я его в карман. Долго носил. Потом, в лагере уже, выкинул.

Утром, смотрим, колонна движется по дороге. Напарник мой и говорит: дождались, мол, слава Богу. А я присмотрелся: нет, говорю, парень, не наши это. А он опять: да брось ты, наши, сейчас подберут, перевяжут. Колонна с уклона спускаться стала. Впереди мотоциклисты. Нет, говорю, мотоциклисты не наши, не так сидят. И точно.

Мотоциклисты проехали мимо нас молча. Даже никто головы не повернул.

Идет пешая колонна. Впереди офицер. Сразу к нам. У напарника моего ни винтовки, ничего. А у меня винтовка за спиною, ремень по-кавалерийски через голову перекинут. Так офицер винтовку мою снял с меня, перехватил за ствол и прикладом ее — о дорогу! Так и разлетелся приклад. Сумку противогазную хотел снять, дернул. А у меня руки заколенели, не слушаются, поднять их не могу. Тогда он расстегнул сумку, вытащил противогаз и тоже швырнул на дорогу. Расстегивает крючки на шинели и — в гимнастерку. Вытаскивает красноармейскую книжку. Спрашивает: коммунист? Я мотаю головой: нет. А у меня там запись была: ОГПУ. Когда служил кадровую, то год, с 1933-го по 1935-й, состоял в оперативном полку ОГПУ в Новосибирске. Вот там-то мне эту запись и сделали. Ну, думаю, пропал...

Первая рота немцев уже прошла. Другая приближается. И тоже офицер подходит к нам. Тот, первый, показал ему мою книжку — коммунист? Тот покачал головой: нет. Тогда офицер спрятал пистолет обратно в кобуру, разорвал мою красноармейскую книжку и побежал догонять своих.

Прошли роты, обозы потянулись. На каждой телеге по два-три солдата. Едут мимо нас, хохочут, прицеливаются из винтовок, кричат: пух! рус! пух! иван! пух! Но и они проехали, а нас не тронули.

А погодя подошла крытая машина, и нас зашвырнули в кузов. В темноте я не разглядел, кто нас грузил. Кажется, наши, пленные. Говорили по-русски.

— Так начался мой плен, мои мытарства между жизнью и смертью.

Повезли. Не доезжая Смоленска — лагерь для военнопленных. Уже и столбики с колючей проволокой поставлены. На воротах часовой. Поляк. Хорошо говорил по-русски. Он поглядел на нас, какие мы, и говорит: далеко, мол, от ворот не уползайте, ждите тут, утром будет машина в Смоленск, и я вас в первую очередь отправлю, там вас, мол, хоть перевяжут...

В лагере — как в тырле для скота. Тысячи людей. И все наш брат — в солдатской гимнастерочке. Многие без шинелей. Кухни полевые. Наши. Возле кухонь толкотня, крики. Баланду раздают. Как бы нам, говорю часовому, поесть? Терпите, говорит, поползете туда, пропадете, задавят вас. Видите, говорит, что там творится? А правда: к котлу по головам лезут, дерутся. Голодом людей довели до такого состояния, что они уже как звери стали кидаться друг на друга из-за куска...

Утром пришла машина. Мы кое-как встали. Но тут к машине кинулись другие, нас сбили с ног, начали топтать. Поляк снял с плеча винтовку, закричал: раненых вперед!

Так нас увезли в Смоленск. Выгрузили на железнодорожной станции возле пакгаузов. Раненых оставили возле заборчика. Мы сидели, привалившись спиной к штакетнику. Ждали погрузки в вагон. Помню, там, возле пакгаузов, произошел такой случай.

Конвоир повесил на штакетник ранец и отошел куда-то. А один из наших пленных, молоденький такой, вытащил из ранца полбулки белого хлеба. Хлеб мягкий, рыхлый. Отошел поодаль и стал торопливо поедать его. Вскоре вернулся немец. Видит: ранец его открыт, закричал: «Ва-ас?!» Увидел пленного и остатки своего хлеба в его руках, схватил его, начал тормошить. Тот даже не смотрит на немца, жадно поедает добытый хлеб. Тогда немец подвел его к насыпи и снял с

плеча винтовку. Парень стал есть еще торопливее. Немец прицелился ему прямо в лоб, в упор, но не стреляет, кричит, бранится, ногами топочет. А тот все ест и ест хлеб, только белые крошки падают. Будто знал, что не успеет доесть до конца. Пуля попала ему в лоб, в самую середину. Так и повалился под насыпь с недоеденным белым хлебом...

— Раз уж заговорил о хлебе, расскажу еще одну историю.

Когда меня, уже недвижимого, сняли с эшелона в Дорогобуже, немец, начальник конвоя, вывел из строя четверых военнопленных и кивнул им на меня: приказал нести. А так бы — бросили. Лагерь от станции был неподалеку. Несут меня, разговаривают между собою: тяжелый, давай, мол, бросим его на обочине, а сами заскочим в колонну, спрячемся, пускай другие несут... А один из них: нет, дескать, надо нести, раз приказали, а то немец обозлится, что ослушались, постреляет нас.

Я все слышу, что говорят.

Несут так-то меня по слободе. Колонна идет по дороге, а меня несут тропинкой, вдоль дворов, вдоль штакетников. Навстречу женщина. Лет тридцати пяти. Остановилась. Плачет, платочком слезы утирает. На меня глядит. Открыла сумочку, в сумочке коврига хлеба. Переломила ковригу пополам и одну половинку кладет мне на грудь. Храни тебя Господи, говорит.

Вот, может, эта ее короткая молитва обо мне, ее слезы к Богу меня и спасли в немецком плену. Тысячи на моих глазах умерли, а я жив остался.

Да, а я уже которые сутки не евши. Как воблы генераловой под Новодугнинской пососал, так и все. Ну, думаю, может, и не умру еще, раз судьба соломинку бросила. Хлеб лежит на груди, пахнет хорошо. Домом пахнет. Полем. Родиной. Думаю: надо ж с ребятами поделиться, что волокли меня и не бросили. Отблагодарить. Кусок-то большой...

Поднесли меня к воротам и положили на землю. Положили, схватили этот мой хлеб, побежали в колонну. Потуда я их и видел. И так мне, брат ты мой, ни крошечки от слез той смоленской женщины и не досталось.

Много я потом по лагерям скитался.

Из Смоленска под Минск попал. Когда везли по Минску, подбегали женщины, спрашивали о своих, совали нам бутылки с пивом. Конвоиры их не отгоняли, не бранились даже. Пиво мы выпили, тут нас никто не обобрал.

— В лагере под Минском мне совсем лихо стало. Лежу в коридоре каком-то, стоны свои слушаю. Жалобные получались стоны. Чувствую, сил моих больше нет так с жизнью прощаться. С ума схожу. Мне говорят: замолчи, мол, что стонешь так громко? Потом меня перенесли в палату. Врачи русские. Один, который перевязку мне делал, говорит: если бы ты, мол, в госпиталь попал, то скоро бы на ноги встал, а тут... лежи, говорит, не знаю, может, и выживешь.

Нога моя вздулась. Почернела. Доктор посмотрел, погремел инструментами и опухоль мою вскрыл. Оттуда все полилось.

В лагере под Минском. Кажется, место то называлось Пушкинскими казармами. Нас кормили пареной гречихой. Неободранной. Так от нее многие умирали. Наедятся, потом пойдут в отхожее место и оттуда уже не возвращаются. От запоров умирали. Я гречиху ту пареную ел так: по зернышку, каждое зернышко очищал. Некуда было торопиться.

В Пушкинских казармах меня звали Стариком. Борода отросла долгая-долгая, черная.

Зимой начался тиф. И к весне из восемнадцати тысяч военнопленных в живых осталось только двое. Мертвых складывали напротив лагеря в штабель. За зиму большую скирду сложили. Потом, когда тиф угас, стали разбирать ту скирду. Вывозили и зарывали где-то неподалеку, в овраге. Зарыли б и меня в том овраге, если бы не свела судьба с военфельдшером одним. Забыл его фамилию.

Имя только помню — Вася. Расстреляли его в сорок третьем вместе с другими врачами за непослушание и распространение сводок Совинформбюро. Так вот, когда в Пушкинских казармах начался тиф, он мне сказал: если почувствуешь, что заболеваешь, скажи, я тебя в тифозный барак не отправлю. В лагере к тому времени очистили один барак и сносили туда больных тифом. Оттуда живыми уже не возвращались. Оттуда была одна дорога — в скирду. Умирали там по-разному. Кто от болезни, а кто и от голода. Стояли там две бочки: бочка с баландой и бочка для параши. Кто мог встать, подходил, черпал баланду. А кто не мог...

Я переболел в палате. После болезни встал. Военфельдшер меня устроил в столярку. Я умел хорошо вязать рамы. Делал ручки для ножей. Мог стол сделать, табуретку. В Зимницах у нас исстари велось — всегда жили хорошие столяры и плотники. Дерево знали, чувствовали, любили.

— Нашему 1-му Дальнеразведочному авиационному полку была поставлена задача: вести непрерывное наблюдение за продвижением немецких войск юго-западнее Москвы. Немцы наступали.

Наш полк базировался на аэродроме Дягилево под Рязанью.

В Москву в главный штаб ВВС мы должны были регулярно доставлять свежие данные аэрофотосъемки.

Экипажам приходилось летать на малых высотах. Фотоаппараты были несовершенными. Чтобы сделать качественный снимок, нужно было снижаться до 1000, а иногда и до 600 метров. Полк нес большие потери.

10 ноября 1941 года поступил приказ: сфотографировать участок дороги Малоярославец—Рославль. На задание улетел один экипаж — не вернулся. Другой — тоже не вернулся. Мне комполка: «Ну, Соколов, твоя очередь. Ты-то хоть, военком, вернись».

Скоростной бомбардировщик — машина хорошая. Экипаж мой тоже надежный. Штурман Володя Юдин. Стрелок-радист Зайченко. Вылетели во второй половине дня. Погода пасмурная. Облачность 500—700 метров. Видимость хорошая, до десяти километров. Мы со штурманом переговорили: мол, погода самая подходящая, если что, нырнем в облака и — ищи нас.

Летим. Все спокойно. Перелетаем линию фронта. Немного западнее Серпухова. И тут нас обстреляли из зениток. Я вниз посмотрел: вся батарея палит по нашему самолету. Но ничего, пролетели благополучно. Вскоре вышли на нужный нам объект. Внизу шоссе и железная дорога. По шоссе движется техника. К Москве. Начинаем фотографирование. Дошли до Рославля. Там снова попали под зенитный огонь. Но и на этот раз Бог миловал. Развернулись и легли на обратный курс.

Все, думаю, задание выполнено. Теперь только бы до дому долететь. Слышу, Володя запел — от удовольствия. Он очень хорошо пел, играл на баяне. Ну прямо артист!

Летим. И вдруг рядом, борт к борту, проскочил немецкий истребитель «Мессершмитт-109». Он пролетел так близко, что от его струи сильно тряхнуло наш самолет. Штурман и радист одновременно закричали: «Фриц!»

Я крикнул им: «Стреляйте!» Пулеметы только у них. У меня, кроме штурвала, ничего. «Фрица» и след простыл. У него скорость в полтора раза выше нашей.

Я смотрю — облака редеют. Так, думаю, попались... Через три-четыре минуты полета облачность оборвалась, и мы оказались под чистым небом. Главного шанса нашей безопасности не стало. И в это время сбоку, немного сзади вновь появился немец. Он зашел так, как обычно заходят для атаки. «Стреляйте, черт бы вас побрал!» — закричал я экипажу. Никто: ни стрелок-радист, ни штурман — огня не открыли. Я маневрировал как мог: не дать немцу точно прицелиться, чтобы он не срезал нас первой же очередью. Но и «месс» огня не открыл. Он стал рядом, крыло в крыло, и начал подавать рукою знак, чтобы мы развернулись и шли за ним. Так вот оно что: сбивать нас ему было не интересно, взять в плен, привести на свою базу русский самолет...

Надо было скорее тянуть к линии фронта. Я и начал маневрировать и за счет потери высоты набирать скорость.

На мой маневр немец ответил своим. Он отвалил в сторону, сделал переворот через крыло и стал заходить в атаку. «Стреляйте!» — снова закричал я экипажу. Было совершенно ясно, что теперь-то уж немец атаковал по-настоящему. Впереди линия фронта, и упускать нас ему, конечно же, не хотелось. А летчик он был хороший, мы в этом убедились. А теперь наступала минута, когда он хотел продемонстрировать нам, какой он стрелок. «Огонь, мать-перемать!..» Тут уж выражений не выбираешь. Два экипажа не вернулись, вот и нам, думаю, та же судьба... А ребята мои молчат, не стреляют. Ни единого выстрела с нашего борта.

И тут за немцем — откуда ни возьмись — увязался наш одиночный истребитель. Немец сразу прервал атаку, сделал необходимый маневр, чтобы уйти от трассы, выпущенной нашим истребителем. Они завертелись в небе, завязали свой бой. И, когда мы были уже на довольно большом расстоянии, стрелок закричал: «Сбил! Дымит! Падает!» Я спросил: «Кто — кого?» Он ответил: «Понять трудно».

Вот и наш аэродром. Садимся.

На земле сразу начали разбираться, почему не стреляли пулеметы. И что оказалось! Оружейники так густо смазали подвижные части пулеметов, что они едва двигались. Дело чуть не до драки дошло. Комполка тут же приказал привести в порядок пулеметы на всех машинах и сказал, чтобы помалкивали, потому что, если о случившемся станет известно в Особом отделе, оружейников ему придется подбирать новых...

Вечером во время ужина к нашему столу подошел молоденький лейтенант в летной кожаной куртке. Спросил, не мы ли сегодня были на самолете СБ в районе Серпухов—Медынь—Мятлево? «Мы», — говорю я, а сам думаю: на «особняка» вроде не похож... Тогда он представился: «Младший лейтенант Женя Григорьев!» Так и сказал: «Женя Григорьев!» Попросил нас всех, весь экипаж, зайти в штаб истребительного полка и подтвердить, что он вел бой с немецким истребителем и сбил его. Мы все трое обняли его, нашего спасителя. Забыли и про ужин. Пошли в штаб ИАПа. Он был тут же, неподалеку. Написали рапорты: да, наблюдали воздушный бой, да, «мессер» задымил и завалился.

В августе 1942 года я неожиданно получил письмо от своего брата Виктора. Виктор воевал в штурмовой авиации. Он писал, что недавно, мол, в своем полку встретил старшего лейтенанта Женю Григорьева, что тот рассказал ему о нашей встрече на аэродроме Дягилево. Витя намекнул в том письме, что находится в районе Сталинграда.

Это было первое и последнее письмо от него. Написано оно было наспех. Витя даже забыл впопыхах указать обратный адрес, номер полевой почты.

И вот в 1975 году, когда отмечалось 30-летие Победы, меня пригласили земляки на родину, в школу, где мы до войны учились. Моя родина — Россошь Воронежской области. И там, на родине, я встретил полковника Алексея Григорьевича Емельянова, бывшего штурмовика. Он воевал с моим братом Виктором в одной эскадрилье. Он-то мне и рассказал, когда и как погиб брат.

28 ноября 1942 года на Сталинградском участке фронта. Цель, по которой они работали, именовалась «питомник». Виктор повторил подвиг капитана Гастелло. О нем писали газеты.

Алексей Григорьевич рассказал, что да, действительно, их полк прикрывали истребители, и среди них был Женя Григорьев. Он всем запомнился постоянной жаждой летать и драться. Запомнился он и тем, что первым в истребительном полку погиб в воздушном бою над Сталинградом.

И я запомнил его. Они оба, брат Виктор и истребитель Женя Григорьев, в моей памяти рядом. Они мне оба братья.

1942—1943 годы

— На Варшавке дело было...

Мы возвращались из разведки. Десять человек. Ходили через линию фронта — армию Ефремова искали. 33-я тогда выходила из-под Вязьмы. А нам, разведчикам, приказ: встречать выходящих и выводить их по безопасным коридорам сюда, на позиции нашей 50-й армии.

Никого мы не встретили. Четверо суток бродили по лесам, заходили в деревни, спрашивали. Нет, никто не проходил. Как потом оказалось, Ефремов выходил северо-западнее нашего участка. Однако я не к тому. Стали мы возвращаться, и на выходе уже случай у нас такой вышел...

Самое опасное — перейти Варшавку. По шоссе часто передвигались немецкие патрули — легкие танки или бронемашины с пулеметами. Попадешь на такой патруль — крышка. Варшавку решили переходить рано утром. За две недели до этого, днем, напоролись на пулемет. Стали переходить и — попали. Троих в плащ-палатках принесли... Дождались, когда рассветать начнет, когда самый сон, и побежали. Бежим! Вот уже противоположная обочина в двух шагах. А оттуда подхватывается такая же группа, человек десять — немцы! — и нам навстречу! Тоже, видать, разведка. Из нашего тыла возвращалась. Я своим: «Назад!» Немцы тоже что-то закричали. Мы — назад прыгнули. Они — тоже. А один немец впопыхах замешкался и к нам попал. С перепугу не туда прыгнул. Лежит — ни живой ни мертвый. Молчит. Мои ребята его выспятками да из траншеи выпихивают — к своим, мол, беги. Как он бляснул туда, через дорогу! Да с криком! Ребята засмеялись, так и грянули все разом. Слышим, и немцы за дорогой гогочут. Ладно, без стрельбы обошлось, и то хорошо. А расходиться все же как-то надо. С минуты на минуту патруль может появиться. Смотрим, немец один встал, автомат за спину закинул, кричит: «Иван, ты — правее! Я — левее!» Слышим, зашумели, и вправду левее поползли. Только спины из кювета виднеются. Тогда я своим рукой махнул — выходить правее. Не обманули, пулемета там ихнего не оказалось.

Шоссе мы перешли благополучно. Никого на этот раз не потеряли. Так и разошлись.

— В апреле нам выдали сапоги. До этого, уже по воде, ходили в валенках.

И вот нам дают задание взять «языка». А дело было под Баскаковкой Всходского района Смоленской области.

Пошли. В группе шестеро. Шли по компасу. Чтобы не потерять ориентира и не вернуться к своим. Всю ночь проходили. Нигде нам удачи не было. Промокли насквозь.

Вышли на вырубку. Присели отдохнуть. Рядом деревня. В деревне немцы. А уже светало. Надо было возвращаться. Возвращаться с пустыми руками, с невыполненным заданием. Галкин опять с нами. И говорит: «Да, братцы, видать, мне сегодня детонатор кусать не придется». Ему: «Да пошел ты к черту! Командир за такую разведку шею намылит». — «Намылит, не намылит, а завтра в ночь опять идти». — «Это уж точно». Сидим так, тихо рассуждаем о своей горькой участи и вдруг видим: по дороге идет немец. Винтовка закинута за плечо. Идет, посвистывает. Не боится. Как у себя на родине. А чего ему бояться? В деревне сильный немецкий гарнизон. Мы даже танки видели.

Мы сразу присели. Поползли к дороге. Рассредоточились. Не первый раз в разведке. Зимой через «нейтралку» ползали, через минные поля, под пулеметами, а тут как на прогулку вышли. Лежим. Немец все ближе. Посвистывает. Снег поддает. Настроение у него хорошее, видать, письмо от фройляйн получил. Сбили мы его с ног. Винтовку он успел снять с плеча. Вырвали мы у него из рук винтовку. В рот — кляп. Скрутили. Только с ним управились, глядим, оттуда же, из деревни, еще около взвода идет. Увидели нас, закричали, стали стрелять. У них же у каждого унтера и сержанта, и даже у более нижних чинов, бинокли.

Мы — ходу. Они погнались. Видать, хотели отбить своего. Четверо из нашей группы прикрывали отход. Мы, двое, немца волокли. Снег, помню, глубокий, бежать тяжело. Немец тоже тяжелый, да еще упирался. Я ему тогда стволом его винтовки — в бок. Ага, понял, побежал живее. Лес голый, не спрячешься от пуль. Мы бежим, слушаем, как группа прикрытия из автоматов стреляет. Два автомата, три, четыре... Все живы. Стреляют экономно, прицельно, короткими очередями. Чем глубже мы уходили в лес, тем сильнее немцы стали отставать. Вскоре совсем прекратили преследование. Последний раз ударили три раза залпом из винтовок и ушли.

Весь день бродили по лесу. Свечерело. Наконец, вышли к железнодорожной станции. Станция — Баскаковка. Вышли неосторожно. Нас обнаружили. С вышки часовой осветил прожектором и обстрелял из пулемета. Немцу мы сразу голову нагнули. Жалко такого немца терять. Мертвого не потащишь. Мы уже мертвых таскали. Знали, что командир эскадрона тут же назад наладит. Немец и сам стал голову прятать.

Когда мы уходили от преследования, потеряли ориентир. И возвращались уже другой дорогой. Заблудились. Вот это было страшно. Ну, думаем, если тут гарнизон большой, сейчас вышлют взвод и окружат. Решили так: если станут окружать, немца придется пристрелить. Ползем, снег месим. Пули трассирующие поверху идут. Выползли. Свалились в лощинку. Станцию обошли и вышли на свою тропу, которой накануне входили. Стрельба позади прекратилась. Погони не было. Слава тебе, Господи!

Немца вел я. Винтовка его у меня в руках была. Когда вышли из-под обстрела и сели на снег отдохнуть, он мне по-русски и говорит: «Сержант, давай закурим». — «Давай! — говорю. — Чего ж не закурить? Только курить будем твои». — «Гут», — говорит. А когда я его обыскивал, пачку сигарет забирать не стал.

Развязали мы ему руки. Закурили.

Утром мы немца привели в полк. И снова получили награду! Да какую! По шесть пачек папирос и по шесть пачек махорки! О! Тогда, в окружении, это была большая награда.

— Был у меня немецкий автомат. Трофей. Модно тогда было щеголять с немецким оружием. А достался мне тот автомат вот как...

Стояли мы тогда уже подо Ржевом. Из-под Сухиничей нас перебросили севернее. Полк пополнили и — туда.

Какое-то время, как всегда, стояли во втором эшелоне. Потом перебросили в первый. И сразу — на Вазузу, на тот берег. Переправились, помню, ночью. Идем. Батальон углубился в лес. Мы, связисты, разматываем катушки. За лесом показалось поле. За полем какая-то деревенька. Остановились. Новый приказ: окопаться в полный профиль на случай танковой атаки.

Танковая атака — дело серьезное. Начали спешно закапываться в землю. И усталости не чувствовали.

Пока было непонятно, где немцы. Из деревни они ушли сразу, как только увидели нашу колонну. Побросали все, даже кухню свою забыли. И вдруг по цепи: тихо сняться и уходить. Еще не рассвело. Возвращались по проводу. К утру вышли на опушку, подзаправились трофейными галетами и консервами. Уснули как убитые.

Утром наладили связь. Немцы из минометов постреливают. Время от времени бомбят переправу через Вазузу. Ни боеприпасов нам, на этот берег, ни продовольствия почти не поступало. Так основательно немцы опекали переправу.

Выставили мы боевое охранение. Отделение пехоты. Наш командир взвода и один связист ушли с боевым охранением к опушке леса. Время от времени я выходил с ними на связь и тут же докладывал начальству: все спокойно. И вдруг утром, чуть только рассвело, пропала связь с группой боевого охранения. Беру автомат и иду «по нитке».

Шел через лесок. Вскоре обрыв нашел. Видимо, думаю, осколком перебило. Быстро зачистил, соединил. Только пошел назад, прямо над головой — автоматная

очередь. Я залег, лежу. Тишина. А может, думаю, случайная очередь? Приподнялся, стал оглядываться, и тут пули ударили у самых ног. А когда я падал, успел приметить впереди неглубокую впадинку. Вроде как старая воронка. Пополз к ней. Тот, кто держал меня на мушке, сразу понял мой маневр и открыл частую стрельбу короткими очередями. Пули буквально из-под рук и ног вырывали землю, но — удивительное дело! — ни одна из них меня не задела даже. Видимо, стрелок был так себе. Однако пролежал я под его присмотром долго. Ладно, лежу. А у нас, у связистов, правило было такое: если связь нарушена, на повреждение должны выходить с обеих сторон. Гляжу, с той стороны бежит Григорьев, связист наш из боевого охранения. Я уже хотел было окликнуть его, но тут, боковым зрением, увидел, как в перелеске справа кто-то перебежал, и тут же оттуда послышалось: «Хенде хох!» Я сразу и секанул туда очередью, так половину диска и выпустил. Григорьев, гляжу, тоже залег, только одна винтовка его с примкнутым штыком виднеется. Вылезает из кустов немец с поднятыми руками. Я не успел встать, а Григорьев его уже в живот штыком тычет. «Погоди, Григорьев! — кричу. — Надо его в штаб доставить».

Привели, а ротный нас и спрашивает: «А где же его оружие?» — «Не было, — отвечаем, — при нем оружия. Вот, одна граната была». Ротный недоверчиво посмотрел на нас. Будто мы его в нужнике поймали, этого немца... А сами думаем: а ведь и не заглянули в кусты, не поискали около. Заспешили со своим трофеем в штаб. Автомат-то немец где-то там бросил.

Отпустил нас ротный. Я тогда Григорьеву и говорю: «Будешь возвращаться, посмотри в кустах, поищи автомат. В меня-то он из автомата пулял. Так что автомат где-то там лежит».

Вечером встречаемся. Снимает с плеча немецкий автомат с полным рожком и протягивает мне: «На, — говорит, — это твой. А другой у меня взводный отнял. Увидел два, дай, говорит, один». — «Как два?» — «Так. Там, в кустах, немец убитый валялся. С автоматом. Ты его, видимо, очередью уложил».

— Лето сорок третьего было жарким.

Наш 686-й артполк двигался по направлению к Болхову.

Впервые я здесь увидел наши самоходные артиллерийские установки. Танк не танк, пушка не пушка... А маневрирует и стреляет ловко.

На подступах к Болхову целиком погиб наш взвод управления.

Полк вошел в какую-то деревню. Немцев оттуда только что выбили. Мы с радистом Барковым пошли разыскивать свой взвод.

Ребята, оказывается, расположились в ровике под огромной ракитой. Ровик тот остался от немцев. Видимо, в нем стояла машина или тягач. Поговорили мы с командиром взвода и пошли вниз, к речке. Хотелось пить. Да и умыться надо было после пыльной дороги. Пот, жара. И только мы гимнастерки расстегнули, на горке ухнуло, листья с ракит посыпались. Побежали мы к ребятам нашим. А там такое месиво, что и глядеть страшно. Кто убит наповал, кто тяжело ранен, кто в агонии бьется, стонет. В бою таких потерь не несли. Вызвали мы с Барковым по рации санинструктора и начали перевязывать тех, кто еще подавал признаки жизни.

Наши батареи начали бить по ржаному полю, откуда прилетел фугас. Рожь загорелась. Немцы ответили. Тогда наши развернули еще несколько орудий. Немцы ударили из минометов. Я только запомнил, как ухнули первые мины. Мы с Барковым побежали в лощину. Земля подо мною вдруг вздыбилась, в лицо и в грудь ударило горячим. Опрокинуло, куда-то поволокло. Я вскочил и побежал дальше. Так и не понял, что это было: то ли мина под ногами взорвалась, то ли я в свежую воронку упал. А может, то и другое сразу. Но остался я невредимым.

Пехота пошла прочесывать ржаное поле. И тут, во ржи, поймали двоих власовцев. Одеты они были в немецкую форму, но нашивки имели особые. Ох, как их гнали ребята, как волокли! Прикладами! Выспятками! И штыками в задницу подкалывали! Никто их не пожалел. И командиры молчали. С пленными немцами в сорок третьем такого уже не позволяли. Не знаю, довели они их до штаба или нет.

Перед Болховом полк остановился. Начали закапывать орудия. Два дивизиона поставили на прямую наводку. Задача была — ударить по окраине города, где закрепился противник, где работали его пулеметы и где должны были размещаться минометные батареи. Но снаряды полк имел только бронебойные. Ждали танковой атаки, к ней и готовились. А тылы наши отстали.

Заняли мы немецкую траншею. Закопали орудия. Поделили сухари. Кухня тоже где-то отстала.

Болхов горит. Или немцы жгут. Непонятно. Пехота снялась и переместилась куда-то вперед, левее.

Налетели «юнкерсы». Но не бомбили. Несколько раз заходили, но то ли не заметили наших орудий, то ли другую цель искали, а только ни одной бомбы не сбросили. Погодя разгрузились возле речки. Что они там бомбили, не знаю. Может, просто сбросили бомбы, чтобы назад гружеными не лететь, а может, кого-нибудь из наших на броду все же прихватили. Улетели. А искали они, видимо, нашу танковую бригаду. Танки были тщательно замаскированы снопами ржи в поле.

Вскоре к нам в траншею приполз повар. Мы его в шутку звали Вассером. Пожилой дядька. Приволок термос со спиртом. «А где же суп?» — спросил его командир взвода. «Там, в поле остался», — сказал Вассер. Оказывается, напарника его убило. А термос с супом нес напарник.

Взводный разозлился. Спирт приказал вылить на землю. Помолчали мы, погоревали молча, но, что поделаешь, приказы командиров не обсуждают.

И тут во ржи объявилась немецкая самоходка. Она начала стрелять по нашим позициям. Высунется, ударит и — назад. Мы не успеваем ее засечь! Подвижная, маневренная, осторожная. Ударит и уйдет. То одно наше орудие кверху колесами, то другое.

Я включил рацию, настроился на их волну. Слышу, немцы совсем рядом переговариваются. Но обнаружить самоходку невозможно. Батареи начали бить вслепую. Но только хуже сделали: полностью обнаружили себя. Она, собака, нам девять орудий из двенадцати изуродовала. Два дивизиона — почти целиком! Это те, которые мы выкатили на прямую наводку.

Вскоре загудели под снопами наши танки. Видимо, получили приказ — вперед. Пошли мимо наших позиций к городу. И тут наблюдатели заметили, что на окраину города немцы срочно перебросили около тридцати грузовиков с пехотой. Мы за ними наблюдаем в бинокли: куда же они дальше поедут? А из штаба полка, как потом выяснилось, за немецкими грузовиками с пехотой тоже наблюдали. Машины вскоре скрылись за холмом. Прошло несколько минут — и вдруг немецкие цепи появились прямо перед позициями нашего артполка.

Самоходка все била и била. И зажгла один танк прямо возле крайнего орудия. Танкисты выскочили, вытащили пулемет, установили его в ячейке и начали стрелять по немецкой пехоте.

А те валят и валят густыми цепями. Волна за волной. Много, не меньше полка. Не бегут — идут. Не стреляют. Подошли совсем близко, видны даже пуговицы на мундирах.

Я связь со штабом полка наладил. Командир кричит им туда: «Давай огня по высоте! Быстрее!» — и выругался.

И вдруг впереди, где шли немецкие цепи, все загудело, затряслось. «Катюши» сыграли. И накрыли всю высоту. Один только снаряд не долетел, упал позади нашей траншеи. Мы все прижались к земле, потому что было такое ощущение, что снаряды реактивных установок накрыли и нас. Был произведен всего лишь один залп. По времени — это несколько секунд. Наступила тишина. Только слышно было, как трава и земля горели впереди. Ни крика, ни стона, ни единого движения на высоте, как будто там и не было ничего живого.

Вот так закончился тот бой.

Мы встали со дна траншеи, отряхнули с гимнастерок землю. И тут пошел проливной дождь. Промокла даже рация. Я попробовал включить ее — бьет.

Вечером за пушками пришли тягачи. Уволокли на ремонт и подбитые орудия.

Болхов был взят в тот же день.

Через несколько дней мне вручили первую боевую награду — медаль «За боевые заслуги».

Вскоре мы узнали, что освобожден Орел.

— Во время Сталинградской битвы мы сперва стояли под Владимировкой. Обеспечивали связь вдоль железной дороги в сторону Астрахани.

Немцы часто бомбили эшелоны. Наша задача была — сразу после очередного налета восстанавливать и обеспечивать связь.

Нас было двенадцать человек. Вскоре осталось только пятеро.

Летал над нами наш самолет Як-3. Пролетит, крыльями качнет. Мы ему руками помашем. Свой же! А неподалеку от наших блиндажей стояла зенитная установка. Расчет девчат дежурил, станцию охранял. Месяца, может, два истребитель тот летал. Мы уже привыкли к нему. А однажды он нас вдруг обстрелял.

Ночью немец пробомбил. А утром мы полезли на столбы, поправлять сбитые с изоляторов и порванные провода. А он в это время пролетел, развернулся. Мы со столбов глядим: «Братцы, так это ж он в атаку заходит!» И точно, обработал нас изо всех пулеметов. Сразу двоих ранило, а третьего почти наповал.

Хорошо, девчата-зенитчицы увидели, как он на нас спикировал, дали очередь и тут же, первыми попаданиями, сбили его. Так и накрыли. В щепки!

Подбежали: летчик-то не наш, форма на нем немецкая, офицерская! Летал, гад, вдоль дороги, высматривал наши эшелоны. И дальше бы так летал, вынюхивал, свои самолеты наводил, если бы нервы не подвели.

— После окончания лейтенантской школы меня зачислили в 686-й артполк 415-й стрелковой дивизии.

В январе полк вышел к железной дороге Ржев—Сычевка. Нужно было перерезать ее, оседлать большак. А в марте я повстречал своего бывшего однополчанина, с кем воевал под Зайцевой горой и под Сухиничами. Так получилось, что наш 686-й артполк должен был огнем поддерживать батальоны 336-го стрелкового полка. Начиналось наступление на Вязьму.

Бегу на передний край с командиром взвода управления. Траншея неглубокая. Снайпер бьет, так с бруствера снег и срезает. Связь наладили. За ночь аккумулятор у рации сел, и я пошел за новым. Вот тут-то и повстречал я батальонного писаря. Долго поговорить не пришлось. С высотки начал бить немецкий пулемет.

«Как там наши?» — спросил я у писаря. «А из наших никого уже и не осталось. Один Заика цел, да я вот. Остальных... Кого убило, кто в госпитале».

Пополз я дальше. Немцы стрельбу усилили. Мне из траншеи кричат: скорее, мол, ползи, а то сейчас из миномета бить начнет. Перевалился я в траншею, лежу. Немцы стреляют из пулеметов — пули над траншеей веером разлетаются. Слышно даже, как они там, на высотке, кричат и топочут.

На следующий день сделали артподготовку и — вперед! Командир взвода управления мне говорит: «Давай, Антипов, рацию на плечо и — с пехотой вперед!» Что ж, с пехотой так с пехотой, мне к пехоте не привыкать, сам из пехоты.

Немцы не особо цеплялись за свои позиции. Мы легко сбивали их. Крупных боев до самой Вязьмы не было. Остановимся, постреляем и — вперед!

Подошли к Вязьме. Город горит. Ни одного дома, ни одного жителя. Запомнилось вот что: возле железнодорожной станции огромные кучи угля горят красно-черным огнем, и дым далеко стелется по окрестностям.

После взятия Вязьмы наш артполк погрузили в эшелон и, ночами, транспортировали на юго-восток. Однажды утром я вылез из теплушки, огляделся и узнал станцию Кошняки. В Кошняках стоял всего один дом. Стоял тот дом рядом с железной дорогой. А кругом — много стогов сена.

Следующей ночью мы были уже в Калуге. Но и там долго не задержались. Наш эшелон направлялся под Белёв. Так мы к лету оказались на правом крыле Орловско-Курской дуги.

— Наша вторая эскадрилья удачно штурмовала переправы. Как-то так сложилось. Целая серия вылетов на штурмовку переправ, и все удачные. И задачу выполняли, и возвращались без потерь. Везло. И мы в полку считались уже мастерами по переправам.

А надо заметить, что переправы свои немцы охраняли особенно тщательно. Зенитные батареи, «эрликоны», истребители.

Ниже Остроленки на Западном Буге наши разбили немецкую переправу. Но немцы быстро, как они умели это делать, навели понтонный мост.

И вот нам приказ: уничтожить понтоны и таким образом задержать переправу отступающих немецких колонн через Западный Буг. Действовать решили так: со своей территории на бреющем идем прямо на переправу; идем во фронт — все двенадцать самолетов. И по команде ведущего одновременно бросаем бомбы. А у нас у каждого по четыре стокилограммовых бомбы. Сто кило — чушка хорошая.

Так и сделали. Выскочили из-за леса на бреющем, все двенадцать машин, — вот она, переправа. Вот зенитные батареи. Колонны техники. Танки, тягачи с орудиями, мотоциклы. С ходу отбомбились. Вышли на немецкую территорию, развернулись на 180 градусов. Набрали немного высоты. Заходим в атаку и бросаем машины в пике. Ударили из пушек и пулеметов. Снаряды по трассе ложатся хорошо. Хорошо вижу свои дорожки — по воде, по понтонам, по колонне, по земле. Там, внизу, месиво. Паника.

Стал выводить самолет из атаки. И в это время немецкий зенитный снаряд ударил в мою левую пушку. Пушка располагалась в центроплане на левой плоскости. Разворотило не только пушку, но и обшивку. Мой самолет начало швырять. Никак не вырву его из пике. Земля уже близко. С парашютом выбрасываться поздно. Смотрю, нос мой понемногу поднимается, поднимается. Вытянул кое-как. Но заметил: чем меньше скорость, тем меньше и крен. Так, на минимальной скорости, и дотянул до своей территории. Гляжу, Алеша Третьяков прикрывает меня, не бросает. Эскадрилья уже ушла вперед, домой. А Алеша со мною остался. Высоты у меня уже совсем нет, метров десять-пятнадцать. Чувствую, что самолет все ниже и ниже. Третьяков мне машет: мол, садись! Хорошо, что поле внизу. Я — на живот. И пошло меня швырять. Кувыркался долго. Но жив остался.

Упал я в расположение нашей танковой части. Танкисты подбежали, вытащили из машины. Кое-как я очухался. Танкисты обрадовались, что я живой. Повели к себе. И давай угощать! Как-никак — коллеги! «Илы» на фронте называли летающими танками. И работали мы с нашими танкистами очень часто вместе — против немецких танков. Они видели нашу работу. Уважали нас. Мы их — тоже. Они видели, какими мы возвращались домой. Бывало, летишь, а от тебя куски обшивки отрываются. «Рус фанэр!» Но — тянешь. Глядишь, и сел. За ночь техник залатает пробоины, заплаток наставит, и — опять вперед! Так что мы на своей «фанэре» лихо летали и дрались отчаянно.

На другой день пошел я к своим пробираться. Надо было выйти на дорогу Варшава—Белосток. Пошел. Танкисты хотели провожатого дать, но я отказался, сказал, что дойду и сам. Прошел лесок. Вышел на поляну. И что я увидел...

Столько побитых людей сразу, в одном месте, я не видел больше нигде. Трупы лежали сплошь. Иногда один на другом. От леска и до самого шоссе. Видимо, рукопашная была. Я как увидел все это, даже испугался и вытащил из кобуры свой ТТ. Иду. Понимаю, что здесь уже нет живых, а — страшно. Жутко сделалось. Многие уже раздеты. Поляки раздели. Жители. И не понять уже было, где наши, а где немцы. Я смотрел вокруг и думал: сколько ж людей на одном поле полегло! Сперва я обходил трупы. А потом пообвык, стал перешагивать. В одном месте, смотрю, лужица — вода, и к этой лужице, с трех сторон, три солдата...

Мы победили немцев в том числе и количеством. Они тщательно подсчитывали свои потери.

У нас списков погибших не было. Они попросту не велись. Мы своих не жалели. В музее нашего штурмового полка списка всех погибших в годы войны нет. Я спросил, хотел узнать, когда погибли мои товарищи. Хотел уточнить, чтобы поминать их. Нет списка!

Был, помню, у нас начштаба Лупачев. Подходили мы уже к границе Германии. Летали удачно и не теряли никого. Базировались на полевом аэродроме где-то возле Бромберга. Полетим, отработаем по целям и — назад. Все целы. В небе к тому времени мы уже главенствовали. А зенитки научились сразу подавлять. И он нам, начштаба, раз и говорит: «А не жульничаете ли вы, ребята?» Мы все время взаимодействовали с пехотой. Пехотинцы же видят, где и как мы работаем. Пехота пошла, танки двинулись, мы поддерживаем их, идем совсем рядом, иногда метрах в пятнадцати-двадцати впереди. На бреющем пропахивали немецкие окопы, блиндажи, пулеметные гнезда. Артиллерию накрывали, танки, самоходки. Мы атаковали рядом с пехотой. А штабники в те атаки не ходили. И, когда наша кровь лилась рекой, им казалось, что это и была настоящая война. А когда мы стали воевать лучше, почти без потерь... Не в обиду им говорю. Так было.

Человек есть человек. Каждый воин стремился воевать честно, поразить врага. Но хотел и свою жизнь сохранить. Иногда чувство самосохранения оказывалось сильнее других. Однажды мы вылетели на задание — бомбить немецкий аэродром. Что такое аэродром? Это — прежде всего мощная система ПВО. Зенитки. Мы их, конечно же, боялись. От истребителя можно было отбиться, уйти. Но если в самолет попадал зенитный снаряд, его иногда разносило в куски. И вот летим. Впереди показался аэродром. С ходу выходим на цель, ложимся в атаку. А ведущий наш вдруг — вираж и в облака! Атаки не получилось. Отбомбились как попало. Прилетели, спрашиваем его: «Что ж ты?» А он и по званию старше нас, и опыта боев у него побольше. И орденов. А вот... Он и говорит: «Ну не смог!» Может, предчувствие было нехорошее. Потом ничего, летал, дрался отважно.

— Когда я думаю о войне, я думаю о своих товарищах. Из них уже почти никого не осталось в живых. Из моей второй эскадрильи 189-го гвардейского ордена Суворова штурмового авиаполка 4-го штурмового корпуса остался я один.

Вспоминаю своих стрелков.

Стрелки в штурмовой авиации гибли чаще. Они почти не были защищены. Вспоминаю Гришу Рудого. Лихой был парень. Отличный стрелок. Его крупнокалиберный пулемет так и работал, так и рокотал. Когда он вел огонь, я был спокоен: «мессеров» он ни за что не подпустит.

Однажды, под одним польским городком, мы бомбили железнодорожную станцию. Выстроились «колесом», чтобы «мессеры» не подошли, и начали раскатывать немцев. Работали всей эскадрильей. И вдруг видим — от станции по шоссе покатил мотоцикл. Командир мне: «Романов! Догони!» А мне за ним гнаться — дело недолгое. Я срезал круг, зашел прямо на него, обдал снарядами. На вираже глянул: мотоцикл валяется. Вот и все, думаю. А стрелок кричит: «Лёнь, а он жив!» — «Ну ударь ты по нему!» Зашел. А Гриша Рудой мне: «Не могу. Зайди покруче». Захожу. А я его уже тоже увидел: прячется за деревом. Вдоль шоссе огромные такие деревья стоят. Я дал очередь, так, для имитации атаки. И немец сразу перебежал за дерево. Проскочил я то дерево и пошел над полем с набором высоты. А Гриша, когда я наклонил крыло, ударил длинной очередью из своего безотказного УБ. Слышу, кричит: «Все, командир! Пошли!»

Вспоминаю, как мы спасали друг друга от немецких зениток. «Эрликоны» нас били на высоте 400—500 метров в момент, когда мы выходили из атаки. Вот тут они веселились! Тут они нас распекали! Как попадешь в их трассу... Если снизу заработал «эрликон», по прямой не иди, маневрируй, вправо-влево машину кидай. Из зенитных орудий немцы били тоже довольно точно. Идешь на высоте

800 метров, снаряды рвутся точно на нашей высоте. Смотришь, разорвался снаряд справа. Ага. Я тогда самолет вправо, к разрыву, и подтягиваю. Все, следующий снаряд уже точно не мой. А молодые летчики, глядишь, пошли шарахаться от разрывов. Нервы не выдерживают, хладнокровия нет. А снизу немцы все видят. Если зенитчики опытные, они сразу отбивают этот самолет в сторону и весь огонь — по нему. Глядишь, повалили...

В авиации выдержка — главное оружие.

Что такое боевой вылет? Сказать легко: «Боевой вылет». А слетать...

Сидим на КП. Прибегает посыльный: «Вторая эскадрилья! На вылет!» Маршрут проложен. Задача: уничтожить аэродром противника. А там не только зенитки и «эрликоны», но и дежурные «мессеры». Мы это знаем. В голове это все стоит. Техник докладывает, какие бомбы и какие на них взрыватели. Садишься в кабину и ждешь. Ждешь ракету. Когда она взлетит.

Вот тут-то и начинается. И думы всякие в голову... И ноги затрясутся. Прижмешь, помню, к педали, и сквозь зубы: «Да не дрыгай ты, ёшь-твою!..» У всех это было. Думаешь: неужели в последний раз лечу? Механик кричит: «Ракета!» Ох, слава тебе Господи! Кончилась пытка. Запускаешь двигатель. Все сразу, все страхи-сомнения куда-то деваются. Начинаешь действовать. Пошла работа. Выруливаем. Друг за другом. Порядок давно известен и отработан до автоматизма. Побежали по взлетной дорожке. Два километра бежит самолет. Бежит, бежит, бедолага. Скорость все больше. Смотришь, руля стал слушаться — схватил. Вот уже начал помаленьку отрываться от земли. Подпрыгнул. Еще раз подпрыгнул, уже дальше. И — оторвался. Тянешь вдоль земли. Держишь его пока у земли. Не надо спешить. Пусть так — вдоль земли потянет. Самолет тяжелый, с полным боекомплектом. Ага. Скорость пошла-пошла-пошла! Двести пятьдесят! Двести семьдесят. В набор! Пош-шел. Уже хорошо слушается руля. Встаешь в свой ряд. Но тут опять начинаешь думать: почему немцы не стреляют? Где они? Вот тут опять коленки могут задрожать. Погодя смотришь, зенитки ударили. Ага. Вон они. Все как всегда. Двое наших отрываются и пошли на них в атаку. Кто кого! Ребята мчатся прямо на зенитки. Нас прикрывают. Зенитки атаковать — опасная работа. Это все равно что на львов охотиться. Потом летим назад. Двоих или троих с нами уже нет. Сбиты. Думаем: кого потеряли? Хорошо, если на горящих машинах до своих дотянули. Тогда, может, через день-другой в полк вернутся. Если во время посадки не взорвутся, не разобьются. Попробуй посади горящий самолет. Машина уже ни руля не слушается, ни высоты нет, ни скорости. Падает. Шасси не выпускаются. А если и сам еще ранен, если «мессер» прицепился и добивает, всаживает в машину очередь за очередью...

Летчиками мы стали только в сорок пятом году. Научились. Немцы перед отправкой на фронт должны были налетать 700 учебных часов. У нас было по 23 часа! Но мы их уделали!

А бывало, и своих бомбили. Неразбериха. И по соседнему аэродрому отработаем. Однажды, это было под Довском, мы вдвоем в непогоду сели к соседям. А на них днем раньше наши налетели, отбомбили, сожгли один самолет, американский двухмоторный бомбардировщик «Бостон». Под ним погиб техник. Вот так. Радиостанции не работали. А летчики — новички, из пополнения. Залетели, глянули, а на взлетной полосе незнакомые самолеты, которых на своих аэродромах они никогда не видели... Вот и шарахнули.

Сели мы, а на нас там смотреть не хотят. Говорят: «Что ж вы, сволочи, вчера натворили!» А наш полк — с желтыми колпаками. Они как увидели желтые колпаки на пропеллерах наших самолетов, так чуть не в драку.

Много наших могил от Москвы до Берлина. «Илы» лежат везде. И чем дальше на запад, тем их больше.

Везде лежат наши соколы, ребята из штурмовых авиаполков. Лежат три состава и нашего 946-го, а затем 189-го гвардейского штурмового авиаполка.

А я все еще лечу. Снится иногда: лечу. Может, к ним и лечу.

Терпи, мужайся, верь
*Письма Василя Витки**

11 сент., птн.

Моя милая, моя любимая Олеся!

В ответ на твои умные, хорошие, сердечные письма, которых я так долго ждал, и все мучился и боялся, что у вас что-то случилось, раз ты не пишешь, посылаю вот тебе три стихотворения. Это из того цикла, о котором я тебе писал. Правда, стихи эти не в моей манере, не в моем стиле, но мне показалось, да и просто чувство подсказало, что писать о горе, о несчастии народа надо с такой силой, с таким чувством — естественным, простым и волнующим, с каким в «Слове о полку Игореве» на стене Путивля плачет Ярославна, или так, как причитывали и голосили когда-то белорусские женщины в своих знаменитых плачах и народных проклятиях. Правда, нельзя механически брать форму старой песни и приспосабливать ее к новому содержанию. Мне кажется, что мои эти стихи слишком уж просты, чем я и недоволен, именно потому, что я, взяв форму народной песни, не совместил ее со своим собственным, свойственным мне, поэтическим качеством, найденным в лирических стихах, написанных в Белостоке и уже во время войны («Горкі вырай» я тебе послал и «Гартаванне»). Поэтому-то они, может быть, и примитивны. Хотя все хлопцы — Максим Танк, Кузьма Чорны, Машара, Бялевич очень расхваливали их. Я знаю, что они могут подкупить чувством, но мысль, настоящая, открывающая стих, поэтическая мысль, здесь отсутствует, что нельзя сказать о многих моих стихах других.

Но я здесь шел сознательно на популярность. Ведь народ, те же несчастные пленницы — белорусские девушки в Кельне и Берлине, они-то будут помнить свою родную песню? Именно они ее в неволе, эту давнюю материнскую песню, в которой когда-то пелось о тоске девушки, вышедшей за немилого, в «чужой, далекий край», который чаще всего был просто соседней деревней за две-три версты, эту песню они вспоминают уже в перевоплощении, вложат в нее, в те же привычные, готовые образы, свое девичье горе, до того навидались горя рабыни не мужа, не свекра-самодура, не злой свекрови, которой ничем не угодить, а рабыни-пленницы, дочери угнетенного, осмеянного, обесславленного народа, когда и собственный дом, и родная земля дороги и живут только в воспоминаниях, как надежды на спасение.

Недавно я выступал с этими стихотворениями на радио для Белоруссии. В своем выступлении я специально обращался к девушкам Белоруссии. Девушки! Несите песню по всей земле. Пусть она будит народ, как когда-то в далеком прошлом ходили по нашей земле лирники с песней-призывом, и песня звала людей на осознание своего достоинства, своих прав.

Тексты этих песен взял у меня Исаак Любан. Пишет музыку. А он, ты ведь знаешь, глубоко понимает и чувствует народную песню, колорит ее, хотя бы «Бывайце здаровы», которая обошла весь Советский Союз. Правда, Любан *(нрзб.)* по своему характеру весельчак и балагур, и я боюсь, что ему не удастся передать той глубокой грусти, свойственной этим песням. Хотя, вообще, что говорить впустую. Напишет — посмотрим. Тогда и будем говорить.

Напишу я еще несколько песен для этого цикла. А потом все же буду продолжать те темы, которые мне наиболее близки. Это тема, на которую я думал писать еще задолго до войны, а сейчас она приобрела еще большую ясность. Полдень

---

* Дается в авторской редакции. Окончание. Начало в № 4, 2010г.

человеческой жизни, зрелость, познание самого себя — связь личности с судьбой народа, который тоже дожил до ясного полдня, до зрелости, и вот опять на него обрушилась ночь. Но именно в борьбе этого человека, личности, как и народа в целом, с темной, страшной силой и кристаллизуется ясность этого полдня, этой настоящей зрелости. Если бы я был композитором, мне кажется, что я с большей ясностью выразил бы это в музыке, в симфонии, скажем, чем в поэме. Я тебе, кажется, писал, что по дороге из Минска, пролежав всю ночь на Могилевском шоссе, под пулеметами немецких бомбардировщиков и не надеясь на жизнь, я в то утро очутился в лесу, и вот пережил такое чувство, которое и убедило меня, что есть в нашей природе сила, которая сильнее смерти. Никогда я так не радовался каждому древу, солнцу, траве и не понимал их значения, как в то утро. Вот почему, когда ты мне описывала, как ты в оршанском лесу принимала нового, только что родившегося человека, я обрадовался, что мы с тобою вместе пережили одно чувство и одну мысль. Надо радоваться жизни, родной земле, но быть для нее зерном, а не пустоцветом. Помнишь мой маленький стих о том, что я завидую не листу, который прилип к дереву и трясется вместе с ним под дождем и ветром, боясь оторваться и упасть, потому что внизу — бесплодие, а зерну, которое, наоборот — радо малейшему дуновению ветра, радо буре. — Упасці, упасці! Каб новым нарадзіцца дрэвам і зноў пад ясным сонцам выспяваць. Даже мои товарищи почему-то не понимают этого стиха и доныне. Говорят, что это уж слишком глубокая философия. Но разве надо бояться нового? Будем радоваться не только чувствам, но и мыслям! В этом наша зрелость!

7 октября, ср.

Люсинька!

Я жив-здоров, чего и тебе желаю и своим деткам. Люсинька, есть такая новость. Партизаны, приезжавшие в Москву на митинг, передавали, что семья Михася Лынькова жива. Находится в Стародорожском районе. Там работала учительницей его сестра Аня. Возможно, что они туда и подались в деревню. Правда, подробнее никто ничего не знает, но этот факт — большая надежда. А если спаслась Ханна Абрамовна с сыном, то надо думать, что и Геню она не оставила[1]. И если они не вместе, то знают друг о друге. Правда, много уже пришлось слышать всевозможных слухов, но может быть, на этот раз все это будет, наконец, правдой. Сейчас Михась старается подробнее узнать обо всем. Тем более, что возможности такие есть, есть там и люди наши, и связь с ними поддерживается. Целую тебя, родная, целую. Целуй наших деток.

Твой Тима.

9 октября, птн.

Здравствуй, Люсинька!

Получил твою открытку, писаную разноцветными чернилами. Вчера я послал тебе газеты простой бандеролью. Получаешь ли ты? Прочти речь Александровской на втором белорусском митинге. Там она и меня называет в числе активных деятелей литературы. Тут у нас (*нрзб.*) с новым мероприятием. Хотят издавать литературный журнал «Полымя рэвалюцыі», что выходил в Минске. Если это дело выйдет — будет хорошо. Будет где напечататься нашим писателям и поэтам. Максим Танк собрался ехать к Любе, хочет перевезти ее из Саратова в Уральск. Да, я тебе не сообщил, что Эльман уже в нашем ЦК работает. Вижу его часто. Замечательный, умный он человек. Не знаю, почему сорвали его с работы в Новосибирске. Здесь пока могли и без него обойтись. Это человек дела, а не высиживания канцелярского... Хорошо, что вас не выселяют на (*нрзб.*), а то это стоило бы больших хлопот. Обнимаю тебя, родная, и целую. Привет. Твой Тима.

[1] Геня — родная сестра О. Г. Крысько — была женой брата М. Лынькова Рыгора. Обе были расстреляны фашистами в Старых Дорогах вместе с детьми.

Василь Витка. Фото военных лет.

27 октября, вт.

Милая Люська! Сегодня получил твою открытку. Она написана на два дня раньше, чем письмо, а пришла позже. Но и это хорошо. Твои письма стали быстрее доходить. Люська! Я тебе писал о семье Лынькова, что она жива. Недавно получил известие о том, что жива и здорова семья Ильи Гурского, живет в деревне. Об этом сообщила в письме, присланном из Минска через одного человека, жена Исаака Любана, композитора. Она живет в самом городе, в прежней своей квартире. Пишет, что Гурского встретила на базаре. Климковичиха тоже в Минске. Просит «передать Климковичу, что живем плохо». Она думает, что он в Москве. А он вряд ли выбрался. Его захватила война в Литве. Был там на курорте. Передает привет и что очень скучает и жена Глебки. Она тоже в Минске. Помнишь, они жили на одной улице с нами, за переездом. Видимо, пожалела оставлять свой дом и усадьбу. Сообщает Любаниха и такую печальную весть. Расстреляли немцы многих крупнейших профессоров — Ситермана, Дворжеца, известного детского врача Гуревич, женщину (это, видимо, ту, что Вилика лечила). Над Ситерманом издевались. Заставляли его возить бочку с водой по улице и избивали. Тяжело даже писать об этом.

28 октября, ср.

Здравствуй, моя Люсинька!

Вчера я тебе писал о том, что есть сведения о семье Гурского. Сегодня зашел к нам в радостном настроении Бровка. Пришедшая оттуда женщина ему рассказала, что проходила через его деревню и видела его мать, говорила с ней, даже показала ей газету, в которой было стихотворение. И для старухи, и для сына — большая радость. Пусть бы кто-нибудь из нашего края пришел. Но вряд ли. Это очень далеко. Но, по слухам, и наши случаки не подкачали. И там сильно развито партизанское движение. Вообще, хозяевами действительными в Белоруссии являются партизаны. Во многие районы и деревни немцы боятся даже нос показать. Но наш колхоз вблизи от двух больших дорог — шоссе на Слуцк и старый (*нрзб.*) шлях. Видимо, все деревни там сожжены, и людей тоже уничтожили. Хотя, что гадать. Потом все узнаем. Целую.

1 декабря

Милая моя Люсинька!

Приехал вчера вечером. Первым делом позвонил Чорному. И вот страшная новость. С ним случилась тяжелая вещь — паралич и кровоизлияние в мозг. Ревекка Израилевна сама позвонила мне не из номера, а из коридора, и рассказала эту историю. Надо будет сегодня обязательно хоть взглянуть на него. Но к нему никого не пускают. Говорят, что сейчас ему уже лучше немного. Смертельная опасность миновала. Дай бог, чтобы все обошлось хорошо. Ведь такое горе, такое несчастье. Этот человек ведь вся наша литература, ее слава, ее зрелость.

Сегодня в ЦК видел Гурского. Вся его редакция и хлопцы в Москве. Газета выходить не будет. Ждут назначения. Завтра напишу тебе подробнее. Сердечный привет всем. Как мама?

3 декабря

Здравствуй, Олюська!

Ходил я к Чорному. Никого к нему не пускают. Но как раз он спал, и я вошел. Реню просто не узнать. Так она, бедная, изменилась. Еще больше осунулась и постарела. Врачи отмечают улучшение, но опасно, что страшная эта болезнь измотает человека.

Пришел я на работу, прочел все твои письма, и особенно взволновало меня письмо — обзор нашей с тобой жизни. И так мне стало обидно на самого себя. Ведь вот в письмах сколько у нас настоящих чувств, сколько ты мне высказала заветных хороших мыслей. А я пробыл с тобой столько дней, а по-настоящему не передал тебе даже тысячной доли того, что хотелось бы отдать, высказать. Почему это так? Может, потому, что вокруг такая тяжелая обстановка, слишком много суетной обыденщины, миллион забот и хлопот. А ведь как мне надо тебя ценить и дорожить тобой. Люська, напиши подробно о детках. Как здоровье их. Целую вас, мои милые. Тима.

21 декабря

...Люсинька, я тебе говорил, что собираюсь менять место работы, но пока вопрос не решен. Работаю по-старому. Правда, определили меня в издательство. Организовывается сейчас. Входят туда Гурский, Крапива, Глебка, я и художник Борис Малкин. Пока организационный период, поэтому я совмещаю и то, и другое — и работу в ЦК, и издательство. Целую всех вас. Тима.

25 декабря

Милая Олюська!

Вчера вечером было первое совещание работников издательства. Рассматривали план издания книг белорусских. Среди них и моя книжка под названием «Горкі вырай». Намечено много издать произведений, только бы удалось все выпустить. Сейчас готовимся к митингу белорусской интеллигенции. Состоится 8 января. К Аркаше в Москву приехала в гости жена. Алесь Кучар тоже вызывает свою Любу погостить. Они не виделись с начала войны. Вчера заходил к Чорного семье. Эти дни что-то ухудшилось состояние Кузьмы. Повысилась температура. А до этого все шло хорошо. Он уже даже поднимался с постели и собирался к Новому году выписаться. Будем надеяться, что так и будет. Почему ты не напишешь мне подробно, Люсинька? Целую тебя и деточек. Тима.

31 декабря

Милая, хорошая моя Олюська, мои дорогие деточки!

Итак, сегодня последний день 1942 года. Завтра Новый год. Обнимаю и целую вас, мои родные и милые. С Новым годом, с новым счастьем! Дай бог нам в этом году встретиться навсегда и уже более никогда-никогда не разлучаться. Получил по почте от тебя письмо, пересланное с отъезжающей дамой. Неужели у вас такие суровые морозы? Это просто страшно. Люсинька, позавчера и вчера я смотрел в МХАТе «Вишневый сад» и «Кремлевские куранты». В «Вишневом саде» такие киты, как Книппер-Чехова, Качалов, Тарханов. Впервые их видел. Люська, узнай, можно ли по твоему адресу послать тебе посылку? Я что-нибудь постарался бы собрать из продуктов. Ты пишешь, что довольна работой. И я за тебя доволен, милая. Может, тебе веселее будет в коллективе. Сердечный привет и поздравления всем.

1943

9 января

Здравствуй, мамочка!

Вчера у нас был литературный вечер. Правда, рассчитывали на большую аудиторию, но собралось немного, в основном наша вся белорусская колония. Были партизаны, и среди них прославленный батька Минай. Небольшой доклад

сделал Лыньков, а потом выступали поэты. Я прочел «Гартаванне». Был намерен еще читать несколько стихотворений, и в том числе новое, но как-то по прочтении первого сразу же машинально сбежал со сцены и вспомнил, что собирался читать еще, только тогда, когда сел на место. Не возвращаться же обратно. Немножко неприятно получилось у Аркадия. Он читал стихотворение о расстрелянной семье Миная, видимо, не зная, что в зале сидит сам Минай, сидит и плачет.

После выступления поэтов был концерт белорусских артистов. Их приехало много из разных концов света. Выступала Ржецкая (очень скверно читала стихи Купалы), Ильинский хорошо читал монолог из «Нестерки». Кроз, Чепова и Таланкин очень хорошо исполнили ряд вещей. Сегодня состоится собрание интеллигенции. Говорят, что тоже будет большой концерт. Завтра и послезавтра платные концерты для московской публики в театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Вот почти что и все основные новости.

Что у меня? Похвалиться нечем. В общежитии холодно. Сегодня достал еще одно одеяло, а сверху накрылся матрасом — и было тепло. Но очень сырой воздух. Правда, меня обещают поселить в другой комнате. Там теплее, там топят.

Люсинька, как у вас, тепло ли, не мерзнете? Неужели такими морозами ты Вилика отправляешь в ясли, ведь у него нету ни шубы, ни даже пальто теплого? Я знаю, что сейчас тебе, родная, нету времени, но ты старайся почаще мне сообщать о себе, о здоровье деточек.

Крепко тебя обнимаю и целую, мамочка. Поцелуй моего милого сыночка и дочушку. «Агуецик, не ходи на тот конецик…»

Сердечный привет папе, маме, Еве, всем, всем. Как здоровье мамы?

Твой Тима.

P. S. Посылаю тебе пригласительный билет на мое выступление — приезжай.

18 января, пн.

Милая моя, родная Олюська!

Не представляю себе, как вы там выдерживаете такие морозы. У нас тоже сильные, но все это время погода стоит ясная, солнечная. Олинька, позавчера я узнал печальную новость. Под Сталинградом убит Хвядос Шинклер. Ты его хорошо знаешь, и наши знают, мы гостили с ним вместе в Гомеле. Все редеют писательские силы. Все сейчас очень жалеют, что не вызвали его в свое время в газету. Сегодня утром был у Чорного, он поправляется. Хорошо сегодня сам вставал, ходил, да вот грипп подвернулся, и сейчас опять лежит с температурой в постели. Получил письмо от Бориса. Он был где-то полмесяца в отлучке, на учении. Люсинька, эти дни я не ночую в своем общежитии, пристроился в гостинице у своих хлопцев. Надо будет совсем перейти сюда на это холодное время. Получила ли ты мою посылку? Целую тебя и деточек. Тима.

21 января

Милая Олюська! Сегодня у нас такая новость. Гурский и Глебка узнали, что награждены орденами Красной Звезды за работу в газете «За свободную Белорусь!», Кучар и Панченко медалями «За боевые заслуги». Газету они хорошую издавали и очень жаль, что ее закрыли. Потом еще такое дело. Мне присылал как-то письмо отец Басина. Я тогда ничего не знал о его сыне. А сегодня узнал, что он умер во время эвакуации, как будто в Чкаловской области. Об этом можно будет подробно узнать у одного журналиста, Сулимчик его фамилия. Он сейчас в армейской газете. Басин умер при нем от разрыва сердца. Если отец-старик об этом не знает, то, пожалуй, не стоит ему сейчас об этом говорить. Люсинька, неужели ты не получила моих конвертов и открыток? Я тебе послал их очень много. Пошлю еще. Целую тебя и деточек. Тима.

2 марта, вт.

Здравствуй, родная Олюська!

Эти несколько дней я не мог даже черкануть несколько слов. Очень плохо было с Чорным, и я не отходил от него ни днем, ни ночью. Сейчас ему стало

лучше, и после кровопускания все опять пришло в норму. Было очень высокое давление крови, а отсюда и все последствия.

Родная Оленька! Бланк на посылку я все еще не получил. Ты его послала заказным, и плохо сделала. Надо было ценным письмом. А может быть, еще получу. Говорят, что заказные дольше идут, чем простые.

Сегодня имел письмо от Гани. Пишет, что внес на строительство танков 7.500 рублей. Молодец. Я послал тебе первый номер «Партизанской дубинки». Напишешь свое впечатление. Скоро пришлю № 2. Ну, моя родная, не забывай. Целую тебя и деток. Тима.

11 марта

Здравствуй, Люсинька!

Давненько от тебя уже нет писем. Пойду и сегодня в ЦК узнать, может, что-нибудь есть. Все эти дни хожу и ухожу назад несолоно хлебавши. Чем тебе похвалиться? Особенно нечем. Никаких новостей. За это время ничего не написал. Правда, читаю. Каждый день бываю у Чорного. Его здоровье улучшается. Врачи уверяют, что еще пару месяцев — и он сможет работать. Эти дни у нас теплая, весенняя погода, сходит снег, сохнут улицы, но настроение что-то неважное (*нрзб.*). Хочется какой-то кипучей деятельности, работы, а ее нет, а выдумывать ее не умею и не хочу. Буду просить в ЦК, чтобы меня послали куда-нибудь в Беларусь, трудно ждать у моря погоды. Целую тебя и деточек. Пиши, Олюська.

13 марта

Милая Оленька!

Ну, вот у меня и есть чем похвалиться тебе. Помнишь, ты все удивлялась, почему я даже не поседел за это время. Тогда, видимо, ты не заметила, потому что после своего возвращения я нашел на висках у себя много седых волос. А сейчас их все прибавляется. Хорошо, что у меня светлые волосы, а то были бы черные, то виски мои, а особенно за ушами — был бы почти сивый мерин. Вчера заключил с Издательством официальный договор на издание своей книжки стихов «Горкі вырай». Может, бог даст, хоть на старости моих лет да выйдет все же книжка. Тираж небольшой — 2000. А гонорар не весь сейчас, а только 60%. Получу и вышлю тебе. Благослови. У нас уже почти сошел снег. Мокро и на душе, и в сапогах. Целую тебя и деточек. Твой Тима.

20 марта, суббота

Добрый день, моя Оленька!

В этом году, видимо, будет очень ранняя весна. Все эти дни теплые, солнечные. Улицы Москвы уже почти высохли, снег сошел, только в переулках еще грязно и мокро. Я уже сбросил свои сапоги. Собственно, не потому, что тяжело в них ходить, а потому, что они уже сами с ног слезли, развалились. На днях ездил в больницу проведать Мельникова. Он, бедняга, мучается с язвой желудка и уже второй раз попадает в больницу. От Бориса и Гани что-то ко мне нет давно уже писем. Здоровье Кузьмы Чорного улучшается, он уже надеется, что через месяц какой-нибудь опять возьмется за романы. Оленька, пиши мне на адрес Издательства, а то ЦК переехало в новое место. Пиши Москва, Большой Черкасский, 6, 3 этаж, издательство ЦК КПБ «Советская Беларусь» или на адрес «Известий». Пушкинская пл., 5, «Известия», ред. газ. «Сов. Бел.». Целую.

3 апреля

Здравствуй, милая моя Люсинька!

Ну, вот и меня весна подвела. Было уже так хорошо, тепло, сухо, а позавчера пошел снег и опять навалило столько грязи, что в своих туфельках только прыгаю через лужи.

Оленька, я получил твое письмо, в котором ты пишешь, что Вилику нужны ботиночки. А потом в следующем письме ты почему-то вдруг начала извиняться

как бы, что написала это. Оленька, напрасно. Я ведь и сам знаю, что у тебя и у деток ничего нет. К чему же тут извинения. Я тебе писал, что купил Вилику трикотажный костюмчик и теплую кофточку. Как бы это сейчас пригодилось деткам, да вот как вам послать. Если только кто из Кургана здесь покажется, то я перешлю. Сёма Мельников знает хорошо всех курганских, и я через него устрою.

Насчет ботиночек Вилику. Надо обязательно купить. Я перевел тебе 1000 рублей, и на днях Литфонд перевел тебе 1000 или полторы. Сегодня постараюсь зайти туда и узнать, сколько они тебе послали.

Оленька, вышел № 3 «Партызанскай дубінкі». Я тебе пришлю. Получила ли ты два первых? Больше «Дубінка» выходить не будет, потому что параллельно два издания нецелесообразно издавать… Решили издавать только «Раздавім фашысцкую гадзіну». Редактором ее назначили Крапиву. Кузьма Чорны с успехом поправляется. Сегодня утром зашел к нему, а он сидит за столом и пишет фельетон. Реня уже пошла работать, и он очень рад, что его дома оставляют одного, совсем как взрослого.

Был вчера весь вечер у него. Удивительно, что наши воспоминания о Слутчине никогда не иссякают. А он так умеет рассказывать о людях, о характерах, вспоминая даже какой-то пустяк, что просто *(нрзб)*.

Люсинька, у меня тоже открытки вышли, поэтому я и реже стал писать. На почте нет, но, видимо, бывают. Как только появятся, куплю и для тебя, и для себя. Очень удобно, и можно каждый день писать. Ну, целую тебя всю, всю. Поцелуй от меня Виличка и Наточку. Мой привет папе и маме и всем родным. Ваш Тима.

6 мая, чт.

Здравствуй, Оленька!

Вчера был День печати. Был на собрании в Колонном зале Дома Союзов. С докладом выступал Емельян Ярославский, а потом был концерт. Со вчерашнего дня у нас стала теплая хорошая погода. Надо будет сбросить плащ и ходить в костюме. Вместе с этой открыткой посылаю по открытке для детей. Это детские и очень хорошо сделаны. И картинки, и мораль. Если только там ваши почтальоны не прикарманивают, то детки будут довольны. В Москву из Ташкента приехал Якуб Колас. Будет на III Всеславянском митинге. Обнимаю тебя и целую, родная. Целуй деточек. Тима.

25 мая

Здравствуй, Оленька!

Вчера получил от тебя открытку, в которой ты сообщаешь, что денег из Лит. фонда еще не получила, и сразу же отправился в Литфонд узнать, в чем дело. Мне показали документ. Оказывается, эти полторы тысячи тебе высланы, так как я и писал, еще 10 апреля, но, может быть, задержка и недоразумение в том, что они ошибочно не указали на переводном бланке номер дома. Все правильно — и адрес, и фамилия, только не указан № дома. Но неужели это могло послужить причиной для курганских почтовых чиновников, чтобы не вручить тебе деньги? Ведь почтальон должен знать уже твой адрес, а если и нет, то могли же они выяснить в адресном столе, где и под каким номером живет такая гражданка, как Ольга Григорьевна Лерман.

Как жалко, что из-за прихоти ваших чиновных почтмейстеров ты не получила денег. Оленька, на всякий случай зайди сама на почту, если ты не догадалась уже сама этого сделать. Правда, может, уже поздно, и деньги они вернули обратно. Но мне в Литфонде сказали, что если они и не вернули, то мы вышлем эту же сумму и попросим через московскую почту выяснить.

Вот, черти, это *(нрзб.)*, а я надеялся, что ты их давно уже получила. Почему же ты хоть раньше не сообщила мне об этом? Хотел было сегодня дать тебе телеграмму, чтобы зашла и выяснила — где твои деньги, да, пожалуй, она дойдет не раньше, чем это письмо.

Оленька, мне вчера звонила по телефону сестра Симхи. Гора не идет к Магомету, так Магомет к горе. Правда, в данном случае поговорка, может, и некстати. Потому что я еще зимой звонил на ее место работы, но там не работает телефон, оказывается. Мы с ней договорились встретиться. На этой неделе она работает до 8 вечера, но надо будет нам держать связь, может, через нее я смогу переслать тебе кое-что, что мне надо получить сегодня по ордерам. Получу — напишу подробнее что, а то и сам пока не знаю. Оленька, я писал тебе, что Кузьма Чорны сейчас в Доме отдыха. И еще одна большая новость — нашелся Пилип Пестрак. Он там (где-то в Пинских лесах). На днях привезли сюда его жену с двумя сыновьями. Помнишь, перед самой войной она ему (*преподнесла*? — *Ю. Ч.*) двойню. Так вот они пробирались на восток и где-то под Минском одного из близнецов утеряли. Возможно, что где-нибудь годуется у добрых людей. Возможно, что самого Пестрака тоже заберут сюда, а то ведь два года человек действует, да еще как. Молодец. Вот это настоящий человек. Сердечный мой привет всем, всем.

Обнимаю тебя и целую. Поцелуй моих деток.

1 июля, чт.

Здравствуйте, мои милые, мои хорошие — добрый день!

Обнимаю и целую Вилиньку — ведь он именинник. Через год-два будет учиться в школе. Только бы на своей родной земле и на своем родном языке.

Оленька, он понимает хоть, когда ты ему читаешь белорусские стихи? Он будет все понимать, а особенно, когда поживет в деревне. А в деревне пожить — это и моя заветная мечта, мы уже с Кузьмой Чорным сговорились после войны ехать в Тимковичи, на его родину, там уцелела его хата на две половины, одну займут они, а другую мы. И так будем жить. После войны думаю пойти в учителя — какая это хорошая профессия! Заберемся где-нибудь в Полесье и будем жить. А Вилика именно в таком возрасте надо учить языку — настоящему — живому, народному, а не по книгам. Ведь я помню, меня самого привезли в деревню из Омска, и я ни одного слова не понимал, что говорили дети, и все бегал к маме, она была переводчицей. После дождя увидел лягушку. И кричу бабушке, а она глухая и русского языка, безусловно, не понимает:

— Бабушка, бабушка, лягушка!

— Якая, унучак, галушка? Гэта — жаба.

Тогда мне тоже было, как сейчас моему сыну, 6 лет. И вот прошло года два-три, и я говорил так же, как и все мои окружающие. Больше этого, я помню, что новый язык (литературный), на котором я встретил и стал читать Купалу, Богдановича, Алеся Гаруна, сперва удививший меня («у нас так не говорят»), а потом ставший глубоко кровным и родным, потому что я на нем мыслил. Когда я встретил фамилию Валянцін Катаеў, я катался со смеху по земле. Человеку, воспринимающему фонетику слова по-своему, конечно, представляется, что вот — какой-то Валентин поймал кота и ел его себе преспокойно. Но все это, конечно, глупости. Прошу прощения!

Сегодня у меня очень хороший день. Спокойно, без всяких болей спал всю ночь. А днем даже вообще никаких болей в суставах. Вчера делали рентгеновский снимок колена, но он еще не готов сегодня, так что не знаю, что там — как я там вышел. Уж старался, чтобы поза была самая красивая, а выражение лица, если не умное, то хотя бы полуумное. Первые дни у меня не было никакого аппетита, а сейчас начал есть как самый нормальный и здоровый человек... Я чувствую, что скоро буду ходить, а это — самое главное... Оленька, пиши обо всем подробно на адрес редакции, мне передадут. Обнимаю вас и целую, мои милые. Ваш Тима.

16 октября, сб.

Добрый день, моя милая Оленька, мои хорошие детки Вилик и Наточка!

Ну вот, сегодня я выписываюсь из госпиталя, наконец. Пролежал ровно четыре месяца. Поправился, так растолстел, что вы и не узнали бы меня. Хожу помаленьку, но все еще с трудом. Дали мне месяц отдыха (*потрепано на сгибе*. — *Ю. Ч.*). Если

выхлопочу Дом отдыха под Москвой, то поеду. Очень хочется увидеть вас, мои родные, и я бы мог приехать, да боюсь. Ведь я настолько залежался и даже отвык от воздуха, что такая большая дорога может испортить дело. Да, собственно говоря, не я, а вы уже должны ехать ко мне, чтобы вместе возвратиться на свою землю. На днях выехал уже в Беларусь Первый театр. Дело идет сейчас к радостным событиям. Возьмут наши Гомель, впереди Могилев, а там и Минск наш. Оленька, я вчера решил, что ты опять пойдешь работать в театр. Так что готовься. У тебя сейчас большой жизненный опыт, и много ты приобрела таких качеств, которые только помогут тебе. Сейчас начальником Управления Искусств Пилип Пестрак.

Оленька, пролежал я четыре месяца, столько времени пробездельничал, ни одного стихотворения нового не написал. Я такой лентяй? Страшно.

Книжка моя должна скоро выйти, если не забраковала Главлит Дадиомова... Рассказывали мне, что она требовала, чтобы я писал так, как Лебедев-Кумач, что стихи мои непонятны. Придралась к названию даже «Горкі вырай» (*прим.: книжка вышла под названием «Гартаванне»*). Говорят, Глебка с ней за это поругался, обозвал ее дурой. Глебка — редактор книжки, и он отстаивал каждый стих. Ну да черт с ними со всеми. Лишь бы только мне стать твердо на ноги, окрепуть, а там… Я с ними даже дела не стану иметь.

Поеду куда-нибудь на Полесье. Да, я писал тебе, что Климкович нашелся? Он был в своем районе Борисовском. Пахал землю, занимался хозяйством, а сейчас в Москве, партизаны доставили.

Оленька, как же Вилик таким холодом будет ходить в сад? Не надо. Пусть будет дома. Почему же ты мне не прислала своей карточки? На деточек я смотрю каждый день и, бывает, так расчувствуюсь, что плачу. Были бы вы здоровы, мои милые, уже не много осталось времени, когда мы опять будем вместе. Обнимаю и целую вас. Ваш Тима.

1944

30 января

Здравствуйте, мои милые! Не писал тебе, Оленька, эти дни, потому что редация готовилась к отъезду. Думал и я выезжать, да отсоветовали. Остался я в Москве, несколько дней отдыхал, а сейчас приступил к работе в журнале «Беларусь» отв. секретарем редакции. Редакция размещается там, где издательство (Б. Черкасский), но там холодно, да и никто из наших там и не сидит, работаем дома. Книжка моя «Гартаванне» подписана к печати, вчера читал. Написал новое стихотворение для своего журнала. Мы, видимо, пробудем здесь до весны, пока не освободят Минск, ведь для издательства нужна хорошая типография. Здоровье мое улучшается, хожу лучше. Правда, успел второй раз переболеть гриппом. В Москве оттепель, лужи стоят — такая тяжелая для меня погода. Бывают дни, что совсем не выхожу из дому — работаю, читаю. Прочел «Хождение по мукам», сейчас «Тихий Дон». Пиши, Оленька, на прежний адрес, мне передадут. Целую всех вас. Ваш Тима.

20 февраля, воскресенье

Добрый день, мои милые Олинька, Вилинька и Наточка!

Олинька! Вчера получил твое письмо. Неужели это Вилику пора готовиться в школу? Не надо бы спешить, Олюська. Это, конечно, радостно, что у нас такой уже большой сын, но для школы он еще мал. Что-то последнее время я каждую ночь вижу деток. Боже мой, хоть бы они были здоровы! У нас в эти дни стала настоящая зима, крепкий мороз. Наконец пригодились и валенки. Хожу в них и чувствую себя очень хорошо. Оленька, я тебе писал, что писатели в основном почти все в Москве, ну а наша редакция, видимо, еще не так скоро выедет в Гомель. Со мной в журнале Гурский, Чорны, Вольский, Лужанин, Евгений Морольков (русский переводчик), жена Чорного (машинистка), жены Бровки и Климковича (корректоры). Климковичиха очень тобою интересуется и просила передать привет, что я и делаю.

Белорусский театр (первый) из Томска переезжает в Гомель. Видел Гайдарина (?), он поехал в Гомель готовить базу.

Вчера с Гурским послали письмо на «Сельмаш» Генкину и Соболенко с просьбой написать статью для журнала. Журнал пользуется большим успехом. Со всех концов Союза летят письма о подписке. В «Правде» и «Известиях» были помещены о нем очень хорошие рецензии. Надеемся № 2 сделать еще лучшим. Я тебе выслал и журнал, и альманах — читала ты?

Оленька, я живу надеждой, что скоро с вами увижусь. Если Бог даст, все будет хорошо, то эта весна, наконец, должна ускорить нашу встречу. Если останемся в Москве, то буду стараться, чтобы забрать вас сюда, лучше устроиться где-нибудь за городом, но знать, что вместе, и видеть вас, чем за тысячи километров.

Оленька, очень хорошо, что ты взялась за художественное чтение. Поздравляю тебя с успехом. Это даст тебе хоть моральное удовлетворение, а то боюсь, что тебя совсем заездили, как ломовую лошадь. Страдалица ты моя, милая. Оленька, здоровье мое крепчает, хожу без палки, да только вот в последние дни только сердце немного побаливает. Все же болезнь, видимо, отразилась на нем. Но я не придаю этому значения и особенно не прислушиваюсь к нему — черт с ним! Стараюсь почаще выходить на свежий воздух.

Оленька! Я, видимо, почувствовал приближение весны. Эти дни с особым удовлетворением, в каком-то творческом порыве пишу стихи. И очень рад, что кончилось лентяйство, которое мне всегда мешало творчески работать. А может, это потому, что сейчас у меня есть для этого условия. Есть стол, теплый угол и никто не мешает моим поискам в навозной куче ячменного зерна.

Видел людей из «Советской Белоруссии». Рассказывают, что всё понемногу устраивается. Почти ежедневно выходит газета, живут и работают в Ново-Белице, она наиболее сохранилась. Из ЦК потребовали туда писателей, соскучились, наверно, без них. Поедут, видимо, Лыньков, Крапива и Бровка.

Оленька, на днях перепишу начисто стихи новые и вышлю тебе. Интересно, что ты скажешь. В них я нашел очень много новых своих возможностей, поэтических, но по теме — фактически продолжается «Горкі вырай».

Пиши, Люсинька. Обнимаю вас, мои родные, и целую крепко-крепко. Почему ты не пишешь о Наточке в последнем письме? Поцелуй моих хороших деток и скажи им, что это целую их я.

Ваш Тима.

14 марта

Здравствуйте, мои милые Оленька, Вилинька и Наточка!

Что у меня нового? Почти ничего особенного. Видел жену Максима Танка — Любу. Она с сыном переехала ближе к Москве, в Орехово-Зуево. Их сын Максим уже говорит. Люба передавала тебе привет. Недавно на правлении Союза писателей Алесь Кучар читал свою новую пьесу. Как видишь, скоро у нас не будет критиков. Вольский — драматург, и Кучар — драматург, и драматург хороший, настоящий. Сейчас он работает в нашем журнале. Эти дни у нас сыро, слякотно, и мне опять приходится браться за палку. Написал новые стихи, и что главное, — из Цімоха Крысько стал Васіль Вітка. Так подписаны во втором № журнала мои стихи. Пусть в белорусской поэзии будет еще один поэт, счастливый (*видимо, пропущено слово «пожелай». — Ю. Ч.*), пожелай ему удачи и успеха. Обнимаю и целую вас всех. Ваш Тима.

4 июля, вторник

Здравствуйте, мои милые!

Поздравляю со взятием Минска! Ну, Оленька, скоро тебе собираться в дорогу. Не знаю только, как ты с детками в такую духоту будешь добираться в Москву. И как мне быть — или съездить раньше самому, получить определенное место и тогда вас вызвать, или сейчас, чтобы еще побыть в Москве, а потом вместе выезжать и устраиваться. Не могла бы ты пожить некоторое время у Буниной,

о которой ты мне писала, а я бы за это время смог съездить и подготовить почву? Я думаю, что она не пожалеет приюта для тебя, пусть даже без прописки. Одним словом, готовься, Оленька, и как только получите официальный вызов, старайся, чтобы получить плацкартный вагон (иначе — с детьми немыслимо) и выезжай. Бери с собой только самое необходимое, что можно взять в руки. Собирайся — жди телеграмму из ЦК или Совнаркома.

Обнимаю и целую вас всех. Тима.

11 июля

Добрый день, милые мои!

Пока идут наши письма, за это время *(нрзб.)* все дальше и дальше, наши войска уже далеко за Барановичами.

Оленька! Я все же думаю, что тебе придется ехать через Москву. Я буду все делать, чтобы вместе вернуться в Минск. Сегодня я жду приезда Гурского. Он поехал в Минск, там его семья оставалась. Думаю, что к его приезду (к концу этого месяца) положение станет ясным. Типография в Минске сохранилась, весь Дом печати, это ускорит наш приезд туда. Там уже многие писатели — Лыньков, Крапива, Бровка, Глебка. Приедет Гурский — оформим твой вызов через ЦК или СНК, ты получишь телеграмму, собирайтесь выезжать, я буду встречать вас в Москве, побудем несколько дней, отдохнем и поедем дальше, а там, на родной земле, легче будет, ведь свои люди, помогут. Целую тебя и деток. Всем сердечный привет. Тима.

16 августа

Здравствуй, милая Оленька!

Надеюсь, ты уже получила вызов и собираешься в дорогу, а главное — развязалась со своей работой. Не знаю, как тебе лучше ехать. А может, вместе с папой вы выедете (правда, ему в Гомель), но можно ведь, чтобы он с тобой прямо в Минск поехал, помог тебе, а оттуда в Гомель нетрудно выехать. Оленька, телеграммы (правительственные) за подписью Зам. председателя совнаркома т. Шаврова посланы на имя Секретаря Горкома партии. Думаю, что горком тебе и папе поможет получить плацкартные места — потребуйте, они обязаны это сделать, раз вас правительство вызывает. Одним словом, собирайтесь, мои милые. Если б удалось счастливо добраться — молю Бога. Надеюсь, что к твоему приезду я также буду в Минске и получу квартиру. Дано указание обеспечить писателей в первую очередь. А может, еще в Москве сумеем съехаться. Я тебе дам телеграмму, когда вернусь. Обнимаю и целую вас всех. Тима.

29 авг.

Милая моя Оленька!

Сегодня получил твою телеграмму о получении вызова. Готовься, родная.

Оленька! Сегодня, наконец, получил письмо от мамы, писанное рукой младшей сестры Таси. Оно меня обрадовало и тяжело огорчило одновременно. Папы моего уже нет в живых. Его немцы замучили в тюрьме. Когда, за что — не знаю, но, видимо, за то, что он организовал колхоз, был его председателем и, видимо, за нас, за сыновей. Старшая сестра Тоня тоже жива. Выстрадали они за это время немало. Хотелось бы еще увидеть маму. Как только переедем и устроимся, надо будет ее забрать к себе, ведь она совсем теперь старая. Очень радуется за тебя, за деток. Пишет, что ничего бы на свете не хотела, как увидеть тебя и деток, своих внуков. Отдыхай, Оленька, и собирайся. Плохо, что оттянули до осени, но бог даст, все устроится. Обнимаю тебя, родная, и целую. Целуй Вилика и Наточку. Привет всем. Тима.

Публикация Юлии Чернявской

Вооруженные Силы Республики Беларусь — наследники Победы

Интервью
с Министром обороны Республики Беларусь
генерал-лейтенантом Юрием Владимировичем Жадобиным

Н. Ч. — *Юрий Викторович! Мы отметили славный юбилей — 65-летие Великой Победы. Белорусская армия достойно продолжает лучшие боевые традиции нескольких поколений защитников Родины. Какое значение, по Вашему мнению, имеют итоги и уроки героической истории нашего народа в современном военном строительстве?*

Ю. Ж. — Основной вехой нашего пути, безусловно, является Победа в Великой Отечественной войне, и именно вокруг нее с особой силой кипят интеллектуальные и политические страсти. Кипят они не одно десятилетие. Но в последние годы, особенно накануне 65-летия Великой Победы, на Западе очевидна попытка поставить под вопрос даже самое несомненное — факт основного вклада советского народа в победу над фашизмом.

Главная причина этих попыток понятна.

Решающую роль в разгроме фашизма сыграл Советский Союз, при его решающей роли создавалось и послевоенное мироустройство, позволившее по существу до настоящего времени исключить большую войну из арсенала мировой политики.

Сегодня же в условиях активных попыток пересмотра и перекройки послевоенных границ новая мощная волна фальсификации истории Великой Отечественной войны есть не что иное, как стремление к реваншу наиболее реакционных сил в мире, для чего необходим отказ от исторического и геополитического значения Великой Победы.

В истории человечества не было более яркого и великого события, чем победа над фашизмом. И пока люди помнят это и гордятся подвигом поколения, отстоявшего независимость нашей Родины, спасшего Европу от фашиз-

ма, пока могут адекватно оценивать историческое и геополитическое значение этой Великой Победы, которого не было и нет у других народов, никакой враг нам не страшен.

Одновременно из всех войн необходимо извлекать уроки, делать выводы, в том числе и для современного военного строительства. Вот только некоторые важнейшие уроки войны, которые учтены нами в ходе строительства и развития белорусских Вооруженных Сил.

Во-первых, урок о соотношении политики и военной стратегии.

Общеизвестным является примат политики, ее главенствующая роль по отношению к военной стратегии. Вместе с тем всегда было очевидным, что политику нельзя превращать в самоцель, политики в чистом виде не существует, она жизненна, когда в совокупности учитывает все важнейшие факторы, в том числе и военно-стратегические, что надо считаться и с обратным влиянием стратегии на политику.

Нежелание руководства страны считаться с этой объективной закономерностью, усугубленное коварной изощренной дезинформацией со стороны Германии, привело к катастрофе 1941 года, когда в начале войны по существу была потеряна основная часть нашей кадровой армии.

Политика предотвращения войны, не подкрепленная должной боевой готовностью Вооруженных Сил и четкой постановкой задач, оказалась несостоятельной.

Безусловно, последнее и решающее слово — за политическим руководством, но в выработке важнейших военно-политических решений должны принимать участие военные и другие специалисты, иначе политика не будет жизненной.

Именно этот вывод реализован в Беларуси, где под непосредственным руководством Президента Республики Беларусь, главнокомандующего Вооруженными Силами А. Г. Лукашенко осуществляется строительство и развитие Вооруженных Сил, опыт которого признан в государствах ближнего и дальнего зарубежья.

Во-вторых, урок о значении обороны. Опыт Великой Отечественной войны убедительно показал, что для успешного ведения войны нужно .умелое сочетание как наступательных, так и оборонительных действий.

За недооценку обороны в начале войны пришлось тяжело расплачиваться.

Оборона рассматривалась как кратковременное действие по отражению вторжения противника с быстрым переходом в наступление. Оборона в стратегическом масштабе с использованием основных сил вообще не предусматривалась. К таким действиям пришлось переходить уже в ходе войны под давлением неблагоприятно сложившихся обстоятельств.

В-третьих, очень важен урок о боеспособности войск и их постоянной боевой готовности.

Накануне войны, в 1941 году, подготовленность страны в целом к обороне и боеспособность Вооруженных Сил были значительно выше, чем их боевая готовность. Поэтому всю мощь государства и армии в полной мере не удалось реализовать.

Боеспособность Вооруженных Сил — это степень их вооруженности, укомплектованности, рациональная организация и управление, обученность и морально-психологическое состояние личного состава.

Боевая готовность — способность немедленно приступить к выполнению задач по предназначению и с максимальной полнотой реализовать свои потенциальные боевые возможности.

Соответственно особое значение имеет поддержание высокой боевой готовности войск, чтобы все боевые элементы и средства управления, обеспечения всегда были готовы к применению.

При этом именно опыт войны свидетельствует, что для того, чтобы армия была в мирное время в боеготовом состоянии, приоритетное значение должно уделяться учениям и тренировкам, в том числе с органами управления стратегического и оперативного звена.

До войны считалось, что командир роты или батальона должен систематически тренироваться в управлении подразделениями, а в стратегическом звене это не обязательно.

В результате именно органы оперативно-стратегического звена оказались наименее подготовленными к решению возложенных на них задач в начале войны.

Эти выводы полностью учтены и в ходе военного строительства, в Плане обороны, Концепции строительства и развития Вооруженных Сил до 2020 года, утвержденных Главой государства в 2008 году.

Вполне закономерным является проведение нами крупномасштабных учений, как, например, «Запад-2009», в ходе которых приоритетное внимание уделяется вопросам организации управления стратегического и оперативно-стратегического уровней.

В-четвертых, важнейшим уроком Великой Отечественной войны является урок о приоритетной роли морального фактора в достижении Победы.

Примером высочайшего морального духа всего народа явилось партизанское движение на территории Беларуси, вошедшее в летопись мировой истории как не имевшее себе равных по накалу и размаху вооруженного сопротивления. Партизаны и подпольщики уничтожили около полумиллиона солдат и офицеров противника, а контролируемая белорусскими партизанами территория к концу 1943 года составляла почти 60% общей площади БССР.

Н. Ч. — *Юрий Викторович! Как известно из истории, армия может выиграть или проиграть сражение. Войны же выигрываются народами. Насколько этот постулат актуален сегодня?*

Ю. Ж. — Вы правы. Именно решающую роль народа в исходе войны подтверждает вся наша военная история, и конечно, наша Великая Победа.

Сегодня, накануне 65-летия этого выдающегося события в мировой истории, нелишне напомнить, что именно Советский Союз, народы СССР отстояли свою независимость и внесли решающий вклад в победу над фашизмом, выполнили освободительную миссию в Европе, ликвидировав фашистское господство над большинством порабощенных народов и сохранив их государственность.

Причем, в этой священной борьбе с фашизмом, названном выдающимися гуманистами XX века врагом человечества, Советский Союз принес на алтарь победы самую жертвенную долю.

Вместе с тем на протяжении всей послевоенной истории, особенно в последние десятилетия, на Западе мировому общественному мнению усиленно стремились навязать мысль, что субъектом победы был не советский народ, не Советский Союз, а некое либеральное сообщество, победившее в отстаивании общечеловеческих ценностей.

Но есть историческая правда — это самое либеральное сообщество трусливо бежало от черной чумы, которая прошла торжественным маршем по Европе. В данном случае речь идет не о чьем-то гоноре, а о высокой правде, обращенной в будущее.

И если либерализм забыл эту правду, если он не хочет признавать очевидного, то вполне вероятно, ему придется пережить трагедию еще раз. И на этот раз риск, так сказать, «летального исхода» неизмеримо выше.

Правда, есть и иное мнение о роли народных масс, морального духа народов в исходе военного противоборства в современных условиях.

Хорошо известно, что после первой фазы «победоносной» Иракской войны в 2003 году появились публикации некоторых западных специалистов по поводу того, что небольшая профессиональная 200-тысячная армия якобы победила миллионную армию и, дескать, наступил так называемый «постгероический» этап развития военного дела, когда воюют машины, применяется высокоточное оружие и вроде бы нет необходимости народным массам проявлять волю и героизм. Более того, якобы умерла школа Клаузевица, Жукова, а советская военная школа вообще похоронена в Ираке.

Эти авторы, конечно, не понимают того очевидного условия — чтобы советскую военную школу применять в современных условиях, нужна большая нравственная сила, нужен соответствующий моральный дух. Здесь стоит вспомнить Брестскую крепость, оборону Москвы, Ленинграда, не говоря уже о том, как сражалась вся непокоренная Беларусь.

Кстати, сами американцы сегодня признают, в том числе и Фрэнсис Фукуяма в книге «Америка на распутье», что их армия, созданная после Вьетнамской войны и целиком основанная на принципе добровольности, не предназначалась для участия в затяжных конфликтах, как в Ираке. И ей чем дальше, тем сложнее будет обеспечивать комплектование и поддерживать высокий моральный дух в своих рядах.

Поэтому тезисы по поводу полигонного характера современной войны и бесперспективности усилий по обеспечению военной безопасности не более чем вымысел, а современные войны и конфликты полностью подтверждают данный тезис, как и аксиому — армия выигрывает сражение, войны же ведутся и выигрываются только народами.

Н. Ч. — *По оценкам западных экспертов, Белорусская армия является одной из самых боеготовых в Европе. Безусловно, это яркое подтверждение успехов военного строительства в Беларуси. Вместе с тем, хотелось бы узнать о перспективах строительства и развития Вооруженных Сил Республики Беларусь.*

Ю. Ж. — Наша страна, последовательно проводя миролюбивую многовекторную политику, принимала и принимает необходимые меры по обеспечению военной безопасности по следующим направлениям:

укрепление собственного военного потенциала в рамках реформирования, строительства и развития Вооруженных Сил;

укрепление военного сотрудничества Беларуси и России в рамках Союзного государства, совершенствование и укрепление потенциала Региональной группировки войск (сил) Вооруженных Сил Республики Беларусь и Российской Федерации;

участие в укреплении системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ.

Строительство и развитие Вооруженных Сил — непрерывный процесс.

В конце 2008 года Президентом Республики Беларусь — Главнокомандующим Вооруженными Силами А. Г. Лукашенко утвержден План обороны государства, учитывающий современные и потенциальные вызовы и угрозы безопасности Беларуси, изменения в подходах к ведению вооруженной борьбы.

Принята Концепция строительства и развития Вооруженных Сил, определившая основные задачи и приоритеты их развития до 2020 года в соответствии с потребностями обороны и реальными экономическими возможностями страны и окончательно закрепившая переход от этапа преобразований и реорганизации Вооруженных Сил к их плановому развитию и интенсивному наращиванию боевых возможностей.

Акцент в развитии Вооруженных Сил делается на модернизацию вооружения и военной техники и перевооружение войск.

Такой подход обусловлен, с одной стороны, возрастающими требованиями современного вооруженного противоборства, с другой — состоянием техники и вооружения.

Основные усилия будут направлены на:

перевооружение зенитных ракетных войск, ракетных войск и артиллерии;

наращивание удельного веса сил и средств, действующих в воздушно-космической сфере;

существенное увеличение доли беспилотной авиации в боевом составе войск (сил) и расширение спектра выполняемых ею задач;

модернизацию имеющихся и закупку новых образцов ВВТ для сухопутных войск;

насыщение войск роботизированными, функционирующими в автономном (автоматическом) режиме средствами поражения;

развитие нанотехнологий;

разработку концептуальных основ и создание сил для ведения противоборства в кибернетическом пространстве.

Концепция развития Белорусской армии разработана в соответствии с потребностями обороны и реальными экономическими возможностями страны. С утверждением Концепции окончательно закреплен переход от этапа преобразований и реорганизации Вооруженных Сил к их плановому развитию.

Н. Ч. — *Как неоднократно заявляло военное ведомство, учения являются основным видом подготовки войск. Так ли это важно сегодня в довольно непростых экономических условиях?*

Ю. Ж. — Экономическая нестабильность, затронувшая весь мир, еще более обострила как глобальные проблемы человечества, так и военно-политическую обстановку. На фоне роста угроз и вызовов многие государства не только не снижают темпов военного строительства, но даже принимают дополнительные меры по обеспечению своей безопасности в оборонной сфере.

Так, несмотря на мировой экономический кризис, наши соседи на северо-западе и западе не отказались от проведения мероприятий оперативной подготовки войск. В 2010 году на полигонах Латвии, Литвы и Польши спланировано проведение ряда учений как с национальными воинскими частями и подразделениями, так и с привлечением контингента других стран блока НАТО.

Опыт военного строительства, имеющийся у Республики Беларусь, также показывает, что именно учения сегодня являются наиболее экономичным, оптимальным и рациональным способом оценки эффективности строительства военной организации государства.

Безусловно, при организации и проведении мероприятий боевой подготовки мы обращаем особое внимание на целевое использование средств, правильную эксплуатацию оборудования, бережное отношение к объектам

учебно-материальной базы. В целях экономии бюджетных средств широко внедряются тренажеры. За счет их использования только в прошедшем году нам удалось сэкономить более 12,2 млрд. рублей.

Органы военного управления неукоснительно выполняют требования Главы государства по рациональному и экономному расходованию материальных средств и топливно-энергетических ресурсов в повседневной деятельности соединений и воинских частей, недопущению их утрат и недостач.

Н. Ч. — *С недавнего времени подготовка к участию в миротворческой деятельности стала одной из задач, решаемых Белорусской армией. Какие цели преследуются в этой работе и каковы ее результаты на данном этапе?*

Ю. Ж. — Стремясь быть активным участником международной системы безопасности, Республика Беларусь откликнулась на просьбу Генерального секретаря ООН и приняла решение о постепенном подключении к участию в операциях ООН по поддержанию мира.

Это обусловлено тем, что наша страна отводит первостепенную роль Организации Объединенных Наций в вопросе обеспечения международного мира и безопасности и выступает против любых несанкционированных действий в обход решений Совета Безопасности ООН.

Участие Республики Беларусь в практической деятельности по поддержанию международного мира и безопасности будет способствовать укреплению авторитета страны, станет весомым аргументом в отстаивании политических и экономических интересов страны на международной арене.

Миротворческий практикум является для нас уникальной возможностью приобретения опыта в урегулировании конфликтов в современных геополитических условиях, проведения гражданских операций по поддержанию мира, недопущения эскалации конфликта.

Начиная с 1998 года, военное ведомство планомерно осуществляло подготовку миротворцев. На специализированных курсах военных наблюдателей ООН и НАТО прошли обучение 26 белорусских военнослужащих, на курсах штабных офицеров ООН — 8 и на курсах штабных офицеров НАТО — 56 человек. На миротворческих курсах Военной академии Республики Беларусь для военнослужащих по контракту и младшего офицерского состава обучались 243 человека.

В настоящее время Беларусью заявлено о готовности выделить для участия в деятельности по поддержанию мира следующие силы:

мотострелковую роту;

патрульный взвод военной комендатуры;

штабных офицеров в количестве 15 человек;

военно-транспортный самолет Ил-76 МД с двумя экипажами летного состава и двумя группами наземных специалистов по обслуживанию воздушного судна;

группу медиков в количестве 7 специалистов (хирурги и травматологи);

мобильную поисково-спасательную команду быстрого реагирования МЧС в количестве 15 человек.

На начальном этапе предполагается направление в миссии отдельных специалистов для участия в составе многонациональных штабов, военных наблюдателей, а также в подразделения обеспечения.

В дальнейшем, с приобретением опыта, предусматривается нарастить формат участия до воинского подразделения. Немаловажно, что белорусские военнослужащие будут направляться в миссии, сопряженные с минимумом рисков для их жизни и здоровья.

Н. Ч. — *Как представитель литературно-художественного издания, я просто обязана спросить у Вас о роли литературы и искусства в военном строительстве и подготовке защитника Отечества.*

Ю. Ж. — В Республике Беларусь профессия защитника Отечества всегда символизировала высокую культуру и приверженность прекрасным творениям человеческого гения.

Особенно это важно в современных условиях. Ведь именно культура важнейший фактор обеспечения национальной безопасности государства, прежде всего, в сфере, где борьба ведется за умы и сердца людей.

Вполне закономерно, что Белорусская армия верна глубокой традиции духовной культуры.

В Вооруженных Силах создан Драматический театр Белорусской армии. Театр высоких чувств — так можно охарактеризовать главное его предназначение.

Ансамбль песни и танца Вооруженных Сил Республики Беларусь ежегодно дает более 150 концертов, в том числе с выездом практически во все гарнизоны республики. Огромный авторитет нашей стране принесли выступления ансамбля на фестивальных мероприятиях за рубежом.

Примечательно, что за последние пять лет патриотический репертуар пополнился более чем сотней новых музыкальных произведений.

С 2008 года при ансамбле функционирует детская музыкальная студия «Звездочка».

Большой популярностью в Беларуси пользуется ежегодно проводимый телевизионный фестиваль солдатской песни «Звезда».

Приоритетным направлением работы армейских учреждений культуры стали отдаленные гарнизоны. Созданная система социокультурной деятельности с военнослужащими и членами семей позволяет ежемесячно в нескольких гарнизонах организовывать выступления Академического ансамбля песни и танца Вооруженных Сил, Драматического театра Белорусской армии, студий военных художников и писателей.

Кстати, начиная с 2004 года, только студией военных художников организовано более 30 художественных выставок. Их посетили десятки тысяч граждан страны.

Коллективным трудом военно-художественной студии писателей стало литературно-художественное приложение «Армия и культура» к журналу «Армия».

На страницах журнала размещаются новые литературные произведения военно-патриотической тематики, а также публицистические материалы на актуальные темы военного строительства, в ближайшее время в журнале будут размещены работы, представленные на конкурс, посвященный 65-летию Великой Победы.

Военное ведомство приглашает писателей, поэтов, журналистов принять активное участие в выпуске журнала, наполнении его интересным и актуальным содержанием. Ждем ваших произведений.

Пользуясь предоставленной возможностью, поздравляю читателей журнала со светлым праздником — 65-летним юбилеем Великой Победы. Желаю счастья, здоровья, мирного неба над родной Беларусью!

Беседовала Нина Чайка

АЛЕКСАНДР КОВАЛЕНЯ,
ЕЛЕНА КОЛЕСНИКОВА

На века в памяти людей*

В процессе длительного и трудного пути формирования белорусской государственности наши предки неоднократно давали отпор иноземным захватчикам, проявляя массовый героизм и самопожертвование, отстаивая родную землю. С германской агрессией, «натиском на Восток» им пришлось противостоять более двух веков, до самого разгрома немецких крестоносцев в 1410 году под Грюнвальдом, когда на пять столетий, вплоть до развязывания Первой мировой войны, были остановлены попытки вторжения на славянские земли. Опыт предков, их героические традиции и духовная сила оказались востребованными и в годы Великой Отечественной войны, когда древний германский «Дранг нах Остен» в нацистском исполнении снова обрушил беды и несчастья на славянские земли в суровом 1941 году. Очень показательным в данном случае является обращение Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина к воинам-участникам парада на Красной площади 7 ноября 1941 года. В критический момент битвы под Москвой, напутствуя воинов, он сказал: «Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»[1]

Память о великих ратных свершениях народа всегда являлась важнейшей духовной сутью идеологии каждого победившего государства. При этом необходимо подчеркнуть, что победа Советского Союза над нацистской Германией была одержана в справедливой, освободительной войне. Сохранить и донести до будущих поколений память о героизме и мужестве народа — одна из важнейших задач военных исследователей.

Великая Победа 1945 года заложила основы того миропорядка, который, несмотря на все его изъяны, позволил избежать нового глобального военного конфликта и в целом способствовал движению человечества к более стабильному, безопасному и гуманному миру в наши дни. Сегодня некоторые авторы, склонные к изобретению сенсаций, пытаются внушить идею, что Великая Отечественная явилась противостоянием между двумя кровавыми диктаторами — Гитлером и Сталиным, тем самым поддерживая ложный тезис об обоюдной ответственности Германии и Советского Союза за развязывание Второй мировой войны. Имеются силы, которые под предлогом поиска объективного освещения событий войны упорно пытаются демонтировать сложившийся в послевоенный период миропорядок, так как он, вопреки всему, продолжает существовать и влиять не только на постсоветскую, но европейскую и мировую геополитику уже и в новом, XXI столетии.

В этой связи важно подчеркнуть, что война для Советского Союза была не только трагической страницей, о чем сегодня так много шумит «демократиче-

---

* Печатается с незначительными сокращениями. Полностью статью читайте на сайте www.lim.by.

[1] «Правда». 8 ноября 1941 года.

ское» пишущее сообщество, но и героическим ратным трудом. История Великой Отечественной войны написана не только огромными безвинными жертвами, а героизмом, мужеством и самоотверженной борьбой миллионов людей на фронтах, в рядах партизан, подполье, трудом в советском тылу во имя счастья и свободы грядущих поколений. В труднейших условиях начального периода войны, морального и технического превосходства германского вермахта появились тысячи и тысячи первых героев, сумевших не только остановить германский победоносный поход, но и непосильным ратным трудом сорвали молниеносный натиск немцев на Восток. Именно упорство, мужество и самоотверженность советского солдата сделали то, что не смогли осуществить хваленые армии «цивилизованных» стран Европы.

Героические и трагические события Великой Отечественной войны занимают особое место в истории белорусского народа. Для Беларуси, потерявшей в 1941—1945 годах каждого третьего жителя страны, работа по изучению и увековечиванию героического подвига и безвинных жертв является делом государственной политики, которую целенаправленно реализуют законодательные, государственные, исполнительные органы власти, научные и общественные объединения и организации.

Нет в Беларуси такого уголка, который не стал бы местом народного подвига, совершенного в период многочисленных войн, пронесшихся огненным смерчем по многострадальной белорусской земле. И нет в Республике Беларусь того места, где бы не чтили эти подвиги. Благодарные потомки уже в первые послевоенные годы воспевали славу героев и создавали духовную Память о войне, возводили в память о защитниках Отечества курганы Славы, мемориальные комплексы, обелиски, памятники. У подножья многих из них горит Вечный огонь, а благодарные люди возлагают цветы. Мемориальные комплексы, братские могилы, обелиски и памятники, отлитые из бронзы и высеченные из камня и гранита, с именами тех, кто не вернулся с полей войны, и безымянные, установленные на городских площадях, в деревнях, в парках, на перекрестках шоссейных дорог, на лесных полянах, — безмолвные свидетели величия Подвига Народа. Они являются духовной сутью жизни нашего общества, играют определяющую роль в формировании национальной гордости, патриотического и национального самосознания белорусского народа. Не каждому народу дано иметь такую славную и героическую историю.

Увековечивание ратного подвига защитников Отечества имеет богатую историю и опирается на вековые славянские традиции, которые сложились в процессе постоянной борьбы наших предков с иноземными захватчиками. С давних времен над захоронениями славянских воинов воздвигали курганы, как символ величия, славы и памяти. Эта традиция дошла и до наших дней. Она наполнена глубинным духовным смыслом, уважительным отношением к сохранению памяти о тех, кто пал на ратном поле, защищая родную землю. Воздвигнутые воинские курганы и мемориалы — это памятники всем героям и жертвам войн, храмы исторической памяти, созданные для воспитания у нынешних и грядущих поколений патриотизма и чувства гордости за свою Родину. Их величественность и красота призваны оказывать эмоциональное воздействие, служить связующей нитью между прошлым и настоящим.

Во все времена почитание памяти павших защитников Отечества считалось долгом и делом чести живущих. Эта внутренняя духовная потребность преисполнена благодарности к тем, кто ценою собственных жизней не позволил врагу глумиться над своим народом. Анализ источников показывает, что политическое и военное руководство Советского Союза стремилось поддерживать сложившиеся вековые традиции. Например, в период советско-финляндской войны 1939—1940 годов были обнажены многие проблемы в действиях Красной Армии, в том числе и вопросы захоронения погибших воинов. На специальном совещании политического руководства страны и высшего командования, которое состоялось 14—17 апреля 1940 года, шел достаточно обстоятельный и критический разбор действий войск Красной Армии в период финской кампании. В выступлении заместите-

ля наркома обороны СССР, начальника Главного артиллерийского управления Г. И. Кулика были названы многие упущения в действиях войск и большие людские потери. Он, в частности, заметил: «…надо, товарищи, прямо сказать, что немножко мне не понравилось, что товарищи сглаживали здесь, и я боюсь, что если мы разойдемся сейчас по домам, то начнем сводить к концу это дело, то будет не на пользу, а вред это принесет. Ибо тот опыт, та кровь, пролитая нашими 50 тыс. товарищей, лучших бывших бойцов, должны использовать и не хвастать, а здесь была форма хвастовства. Не так гладко было, товарищи, на самом деле, как вы здесь рисовали. А я могу рассказать очень много».

Еще один участник советско-финляндской войны, член Военного совета 13-й армии А. И. Запорожец наряду с другими представителями совещания, затронул вопрос о погребении убитых. «У нас в 13-й армии долго продолжалось такое положение, — отметил он, — когда убитых бойцов и командиров хоронили не очень хорошо — просто в штабеля складывали, и они лежали по два-три дня. Пришлось написать два приказа, чтобы это дело упорядочить. На что И. В. Сталин резко заметил: «Это позор!»

Запорожец: «Я слышал указания тов. Сталина, что командиров надо хоронить отдельно».

Сталин: «Памятники им надо поставить».

Состоявшийся принципиальный и взыскательный разговор, разбор упущений и недостатков в действиях войск Красной Армии, а также обострение международной ситуации в преддверии войны, ускорили принятие специального нормативного документа, регламентировавшего систему учета воинских потерь и организацию похорон убитых бойцов и командиров Красной Армии на случай военных действий. Была проведена необходимая подготовительная работа, и 15 марта 1941 года народный комиссар Обороны СССР С. К. Тимошенко, подписал приказ № 138, который объявлял «Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время». Высшему, старшему и среднему начальствующему составу было предписано тщательно изучить этот довольно обстоятельный и конкретный документ. Приказ обязывал главного интенданта Красной Армии к 1 мая 1941 года снабдить войска медальонами и вкладными листками по штатам военного времени, а штабы военных округов — бланками извещений и форм именных списков. В принятом «Положении» четко определялась система учета потерь на фронтах, порядок погребения погибших, а также правила извещения населения страны о судьбе их родственников — военнослужащих действующей армии.

Таким образом, к началу войны командные структуры Красной Армии имели необходимые документальные предписания, которыми оговаривались порядок захоронения погибших и увековечения их памяти. Конечно, в сложных событиях войны строго соблюсти все требования, изложенные в документе, было чрезвычайно трудно, а зачастую и невозможно. Тем не менее увековечение памяти павших в боях с германскими агрессорами началось с первых дней боевых действий. Немалую роль в этом играли приказы Верховного Главнокомандующего, которые служили постоянным напоминанием о памяти погибших воинов. Каждый его приказ заканчивался словами: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

Нужно иметь в виду и то обстоятельство, что в условиях неблагоприятного развития военных действий, когда войска Красной Армии несли огромные потери личного состава, необходимо было принимать меры, направленные на укрепление морального духа бойцов и командиров. В связи с чем захоронение павших воинов становилось значимым фактором патриотического воспитания и укрепления моральных сил и стойкости бойцов и командиров воинских формирований. Понимая важность и огромную значимость достойного отношения к памяти погибших воинов Красной Армии, Государственный комитет обороны СССР принял 1 апреля 1942 года специальное постановление, требовавшее организовать работы на быв-

ших полях сражений. Документ обязывал командование воинских формирований обеспечить достойное захоронение погибших бойцов и командиров Красной Армии. На местные органы власти возлагалась ответственность за обеспечение надлежащего оформления воинских захоронений и установки на могилах воинов и гражданских жертв опознавательных знаков.

Согласно этому документу необходимо было осуществлять погребение погибших солдат и офицеров врага. Чтобы не осквернять память воинов и местных патриотов, в документе было специально предписано требование о ликвидации в городах и населенных пунктах кладбищ, устроенных противником. Вражеские могилы необходимо было перенести в отдаленные от населенных пунктов, шоссейных дорог и братских могил воинов и гражданского населения места.

Командование партизанских формирований, сражавшихся на оккупированной территории Беларуси, также стремилось придерживаться христианских и воинских традиций при захоронении павших в боях с врагом патриотов. Например, в приказе командования партизанской бригады «Железняк», действовавшей в Борисовском, Бегомльском, Логойском районах Минской области «Об уходе за братскими могилами партизан», подписанном 14 октября 1943 года командиром бригады капитаном И. Ф. Титковым, говорилось, что командиры и комиссары отрядов недооценивают воспитательное значение и преступно игнорируют элементарные правила человеческой чести, уважения к партизанам, погибшим в боях за Родину. Командир партизанской бригады с негодованием отмечал: «До сих пор в отрядах не имеется единых мест похорон. Братские могилы 1-го отряда, 2-го, 5-го и 3-го должным образом не оформлены и безнадзорны».

В целях ликвидации упущений и наведения должного порядка приказ требовал, чтобы к 25 октября 1943 года все имеющиеся братские могилы были приведены в надлежащий порядок. «На местах похорон насыпать курганы и покрыть дерном. На каждой могиле установить монумент в виде шпиля с красной звездочкой. На шпиле, в квадрате, сделать надписи: фамилия, имя и отчество партизан, краткий адрес, год рождения, указать дату смерти, место гибели. Общее место похорон обнести штакетным забором.

В каждом отряде иметь единое место похорон жертв войны с германским фашизмом. Похороны партизан производить организованно, с отдачей воинских почестей по существующим законным положениям. Только в исключительных случаях разрешается выдавать трупы погибших на похороны их родителям. Во всех остальных случаях при общих похоронах на похороны привлекать родных и родственников погибшего.

Обязываю весь личный состав бригады при прохождении у братских могилок отдавать воинские почести. При прохождении одиночек с оружием почести отдавать в положении «смирно» с поворотом головы в сторону монумента (памятника). Невооруженным в положении «смирно» с прикладом руки к головному убору. При прохождении колонн старший команды подает команду «смирно» с равнением в сторону монумента (памятника). Лиц, не отдающих воинской почести, привлекать к суровой дисциплинарной ответственности.

Братскую могилу в р-не аэродрома привести в порядок коменданту штаба бригады: могилку оградить и водрузить общий монумент, художественно оформить.

Настоящий приказ (параграф 3) зачитать перед строем всему личному составу. Персональная ответственность за выполнение настоящего приказа возлагается на комиссаров отрядов»[1].

Анализ документальных материалов и опубликованных источников показывает, что в Беларуси работа по увековечиванию памяти погибших воинов

---

[1] Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн Беларуси 1941—2008 гг.: документы и материалы. — С. 31.

и мирных жителей постоянно находилась и находится в поле зрения государственных органов и общественных организаций. К чести белорусского руководства, эта важная морально-этическая и гражданская проблема была впервые сформулирована еще в начале сентября 1942 года, когда многие события Великой Отечественной войны были еще неизвестны. Но уже тогда, 3 сентября 1942 года, на совместном заседании правлений Союза советских архитекторов и Союза советских художников БССР обсуждалась и была утверждена «Программа на составление эскиза-идеи памятника героям Отечественной войны». В принятом документе подчеркивалось: «Великая Отечественная война народов Советского Союза с немецкими фашистскими оккупантами, в битвах с врагом, выдвинула целый ряд героев защитников нашей славной Родины. Лучшие сыны нашей многонациональной страны, в том числе и лучшие сыны родной Советской Белоруссии, находящиеся в рядах доблестной Красной Армии и в партизанских отрядах, покрыли себя неувядаемой славой, геройски сражаясь и отстаивая нашу землю, города и села от озверелого фашизма.

Имена героев-белорусов — Гастелло, Доватора, Талалихина, Сильницкого и других бойцов великой освободительной войны — вечно будут живы в памяти нашего народа. О подвигах их, героях-богатырях, будут сложены легенды, все народы будут петь о них песни, воздвигать монументы, прославляющие их великие дела.

Для увековечения памяти героев и их славы союзы советских архитекторов и художников, в порядке подготовительной работы, проводят товарищеское соревнование на составление проекта-идеи памятника героям Отечественной войны».

Приведенные и многие другие примеры убедительно свидетельствуют, что военно-политическое руководство Советского Союза и Беларуси понимало важность поддержания в общественном сознании памяти, достойного отношения к погибшим защитникам Отечества. Но не только глубинная духовная, психолого-генетическая и морально-этическая сторона проблемы определяли ее значимость, на первый план выдвигалась прежде всего политическая, которая в известной мере усиливала гражданский долг к памяти павших в боях за Родину. Даже в тяжелейших условиях войны, когда еще велись напряженные боевые действия на фронте, продолжалась борьба на оккупированной территории, принимались решения, направленные на поддержание вековых воинских традиций и ритуалов. Командование частей и подразделений Красной Армии и партизанских формирований, насколько позволяли боевые условия, стремилось достойным образом, как это и предписывали документы и инструкции, а также воинские и христианские традиции, осуществлять захоронение павших в боях воинов. Предпринимаемые меры содействовали укреплению морального и боевого духа бойцов и командиров Красной Армии, а также партизан и подпольщиков, являлись важным фактором единения народа и армии, укрепления авторитета власти. Правда, в тяжелейших условиях ведения боевых действий не всегда была возможность организовать достойное захоронение погибших, нередки были случаи, когда погибших было некому хоронить. А поэтому и до наших дней остаются не захороненными должным образом защитники ратных полей.

Еще в марте 1944 года СНК БССР принял постановление «Об охране и использовании исторических и архитектурных памятников и увековечении памятных мест и событий, связанных с освобождением Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков». После освобождения Минска 3 июля 1944 года был принят еще один документ «О захоронении павших в борьбе с немецкими захватчиками бойцов и офицеров Красной Армии». Это постановление обязывало «областные, городские и районные партийные и советские организации немедленно проверить все места боев, проходивших на их территории, и при обнаружении незахороненных бойцов и офицеров Красной Армии, павших в борьбе с немецкими захватчиками, организовать похороны с возданием должных почестей. Захоронение производить на видных и хороших местах, с постановкой памятников, оград и приведением могил в надлежащий порядок».

Уже 6 июля 1944 года состоялось совместное заседание Совета Народных Комиссаров БССР и ЦК КП(б)Б, где широко обсуждались вопросы сохранения мест захоронения бойцов и командиров Красной Армии, партизан и жертв Великой Отечественной войны. В принятом постановлении «О сохранении и уходе за местами захоронения воинов Красной Армии и партизан, погибших в Великую Отечественную войну и похороненных на территории Белорусской ССР» был вскрыт ряд серьезных недостатков в работе местных органов. В документе очень остро и взыскательно были сформулированы вопросы, направленные на исправление имевшихся просчетов и недопущение равнодушного отношения к памяти павших героев.

В принятом постановлении подчеркивалось, что в «борьбе с гитлеровскими полчищами за освобождение Советской Белоруссии пали смертью героев многие бойцы и командиры Красной Армии, партизаны и партизанки, члены подпольных антифашистских организаций, тела которых захоронены на братских кладбищах и отдельных могилах на территории Белорусской ССР. Почти в каждом районе и населенном пункте имеются могилы героев, павших смертью храбрых в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, места массовых казней белорусского народа, места, где вешали советских патриотов, лагеря военнопленных и мирного населения (лагеря смерти). Все эти исторические места казней и захоронения воинов Красной Армии и партизан, погибших в Великую Отечественную войну, будут напоминать сегодняшнему и будущим поколениям советских людей о героической борьбе советского народа с немецкими захватчиками.

Могилы павших смертью храбрых за освобождение Советской Белоруссии будут являться народными святынями и местами народного поклонения в веках. На этих могилах водрузятся памятники, достойные дел, за которые отдали свою жизнь герои — освободители Белоруссии.

Совет Народных Комиссаров Белорусской ССР и Центральный Комитет КП(б) Белоруссии обращают внимание партийных и советских органов, что эти места в ряде случаев находятся в недопустимом состоянии. Так, например: в Лиозненском районе места массовых казней белорусского народа завалены навозом, в Ново-Белицком районе гор. Гомеля могилы погибших бойцов и офицеров не огорожены, обрушены, и на них пасется скот, в Пропойском (теперь Славгородском. — *Ред.*) районе поставленные ограды и памятники на могилах погибших бойцов сломаны и разрушаются».

В постановлении были определены первоочередные задачи, которые необходимо было решить местным государственным, хозяйственным органам и общественным организациям:

Во-первых, необходимо было построить ограды вокруг кладбищ, а также одиночных и братских могил, произвести подсыпку и одерновку могил, осуществить посадку деревьев, цветов и других декоративных растений.

Во-вторых, восстановить, а там, где нет, сделать новые постаменты и надписи о похороненных в могилах людях. Требовалось восстановить на металлических пластинках масляными красками надписи и сохранить имевшиеся фотографии.

В-третьих, требовалось организовать постоянный уход и наблюдение за состоянием кладбищ, а также одиночных братских могил и за местами массовых казней белорусского народа.

В-четвертых, необходимо было организовать общественность, рабочих, колхозников, интеллигенцию, комсомольские и пионерские организации, а также школьников на работу по уходу за захоронениями воинов Красной Армии и партизан, погибших в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси.

В-пятых, требовалось осуществить учет одиночных и братских могил и составить подробные списки, а также акты описания мест и событий (в необходимых случаях сфотографировать). Все данные должны были храниться в райисполкомах и облисполкомах.

Основная работа по увековечению событий Великой Отечественной войны и ее героев развернулась после Победы. Следует сказать о том, что территория Бела-

руси, являясь ареной кровопролитных боев и массового народного сопротивления германским захватчикам, стала местом последнего упокоения огромного количества защитников. Отстаивание свободы и независимости было оплачено непомерно дорогой ценой. Ни одна страна Европы и бывшего Советского Союза не пережили такой трагедии, которую вынес белорусский народ. Трудно даже представить, что за годы Второй мировой войны, самой кровопролитной за всю историю человеческой цивилизации, на белорусской земле упокоились около 3 миллионов человек. Даже после большой работы, которая была проведена по перезахоронению останков воинов и партизан из отдельных могил в братские захоронения, проведенной в первые годы после освобождения Беларуси, предстояла еще огромная работа по достойному увековечению памяти защитников Отечества.

В апреле 1950 года командующий войсками Белорусского военного округа С. К. Тимошенко и начальник штаба БВО Н. Д. Захватаев подготовили на имя секретаря ЦК КП(б)Б Н. И. Гусарова и Председателя Совета Министров БССР А. Е. Клещева информационную записку «О благоустройстве могил воинов Советской Армии и партизан, погибших в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на территории Белорусской ССР». В представленном документе была обстоятельно проанализирована огромная работа советских, государственных и общественных организаций по благоустройству и приведению в порядок воинских захоронений. К этому времени на учете местных властей насчитывалось 723 военные кладбища, 9435 братских и 15266 индивидуальных могил. Даже в этот наиболее сложный послевоенный период, когда десятки тысяч семей не имели крова над головой, когда требовалось восстановить разрушенную войной экономическую инфраструктуру, из государственного бюджета были выделены средства и установлено 55 фундаментальных памятников на военных кладбищах, 527 на братских могилах, 365 на индивидуальных могилах.

Вместе с тем, в результате проведенного обследования были выявлены многие факты безразличного отношения к памяти погибших воинов. Ряд серьезных упущений имелся в Гомельской, Витебской, Полесской, Могилевской и Молодечненской областях. Например, в Комаринском, Домановичском, Василевичском, Туровском районах Полесской области работа по благоустройству братских и индивидуальных захоронений в 1948—1949 годах не проводилась. «Места, где расположены братские и индивидуальные могилы погибших воинов Советской Армии в этих районах, превращаются в пастбища для скота и запахиваются под посевы», — отмечалось в документе.

Изученные документальные и опубликованные источники убедительно свидетельствуют о том, что с первых дней освобождения от германских агрессоров практически во всех регионах Беларуси развернулась большая работа по благоустройству мест захоронений. Особую трудность представлял перенос останков воинов из многочисленных одиночных могил в братские захоронения. В этой важной работе активное организационное участие принимали облисполкомы, райисполкомы, партийные и комсомольские комитеты. Комсомольские организации, местная молодежь, школьники, студенты и население принимали непосредственное участие в работе по увековечению памяти о подвиге советских людей в годы Великой Отечественной войны, приводили в порядок могилы и братские захоронения.

Один из первых масштабных мемориальных комплексов, символизирующий бессмертную славу советских воинов, партизан и подпольщиков, павших в годы Великой Отечественной войны, был построен в Минске, в центре столицы. 4 июля 1954 года, к 10-й годовщине освобождения Беларуси, величественный монумент Победы был торжественно открыт. Выступая на открытии памятника Победы, архитектор Г. В. Заборский, который начал проектировать монумент еще в 1942 году, сказал: «Хотелось в родном освобожденном Минске на одной из красивейших площадей воплотить это в величественном монументе, достойном великого подвига народа». Почти на 40 метров устремился в минское небо гранитный обе-

лиск, увенчанный трехметровым изображением ордена Победы. Символы единства армии и народа, их борьбы и победы над врагом — бронзовые тематические горельефы: «9 Мая 1945 года», «Советская Армия в годы Великой Отечественной войны», «Партизаны Белоруссии» и «Слава павшим героям», выполненные на четырех гранях постамента памятника. А четыре бронзовых венка вокруг монумента символизируют фронты, бойцы которых участвовали в освобождении нашей страны. У подножия обелиска горит Вечный огонь, который зажег почетный гражданин города Минска Герой Советского Союза А. С. Бурдейный 3 июля 1961 года.

Следует подчеркнуть, что не только в первое послевоенное десятилетие в Беларуси активно занимались проблемой сохранения и увековечения памяти о защитниках Отечества. Появившиеся финансово-экономические и материальные возможности значительно активизировали эту работу в 60-е годы. В этой связи следует назвать очень важные, по существу, программные документы, которые были приняты партийным и советским руководством и фактически во многом определили деятельность местных органов власти и общественных организаций на долгую перспективу. Так, 30 декабря 1958 года, ЦК КПБ принял постановление «Об увековечении памятных мест боев Советской Армии и партизан Белоруссии с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, мест захоронений советских воинов, партизан и мирных граждан, погибших в войне 1941—1945 годов». В апреле 1959 года Совет Министров БССР принял специальное постановление «О благоустройстве мест захоронения воинов Советской Армии, партизан и мирного населения, погибших в войне 1941—1945 гг. и об увековечении знаменательных мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной на территории Белорусской ССР». В этих документах были сформулированы задачи для министерств и ведомств, общественных и научных организаций и творческих союзов, направленные на совершенствование в Беларуси работы по увековечению памяти о ратных делах народа в годы германской агрессии.

Символом трагедии сожженных и уничтоженных германскими варварами 9200 белорусских населенных пунктов является мемориальный комплекс «Хатынь», построенный на месте сожженной в марте 1943-го деревни Хатынь Логойского района. Он был открыт 5 июля 1969 года в дни празднования 25-летия освобождения Беларуси от германских захватчиков. Мемориал повторяет планировку погибшей деревни. В центре комплекса расположена 6-метровая бронзовая скульптура «Непокоренный». Образ мужчины с мертвым мальчиком на руках создан в память об Иосифе Каминском и его сыне.

Черная плита-крыша отмечает место, где находился амбар, в котором сожгли жителей Хатыни. Рядом их братская могила, на которой расположен символический венок памяти со словами наказа мертвых к живым.

На месте каждого из 26 сожженных домов — памятник-сруб, внутри которого обелиск в виде печной трубы с колоколом. Колокола звонят каждый час. На каждом обелиске — доска с именами сожженных жителей дома.

За домами-памятниками — Кладбище деревень. Сюда из 185 сожженных деревень, которые так и не возродились, были привезены урны с землей и создано символическое кладбище.

Рядом с Кладбищем деревень — Стена Скорби, железобетонный блок с нишами, в которых находятся мемориальные плиты с названием 66 крупнейших лагерей смерти и мест массовой гибели людей.

Завершает мемориал площадь Памяти, в центре которой растут 3 березы, символизирующие жизнь, на месте четвертой — Вечный огонь, символ погибших в годы войны жителей Беларуси. Рядом Дерево жизни со списком 433 деревень, сожженных оккупантами и возрожденных после войны.

Общественный и научный интерес к хатынской трагедии, даже по прошествии 67 лет, не ослабевает. За годы существования государственного мемориального комплекса «Хатынь» его посетило более 36 миллионов человек из более чем

100 стран мира. В последние годы появился ряд новых публикаций, созданы документальные фильмы. Заметным событием явилось издание сборника «Хатынь. Трагедия и память: документы и материалы». (Мн., 2009), в который включено 150 оригинальных документов из Национального архива Республики Беларусь, Центрального архива Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Белорусского государственного архива научно-технической документации, Государственного архива Минской области, а также из ряда других архивов.

К числу наиболее значительных мемориальных комплексов, хранящих память о событиях Великой Отечественной войны, относится прежде всего, Брестская крепость-герой, которую справедливо называют университетом мужества. Величественный мемориал был открыт 25 сентября 1971 года. Он увековечил беспримерный героизм и мужество защитников цитадели и жителей в первые дни Великой Отечественной войны. Композиционным центром ансамбля является монумент «Мужество» — нагрудная скульптура воина высотой 33,5 метра и штык-обелиск высотой 104,5 метра, символизирующий победу над врагом и вечную славу героическим защитникам крепости.

Одними из первых удар германских агрессоров приняли на себя воины-пограничники и защитники Брестской крепости. С 22 июня 1941 года Брестская крепость и сам город Брест были подвергнуты ожесточенным бомбардировкам. Полностью или частично были уничтожены склады с боеприпасами, водопровод, нарушены коммуникации и связь, личный состав крепости в результате молниеносного нападения оказался разбит на несколько частей.

Находясь в чрезвычайно сложных условиях — полная блокада, нехватка боеприпасов, продовольствия, воды и медикаментов, окруженные превосходящими силами врага, — защитники Брестской крепости до конца исполнили свой воинский долг и доказали беззаветную преданность Родине. Героическое, самоотверженное сопротивление подразделений 6-й и 42-й стрелковых дивизий, 17-го погранотряда и 132-го конвойного батальона войск НКВД было сломлено лишь после смерти последних бойцов.

Даже противник проникся уважением к стойкости и мужеству советских солдат и офицеров. В воспоминаниях немецкого историка, бывшего офицера в штабе Блюментрита Пауля Карелла события обороны Брестской крепости представлены чрезмерно натуралистично: «Весь фронт над Бугом, насколько хватало глаз, полыхал и содрогался от взрывов. Все уничтожается артналетом и бомбардировкой. Канонада подняла на ноги гарнизон Брестской крепости. Батальоны двух полков нашей дивизии ринулись в атаку, но ворваться внутрь крепости не смогли — защитники ее стояли насмерть; огонь стрелков и пулеметчиков не давал подняться. Во второй половине дня на помощь штурмовикам бросили резервный полк дивизии. Тщетно! Далее на подмогу был брошен дивизион штурмовых орудий. «Самоходки» в упор расстреливали позиции русских. Безрезультатно! К вечеру потери наши составили: 21 офицер и 230 унтер-офицеров и солдат. Не добившиеся успеха штурмовые роты были отведены на исходные позиции. Теперь только применяли авиацию и артиллерию. Крепость стояла! 29 июня фельдмаршал авиации Кессельринг приказал бомбить и бомбить. Но бомбы в 500 килограммов не помогли. Стали бросать весом в 1800 килограммов. Стены рушились, кирпич плавился, но защитники стояли. Ни один не сдался в плен! 30 июня. Наши потери: 40 офицеров и 482 унтер-офицера и солдата, более 1000 раненых, большинство из которых вскоре скончались. Борьба продолжалась, позиции русских, здания казарм пришлось шаг за шагом подрывать по частям. А еще в канун нападения никому в голову не могло прийти, сколько нашей крови прольется здесь у старой крепости»[1].

---

[1] Александр Сабов. Вторжение. Российская газета. 22 июня 2005; http://www.rg.ru/2005/06/22/22-ijunja-istoria.html.

Одной из драматических страниц обороны Брестской крепости была острая нехватка воды. Вода была необходима раненым, женщинам и детям — всем участникам обороны и для охлаждения пулеметов. Захватчики днем и ночью охраняли подступы к реке, освещая прожекторами и обстреливая прилегающую территорию.

Создатели мемориала, зная об этой трагедии, решили рассказать о ней, используя мастерство скульптора, создав скульптурную композицию «Жажда» у развилки реки Мухавец. Фигура солдата, ползущего к воде с каской в руке, не оставляет никого равнодушным. Сегодня в протянутой вперед каске — живые цветы от благодарных потомков.

В архивах хранятся десятки документов, официально подтверждающих героическую оборону Брестской крепости, но никакие донесения и приказы не могут сказать так эмоционально и проникновенно, как передают надписи, оставленные защитниками цитадели на ее стенах: «Умрем, но не уйдем!», «Нас было трое, нам было трудно, но мы не пали духом и умрем как герои», «Умрем, но не уйдем отсюда!» и знаменитая надпись, оставленная на 29-й день войны — «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина! 20.VII.41 г.». Оставленные на память потомкам надписи советских воинов на стенах Брестской крепости являются вечным напоминанием о мужестве, отваге, самоотверженности и любви к Отечеству и своему народу. И ничто не способно затмить силу этих слов и самоотверженного подвига защитников крепости.

Рельефные композиции Брестской крепости-героя отражают героические эпизоды ее обороны. С центральным монументом органически связаны трибуна и трехъярусный некрополь. Под ним покоится прах 962 погибших в цитадели. На плитах вписаны имена 269 защитников крепости и членов их семей. Остальные указаны как «неизвестные». Рядом с руинами бывшего Инженерного управления горит Вечный огонь Славы. Перед ним отлитые из бронзы слова: «Стояли насмерть, слава героям!» Вечный огонь был зажжен в день открытия мемориала 9 мая 1985 года Героем Советского Союза, Первым секретарем ЦК КПБ Петром Мироновичем Машеровым. Недалеко от Вечного огня находится Мемориальная площадка городов-героев, на которой под гранитными плитами установлены капсулы с землей из всех городов-героев бывшего Советского Союза[1].

Подвигу защитников Брестской крепости посвящены не только памятники и мемориальные комплексы. Создан музей, в котором собраны богатейшие материалы, созданы скульптурные композиции, экспозиции рисунков, кино- и фотодокументы, вооружение и личные вещи защитников, отражающие события 1941 года. Среди них скульптурные портреты Героев Советского Союза П. М. Гаврилова и А. М. Кижеватова, руководителей защиты Цитадели И. Н. Зубачева и Е. М. Фомина. Каждый из них в тяжелейших условиях возглавлял наиболее важные участки обороны крепости.

В нескольких кинозалах музея демонстрируются хроникально-документальные фильмы о героической защите Брестской крепости. Важным вкладом в сохранение исторической памяти об этом событии стала публикация документальных и научных сборников, воспоминаний: «Героическая «Крепость-герой», «Если б камни могли говорить», фотоальбом «Брестская крепость-герой» и многих других. Во имя исторической справедливости необходимо подчеркнуть, что заслуга восстановления памяти героев крепости во многом принадлежит писателю и историку С. С. Смирнову. Подвиг героев Брестской крепости был популяризован им в книге «Брестская крепость», за которую он был удостоен Ленинской премии. После этого тема обороны Брестской крепости стала важным символом официальной патриотической пропаганды.

---

[1] Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941—1945: Энцыклапедыя. — Мн. 1990. С. 99—100.

Даже в труднейший период 90-х годов XX столетия, когда рушились идеалы, уничтожались многие памятники, руководство страны сделало все возможное, чтобы сохранить для потомков этот величайший символ мужества, самоотверженности и верности воинскому долгу. За годы существования музея и мемориала «Брестская крепость-герой» они стали центром военно-патриотического воспитания, со многими сложившимися здесь традициями. Почетную вахту на Посту Памяти несут мемориальные отряды школ и профессионально-технических училищ города. Ежегодно 9 Мая, в День Победы, не только из Бреста и Беларуси, но и из многих стран бывшего Советского Союза собираются на митинг люди, чтобы отдать дань уважения павшим и живым участникам Великой Отечественной войны. Молодые солдаты Брестского гарнизона на священной земле крепости принимают воинскую присягу. В день свадьбы молодожены приносят сюда цветы. На площади Церемониалов 1 сентября вручают студенческие билеты.

Возобновила служение расположенная на территории крепости Свято-Николаевская церковь, переданная в 1994 году Брестско-Кобринскому епархиальному управлению. С сентября 1995 года в храме снова обрели духовное умиротворение православные христиане. Стало традицией ежегодно 22 июня служить литургию по убиенным.

Ежедневно люди разных возрастов, убеждений, социальных слоев и профессий посещают этот уникальный мемориальный комплекс, который никого не оставляет равнодушным. Тысячи людей со всего мира едут сюда ежегодно, чтобы почтить бессмертный подвиг героев.

Работа по увековечению памяти защитников Брестской крепости продолжается. В 2009 году в военно-историческом музее в городе Лиозно Витебской области, на родине заместителя командира по политработе 84-го стрелкового полка 6-й Орловской стрелковой дивизии Е. М. Фомина, который в первые дни героической защиты Брестской крепости возглавил оборону Холмских ворот, была установлена его скульптура. Стоит добавить, что имя Е. М. Фомина присвоено одной из улиц города Лиозно, швейной фабрике в Бресте, средней школе на его родине — в деревне Колышки. Его именем названы улицы в Бресте, Минске, Лиозно.

Символично, что Брестская крепость, находясь на западной границе нашей страны, является «воротами» в Республику Беларусь. Для жителей Бреста и других городов нашей страны, иностранных туристов Брестская крепость, как принято сейчас говорить, не «имиджевый объект», а свидетельство нашего уважения и бережного отношения к истории. В далеком 1941 году бойцы свыше 30 национальностей стояли насмерть за свободу и независимость общего Отечества. Наш святой долг сохранить и донести до будущих поколений этот уникальный символ ратного подвига и доблестного служения Родине.

В Беларуси бережно сохраняется память о воинах-пограничниках, которые первыми приняли на себя удар противника в июне 1941 года. Стойко и мужественно сражались пограничники 17-го Брестского, 86-го Августовского, 87-го Ломжинского, 88-го Шепетовского пограничных отрядов. Многие из них, проявив величайшие самоотверженность и патриотизм, погибли в первые часы и дни войны, до конца выполнив свой воинский долг.

Ранним утром 22 июня 1941 года приняла смертельный бой 3-я пограничная застава, которой командовали лейтенант В. М. Усов и политрук А. Г. Шарипов. По заставе был открыт ураганный минометный и артиллерийский огонь противника, но бойцы, занявшие круговую оборону, не сдавались. В одном из документов о боевых действиях бойцов погранзастав Западного Особого военного округа отмечено, что «3-я застава лейтенанта В. М. Усова располагалась у села Юзефатово, на опушке Августовской пущи, сражалась десять часов, семь яростных атак отбили 36 бойцов, а когда кончились патроны, они поднялись в штыковую атаку, немногим удалось прорваться к своим... Указом Президиума Верховного Совета СССР от

6 мая 1965 года лейтенанту В. М. Усову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза…»[1].

Заставе, которой командовал в 1941 году герой-пограничник, 30 мая 1958 года было присвоено имя В. М. Усова. Сегодня на территории заставы №1 установлен памятник пограничникам. В здании самой заставы открыт музей, в котором собраны некоторые личные вещи защитников, остатки оружия и боеприпасов. Экспозиция музея повествует об истории и современной жизни заставы и пограничных войск в целом, подвиге пограничников во время Великой Отечественной войны. В музее и на заставе проводятся не только экскурсии для туристов, но и организована большая работа по патриотическому воспитанию молодежи. Именем В. М. Усова в Гродно названа улица, установлен памятник, ежегодно проводится турнир по боксу памяти героя-пограничника.

Геройски защищали рубежи пулеметчик 15-й заставы младший сержант А. А. Новиков и рядовой Н. Е. Ставницкий. Укрывшись в дупле огромного дуба, они огнем из пулемета не позволяли немецким солдатам переправиться через реку Западный Буг. После гибели Ставницкого, младший сержант Новиков не сложил оружие и продолжал вести бой. По отважным воинам враг бил из артиллерии, минометов, и даже бомбила авиация. Стойкостью пограничника был покорен даже враг. Немецкий офицер приказал похоронить героя с воинскими почестями.

Чтобы сохранить для грядущих поколений места героических боев пограничников и увековечить память о них, на этих исторических местах установлены памятные знаки, мемориальные доски и памятники. В Брестском районе у деревень Знаменка, Непли, Теребунь, Крынки, Гершоны установлены обелиски и мемориальные доски в честь павших пограничников. У каждого памятника своя судьба и свои герои.

Единственный на территории СНГ мемориал воинам-пограничникам, которые первыми встретили войска германского вермахта утром 22 июня 1941-го, установлен в Беларуси. Мемориальный ансамбль, открытый 22 июня 2004 г. в городе Гродно, включает скульптуры командира, политрука и красноармейца, прикрывающих брешь в символической границе. Вокруг — 15 столбов бывшей границы СССР, символизирующие 15 бывших республик.

Этот мемориальный комплекс по праву называют народным. Не только из-за его значимости, но и за то, что деньги на его возведение собирали всем миром. Он создавался на пожертвования пограничников Республики Беларусь, России, Казахстана, Киргизии, Молдовы, а также граждан и организаций, что и запечатлено на бронзовой доске, установленной на задней стенке мемориала.

С целью сохранения памяти о героизме и мужестве пограничников постоянно издаются специальные марки и конверты. Например, к 55-й годовщине Победы республиканское унитарное предприятие «Белпочта» выпустило конверт с символической надписью «Іх імёнамі названы заставы». В рисунке конверта семь фамилий — Героев Советского Союза А. М. Кижеватова и В. М. Усова, а также героев-пограничников А. Н. Сивачева, Г. И. Кофанова, И. П. Беляева, А. А. Новикова, А. А. Завидева.

В Беларуси много сделано для сохранения памяти о подвигах, совершенных в первые часы войны пограничниками. О героизме людей в зеленых фуражках написаны многие научные исследования, изданы сборники документов, мемуарная литература, в которых освещаются незабываемые страницы борьбы огненного 1941 года. Мужеству и героизму пограничников посвятил проникновенные строки белорусский поэт Б. Спринчан в своем стихотворении «У Мухавца»:

---

[1] http://warmech.narod.ru/1941war/w-front/wfpog22.html; Кисловский Ю. Г. От первого дня до последнего: За строкой боевого донесения и сообщения Совинформбюро. — М. 1988. С. 26—29.

Истекая кровью средь руин,
Вы врастали в землю — и ни с места!
Потому-то первый бой у Бреста
Стал началом битвы за Берлин.

В целях сохранения боевых традиций пограничников, увековечения памяти воинов-пограничников семь пограничных застав Республики Беларусь удостоены имен Героев Советского Союза А. М. Кижеватова и В. М. Усова, а также героев-пограничников А. Н. Сивачева, Г. И. Кофанова, И. П. Беляева, А. А. Новикова, А. А. Завидева. В большинстве подразделений белорусских пограничников сегодня налажена большая работа по патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Например, на пограничной заставе № 2 имени Г. И. Кофанова, которая дислоцируется в Беловежской пуще, регулярно организуется военно-спортивный лагерь «Защитник границы». В нем собираются ученики общеобразовательных школ Пружан и Бреста, а также студенты Пружанского аграрно-технического колледжа. Совместно с пограничным нарядом ребята участвуют в охране Государственной границы Республики Беларусь, проводят спортивные турниры. Этот лагерь создается не только для патриотического воспитания молодежи, пропаганды здорового образа жизни, но и для знакомства подростков с бытом военнослужащих, сохранения и приумножения славных традиций пограничников.

В период оборонительных боев на территории Беларуси летом 1941 года враг на многих рубежах встречал упорное сопротивление воинов Красной Армии, ополченцев, бойцов истребительных батальонов. В июле 1941 года советские воины частей и соединений 13-й армии Западного фронта, работники милиции, курсанты школы НКВД и 12 тысяч ополченцев Могилева 23 дня держали героическую оборону города. Только за 10 дней боев, по сведениям штаба 172-й дивизии, было отражено 27 атак врага, подбито и сожжено 179 танков и бронетранспортеров, захвачено 2 танка, 12 минометов, 25 пулеметов, взято в плен 600 и уничтожено не менее 4 тысяч солдат и офицеров противника. Газета «Известия» 20 июля 1941 года опубликовала очерк К. Симонова «Горячий день» и фотографии Трошкина о стойкости и беспримерном мужестве защитников «города Д» (так он назвал Могилев).

Сражения под Могилевом явились тем событием, которое значительно повлияло на оценку развязанной войны многих германских генералов. В дневнике начальника германского генерального штаба Ф. Гальдера от 3 июля читаем: «В целом уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена…» А уже 11 августа в его дневнике появилась совсем другая запись, навеянная трезвой оценкой событий на фронтах групп армий «Центр», «Север» и «Юг»: «То, что мы сейчас предпринимаем, является последней и в то же время сомнительной попыткой предотвратить переход к позиционной войне…

Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс-Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и, в особенности, на чисто военные возможности русских. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. Эти дивизии, конечно, не так вооружены и не так укомплектованы, как наши, а их командование в тактическом отношении значительно слабее нашего, но как бы там ни было, эти дивизии есть. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину. Русские еще и потому выигрывают во времени, что они сидят на своих базах, а мы от своих все более отдаляемся.

Таким образом и получается, что наши войска, страшно растянутые и разобщенные, все время подвергаются атакам противника. И противник потому

одерживает местами успехи, что наши войска ввиду растянутости на огромных пространствах вынуждены создавать громадные разрывы на фронте…»[1].

В память о героических страницах обороны Могилева в июле 1941 года, на главном рубеже — Буйничском поле был открыт 9 мая 1995 года мемориальный комплекс. В центре мемориала, который занимает площадь более 20 гектаров, построена 27-метровая каплица — символ величия воинского духа славян. Стены часовни расписаны фресками, в нишах размещены мраморные доски с именами защитников Могилева, а в центре установлен маятник Фуко — символ вечной жизни, движения и памяти обо всех, кто погиб на этом поле в 1941 году.

Недалеко находится небольшой искусственный водоем «Озеро Слез» — символ слез матерей, потерявших своих сыновей в годы войны. От часовни расходятся четыре аллеи. Одна из них носит имя известного писателя Константина Симонова, воспевшего героизм защитников Могилева в своих книгах «Живые и мертвые» и «Разные дни войны». На смотровой площадке установлена военная техника времен Великой Отечественной войны: танки, дивизионные пушки, артиллерийские орудия и зенитная установка.

Мужество, героизм и самоотверженность всегда, во все времена были актуальными для каждого нового поколения. Оборона Могилева в июле 1941 года — яркий пример, где все эти качества слиты воедино, где красноармеец и ополченец самоотверженно отстаивали родную землю. Могилевское сражение нашло широкое отражение в исследованиях, мемуарной литературе, творчестве писателей и художников.

Беларусь является местом, где в июле 1941 года впервые была применена реактивная артиллерия. Семь машин БМ-13 составили костяк первой экспериментальной батареи реактивной артиллерии. Решение о формировании этого боевого подразделения было принято 28 июня 1941 года. Батарея состояла из взвода управления, пристрелочного взвода, трех огневых взводов, взвода боевого питания, хозяйственного отделения, отделения горюче-смазочных материалов и санитарной части. Командный состав батареи был укомплектован в основном из числа слушателей Артиллерийской академии имени Дзержинского, которые окончили первый курс командного факультета. Командиром батареи назначили капитана Ивана Андреевича Флерова.

Один из разработчиков «катюш» А. С. Попов о начальном боевом пути батареи рассказывал: «В ночь с 1 на 2 июля 1941 года мы ушли из Москвы по Минскому шоссе. На Бородинском поле воины дали клятву: ни при каких обстоятельствах не отдавать врагу новую боевую технику. После первой бомбежки пришел приказ: двигаться только ночью, днем отсиживаться в лесах. 9 июля заняли позицию под городом Борисовом, ждали боя. В ночь с 12 на 13 июля нас подняли по тревоге, и мы ушли к Орше. На станции Орша скопилось много немецких эшелонов с войсками, техникой, боеприпасами, горючим. Мы развернули батарею в километрах в 5—6 от станции за горкой. Двигатели машин не заглушали, чтобы после стрельбы моментально покинуть позицию. Стоял ясный, солнечный, теплый день. В 15 часов 15 минут 14 июля 1941 года капитан Флеров дал команду открыть огонь. За 7—8 секунд мы выпустили 112 снарядов. Железнодорожный узел был стерт с лица земли, семь дней там никого не было...»[2]

Высокую эффективность нового русского оружия вынуждены были признать и германские фронтовые офицеры. В одном из первых донесений в Генеральный штаб вермахта об использовании неизвестного оружия сообщалось: «Русские применили батарею с небывалым числом орудий. Снаряды фугасно-зажигатель-

---

[1] Гальдер Ф. Военный дневник. Кн. 1. (22.6.1941—30.9.1941) — М. 1971. С. 79, 263—264.

[2] Оружие победы. 1941—1945. — М. 1985. http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/WEAPON/ROCKET/ROCKET.HTM.

ные, но необычного действия. Войска, обстрелянные русскими, свидетельствуют: огневой налет подобен урагану. Снаряды разрываются одновременно. Потери в людях значительные»[1].

Использование нового оружия вызвало озабоченность и вынудило генштаб сухопутных войск Германии в сентябре 1941-го принять две специальные директивы, которые обязывали германские воинские части развернуть охоту за образцами секретного оружия русских.

Газета «Советская Белоруссия» 15 июля 2005 года опубликовала исследование председателя витебского военно-патриотического клуба «Поиск» Анатолия Бурдо — «Последний залп капитана Флерова». Поисковики сумели проследить дальнейшую судьбу легендарного командира первой батареи реактивных минометов капитана И. А. Флерова. В ходе кропотливой работы в архивах, встреч с фронтовиками участники поиска смогли разыскать некоторых бывших воинов батареи Флерова и по крупицам восстановить боевой путь легендарной батареи. Враг непрерывно рвался на восток. Части Красной Армии в районе Смоленска и Ельни оказались в окружении. В трудном положении оказалась и бойцы батареи. Командир сделал все возможное для того, чтобы спасти материальную часть и прорваться к своим. Когда подошло к концу горючее, он приказал зарядить установки, а оставшиеся ракеты и большинство транспортных машин взорвать. В колонне остались боевые установки и 3—4 грузовика с людьми. Они прошли по вражеским тылам более 150 километров (от Рославля мимо Спас-Деменска на северо-восток).

В ночь на 7 октября 1941 года у деревни Богатырь, ныне Угранского района Смоленской области, батарея капитана Флерова попала в засаду. Захватчики стремились любой ценой захватить батарею, чтобы разгадать секрет нового советского оружия. Капитан и его подчиненные вступили в смертельный бой. Пока одни отбивались от врага, другие бросились к боевым установкам. Под шквальным огнем они взорвали машины. Из 170 человек, составлявших батарею, за линию фронта прорвались только 46 бойцов. Остальные вместе с командиром погибли. Никто, как выяснилось после победы, в плен не попал. После боя немцы, осмотрев место, сняли с убитых награды, оружие, забрали документы. Хоронили воинов местные жители в районе деревни Богатырь — недалеко от большака Вязьма—Юхнов. Один из участников этого боя прошел всю войну и каждый год 9 Мая приезжал на могилу своих однополчан, ухаживал за ней вместе с местными жителями. Так продолжалось до 1984 года, потом многие сельские ветераны ушли из жизни. Заборчик, ограждающий могилу, сгнил и упал, а место захоронения вместе с дорогой, которая шла через поле к деревне, было запахано. Захоронение было утрачено.

В 1995 году Указом Президента Российской Федерации «О награждении государственными наградами Российской Федерации активных участников Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, Ивану Андреевичу Флерову было посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации. Руководство Смоленской области приняло решение найти и перезахоронить прах героев. Для выявления останков погибших воинов были приглашены вяземские поисковики под руководством А. Гаврикова и Л. Горшковой.

Когда установили место захоронения и расчистили его контуры, оказалось, что капитан Флеров (это видно было по «шпалам» на петлицах) покоился отдельно, а шесть человек лежали с другой стороны в ряд (один из них был старший лейтенант). На петлицах погибших хорошо просматривались артиллерийские эмблемы. Была организована торжественная церемония перезахоронения героев.

---

[1] http://www.otvoyna.ru/minomet.htm.

Она началась митингом в районном центре Угра, а затем колонна с гробами на артиллерийском лафете и с почетным караулом отправилась в поселок Знаменка, где был произведен залп современных реактивных установок «Град». Останки были торжественно перезахоронены в деревне Богатырь, у большака Вязьма—Юхнов.

В память о первом залпе «катюш» установлен памятный знак у дороги на окраине леса севернее деревни Пищалово. Надпись сообщает: «Здесь 14 июля 1941 года советские воины под командованием И. А. Флерова произвели первый залп из реактивных минометов «катюша» по немецко-фашистским захватчикам. Отсюда начался победоносный путь советской реактивной техники».

В Орше, на высоком живописном берегу Днепра, к 25-летию первого залпа легендарных «катюш» в 1966 году открыт мемориальный комплекс «Катюша». В центре самой высокой площадки комплекса на постаменте находится макет реактивного миномета БМ-13 на автомашине. Слева от входа в линию 8-метровые железобетонные элементы — рейки, размещенные на шести тумбах с рельефными пятиконечными звездами, которые символизируют пусковые установки. Справа — небольшой черный куб с мемориальной надписью.

Подвиг капитана И. А. Флерова чтут и в России. Он посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Эта награда передана на вечное хранение в Центральный музей Вооруженных Сил России. В честь подвига батареи Флерова в городах Рудня и Грязи сооружены памятники, открыт музей И. А. Флерова на его родине. Его именем названы улицы в Липецке, Грязях, Орше, Балашихе, совхоз в Смоленской области. Имя офицера И. А. Флерова навечно внесено в списки командного факультета Академии РВСН имени Петра Великого[1].

Великая Отечественная война стала Рубиконом для многих белорусских семей. В 1964 году в селе Пудать Витебского района в честь партизанского отряда Батьки Миная — Миная Филипповича Шмырёва — был установлен обелиск. Именно здесь в июле 1941 года из числа рабочих картонной фабрики был организован один из первых на белорусской земле партизанский отряд. Германские оккупанты ничего не могли противопоставить эффективной боевой деятельности отряда Шмырёва. В качестве ответа гитлеровцы захватили четверых детей Батьки Миная: Лизу, Сергея, Зину и Мишу. Судьба ни в чем не повинных людей зависела от решения командира партизанского отряда: или сдаться гитлеровцам в плен и, возможно, спасти собственных детей, или продолжать сражаться с оккупантами.

Четырнадцатилетняя Лиза сумела тайно передать из тюремных застенков записку, в которой просила своего отца не верить врагам. Решение Батьки Миная не было легким, как не было оно и простым. Долг коммуниста и патриота требовал продолжения непримиримой борьбы с германскими поработителями в составе своего отряда, долг отца — спасения своих детей.

Двенадцатого февраля 1942 года четырнадцатилетняя Лиза, десятилетний Сергей, семилетняя Зина, трехлетний Миша, мать жены и сестра командира отряда были расстреляны. Дорогую цену заплатил Батька Минай за свой выбор. Вот так военная пора свела воедино личную трагедию и трагедию всей страны. Хотя обелиск, установленный в 1964 году, посвящен самому отряду, но он же символизирует и личное мужество детей, которые внесли свой вклад в победу над германским фашизмом. А ровно через двадцать лет, в 1984 году, была увековечена и память о замученных детях Героя Советского Союза М. Ф. Шмырёва в виде четырех стилизованных пилонов со скульптурными изображениями замученных детей.

В исторической памяти белорусского народа каждая подобная история — как Вечный огонь! — священна.

---

[1] Виталий Мороз. Последний залп. 65 лет тому назад ушла в бессмертие первая батарея легендарных «катюш». Красная звезда. 7 октября 2006 года.

Памятник «Детям войны» открыт 3 июля 2009 года в Могилеве. В мероприятии приняли участие руководство области и города, представители Администрации Президента Республики Беларусь, депутаты парламента, зарубежные делегации, ветераны войны, представители трудовых коллективов, общественности и молодежи. Памятник построен на пожертвования служащих, рабочих, пенсионеров, ветеранов, молодежи, всех тех, кто не равнодушен к нашей истории, к памяти невинно убиенных во время военных действий, замученных в лагерях смерти малолетних граждан Беларуси.

Великая Отечественная война не обошла стороной поселок Красный Берег Жлобинского района Гомельской области. Здесь находился один из концентрационных лагерей для детей. Памятник построен в яблоневом саду деревни, в которой находился один из крупнейших детских донорских концлагерей. Открытие мемориального комплекса детям — жертвам войны состоялось 28 июня 2007 года в деревне Красный Берег. Свыше тысячи жителей съехались к памятному месту со всех уголков Гомельской области, чтобы почтить память находившихся в лагере детей в возрасте от 8 до 14 лет. Их увозили в Германию в качестве доноров для раненых солдат и офицеров вермахта. Всего около 2 тысяч детей, в том числе 15 из Краснобережского сельского Совета, фамилии которых установлены, были вывезены на погибель.

Эти трагические события и стали основой для создания мемориала. Центром композиции уникального памятника-ансамбля является «Площадь Солнца», над которой высится одинокая фигурка девочки. «Лучи» (аллеи) расходятся по яблоневому саду. Один из них — «Луч Памяти» — пересекает «мертвый класс» из белых пустых парт и школьной доски. На доске — предсмертное письмо отцу от идущей на смерть пятнадцатилетней девочки. Луч выходит на «Площадь Солнца», где располагаются витражи с рисунками, выполненными детьми в концлагерях. В центре — «Белый парусник» — мечта детства. Мемориал полон драматичных, берущих за душу символов.

Память воплощена не только в мемориалах, обелисках, монументах, а и в многочисленных научных и художественных произведениях, она живет в наших сердцах.

Замечательным памятником подвигу, совершенному на белорусской земле в годы Великой Отечественной войны, стало 146-томное издание историко-документальных хроник «Память», которые выпускались по решению правительства республики с 1985-го и были завершены к 60-летию Великой Победы. Книги «Память» — это уникальные малые энциклопедии районов и городов Беларуси. В них увековечена память всех воинов Красной Армии, погибших при обороне и освобождении нашей республики, воинов-земляков, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, партизан, подпольщиков, мирных жителей, ставших жертвами фашистского геноцида, а также тех, кто вернулся домой победителем.

Многочисленные документы, опубликованные в книгах «Памяти», являются настоящим открытием, коренным образом меняют наши представления по ряду узловых проблем Великой Отечественной войны. Можно смело утверждать, что в белорусской историографии никогда не было такой широкой публикации документов по истории Великой Отечественной войны, как в историко-документальных хрониках «Память».

Книги «Память» — это духовный памятник благодарных потомков подвигу белорусских людей, тем, кто не щадя самого дорогого — жизни, сознательно и смело шел на борьбу с врагом. На страницах этих уникальных книг навечно вписаны имена миллионов людей, защищавших белорусскую землю от иноземных захватчиков, безвинных жертв германского нацизма.

В Беларуси много делается для сохранения в общественном сознании памяти о героической и трагической истории Великой Отечественной войны. Значительную роль в формировании исторических знаний учащейся молодежи, воспита-

нии в них чувства уважения к памяти о героическом прошлом являются спецкурс и факультатив «Великая Отечественная война советского народа» (в контексте Второй мировой войны), введенные в высших учебных заведениях и школах Республики Беларусь с 1994 года.

С этой целью была разработана программа, подготовлены учебные пособия для учителей и учащихся. Для выполнения этого важного научно-методического проекта был создан творческий коллектив в составе высококвалифицированных ученых-преподавателей: А. А. Коваленя — научный руководитель проекта, доктор исторических наук, профессор; В. И. Лемешонок — доктор исторических наук, профессор; Б. Д. Долготович — кандидат исторических наук, профессор; кандидаты исторических наук, доценты М. Г. Жилинский, К. И. Козак, М. А. Краснова, С. Е. Новиков.

Успех решения проблемы определялся не только высокой научной квалификацией, но и тем, что все члены творческого коллектива профессионально занимались разработкой проблем истории Второй мировой войны. Используя новейшие достижения отечественной и зарубежной историографии, уникальные документальные материалы, было создано научно-методическое пособие, которое не имеет аналогов в школьной системе образования не только в Республике Беларусь, но и в странах СНГ.

В российском методическом журнале «Преподавание истории в школе» (№ 1, 2006) была опубликована рецензия В. А. Невежина «Учебное пособие по истории Великой Отечественной войны». Положительно оценивая работу, автор заметил, что в «преддверии 60-летия Победы в Минске вышло в свет по-своему уникальное учебное пособие. Во-первых, Великая Отечественная война рассматривается в нем в тесной связи и в общем контексте Второй мировой войны, по праву названной авторами крупнейшим вооруженным противостоянием в истории человечества. Во-вторых, поставлена задача изложения драматических и героических событий 1939—1945 гг. с учетом последних достижений исторической науки. Следует сразу отметить, что в целом эта задача успешно разрешена, поскольку в состав авторского коллектива учебника вошли известные белорусские историки во главе с доктором исторических наук, профессором А. А. Коваленей…»

В заключение российский профессор высказал мысль о том, что рецензируемую книгу можно квалифицировать как одну из удачных попыток довести до молодого поколения, входящего в жизнь, правду о Великой Отечественной и Второй мировой войнах, о героической и самоотверженной борьбе свободолюбивых народов против фашизма и милитаризма.

Через пять лет в российском «Военно-историческом журнале» (№ 8, 2009) была опубликована статья заместителя директора Центра образования № 1461 города Москвы А. Г. Малова-Гра — «Учебник как средство воспитания патриота и гражданина». Отмечая достоинства учебного пособия, автор пишет: «Помимо основательного фактического материала в текстах авторы белорусского учебника отвели достаточно много места иллюстративному ряду: в книге около 450 иллюстраций, в том числе 28 карт, много впервые опубликованных старых фотографий из фондов Музея истории Отечественной войны, передающих дух эпохи. Внешне учебник оформлен на высоком уровне: схемы и таблицы — цветные, яркие и весьма содержательные. Фотографии представлены не только подписями, но и интересными комментариями.

Приведем пример только двух снимков, которые дают возможность каждому ученику «почувствовать» себя на оккупированной территории: немецкий плакат «Русский должен умереть — чтобы мы жили» и второй — «Вода только для немцев». Подобных иллюстраций в учебнике много. Авторы использовали оптимальный прием: меньше слов, больше документов, иллюстраций и карт.

В заключение отметим, что авторам удалось создать учебник, служащий не разобщению, а консолидации общества. Именно это, на наш взгляд, необходимо

и в России, особенно сейчас, при обилии информации и попытках пересмотреть объективные оценки войны. Причем, как в сторону нивелирования роли СССР в Победе, так и — создания лубочной картинки — бездушного мифа, где все и вся разделены только на черное и белое. Особенно это необходимо в преддверии знаменательной даты — 65-летия Великой Победы».

Белорусская земля была ареной жестоких боев, она изведала и горечь отступлений, и радость побед. Белорусский народ свято чтит память о героическом сопротивлении немецко-фашистским оккупантам. Для нас — в каждом районе была своя «Брестская крепость», свои защитники. И это не красивый литературный образ, а дань уважения и преклонения перед известными и безымянными воинами, положившими свои головы на полях сражений, на территории пограничных застав, в городах, деревнях и укреплениях на полях... Известное изречение гласит: «Кто не помнит своего прошлого, обречен на его повторение». Может ли белорусский народ не хранить память о Великой Отечественной войне? Нет, не может. Ведь не для этого наши отцы и деды отстаивали с оружием в руках родную землю, чтобы в XXI веке мы, наследники той Великой Победы, отказались от неотъемлемой части нашей истории.

В стране проводится большая работа не только по созданию мемориалов, но и по духовному увековечению героических событии Великой Отечественной войны. Много делается по подготовке и изданию монографических исследований, проведению научно-практических конференций, «круглых столов» и научных дискуссий. Только в 2005 году Институт истории Национальной академии наук подготовил фундаментальный труд «Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945», в котором обобщены и военные события 1941 года. В издательстве «Белорусская Энциклопедия имени П. Бровки» 2 июля 2009 года прошла презентация уникального издания «Энциклопедия Победы. Беларусь—Москва». Это совместный проект Министерства информации Республики Беларусь и Правительства Москвы. Книгу подготовило издательство «Белорусская Энциклопедия имени П. Бровки» совместно с российским издательством «Армпресс» и ОАО «Московские учебники и Картолитография» и учеными Института истории Национальной академии наук Беларуси.

Накануне 65-й годовщины Великой Победы советского народа над нацистской Германией значительно активизировалась работа по увековечению памяти о защитниках Отечества. Например, в связи с празднованием 65-й годовщины освобождения Беларуси от германских захватчиков и в целях увековечения подвига воинов Красной Армии, трудящихся, партизан и подпольщиков, совершенного при защите и освобождении белорусских городов и других населенных пунктов, вымпелом «За мужество и стойкость в годы Великой Отечественной войны» награждены 22 населенных пункта страны. Президент Беларуси Александр Лукашенко подписал 29 июня 2009 года соответствующий указ. В документе отмечено, что за мужество и стойкость, проявленные защитниками, награждены вымпелом города: Брест, Бобруйск, Борисов, Витебск, Гомель, Гродно, Жлобин, Заславль, Кличев, Кричев, Лида, Минск, Могилев, Молодечно, Орша, Полоцк, Скидель, городские поселки Бегомль, Лоев, Октябрьский (Карпиловка), Ушачи, деревня Острошицкий Городок.

Увековечение памяти тех, кто в суровые годы Великой Отечественной войны самоотверженно выступил на защиту Родины против сильного и коварного врага, — это не только естественная научная работа историков, но и общественная необходимость. Ведь память о героических и трагических страницах наиболее трудного периода отечественной истории — это богатейший материал для патриотического воспитания молодого поколения, неисчерпаемый источник мужества, героизма и самопожертвования. Не каждому народу дано иметь такую богатую историю, насыщенную бесчисленными примерами мужества, стойкости и исполнения воинского и гражданского долга.

«Давайте, люди, никогда об этом не забудем!»[1]

Накануне знаменательной даты — 65-летия Великой Победы, 3 марта 2010 года, в Институте истории Национальной академии наук Беларуси состоялся «круглый стол», на котором выступили ученые-историки и писатели. Как отметил в своем вступительном слове ведущий этого заседания академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств, директор ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя, «главная тема нашего обсуждения — проблема сохранения памяти о событиях войны».

— Память о больших ратных свершениях народа всегда являлась наиважнейшей духовной сутью идеологии каждого победившего государства, — сказал А. А. Коваленя. — При этом необходимо подчеркнуть, что победа Советского Союза над нацистской Германией была добыта в справедливой, освободительной войне. Немецкие агрессоры стремились самыми варварскими методами уничтожить и поработить славянские народы, ликвидировать государственный суверенитет СССР и создать мировую гегемонию. Научная разработка вопросов истории Второй мировой войны сегодня приобретает принципиальный характер. Сохранение и донесение будущим поколениям памяти о героизме и мужестве народа — одна из наиважнейших задач исследователей военных проблем.

В этой связи я хочу подчеркнуть, что белорусский народ по своей сути — народ-праведник. ПРАВЕДНИК — в православии святой, который прославился подвигами и святостью жизни в обычных мирских условиях.

«Спасая попавших в беду воинов, — вспоминают бывшие солдаты и офицеры, — белорусы нередко погибали сами, но солдат и офицеров Красной Армии на расправу врагу не выдавали. Никого. Ни бурят, ни карелов, ни черкесов, ни удмуртов. Оберегали всех».

Нельзя не отметить, что сегодня делается все возможное, чтобы внести смуту, посеять недоверие в рядах славянского мира. Эти попытки не новые. Из древних сундуков холодной войны опять и опять вытаскиваются проекты, направленные на реанимацию глубокого цивилизационного раскола в славянском мире. На наше большое счастье, и это особо надо подчеркнуть, такие проекты готовятся не в Киеве, не в Варшаве, не в Москве и тем более не в Минске. Опираясь на силы, имеющиеся в славянских государствах, эти проекты постоянно продвигаются и направлены на создание разделительных барьеров в славянском мире...

Представляется, что наш «круглый стол», который проводится накануне Великой Победы, должен содействовать консолидации подходов в изучении проблем Второй мировой и Великой Отечественной войн, установлению взаимопонимания между исследователями. Отмечая огромный вклад Советского Союза и стран антигитлеровской коалиции в общую победу, нам необходимо обратиться к народам славянских государств и их лидерам с вопросом о недопущении политики противостояния в славянском мире.

Это вовсе не значит, что мы не должны изучать острые, сложные и противоречивые страницы истории. Думаю, что даже, наоборот, могут быть созданы совместные рабочие научные группы по исследованию наиболее сложных и недостаточно изученных проблем общей истории.

---

[1] Александр Твардовский.

АДАМУШКО Владимир Иванович *(г. Минск), директор Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент:*

— Одно из центральных мест в публикационной работе государственных архивов нашей страны в конце XX—начале XXI вв. занимает документальное освещение истории Великой Отечественной войны. Актуальной данная проблематика продолжает оставаться и в настоящее время. Большое внимание при этом белорусские архивисты уделяют качественной стороне документальных публикаций. По подбору материалов абсолютное большинство из них составляют тематические публикации.

Приоритетной задачей при подготовке сборников документов и архивных справочников является освещение малоизвестных и неизвестных страниц Великой Отечественной войны на территории Беларуси, введение в научный оборот новых, ранее не публиковавшихся документов.

В последние годы государственные архивы при подготовке документальных публикаций по военной истории широко сотрудничают с различными организациями как в нашей стране, так и за ее пределами. Партнерами белорусских архивистов являются Белорусский республиканский фонд «Взаимопонимание и примирение», Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь, Государственный мемориальный комплекс «Хатынь», общественное объединение «Республиканский фонд «Холокост», Музей истории и культуры евреев Беларуси, Центральный архив КГБ Республики Беларусь, Федеральное архивное агентство России и различные российские федеральные архивы, а также Институт им. Людвига Больцмана по исследованию последствий войн в Граце (Австрия). Плодотворно развивается сотрудничество белорусских архивистов с немецкими коллегами в области выяснения судеб советских военнопленных. Основу взаимодействия белорусских и немецких исследователей составляет Договор от 29 апреля 2002 г. между объединением «Саксонские мемориалы в память жертвам политического террора» (Германия) и государственным учреждением «Национальный центр по архивам и делопроизводству» (теперь — Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь). Результатом совместной работы белорусских и немецких исследователей в этом направлении стала книга **«Цайтхайн — Книга памяти советских военнопленных» (Минск—Дрезден, 2006)**. Благодаря этой книге, а также ранее опубликованным книгам «Памяти», многие наши граждане смогли узнать больше о судьбе своих близких, которые были узниками немецких лагерей.

В последнее десятилетие исключительное место в работе государственных архивов Беларуси по изданию источников о Великой Отечественной войне отводится взаимодействию и сотрудничеству с российскими архивистами. Совместными усилиями архивистов наших стран был осуществлен ряд успешных издательских проектов. В числе таких публикаций следует отметить уникальный сборник документов и материалов в двух книгах **«Освобожденная Беларусь» (Минск, 2004, 2005)**. В нем опубликованы документы, в которых говорится о событиях, происходивших на территории Беларуси сразу после ее освобождения. В книге показано, как в условиях военного времени, а затем в первые послевоенные месяцы, в Беларуси решались вопросы военного, экономического и политического характера.

Тема освобождения отдельных регионов Беларуси от немецко-фашистских захватчиков нашла отражение и в сборнике документов и материалов **«Витебщина освобожденная. Октябрь 1943—декабрь 1945».** Он был подготовлен и издан в 2009 г. совместными усилиями архивистов Витебской области и НАРБ.

В публикационной деятельности белорусских архивов значительное внимание уделяется предвоенному периоду, времени, когда вызревали события, приведшие к мировой катастрофе 1939—1945 гг. В 2007 г. вышел в свет сборник документов и материалов **«Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. — 1941 г.)»**. Данное издание явилось результатом сотрудничества

НАРБ и Российского государственного военного архива. В нем опубликованы документы и материалы, раскрывающие организационное строительство войск Красной Армии на территории Западного (Белорусского) особого военного округа, принявшего в начале Великой Отечественной войны основной удар германских войск. Среди документов — доклады руководства Народного комиссариата обороны СССР, Генерального штаба Красной Армии, командования ЗапОВО, постановления ЦК КП(б)Б и СНК БССР, письма секретаря ЦК КП(б)Б Пономаренко Сталину. Впервые в научный оборот вводятся донесения о мобилизационной готовности войск округа, материалы инспекторских смотров и учений, разведсводки штаба ЗапОВО, спецсообщения НКВД БССР.

Переломному в истории Гродненской области периоду, 1939—1945 гг., посвящен сборник документов **«Гродненщина накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939—1945)» (Гродно, 2005 г.)**, подготовленный Государственным архивом Гродненской области и Государственным архивом общественных объединений Гродненской области. В сборнике опубликованы организационно-распорядительные документы, переведенные документальные материалы немецких оккупационных властей, не публиковавшиеся ранее фотографии, воссоздающие историю данного региона.

В публикациях о Великой Отечественной войне нельзя обойти вниманием деятельность Государственного комитета обороны (ГКО), являвшегося в 1941—1945 гг. чрезвычайным высшим органом власти в СССР. Итогом совместной работы архивных служб Беларуси и России стал справочник **«Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного комитета обороны» (Минск, 2008 г.).** В нем собраны сведения о Беларуси, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории.

Драматичный и малоизученный до настоящего времени начальный период истории войны в Беларуси освещен в сборнике документов и материалов **«Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня—август 1941 г.)» (Минск, 2006 г.**). В его подготовке приняли участие НАРБ, Государственный архив Российской Федерации, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. Помещенные в издании уникальные документы и воспоминания дополнены систематизированным «Списком руководящих партийных и советских работников БССР по состоянию на 20 мая 1941 г.» с указанием фамилии, имени, отчества, занимаемой должности.

В публикационной деятельности государственных архивов была затронута и такая важная тема начального периода Великой Отечественной войны, как эвакуация. В сборнике документов **«Приказано приступить. Эвакуация заключенных из Беларуси в 1941 году» (Минск, 2005 г.)** речь идет о судьбе арестованных и осужденных лиц, которые содержались накануне войны в тюрьмах и колониях Беларуси. В основу этого сборника легли документы НАРБ и Государственного архива Российской Федерации. Неразработанность данной тематики в отечественной историографии во многом определила уникальность издания.

Не могли пройти белорусские архивисты мимо такой важной темы, как история партизанского движения на оккупированной территории Беларуси. Так, в 2005 г. увидел свет подготовленный совместно с Институтом истории НАН Беларуси сборник **«Авиация — партизанам»**. Эта книга вызвала большой интерес у общественности. В ней, наряду с архивными документами, опубликованы воспоминания боевых летчиков об участии авиации в материально-техническом обеспечении партизанских формирований Беларуси, эвакуации людей через линию фронта в советский тыл.

Первым в отечественной историографии изданием, посвященным такому малоизвестному эпизоду в партизанском движении, как участие в нем евреев, явилась книга «**Встали мы плечом к плечу… Евреи в партизанском движении Белоруссии. 1941 — 1944 гг.» (Минск, 2005 г).** Основной частью сборника стали списки евреев-партизан (более 8500 человек), воевавших с врагом в партизанских отрядах.

Проблеме Холокоста посвящены 2 книги, подготовленные в 2008—2009 гг. Это документальные сборники **«Выжить — подвиг. Воспоминания и документы о Минском гетто» (Минск, 2008 г.)** и **«Свидетельствуют палачи. Уничтожение евреев на оккупированной территории Беларуси в 1941—1944 гг.» (Минск, 2009 г.).** В этих сборниках опубликованы воспоминания узников Минского гетто, записи бесед в 1942—1944 гг. сотрудников разведывательного отдела БШПД с партизанами — бывшими узниками гетто и подпольщиками, содержатся документы НАРБ о преступлениях немецко-фашистских оккупантов против еврейского населения Беларуси в 1941—1944 гг., в том числе документы немецких учреждений и воинских формирований, а также показания немецких военнопленных. Большую научную и историческую ценность представляют сведения о местах массового уничтожения и депортации евреев на территории Беларуси.

Данные документальные публикации являются совместным изданием Государственной архивной службы (ГАС) Республики Беларусь, Республиканского фонда «Холокост» и Музея истории и культуры евреев Беларуси.

Режим оккупации, бедствия белорусского народа, связанные с ней, показаны в научно-популярном издании В. Селеменева и В. Шимолина **«Охота на палача: историко-документальный очерк» (Минск, 2007 г.)**. Авторы, опираясь на малоизученные архивные документы, дополняют новыми фактами события, связанные с уничтожением в 1943 г. генерального комиссара Беларуси В. Кубе.

Одной из кровавых страниц так называемой «восточной политики» нацистской Германии на территории Беларуси было уничтожение населенных пунктов вместе с их жителями. Из 433 сожженных карателями деревень, 186 после войны не возродились. Символом трагедии белорусского народа стала небольшая деревня Хатынь. Об уничтожении этой деревни в марте 1943 г., а также истории возведения здесь мемориального комплекса рассказывает сборник документов и материалов **«Хатынь. Трагедия и память»**. Вышедший из печати в 2009 г. сборник включил в себя документы НАРБ, Центрального архива КГБ Республики Беларусь, Белорусского государственного архива научно-технической документации, ГА Минской области, Зонального государственного архива в г. Борисове, текущего архива Министерства культуры Республики Беларусь, личного архива Л. М. Левина, материалы периодической печати.

В последнее время государственные архивы нашей страны обратились к новым темам в публикационной деятельности.

В 2007 г. увидел свет сборник статей **«Австрийцы и судетские немцы перед советскими военными трибуналами в Беларуси 1945—1950 гг.»**. Двуязычное издание было подготовлено совместно с Институтом им. Людвига Больцмана по исследованию последствий войн (Австрия). Сборник, целиком основанный на документальных материалах, включает 12 статей австрийских, белорусских и российских исследователей и является первым изданием о советских послевоенных процессах над нацистскими преступниками.

Проблемы увековечения памяти погибших в годы Великой Отечественной войны солдат и офицеров Красной Армии, партизан, подпольщиков и мирных граждан нашли свое отражение в вышедшем в 2008 г. сборнике документов и материалов **«Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941—2008 гг.»**. Сборник был подготовлен архивистами НАРБ совместно с Управлением по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь и стал первым документальным изданием по указанной проблеме. В нем опубликованы документы НАРБ, составившие его основу, а также документы из государственных архивов Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской, Минской, Могилевской областей и др.

Документы государственных архивов Беларуси широко представлены в сборниках статей, связанных с научными конференциями и «круглыми столами», проводимыми, как правило, в юбилейные годы и посвященными разработке проблем истории Великой Отечественной войны. Среди них: сборники статей

«Выстояли и победили: свидетельствуют архивы» (Витебск, 2005), «Пра вайну апошняе слова не сказана» (Мн., 2005), «Быў подзвіг. I была перамога» (Мн., 2006).

Всего в 2005—2010 гг. государственными архивами было подготовлено и опубликовано 23 сборника документов.

ЛИТВИН Алексей Михайлович, *заведующий отделом военной истории и межгосударственных отношений Института истории НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор:*

— Ради чего проводятся научные конференции и «круглые столы»? Ради чего мы встретились в этом зале?

Главная причина — это дань Памяти тем, кто отдал свои жизни, свое здоровье, свои судьбы за то, чтобы мы жили. И пока государство, общественность, каждый из нас помнит об этом, пока отмечаются юбилеи Победы, значительные героические и трагические даты и события той войны, будет существовать Память. И это не просто возвышенные слова. В зале присутствуют литераторы, писатели, журналисты — представители средств массовой информации. Мы сегодня должны вместе подумать о том, почему, несмотря на большое количество научной и другой литературы, произведений искусства, молодежь очень мало знает о прошедшей войне? И что особенно обидно, мало знает о том, что является гордостью всего белорусского народа — о роли партизанского движения и подпольной борьбы, вкладе нашего народа в Победу. Считаю, что этот вопрос заслуживает специального изучения и обсуждения с участием представителей государственных органов, идеологической вертикали, учреждений науки, образования, общественных организаций.

Учитывая, что в зале присутствуют представители средств массовой информации, несколько слов скажу о работе отдела военной истории и межгосударственных отношений. В этом году в отделе завершается коллективное обобщающее исследование «Беларусь в войнах и военных конфликтах XX столетия». Книга должна быть напечатана в 2011 году. В этой работе впервые в истории сделана попытка в комплексе показать участие белорусов и жителей Беларуси в войнах и военных конфликтах: Русско-японской войне 1904—1905 гг., Первой мировой (1914—1918), советско-польской (1919—1921 гг.), межвоенных конфликтах и войнах 20—30-х годов, Второй мировой и Великой Отечественной войнах, войнах и военных конфликтах 1950—1980 гг. Это очень большая тема. Отдел активно собирает документы и воспоминания жителей Беларуси — участников послевоенных конфликтов, создает банк документальных сведений о наших соотечественниках. Поэтому мы будем благодарны всем, кто пришлет свои воспоминания, фотоснимки, другие документы о своем участии в войнах и послевоенных конфликтах (Афганистан, Ангола, Вьетнам, Египет, Корея, Китай, Куба, Мозамбик, Сирия, Эфиопия).

12 марта 2010 года отмечается 70-летний юбилей окончания советско-финляндской войны (1939—1940). Эта война, по ряду причин, всячески замалчивалась советской историографией. Почти ничего не было известно об участии в этой войне наших соотечественников. Мы подготовили и сдали в печать книгу «Советско-финляндская война и Беларусь», в которой впервые сказано об участии в этой войне трех стрелковых и одного кавалерийского корпусов, десяти стрелковых и трех кавалерийских дивизий, танковых, артиллерийских, авиационных и других частей и подразделений Белорусского отдельного военного округа, общим количеством более 120 тысяч человек.

Впервые даны сведения о более чем 9500 наших соотечественников, погибших на той войне.

Работа над темой показала, что она требует дальнейшего исследования. На наш взгляд, было б интересным проследить судьбу объединений, соединений и частей, участвовавших в советско-финляндской войне, в оборонительных боях на территории Беларуси летом 1941 г. Для примера. После окончания советско-

финляндской войны на территорию Беларуси возвратились 8, 50, 100, 139 и 150-я стрелковые дивизии и дополнительно прибыли девять новых стрелковых дивизий: 17, 24, 37, 42, 49, 56, 75, 86 и 155-я.

Многие участники советско-финляндской войны сражались в партизанах, были подпольщиками, отличились на фронтах Великой Отечественной войны, стали Героями Советского Союза, известными военачальниками.

КУЗЬМЕНКО Владимир Иванович*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории НАНБ:*

— Я хотел бы затронуть проблему продолжающихся попыток пересмотра истории и итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Ведь у нас не только 65-летний юбилей победы в Великой Отечественной войне. В сентябре 2010 года — 65-летие окончания Второй мировой войны.

Заострено внимание на действительно очень важной проблеме.

Почему существуют идеологическое противостояние, противоречия в стане военных историков, в том числе в международном масштабе?

Нужно помнить, что с окончанием Второй мировой войны Советский Союз стал геополитической силой, равновеликой всем странам Запада. И это вызывало в лагере его бывших союзников очень большие опасения. Поэтому в ходе развернувшейся «холодной войны» в западных средствах информации, в трудах обществоведов начал создаваться малопривлекательный образ СССР периода 1939—1945 гг., сознательно преуменьшаться его вклад в разгром фашизма. Политика… Проводилась мысль: от страшной угрозы нацизма человечество спасли прежде всего союзные страны «свободного мира». Исходя из политических целей, такая линия многими зарубежными обществоведами проводится и поныне, когда уже и Советского Союза больше не существует.

На фоне очевидного нового передела мира и соперничества за «наследство Советского Союза» информационно-идеологическое давление продолжается уже на бывшие республики СССР, ставшие независимыми государствами.

Особая опасность в том, что появляются планы пересмотра истории, итогов Второй мировой войны не только в СМИ, но и на государственном уровне, в том числе с претензиями на территориальные изменения в сложившейся послевоенной так называемой Ялтинско-Потсдамской системе. Имеются опасные намерения изменить место и роль в мире победивших в войне с фашизмом России, Беларуси, Украины, других стран СНГ. При этом делаются попытки пересмотреть не все итоги Второй мировой войны и территориальные приращения, а только те, что были в пользу Советского Союза.

В сегодняшних условиях предпринимаются попытки создать новую версию происхождения и развития Второй мировой войны, попутно очернив воинский подвиг народов Советского Союза. Нападки на нашу Победу ведутся по нескольким направлениям. В частности, СССР обвиняется в подготовке с конца 30-х годов XX века завоевательного похода в Центральную и Западную Европу, в подготовке нападения на Германию летом 1941 г. и, в итоге, объявляется виновником в развязывании войны.

Приходится читать то тут, то там о «новых подходах» в зарубежной историографии по истории Беларуси периода Второй мировой войны.

Зарубежную, в том числе современную, историографию по военной истории Беларуси, конечно, следует изучать, но вряд ли нам следует ей безоглядно аплодировать за ее «новационность». Конечно, современные молодые западные авторы пишут несколько иначе, чем их коллеги в период «холодной войны». Однако, как и их предшественники, они зачастую плохо знают наши архивы, основываются в своих работах главным образом на немецких документах, сказывается при создании их трудов и западный менталитет, мироощущение. В результате некоторые авторы при описании антифашистской борьбы, нашего партизанского движения, действий, устремлений, судеб его конкретных участников применяют

сугубо западные мерки и оценки: выгода, польза, карьера и т. п. О патриотизме, нравственных побуждениях зачастую речь не идет. Читателю нередко предлагаются поверхностные, предвзятые, далекие от истины рассуждения и умозаключения на заданную тему.

Ведь важно не только прочитать, что они там пишут о Беларуси, и пересказать это нашей аудитории, нашему читателю и даже переиздать у нас интересную западную книгу. Но еще важнее — увидеть, где они правы, а где — нет, вступить с ними в полемику. Как это и делают некоторые наши военные историки. Тот же Ю. Туронак утверждал, что в Беларуси насчитывалось около 100 тыс. членов СБМ. Посмотрели, разобрались, оказалось: где-то чуть больше 12 тыс. человек.

Что говорить о зарубежной историографии, если в самой Беларуси, вспомним, имелись попытки националистической ревизии истории Второй мировой войны. Особенно в первой половине 90-х годов XX века, когда некоторыми на щит поднимались книги и статьи проколлаборационистски настроенных авторов — Акулы, Мерляка, Найдюка и Косяка, Колубовича, Кушеля, Кипеля и других. Отметим, что все эти авторы в своих публикациях как мемуарного характера, так и с претензией на «научность» стремились обелить или даже преподнести возвышенно свои поступки и устремления в военный период, объясняя их национал-идеалистическим и даже «истинно-патриотическим» мировоззрением, якобы присущим им в то время.

Таким образом, проблема вольного обращения с историей Второй мировой и Великой Отечественной войн, манипулирования ею, разрушения смыслов Великой Победы не должна игнорироваться. Это опасное явление, способствующее нарастанию нестабильности в мире. Для Беларуси, Украины, России навязываемый пересмотр итогов войны — это, в первую очередь, обессмысливание жертв их народов в 1941—1945 гг.

***НОВИКОВ Сергей Евгеньевич**, заведующий кафедрой истории и белорусоведения Минского государственного лингвистического университета, кандидат исторических наук, доцент:*

— Основанием для обращения к этой теме явился выход 800-страничной книги сибирского ученого Р. Алиева «Штурм Брестской крепости», которая не имеет аналогов в отечественной военно-исторической литературе. Алиев предлагает читателю своеобразный взгляд на события, показывая с немецкой стороны ход боевых действий во время захвата оборонительного плацдарма Брестской крепости летом 1941 года. Исследуя почти поминутно многодневный штурм, проведенный подразделениями 45-й немецкой пехотной дивизии, российский исследователь приходит к важному выводу: в отечественной историографии отсутствует фундаментальное исследование об истории защиты Брестской крепости в начале Великой Отечественной войны.

Острая необходимость во всестороннем анализе хода боевых действий и критическом осмыслении их фактических итогов на брестском рубеже защиты как для немецкой, так и советской сторон вызвана введением в последнее время в научное обращение ряда принципиально важных документов и др. Благодаря введению в обращение новых документальных материалов появились более благоприятные условия для существенного углубления исторических знаний, написания на новой документальной основе научных работ и в результате цельного осмысления не только героических, но и трагических страниц истории защиты крепости в Бресте летом 1941 года.

Изучение отечественной историографии позволяет сделать вывод, что интерес к защите Брестской крепости у научной общественности не пропадал в течение всего послевоенного времени, однако так и не стал предметом специального научного исследования для послевоенной белорусской исторической науки. Отсутствие в отечественной историографии специального научного исследования привело к тому, что до настоящего времени остаются «белые пятна» в истории защиты Брестской крепости летом 1941 года. Традиционно в поле зрения

были в основном исключительно героические страницы, оставляя без должного внимания трагическую судьбу большинства участников обороны крепости.

Разговор идет о 101 советском офицере и 7122 младших командирах и рядовых [Федеральный военный архив Германии — BA-MA. RH 26-45/27: Gefechtsbericht über die Wegnahme von Brest-Litowsk, v. 8.07.41.], или почти о трети личного состава 6-й и 42-й советских стрелковых дивизий по состоянию их укомплектованности на 22 июня 1941 года. То есть, на территории Брестской крепости и в черте города Бреста к концу месяца в немецкий плен попали 7223 красноармейца. При этом вечером 28 июня на территории крепости немцами было выявлено «почти 2000 убитых русских». Однако в отечественной историографии пока остаются открытыми вопросы о причинах плена, о местонахождении советских пленных в немецком плену и о судьбе советских военнопленных. Потому в настоящее время перед белорусскими историками стоит важная задача — ликвидировать выявленное «белое пятно» и максимально содействовать «полному и всестороннему раскрытию событий, связанных с защитой Брестской крепости», о чем еще в конце 1970-х годов писал легендарный защитник крепости Герой Советского Союза П. М. Гаврилов.

НОВИК Евгений Константинович, *заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, доктор исторических наук, профессор:*

Я вам продемонстрирую книгу белорусского историка Захара Шибеко «Нарыс гісторыі Беларусі. 1795—2002» (Минск, 2003), в которой на удивление грубо и нагло фальсифицируется история Второй мировой и Великой Отечественной войн. Цитирую: «В то время, когда поляки защищали Варшаву, на Польское государство напал Иосиф Сталин. Так началась Вторая мировая война. Гитлер и Сталин выступили в ней вначале союзниками». Далее автор освободительный поход Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину называет «советской захватнической акцией», а слова «освободительный поход» берет в кавычки. А разделы, в которых он так пишет, называются: «Поджигатели мировой войны» и «Военные действия «союзников» против Польши».

Во-первых, даже школьники знают, что Вторую мировую войну начала фашистская Германия нападением на Польшу 1 сентября 1939 года. Советский Союз ввел свои армии в Западную Белоруссию и Западную Украину тогда, когда немецкие войска оккупировали всю собственно польскую территорию и заняли Брест, Белосток и другие населенные пункты, которые должны были принадлежать СССР, когда Польское государство было уже фактически уничтожено, а ее правительство оставило страну, когда нависла угроза фашистского порабощения белорусских и украинских земель. Руководство СССР, исходя из своих политических и военно-стратегических интересов, сделало все для того, чтобы к Советскому Союзу были присоединены земли, входившие в состав бывшей Российской империи, а позже Советской России, которые в 1919—1921 гг. захватила буржуазная Польша и которые по праву должны были находиться в составе БССР и УССР. Потому нет никаких оснований называть Советский Союз «поджигателем мировой войны», обвинять СССР в развязывании Второй мировой войны, а действительно освободительный поход Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину называть «советской захватнической акцией».

Во-вторых, Советский Союз и фашистская Германия никогда не были союзниками, как ошибочно утверждает З. Шибеко, который стремится дискредитировать социализм как систему и поставить знак равенства между СССР и фашистской Германией, социализмом и фашизмом. Ни в договоре между СССР и Германией о ненападении от 23 августа 1939 года, ни в дополнительном секретном протоколе к нему не содержались пункты о взаимной помощи, о совместных военных действиях против государств, которые бы напали на одну из стран, подписавших договор, или против государств, которые находились бы в состоянии войны с Советским Союзом или фашистской Германией.

Общеизвестно, что война с первых дней получила название «Великой Отечественной». В той же книге Захара Шибеко термин «Великая Отечественная война» вообще не употребляется, а параграфы книги называются так: «Разгар немецко-советской войны. Июнь 1941 г. — сентябрь 1943 г.» ; «Окончание немецко-советской войны. Сентябрь 1943 г. — май 1945 г.». В книге историков Белорусского государственного университета «Гісторыя Беларусі. У 2 частках. Частка 2. XIX—XX стагоддзі: Курс лекцый» (Минск, 2002) тема VII называется «Беларусь у перыяд Другой сусветнай вайны». Ни одна из названий лекций этой книги не содержит термина «Великая Отечественная война», зато в самих текстах лекций этот термин стыдливо несколько раз упоминается. Такая же позиция авторов отражена в книге «Гісторыя Беларусі ў кантэксце еўрапейскай цывілізацыі: Дапаможнік» (Минск, 2003), изданной Республиканским институтом высшей школы.

Складывается впечатление, что эти книги писали не потомки героического советского народа, который в июне 1941-го стал на защиту своего Отечества, а потомки американцев, англичан и французов, для которых 1939—1945 гг. действительно являются годами Второй мировой войны. Для белорусов, как и для представителей других народов Советского Союза, 1941—1945 гг. — это годы Великой Отечественной войны советского народа. Тяжело поверить в то, что профессиональные белорусские историки этого не знают или про это забыли.

Подполковник ***ЧИРВИНСКИЙ Виталий Станиславович,*** *начальник группы (организации военно-исторической и геральдической работы) военно-научного комитета Вооруженных Сил Республики Беларусь:*

— Я представляю группу военно-научного комитета Вооруженных Сил Республики Беларусь, которая по роду своей служебной деятельности занимается вопросами военной истории и военной геральдики.

Планом военно-исторической работы в Вооруженных Силах Республики Беларусь на 2010 год определено, что основной задачей в текущем году является организация и проведение мероприятий, посвященных 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Среди мероприятий хотелось бы в первую очередь отметить следующие.

Преподавательский состав цикла истории войн и военного искусства Военной академии в июне текущего года заканчивает военно-историческое исследование «Наступательные операции завершающего периода Великой Отечественной войны». Планируется издание соответствующего учебного пособия. (Все работы, о которых будет идти речь, планируется издать.)

На военной кафедре Витебского государственного университета имени П. М. Машерова исследуются материалы для исторического очерка «Белорусская стратегическая оборонительная операция (22 июня — 9 июля 1941 г.)».

Курсантами военного факультета Минского государственного высшего авиационного колледжа изучаются малоисследованные страницы истории Военно-воздушных сил, а именно участие 13-й бомбардировочной авиационной дивизии в начальном периоде Великой Отечественной войны.

Большое значение в Вооруженных Силах Республики Беларусь придается изучению и обобщению исторического опыта деятельности по организации и руководству партизанской борьбой на территории Беларуси. Так, на военно-техническом факультете в Белорусском национальном техническом университете в настоящее время проводится военно-историческое исследование о работе Белорусского штаба партизанского движения, а военно-научным отделом Главного штаба Сухопутных войск и штабами оперативных командований изучается опыт организации борьбы на захваченной противником территории, совместных действий с регулярными войсками на примере партизанского движения на территории Беларуси, а также применения партизанских формирований в ходе проведения войсковых операций.

На военной кафедре Витебского государственного университета исследуется опыт подготовки военнослужащих войск связи в годы Великой Отечественной войны.

Истории Центрального Дома офицеров, связанной с периодом Великой Отечественной войны, посвящено военно-историческое исследование «Фронтовые дороги Минского Дома офицеров», которое проводится в настоящее время на военно-техническом факультете в Белорусском национальном техническом университете.

В Вооруженных Силах в текущем году запланировано изучение опыта тылового обеспечения войск во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., причем, по различным направлениям тылового обеспечения. Так, военной кафедрой Витебского государственного медицинского университета запланировано проведение военно-исторических исследований по темам: «Организация медицинского снабжения Белорусской операции», «Военные аптеки в годы Великой Отечественной войны». Результаты данных исследований уже в этом году будут использованы в учебном процессе при подготовке курсантов-медиков.

На военном факультете Гродненского государственного университета имени Янки Купалы изучается тема «Роль продовольственного и обозно-вещевого снабжения Западного особого военного округа в обеспечении боевой готовности войск накануне Великой Отечественной войны».

Финансовое обеспечение партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны в настоящее время изучается на военно-техническом факультете в Белорусском национальном техническом университете.

Управление горючего и смазочных материалов Министерства обороны проводит военно-историческое исследование на тему «Обеспечение горючим действий советских войск в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

К 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне в Вооруженных Силах запланирован ряд военно-исторических конференций.

Широко представлена тема 65-летия Победы в военных средствах массовой информации — журнале «Армия», передачах телекомпании «ВоенТВ» и других. «Белорусская военная газета» с нового года выходит с вкладышем фронтовой газеты «Красноармейская правда» за 1945 год, что представляет собой не только хороший фактурный материал для тех, кто интересуется историей, но также является наглядным пособием военно-патриотического воспитания.

Военно-научный комитет Вооруженных Сил принял непосредственное участие в проведении тендера по изготовлению единой юбилейной медали «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», эскиз которой был утвержден Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 10 октября 2008 года.

Тендер на производство юбилейной награды в Беларуси выиграл Витебский приборостроительный завод, где планируется изготовить 85 тысяч медалей. Медаль имеет форму круга, на лицевой стороне медали — изображение ордена Славы I степени.

Указом Президента Республики Беларусь было утверждено Положение о порядке награждения юбилейной медалью, в соответствии с которым данной награды будут удостоены не только ветераны Великой Отечественной войны, военнослужащие Вооруженных Сил Беларуси, других войск и воинских формирований, но и госслужащие и другие лица, внесшие значительный вклад в героико-патриотическое воспитание граждан Беларуси, увековечение памяти павших, организацию юбилейных мероприятий, посвященных 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Это значит, что все присутствующие на данном мероприятии вполне достойны этой награды.

Желаю участникам «круглого стола» успешной и плодотворной работы.

На встрече было много содержательных выступлений, дискуссий, в нашем журнале мы публикуем только часть из того, что прозвучало. Остальные выступления будут напечатаны в других изданиях.

Подготовила Татьяна Куварина.

НИКОЛАЙ СМИРНОВ

Незатейливый «белорусский резистанс»

Адольф Гитлер почти за три месяца до начала Великой Отечественной войны в своей директиве от 30 марта 1941 года прямо указывал на то, какой она будет: «Эта борьба будет резко отличаться от борьбы на Западе. На Востоке сама жестокость — благо для будущего… Речь идет о войне на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведем войну не для того, чтобы консервировать противника».

Эта и подобные ей директивы фюреров, рангом поменьше, предопределили то нацистское варварство, которое «историки», типа находящегося «в бегах» в Великобритании предателя из Главного разведуправления Генерального штаба Вооруженных Сил Резуна-«Суворова», называли «превентивным ударом» Гитлера в ответ якобы на то, что (цитируем «Ноту МИД Германии от 22 июня 1941 года): «Все вооруженные силы (СССР) на германской границе были сосредоточены и развернуты в готовности к нападению... Большевистская Москва готова нанести удар в спину национал-социалистической Германии, ведущей борьбу за существование… Поэтому фюрер отдал приказ германским вооруженным силам всеми силами и средствами отвести эту угрозу...»

Рейхсминистр А. Розенберг в инструкции от 24 июня 1941 года цинично распорядился: «...Цель райхскомиссариата Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии заключается в формировании здесь протектората, а затем в превращении этой территории в часть великогерманского рейха путем привлечения к сотрудничеству полноценных с расовой точки зрения элементов и мер по переселению...

…В любом случае Белоруссии придется взять на себя нелегкую задачу по приему вначале той части населения, которая будет переселена из Эстонии, Латвии и Литвы, и из польской части Вартского округа. Поляков представляется целесообразным переселить оттуда не на территорию генерал-губернаторства, а в восточные районы Белоруссии (район Смоленска) для того, чтобы они заняли там место русских… Необходимо также разжигать неприязненное отношение белорусов к России (не напоминает ли это некоторые события и лозунги уже ХХ1 века?).

...В задачи немецкой полиции входит формирование надежной эстонской, латышской, литовской и белорусской полиции»...

Так на нашу многострадальную землю с огнем и мечом пришли посланцы «Гитлера-освободителя». Сама же идея использования коллаборационизма в войне против Советского Союза у главарей нацистской Германии начала реализовываться задолго до начала Великой Отечественной войны при активном пособничестве лидеров Белорусской Центральной Рады (БЦР)... Именно тогда нацистам понадобились услуги Ф. Акинчица, В. Козловского, А. Калоши, Б. Букатко, Н. Щорса, Н. Шкелёнка и других белорусских националистов. И вся их «просветительская деятельность» начиналась под полным контролем германских спецслужб и лиц, заслуживших их доверие…

В годы Второй мировой войны «коллаборационизм» приобрел нарицательное значение, стал синонимом предательства и пособничества нацистским оккупантам, поскольку в странах Европы, захваченных Германией, этот термин начали применять при характеристике активного сотрудничества с гитлеровцами. Спецслужбы Третьего рейха использовали коллаборационизм при формировании своих «пятых колонн».

Отметим, что администрация гауляйтера «Вайсрутении» В. Кубе, а после его уничтожения и генерала СС К. фон Готтберга жестоко пресекала малейшие попытки подпольного и партизанского сопротивления нацистским оккупантам и в широком масштабе вела, используя коллаборационистов, пронацистскую пропаганду среди местного населения. Насилие и массовые репрессии осуществлялись в соответствии с директивой «Об особой подсудности в районе “Барбароссы”». Напомним, что согласно плану «Ост» в Беларуси подлежали уничтожению и переселению 75% «нежелательных» в расовом отношении жителей. Какое уж тут «самостоятельное государство»?

Наряду с белорусскими националистами-эмигрантами, среди которых были Р. Островский, И. Ермаченко, В. Ивановский, А. Демидович-Демидецкий, В. Лазаревич и многие другие, нацистам удалось привлечь к «небескорыстному» сотрудничеству и многих других пособников из числа местных националистов. При непосредственном содействии оккупантов, в целях укрепления так называемого «нового порядка», с 22 сентября 1941 года во всех округах Белоруссии начинает функционировать так называемая Белорусская народная самопомощь. Являясь верной опорой оккупационной администрации, она вербует себе сторонников среди белорусского населения...

Несколько слов о так называемом «Белорусском корпусе самообороны». Идея его создания возникла у нацистов весной 1942 года. Они хотели создать «пятую колонну» для борьбы с партизанским движением и подчинить ее войскам СС. Их главным рупором в этом вопросе стали все те же белорусские националисты И. Ермаченко, Р. Островский, Ф. Кушель и им подобные. В одном из июльских номеров националистической «Беларускай газэты» было опубликовано «обращение» гауляйтера В. Кубе к председателю «Белорусской народной самопомощи» («БНС») Ермаченко, в котором тот призывал своего ставленника создать «Белорусский корпус самообороны». И в августе Ермаченко уже приступил к формированию «БКС», во главе которого, как и следовало ожидать, нацисты его и поставили. Начальником штаба стал полковник Войска Польского Святополк-Мирский. Кушель занял скромную должность начальника канцелярии, а фактически стал одним из главарей «самааховы», правой рукой Ермаченко. Предполагалось, что будет создано десять батальонов, по одному в каждом из округов «Генерального округа «Вайсрутения». Кроме того, в Минске были организованы курсы по подготовке офицерского состава, на которых подвизались все те же Святополк-Мирский, Кушель и им подобные.

Однако нацисты просчитались — белорусы не хотели и не шли в «БКС», а когда их к этому принуждали, уходили в партизаны. Бывало, что оккупантам удавалось все же сколотить где-либо роту, но часто «мобилизованные» убегали из «БКС» с оружием в руках и тоже вливались в ряды сопротивления.

Безусловно, в срыве этой нацистской провокации важную роль сыграли подпольщики и партизаны, в том числе и чекисты, находившиеся в тылу врага. Они разъясняли населению опасность подобной провокации и призывали честных людей к борьбе с оккупантами и коллаборационистами. В конечном итоге нацисты поняли свое поражение в этом вопросе и в апреле 1943 года издали приказ о роспуске корпуса «самааховы»…

Чтобы привлечь на свою сторону молодежь, организовать контроль за ее поведением, В. Кубе содействует в июне 1943 года образованию под эгидой все тех же

эмигрантов-коллаборационистов пронацистской организации «Союз белорусской молодежи» (СБМ) и разрешает создавать другие общественные организации аналогичного характера среди интеллигенции. В связи с этим небезынтересен и по форме, и по содержанию сам документ вермахта о создании СБМ:

«Командующий генерал охранных войск
и командующий в Центральном армейском районе
Отдел УП / Военное управление. 240,

с е к р е т н о

Относительно: образования организаций молодежи.

Для того чтобы избежать дальнейшего одичания молодежи, особенно ушедших из школ подростков, а также действий во враждебном немцам направлении, запрошено согласие Главного командования Центральной армейской группы на образование молодежных организаций. Эта организация под местным руководством и немецким контролем должна объединить молодежь и, проводя спортивные и культурно-массовые мероприятия, ... дать содержание ее жизни, и в особенности, оказывать на молодежь систематическое влияние в нужном для немцев духе. Лица, выдвинутые в качестве руководителей местных молодежных организаций, предлагается вначале послать на несколько недель в Империю, чтобы показать им картину новой Германии... Преследуемая этим цель должна держаться в строгом секрете. Составление списков пока не требуется.

За командующего
Начальник Генерального штаба
генерал Хильшер».

Отметим, что в ходе разведывательной и контрразведывательной работы за линией фронта органами НКВД (НКГБ), военной контрразведки осуществлялись мероприятия по выявлению, сбору, анализу и документированию всех фактов преступной, предательской деятельности коллаборационистов на земле Белоруссии.

Так, в указании Главного управления контрразведки «СМЕРШ» от 14.08.1944 года говорилось: «...На территории Белорусской ССР, освобожденной от противника, органы «СМЕРШ» 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов выявили созданную немцами фашистскую молодежную организацию, именовавшуюся «Союз белорусской молодежи» (СБМ)».

Следствием по делу, а также из содержания захваченных документов установлено, что СБМ был создан в Минске в июне 1943 года германским генеральным комиссаром Белоруссии Вильгельмом Кубе в целях объединения белорусской молодежи для борьбы с Советской властью.

Кубе осуществлял непосредственное руководство «Союзом белорусской молодежи» и для этого имел специальный аппарат, в который входили немцы: баннфюрер Шульц — руководитель отдела молодежи, Грогземан — руководительница девушек-членов СБМ, зондерфюрер Штильмарк — руководитель отдела сельского хозяйства, Нэбелинг — руководитель спорта, Рудольф — руководитель ремесленного дела, баннфюрер Кюммель и другие.

По заданию Кубе штаб СБМ возглавил белорусский националист Михаил Ганько — бывший учитель, прошедший специальную подготовку в Германии и проводивший в жизнь директивы немцев по воспитанию белорусской молодежи в антисоветском духе (бежал с немцами).

Среди арестованных участников СБМ разоблачено несколько резидентов и агентов германской разведки, которые получили задание от немцев осесть на жительство в тылу Красной Армии и собирать шпионские сведения...

Ориентируя об изложенном, предлагаю:

1. Начальникам органов «СМЕРШ» фронтов и армий принять необходимые меры к выявлению и задержанию руководителей и активных участников «Союза белорусской молодежи» как в расположении фронтов, так и в действующих частях Красной Армии, которые, возможно, проникли туда в числе нового пополнения, мобилизованного на освобожденной территории Белоруссии.

2. Следствие по делам задержанных активных участников «Союза белорусской молодежи» вести в направлении выявления их связей с военнослужащими Красной Армии и органами германской разведки и контрразведки, а также вскрытия их практической деятельности...».

Но это была лишь одна сторона медали. Создавая «добровольческие» военизированные формирования, нацисты преследовали цель, с одной стороны, привлечь их для выполнения полицейских и охранных функций, для борьбы с партизанами, чтобы можно было высвободить определенный контингент немецких войск для нужд фронта, а с другой стороны, использовать их как орудие прямого давления на население, что способствовало бы его склонению на сторону немцев. Оккупанты стремились втянуть население Белоруссии в братоубийственную войну.

В частности, в приказе гауляйтера «Вайсрутении» фон Готтберга от 23 февраля 1944 года о формировании Белорусской краевой обороны (БКО), недвусмысленно указывалось: «…По предложению президента БЦР от 18 февраля 1944 г. приказываю создать Белорусскую краевую оборону для борьбы против большевизма...»

А соответствующий приказ того самого «президента» Р. Островского от 6 марта 1944 года предписывал: «Призвать одновременно на службу в Белорусскую краевую оборону всех мужчин, родившихся в годах 1908, 1909, 1910, 1912, 1913, 1914, 1915, 1916, 1917, 1921, 1922, 1923 и 1924, назначив призыв на 10 марта 1944 года…»

Начальником главного управления БКО стал майор Франц Кушель — одиозная фигура из окружения Р. Острожского. Окружные подразделения возглавили начальники отделов, волостей — офицеры БКО: капитан М. Пугачев, старший лейтенант Г. Зыбайло, старший лейтенант Б. Рогуля, капитан С. Шнек, лейтенант В. Русак, старший лейтенант И. Докиневич, лейтенант Я. Бабич. В создании батальонов БКО принимали активное участие «Белорусская народная самопомощь», «Союз белорусской молодежи», другие общественные организации коллаборационистов, созданные при нацистах.

Отметим, что совершение самых страшных и безнравственных преступлений гитлеровцы «доверяли» обычно наиболее верным и преданным своим помощникам — полицаям, сделавшим тем самым, чтобы там ныне ни говорили записные «гуманисты», свой добровольный и сознательный выбор — ведь своих соотечественников они могли бы и не убивать…

В ходе освобождения Белоруссии от нацистских оккупантов значительная часть активных коллаборационистов бежала вместе с германскими частями в западном направлении. Правда, перед этим только в Минске они успели прочитать 316 докладов, провести 218 бесед с общим числом «слушателей» до 53 000 человек. И какие темы докладов(!): «Почему мы должны поддерживать Германию в ее создании «новой Европы»?», «Почему белорусы должны бороться против жидо-большевизма?», «Как большевики и поляки провели денационализацию Белоруссии?», «Как немцы решили земельный вопрос в Белоруссии?», «Что ожидало бы белорусский народ, если бы немцы проиграли войну?» и т. д. и т. п.

БЦР во главе с Р. Островским, получая нацистский «паек» уже на территории Третьего рейха, прилагала судорожные усилия по организации нового

«национального войска» для вооруженной борьбы против частей Красной Армии и войск армий государств антигитлеровской коалиции на заключительном этапе Второй мировой войны. Характерны в этой связи строки из «протеста»-воззвания Р. Островского «к мировому сообществу» в связи с освобождением Белоруссии: «…БЦР рассматривает этот акт большевистской Москвы как циничное нарушение международного права… БЦР призывает весь белорусский народ, как на оккупированной территории (?!), так и за ее границами для наискорейшего освобождения нашей родины!» Что тут еще скажешь?..

Многие члены белорусских коллаборационистских, националистических организаций и партий на завершающем этапе войны стали активно использоваться спецслужбами Германии для организации шпионско-диверсионной борьбы в тылу Красной Армии на территории Белоруссии. И для этого были организованы Дальвитцская разведывательно-диверсионная школа в Восточной Пруссии, а также школа СБМ «Мальта» в Австрии. Руководство БЦР стремилось использовать «выпускников» дальвитцской и «мальтийской» школ для организации антисоветских подпольных структур и вооруженных повстанческих формирований, которые могли бы реализовать планы БЦР по созданию «белорусского независимого государства».

Спецслужбами Третьего рейха продолжалась активная заброска диверсионно-разведывательных групп, состоявших из замаравших себя кровью соотечественников белорусских националистов. Особого внимания заслуживает ликвидация крупной десантной группы белорусских националистов, заброшенной гитлеровским командованием на территорию Белоруссии в ноябре 1944 года. В состав этой группы, равно как и других, ей подобных, входили бежавшие с отступавшими германскими войсками активные пособники оккупантов, прошедшие специальную подготовку в Дальвитцской разведывательно-диверсионной школе абвера. Группа состояла из 28 агентов-диверсантов и шпионов, которую возглавлял активный белорусский нацист, бывший польский офицер, а затем один из начальников гитлеровских карательных отрядов майор Михаил Витушко. Прошедшие абверовскую спецподготовку белорусские националисты-диверсанты давали в лагере Дальвитц (Восточная Пруссия), как следует из показаний арестованного С. Буцкевича, стандартную подписку: «Я, ..., вступая добровольно в белорусскую армию, обязуюсь беспощадно вести борьбу с большевизмом до тех пор, пока Белоруссия не станет самостоятельным и независимым государством...»

На полевом аэродроме близ Данцига диверсантов и шпионов провожали майор абвера Герулис и два офицера, экипированных в форму БКО, В. Родько и Б. Рогуля. Выброска воздушного десанта предполагалась в Налибокской пуще, однако он оказался в виде разрозненных групп в приграничье Белоруссии и Литвы. Собраться потом вместе «бравым хлопцам» из «третьего рейха» так и не удалось. Все они были выловлены в ходе чекистско-войсковых операций органами НКГБ БССР и «СМЕРШ». Дольше всех удалось скрываться пятерым диверсантам во главе с М. Витушко, которые совместно с бандами польской Армии Краевой занимались грабежами и убийствами. Точка была поставлена в январе 1945 года, когда «Михася» настигла пуля чекистов…

Но у этого вопроса уже в XXI веке появляется и другая, периодически навязываемая извне подоплека. «Оказывается», что все эти «бравые хлопцы» из Третьего рейха были «борцами» антисоветского сопротивления — и неважно, под нацистским или же сменившим его после Великой Отечественной войны флагом американских спецслужб воевали они. Такой вот «незатейливый» «Белорусский Резистанс» (сопротивление), знаете ли, получается. И как при этом все «бравурно» подается: «Начало 50-х годов минувшего столетия для многих жителей белорусских деревень отмечено ожиданием новой войны

за свободу от символики СССР. Поэтому сдавать оружие, подобранное на местах былых боев, никто не спешил: верили, что пригодится, когда появятся новые командиры. И они появились»…

Действительно «появились», будучи «парашютированными» извне. А произошло это в ходе долговременной тайной операции ЦРУ США «Редсокс» («Красные носки»). Столь «благозвучное» наименование она обрела в рамках реализации так называемой «стратегии прямых действий» США, предусматривавшей массовую заброску на территорию СССР и, в частности, Белоруссии, воздушным и иным путем нелегальных агентурных групп из числа белорусов-эмигрантов и «перемещенных лиц» для ведения шпионажа и организации так называемых «активных действий».

Увы, как ни «прискорбно», но в течение почти девяти лет выполнять им пришлось указания спецслужб СССР и Белорусской ССР, давно осведомленных об американском «осином гнезде» на территории ФРГ (в Бад-Верисхофене и Кауфбайерне) во главе с бывшим абверовским боевиком, послевоенным платным агентом ЦРУ и одновременно «пламенным белорусским патриотом», да еще и «доктором» Б. Рогулей.

Так что в середине 50-х годов «всебелорусского народного восстания» под «водительством» абверовского агента и «будущего фюрера Беларуси» Михася Витушко не получилось, так как он «упокоился» еще в январе 1945 года, и проплаченную американскими налогоплательщиками операцию «Редсокс» ЦРУ пришлось срочно свернуть. Ее сменила так называемая «стратегия непрямых действий», воздействие которой Беларусь испытывает и по настоящее время…

А тогда неотвратимо приближалось крушение Третьего рейха. Белорусские эсэсовцы и нацисты стали лихорадочно искать «легальную» дорогу на Запад и новых хозяев. Эсэсовская бригада «Беларусь» в конце апреля 1945 года сдается в плен к американцам. Их содержат в качестве военнопленных и интернированных на окраине Регенсбурга. Вскоре их «простили». Большинство из них (за исключением наиболее одиозных фигур) успешно «легализовались» потом на Западе.

Многие белорусские коллаборационисты стали объектом пристального внимания спецслужб США и Великобритании. Под угрозой передачи советскому военному командованию и разоблачения их кровавого прошлого многих из бывших членов БНП, БКО, СБМ завербовали и перебросили в Белоруссию под видом репатриантов…

В связи с освобождением Белоруссии значительное место в работе Управления контрразведки «СМЕРШ» фронтов, НКГБ БССР стали занимать такие вопросы, как розыск и обезвреживание сотрудников немецких спецслужб и их агентов; пресечение попыток со стороны враждебных элементов совершать диверсионные акты, инспирировать бандитско-повстанческие выступления; розыск и задержание военных преступников, немецких пособников, расследование их злодеяний по горячим следам и другие.

В докладной записке лишь только отдела контрразведки «СМЕРШ» 11-й гвардейской армии в УКР «СМЕРШ» 3-го Белорусского фронта об итогах работы в период с 23 июня по 1 сентября 1944 года отмечалось: «В результате проведения розыскных мероприятий по войскам армии и окружению задержано и разоблачено 11 агентов немецкой военной разведки, нами арестованных...

Из числа разоблаченной агентуры 6 человек окончили специальные разведывательные школы, остальные были завербованы и подготовлены непосредственно в гитлеровских разведорганах.

...ОКР «СМЕРШ» в результате проведения оперативных мероприятий среди призванного пополнения из освобожденных районов Белоруссии в частях армии

и окружения выявлено, разоблачено и арестовано 57 агентов контрразведывательных органов противника, из них 5 являлись резидентами...

...Вскрыты следующие националистические формирования, активно сотрудничавшие с оккупантами: СБМ — «Союз белорусской молодежи» — арестовано 5 человек; БКО — «Белорусская краевая оборона» — арестовано 10 человек (Логойская группа).

...Из общего количества арестованных разоблачено 86 активных предателей и пособников немецко-фашистских войск. В числе разоблаченных: 4 бургомистра, 6 старост, 8 руководящих работников полиции, 39 полицейских, 25 изменников Родины и др.

ОКР «СМЕРШ» в июле с. г. были добыты материалы о том, что в частях 11-й дивизии в числе прибывшего пополнения находится ряд лиц, в прошлом служивших в логойской полиции и батальоне «краевой обороны», проводивших активную предательскую деятельность.

Материалами следствия было установлено, что в г. Логойске из числа предателей ныне арестованным Каптуром по личному инструктажу и указанию председателя «БЦР» Островского был сформирован батальон так называемой «краевой обороны» в составе 200 человек. Все они являлись прямыми исполнителями приказов немецких властей, учиняли расправы и издевательства над мирным населением, сжигали населенные пункты, в массовом порядке расстреливали ни в чем не повинных граждан, вели борьбу с партизанами.

...Признавая предательскую деятельность, арестованный Петровский на следствии заявил, что полицейскими и служащими батальона «краевой обороны» в г. Логойске и районе было расстреляно около 1000 евреев и сожжено несколько деревень»…

Так что вопрос о «гибкой» тактике белорусских коллаборационистов, якобы сотрудничавших с нацистскими оккупантами только с целью защиты населения Беларуси и сохранения его культурного наследия, в настоящее время не имеет под собой почвы. Подробно изучив в Министерстве юстиции США досье на Р. Островского, И. Ермаченко, С. Станкевича, Э. Ясюка и других деятелей Белорусской центральной рады, американский юрист Дж. Лофтус пришел к выводу: «Эти коллаборационисты были весьма лояльны к немецкой политике. И хотя только немногие из них лично убивали, все они несут прямую ответственность за злодеяния в Белоруссии. Они были основными организаторами нацистской разведывательной сети, главным орудием трехлетнего угнетения Белоруссии. Если бы не было этих нескольких сот человек, возможно, и не нашлось бы проводников для мобильных батальонов смерти, не нашлось бы добровольцев, которые помогали уничтожать евреев...».

Но уже в начале XXI века кое-кто вновь попытался переписывать историю: предателей, палачей белорусского народа, верных прислужников нацистских оккупантов стали относить к числу национальных героев, патриотов-просветителей» и «истинных хранителей белорусскости». Едва было не началась эра исторического и чисто людского беспамятства…

Есть древняя, подтверждаемая многовековым опытом человечества истина: если в народе начинает культивироваться неуважение к своей истории, героям, исчезают элементарная способность к самопожертвованию, патриотизм, то тогда и исчезает народ, сам себе подписавший смертный приговор. Свидетельством тому события новейшей истории конца XX—начала XXI веков на Балканах, Ближнем Востоке да и в некоторых других «горячих» и «тлеющих» точках. Вот об этом-то и не стоило бы забывать!

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

Битва за память

Когда-то, во времена моего детства, отрочества, юности и даже зрелости День Победы в самом деле был «праздником со слезами на глазах». Причем, если выделять ключевое слово (как теперь модно), то, конечно же, это — «праздник». Правда, когда появилась знаменитая песня Владимира Харитонова, я слышал от некоторых фронтовиков ворчливое несогласие: мол, слезы-то тут при чем? Мы же победили, радоваться надо, а не плакать! Но большинство — воевавшие и не воевавшие — приняли и благодарно запечатлели в сердце эту поэтическую формулу, окрыленную замечательной мелодией. Но если мы сегодня попытаемся определить пресловутое «ключевое слово», то с удивлением обнаружим, что теперь это — «слезы». Почему и что за этим стоит? Давайте разбираться...

Первоначальный образ войны в общественном сознании стал меняться давно, несколько десятилетий назад: победительно-агитационный пафос уходил на второй план, а на первый выступали страшные жертвы и лишения, которые были принесены нашим народом на алтарь Победы. В прозе и стихах литераторов-фронтовиков становилось все больше жестокой правды, прежде беспощадно вымарываемой военной цензурой, призванной не пускать в свет ничего, что может нанести вред замыслам командования и боевому духу личного состава. К осмыслению нравственного, исторического опыта войны подключилось и поколение людей не воевавших, наследников Великого Одоления. Конечно, часто «ужесточение» темы сталкивалось с ужесточением контроля. Известно, как трудно шел фильм Алексея Германа «Проверка на дорогах», как не сразу пробилась к читателям окопная проза Вячеслава Кондратьева, как тяжело возвращал в историю Иван Стаднюк генерала Павлова. Добавлю, что спустя тридцать лет после смерти Дмитрия Кедрина мы все еще не могли опубликовать в «Московском литераторе» его стихи о хлебных очередях в военной Москве.

А вот случай, произошедший со мной, типичный для той эпохи. В моем сборнике, готовившемся в 1980 году в издательстве «Современник», было стихотворение о командире, отказавшемся выполнять губительный приказ начальника и расстрелянном за это:

> Тут справедливости не требуй:
> Война не время рассуждать.
> Не выполнить приказ нелепый
> Страшнее, чем его отдать...

Главлит не просто снял эти стихи — тираж книги был сокращен в три раза, а редактор, поэт Александр Волобуев, получил строгий выговор и от расстройства слег с сердечным приступом. Конечно, можно за это, как, например, режиссер Смирнов, которому помотали нервы с фильмом «Белорусский вокзал», возненавидеть советскую власть заодно с местом своего рождения. Это, кстати, стало ныне просто каким-то заболеванием. Подобно тому, как иной охтинский хулиган, получавший в свое время по шее от городового, объявлял себя после Октябрьской революции участником штурма Зимнего или на худой конец жертвой режима, так сегодня множество писателей-лауреатов и режиссеров-делегатов оказались вдруг жертвами коммунистов и жестоковыйными диссидентами с партбилетами в карманах.

Но ведь на те же трудности, связанные с утверждением нового слова о войне, можно взглянуть и по-другому. Страшная угроза уничтожения потребовала выра-

ботки и внедрения в умы воюющих людей особенного, победно-жертвенного мировосприятия, ставшего, между прочим, таким же оружием, как «катюши» и «тридцатьчетверки». Но человек устроен так, что, выжив и сняв гимнастерку, он порой до конца жизни донашивает в душе психологию «передовой», которая оказывается сильнее более передовой идеологии мирного времени. Я вырос в заводском общежитии, где обитало, наверное, человек десять фронтовиков, и хорошо помню их «неформальные» рассказы о войне, которые почти один к одному совпадали с «формальными» рассказами, скажем, на пионерских сборах или комсомольских собраниях, куда их постоянно приглашали. Теперь это принято объяснять синдромом поколения, «напуганного Сталиным». Вряд ли все так просто! Ведь, например, Егор Гайдар не производил впечатления напуганного человека, а тем не менее до конца дней своих продолжал упорно нести все тот же либеральный ликбез, хотя страна и мир за последние годы кардинально переменились.

Но в нашем случае консервация победно-жертвенного мировосприятия в общественном сознании объясняется еще поворотом мировой политики. Сейчас, наверное, только Познер и Сванидзе всерьез уверены, будто угроза, нависшая над СССР после Победы, всего лишь плод сталинских параноидальных глюков. Тот, кто мало-мальски интересуется историей, знает: наша страна в те годы, омраченные знаменитой Фултонской речью, оказалась лицом к лицу с консолидированным и непримиримо настроенным к нам Западом, который, на полную катушку использовав наш «тоталитаризм» для разгрома Гитлера, вдруг прозрел и озаботился «коммунистической угрозой». А каким агрессивным, беспардонным и безнравственным может быть консолидированный Запад, чувствуя свою безнаказанность, мы сегодня, после известных событий в Югославии, Ираке да и в бывших советских республиках, прекрасно знаем.

Все это привело к тому, что психология «передовой» законсервировалась и старательно поддерживалась средствами агитации и пропаганды. Конечно, со временем она вступила в противоречие с реальным, страшным и противоречивым военным опытом народа. И литература, как наиболее чуткий и идеологизированный вид творческой деятельности, начала нащупывать, готовить, вырабатывать новый взгляд на прошлое, более широкий, гуманистический, более соответствующий исторической реальности. Естественно, это вызывало сопротивление. Писатель, чьи книги не вызывают поначалу сопротивления, просто плохой писатель.

Сопротивлялся прежде всего, так сказать, идеологический актив, которому, как правило, наплевать на то, что общество в своем большинстве давно думает по-другому. Кстати, такой трудный механизм преодоления отживших мировоззренческих схем характерен не только для советской цивилизации, а для любого общественного устройства. Вот и сегодня большинство населения нашей страны абсолютно уверено в том, что экономическое и политическое реформирование в 90-е годы, как и коллективизация в 30-е, проводились преступными методами. Однако телевизор, контролируемый нынешним идеологическим активом, предлагает нам совершенно иную, почти благостную оценку этого времени. А люди (те же писатели), в своих оценках пытающиеся выйти за рамки устаревшего либерального мифа, попросту устраняются. Слава богу, не из жизни, а из информационного поля. И на том спасибо!

Но вернемся к военной теме. Она усложнялась, углублялась, все больше внимания уделялось драме человека, вовлеченного в странные обстоятельства, порой чудовищно несправедливые к конкретной человеческой судьбе. Маятник качнулся в другую сторону. В какой-то момент эта трагедия личности вступила в противоречие с историческим смыслом Великой Победы и даже начала заслонять его. Это нормально, это закономерный этап осмысления исторического опыта. Постепенно страшная правда каждого кровавого шага и высокий смысл пройденного победного пути пришли бы в равновесие, став героическим, опорным мифом исторической памяти. Ну в самом деле, сколько вероломства, предательства, крови вокруг Куликова поля! Разве не было русских князей, что отказались участвовать в битве или

даже сражались на стороне татар? Были. Но ведь никто же из-за этого не ставит под сомнение историческое значение Куликовской победы!

Но тут случилось непредвиденное. В конце 80-х и начале 90-х новая российская власть не просто отказалась от прежней, советской идеологии, она вообще отказалась от собственной государственной идеологии, позаимствовав вместе с учебниками по рыночной экономике западную парадигму со всей ее мифологией. А в западной мифологии Вторая мировая война выглядит совсем иначе, нежели в отечественной традиции. Там все по-другому: там коварный Сталин — зло, а вероломный Черчилль — благо. Там заградотряды — преступление, а не менее жестокая полевая жандармерия — необходимая мера. Там власовцы — свидетельство антинародности Советской власти, а коллаборационисты вообще никакое не свидетельство. Там уничтожение евреев немцами — холокост, а почти окончательное решение еврейского вопроса в Латвии, Эстонии и Литве местными силами — всего лишь малоисследованная страница войны. Там неоказание помощи Варшавскому восстанию — подлость, а промедление с открытием Второго фронта — мудрость...

Всем еще памятны времена, когда Зою Космодемьянскую российские журналисты объявляли шизофреничкой, а Александра Матросова — напившимся буяном. Ну, в самом деле, можно ли в здравом уме и трезвой памяти лезть в петлю и бросаться на дот ради «этой страны»! Кстати, те же журналисты буквально на соседних полосах восхищались израильтянками, служащими в армии, и умилялись подвигом рядового Райна. Дошло до того, что даже в наши школьные учебники проникла точка зрения, что Гитлера победили союзники при определенной помощи Советского Союза, воевавшего, как всегда, бездарно и преступно расходуя человеческий материал.

В древности, повергнув врага, завоеватели первым делом уничтожали тех, кто был хранителем исторической памяти, державшейся прежде всего на героических мифообразах. В сознании любого здорового народа то, чем можно гордиться, всегда преобладает над тем, чего следует стыдиться. Сегодня мы живем в век гуманизма, и дело обходится без смертоубийства. Достаточно с помощью манипуляции общественным сознанием вытравить из исторической памяти народа то, чем можно гордиться, а то, чего надо стыдиться, сохранить и упрочить. И нет народа. Приходи и владей. Представьте себе на секунду американцев, которые помнят лишь то, что их предки истребляли индейцев, гноили негров и бомбили вьетнамцев. Долго ли после этого простоит Америка?

Конечно, теперь у нас не так, как в ельцинские времена, помягче. Но предъюбилейное обострение антипобедной аллергии все равно чувствуется. Развернулась настоящая битва за нашу историческую память о Великой Отечественной. Если отбросить частности, то многочисленные сериалы, исследования, статьи, оплаченные порой разными замысловатыми соросоидными фондами, но чаще нашим родным государством, старались внушить нам, что победили мы так кроваво, так беспечно, так постыдно, что гордиться, по сути, нечем. Такую победу между интеллигентными людьми и победой-то считать неприлично. В общем, рассказывая о тяжелейших смертельно-опасных родах, сосредоточились на крови и слизи, а про то, что ребенок все-таки родился и вырос, сказать как-то и позабыли…

Что ж, это уже было и в 95-м, и в 2000-м. Народное сознание тогда пошатнулось, но выдержало. Выдержали мы и юбилейное очернительство образца 2005 года… Однако, скоро уйдут последние ветераны, потом уйдет поколение, выросшее на учебниках истории, может быть, не таких общечеловеческих, но зато учивших гордиться своей страной. Постепенно количество «правды» о войне одолеет правду о Победе, и новому президенту России, боюсь, придется извиняться не только за поруганных немок, но и за убитых фашистских солдат, которые всего-то хотели принести в дикую страну традиции пивоварения и культуру колбасоедения.

Но я все-таки надеюсь, что этого никогда не случится и битву за историческую память мы выиграем так же, как выиграли битву за Берлин!

ВАЛЕНТИНА КУЛЕШОВА

В отсвете Знамени

Его свободным языком
стихия правды говорила.
М. Дудин

Судьба такого поэта, как Аркадий Кулешов, — это диалог его музы со временем, обусловленный обстоятельствами самой жизни. Праздник 60-летия со дня освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков — хороший повод вспомнить одно из лучших произведений военной поэзии — поэму Аркадия Кулешова «Знамя бригады».

Весной 1980-го мне удалось собрать в Москве поэтов, друзей отца, чтобы они сказали перед телекамерой свое слово о нем. Они посоветовали мне пригласить на запись и Максима Танка, который жил этажом выше, но тот отказался.

Мы записывали писателей по одному и потом очень удивились, когда поняли, что Кайсын Кулиев, Михаил Дудин и Расул Гамзатов сказали об одном и том же: о поэме Аркадия Кулешова «Знамя бригады». Только Давид Кугультинов говорил о личности поэта, но это уже другое.

«Как сейчас помню тот мартовский номер журнала «Знамя» за 1943 год, где в переводе Михаила Исаковского была напечатана поэма Аркадия Кулешова «Знамя бригады». Я лежал в то время в госпитале и читал, и перечитывал эту поэму. Я понял тогда, что Белоруссия обрела большого поэта. Великого поэта!» Упрямо цитирую Кайсына Кулиева потому, что из всего сказанного тогда, именно из его речи вычленяется краткая и емкая цитата.

Мой отец все свои жизненные впечатления направлял в поэзию. В своей книге «Лесному эху правду расскажу» я подробно остановилась на том, каким было для него начало войны. Тут хочу добавить только одно: интересы человека и поэта оказываются подчас противоположными. Так случилось, что в первые дни войны Кулешов прошел пешком от Минска до Орши в толпе беженцев. И вот итог:

Идти устали маленькие ноги,
Но он упорно продолжает путь.
Еще вчера хотелось близ дороги
Ему в ромашках полевых уснуть.

Но мать несла его, теряя силы,
В пути минуты длились словно дни,
Все время сыну непонятно было:
Зачем свой дом покинули они?

Что значат взрывы, плач, дороги эти?
И чем он хуже остальных ребят,
Что на траве зеленой у кювета
Раскинув руки, рядом с мамой спят?
. . . .

«На минском шоссе», 1942 г.

Я цитирую не все стихотворение, потому что сейчас меня интересует не его содержание, а то, что оно, как мне кажется, является своеобразным «прологом» к поэме «Знамя бригады». Прологом не по содержанию, а по эмоции. Эмоции пока что неопределенной, но сильной, той, которая ждет продолжения. Стихотворение

«На минском шоссе» увидело свет в начале сорок второго, хотя события, отраженные в нем, относятся к июню 1941-го.

Пережитое нужно осмыслить. Это требует времени. Как требует времени и сам творческий акт, потому что сюжет обычно вызревает во времени.

Стресс начала войны, беженство, отступление, переживания личного характера — все это существовало и к августу 1942 года, когда Кулешов начал работу над поэмой.

Не было только сюжета, как формообразующего момента, как не было пока что и самой идеи собрать все впечатления войны под крышей большой поэмы.

Пока что появлялись только отдельные стихотворения о войне, такие, как «Письмо из плена», «Над братской могилой», «Баллада о четырех заложниках», «Комсомольский билет».

Большинство из них, как и цикл стихотворений (более восьмидесяти), о том, как бьет врага боец Алексей Петров, писались на русском языке для «Знамени Советов», боевого листка Одиннадцатой армии Калининского фронта.

Когда началась война, Аркадий Кулешов был в Хотимске, у родителей. Мы же: мать, брат и я — в Доме творчества писателей «Пуховичи», что под Марьиной Горкой. Этот красный кирпичный дом стоит и сегодня: в нем размещается детский санаторий.

Как всегда, с утра мы отдыхали у реки. Тут и услышали, что началась война. Первым стремлением матери было ехать в Минск за детскими теплыми вещами. Но я, которой шел уже шестой год, поняв, что настал тот момент, о котором 23 мая, уезжая из Минска, говорил мой отец, крепко обхватила руками ее ноги и не пустила в Минск. Не мои вопли, конечно, а слова отца, которые я напомнила матери, остановили ее.

А тогда, 23 мая 1941-го, отец между прочим сказал: «Когда начнется война, бери детей и сразу же едь в Хотимск к моим родителям». (Своих у матери не было, она осталась круглой сиротой в двухлетнем возрасте.)

Так случилось, что мы отправились в Хотимск в то время, когда отец ехал из Хотимска в Минск.

Где-то на полдороге я увидела его во встречном поезде. Тогда окна вагонов, если помните, отличались от современных: они были «сплошные» и открывались сильным толчком, когда их потом тянули вниз за единственную ручку-скобу, которая была прикреплена горизонтально к верхней части рамы. Я повисла на ручке окна, но та не поддалась. Когда мать и брат возвратились, то нашли меня в отчаянии и слезах. В то, что я сейчас видела отца, мать не поверила. Отец же подтвердил этот факт только на рубеже 1977—1978 годов, когда мы семьей праздновали Новый год и вели разные необязательные разговоры.

А момент был определяющий. Представьте себе, что мать оказалась бы в купе и мы с отцом увиделись. Все пошло бы иначе. И было ли бы нам сегодня о чем вести разговор?

Вряд ли бы он прошел пешком дорогой войны от горящего Минска до Орши и вряд ли бы у нас были сегодня такие строки:

І пазнаць я не мог
Роднай вуліцы, ліп і каштанаў;
Рэха тысячы ног
Аглушыла мяне нечакана,
Падхапіла мяне, маё гора,
Жаданні, трывогі
І панесла за горад
Па бітаму шклу мае ногі.
. . . .
Доўга вуліца родная
Шлях мне ўначы асвятляла.
І пры гэтым святле
Я запісваю з болем у сэрцы

Час дакладны, але,
Час яе незабыўнае смерці.
Людзям тым прысвячаю радкі,
Невядомым імёнам,
Што на бруку ляжаць без рукі,
Без жыцця пад каштанам і клёнам.

«Сцяг брыгады», 1942 г.

Все, однако, сложилось в пользу поэзии. Отец в конце концов оказался в Минске. Там он застал Христину, нашу домохозяйку, которая приехала в Минск накануне, в субботу, и где мы находимся, не знала. Отец приказал ей возвращаться домой, а сам пошел искать военкомат, чтобы попасть в действующую армию. Сначала он направился в Союз писателей. Когда тогдашний секретарь Союза Михась Лыньков увидел очередного претендента на место в единственной полуторке, которая должна была эвакуировать писателей, он сказал отцу:

— Знаешь, уюноша, для тебя места нет!

Что думал тогда Михась Тихонович, неизвестно, но месяца за два до смерти, в августе 1976 года, он за что-то просил у отца прощения. Не исключено, что и за это.

Что оставалось делать двадцатисемилетнему патриоту, каким был мой отец, в подобной ситуации? Искать место, где бы его забрали в армию. Таким местом был военкомат. Отец обошел их несколько. Три, кажется. Военкоматы оказались закрытыми. Однако около них отец встретил еще двух патриотов: Ивана Васильевича Кулешова и еще кого-то, чьего имени мы, к сожалению, не знаем. Вместе они решили пойти в Колодищи, где находилась крупная военная часть.

В Колодищах их постигло разочарование. Военнослужащих они там не нашли, а по-весеннему зеленая трава площади «расцвела» красными петлицами.

Отец упал в обморок. Это был его первый инфаркт, о котором долгие годы знали только он со спутниками, Пимен Панченко и моя мать.

Спутники Аркадия Кулешова три дня несли его на самодельных носилках через борисовские болота. Они выбрали такой сложный маршрут, потому что по дорогам, которыми шли беженцы, шныряли немецкие диверсанты. Их было особенно много в районе столицы. Через три дня они снова вышли на дорогу и до Орши отец шел уже самостоятельно.

В окончательном варианте «Знамени бригады» об этом сказано очень скромно:

Ці дарога мяне змагла,
Што глядзець я не змог,
Не знаю.
Толькі вочы заслала імгла...

В первом варианте за этими словами шло:

І я ўпаў і згубіў прытомнасць...

Потом автор, по-видимому, понял, что воин, которым делала война обычного мужчину, это немного другая ипостась с другим психическим составом. Потому теперь после слов «толькі вочы заслала імгла» идут другие:

І пайшлі мы, і след замяла
У дуброве мяцель залатая...

В Орше отец, наконец, догнал свой «военкомат»: тех, кто входил в город, еще на вокзале делили на способных воевать и беженцев. Отец оказался среди первых и попал на военную подготовку в Калинин, где дней, может, через десять—четырнадцать на вокзале его встретил земляк, поэт Алексей Русецкий. Дадим ему слово: «Мы встретились с твоим отцом в середине июля на привокзальной площади в Калинине. Я стоял в очереди за морсом. Вдруг увидел Кулешова.

В военной форме, с довоенным кожаным пальто на руке, он направлялся ко мне. «Видишь, где мы очутились, «хлопцы последней войны»?» — сказал поэт вместо приветствия».

Во время нашего разговора с Алексеем Степановичем, когда я рассказывала ему о симптомах инфаркта, он вдруг добавил:

— Этот симптом у твоего отца тогда был: у него были запекшиеся губы. И вот только сейчас я понял почему.

Отца направили на Калининский фронт в 11-ю армию, где бригадный комиссар Иван Васильевич Зуев, присвоив ему воинское звание младшего политрука, направил его в газету «Знамя Советов».

Вот что пишет о своем первом знакомстве с Аркадием Кулешовым редактор газеты: «После одной жестокой бомбардировки, когда сотрудники редакции только что возвратились из укрытий, ко мне в шалаш вошел человек ниже среднего роста, одетый в форму младшего политрука.

— Могу ли я видеть ответственного редактора? — спросил офицер.

— Я редактор.

— Здравствуйте, я — Аркадий Кулешов.

Не скрою, что доклад и выправка вошедшего офицера меня несколько смутили. Гимнастерка на нем была вся в складках, пилотка неправильно надета — звезда находилась где-то над правым ухом.

— Вы, наверное, в армии недавно? — спросил я. — По-видимому, здорово вас напугала бомбардировка?

— Первое — угадали, во втором ошибаетесь.

Тон ответа и краснота, которая выступила на бледных щеках офицера, както сразу вызвали симпатию к этому человеку. Кулешов сказал, что он только что прибыл с группой политработников и направлен ко мне отделом кадров для переговоров о работе в редакции».

О том, что такое война, Кулешов уже неоднажды думал и пытался выразить в поэзии. Уже были поэмы «Крыўда» и «Хлопцы апошняй вайны», а также отдельные стихотворения, посвященные этой теме. Было и само предчувствие войны:

Выходжу я ў разведку —
Рашучы заўтра бой.
Ты, ранак,
Будзь за сведку,
Услед ідзі за мной.
З табой ў згодзе поўнай
Жылі мы з першых дзён.
У барацьбе няроўнай
Я трапіў у палон.

І рукі мне звязалі,
І ў плечы б’е прыклад.
«Вядзі! —
Мне загадалі. —
Паказвай шлях назад...»

Ты, ранак мой вялікі,
У час маіх няўдач
Пад ногі кідай пікі,
Дарогі перайнач.

Дзе рэчку помніў розум,
Там возера кладзі,
Дзе корч —
З карча бярозу
На месцы тым радзі.

Дупло зрабі з засечкі,
Хай птушка ў гэты дзень

Туды свае яечкі
Блакітныя кладзе.

У родную краіну
Дарогі перайнач.
А я? А я загіну.
А ты?
А ты не плач.

«Ранак», 1940 г.

«Это будет ужасная война, — неоднажды говорил Аркадий жене, — но если тебе удастся спасти обоих детей, я буду считать тебя героиней».

Но обратимся к цитированной выше статье.

«Через несколько дней он пришел ко мне в землянку и сказал:

— Пришел к вам посоветоваться. Решил написать поэму о знамени части.

Не ослабляя текущую работу в русскоязычной газете, он начал работать над поэмой. Работал много, с вдохновением. Ни вражеские бомбардировки, ни беспрерывный грохот артиллерийской канонады не могли помешать поэту.

Бывало, глубокой ночью зайдешь в землянку. Все спят. Один поэт лежит с открытыми глазами на топчане, сделанном из березовых палок. Мысль его сконцентрирована. Вдруг он переворачивается со спины на живот, берет тетрадь и быстро записывает несколько строчек... И опять переворачивается на спину.

— Вы бы отдохнули, Аркадий Александрович!

— Не могу, очень уж захватила меня тема... »

В письме к жене от 11 апреля 1942 года Кулешов пишет: «Я имею возможность подать рапорт об использовании меня в белорусской прессе. Но это связано с возможным длительным и неопределенным пребыванием в резерве, и я пока никак не могу решиться… Но все же, Ксанюша, я возможно решусь на этот шаг, поскольку меня здорово тянет к белорусскому языку, и я уже ощущаю острую необходимость в этом».

Вот и еще один — от 16 мая 1942-го: «...Вчера я дежурил и поэтому, как водится, не спал ночь. Рано утром все вокруг проснулось, запели соловьи и прочие пернатые существа. А потом закуковала зязюля, и это так напомнило родные места, Белоруссию, что я вот уже целые сутки хожу под этим впечатлением. И, как видишь, не удержался, чтобы не написать тебе. Так все живо и ярко прошло перед моими глазами, столько разного и хорошего всплыло, что я физически почувствовал необходимость вернуть, отбить у врага родную красоту, родные дорогие нам поля и леса…»

В июне 1942-го произошло событие, которого никто не ждал. Часть Второй Особой Армии во главе с генералом Власовым перешла к немцам. Этой армии, наверное, отводилась какая-то особая роль в вопросе снятия блокады Ленинграда, и, возможно, потому месяца за два до тех событий во Вторую Армию Калининского фронта был переброшен И. В. Зуев, которому мы обязаны первой в той войне победной операцией под Тихвином.

Для Кулешова это событие стало личной трагедией, ведь за войну они с Зуевым успели подружиться. Не однажды в свободную минуту Иван Васильевич, обращаясь к своему ординарцу Якову Степановичу Бобкову, говорил:

— Поехали к Аркаше!

И они садились в газик.

Я прочитала это в книге Я. С. Бобкова, посвященной И. В. Зуеву, как и то, что герой книги на фронте переписывался с Кулешовым.

Власов перешел к немцам, а его правая рука, начальник политотдела Армии И. Зуев исчез. В то, что он предатель, Кулешов не верил. Его мнение подтвердилось, но почти через четверть столетия. Сумские следопыты раскопали историю Зуева. Он погиб, выводя из окружения часть тех солдат, которые не пошли за Власовым. Сегодня это печально известный район Мясного Бора.

А в тот момент, когда *Аркаша* начинал свою поэму, Зуев, как и Власов, считался предателем.

Вот, наконец, и все необходимое для поэмы: и знамя, которое надо вынести, и тяжело раненый батальонный комиссар Зуев — Зарудный, и Власов — Ворчик.

Вот вам и сюжет поэмы, и ее эзопов язык, ведь ни Власова, ни Зуева нельзя было вспоминать. И накал личной боли, такой необходимой Кулешову для работы подобного масштаба.

Вот она, та «разница потенциалов», которая зажигает «вольтову дугу» кулешовской поэзии.

Як ад роднай галінкі дубовы лісток адарваны,
Родны Мінск я пакінуў, нямецкай бамбёжкаю гнаны.
Міма дрэў, міма дрэў
Усю ноч я ішоў, — за спіною
Родны горад гарэў,
І не ведала сэрца спакою...

«Сцяг брыгады»

«Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»

Не зря маленькая дочка Кулешова (имею в виду себя) по-взрослому плакала над строчками этого стихотворения, когда отец, убаюкивая, читал дочери вместо колыбельной строчки лермонтовского стихотворения.

Ситуация и чтения, и плача сделалась типичной, и поэт стал думать уже не о ней, а о поэзии. Итогом этого стала строчка, которую он занес в записную книжку еще перед войной, не зная, что она ему пригодится. Послушаем поэму еще раз:

Родны Мінск я пакінуў,
Пажарам і бомбамі гнаны.
Хто сказаў, што мой горад загінуў,
Што ён зруйнаваны?

Я не веру ні зарыву ўночы,
Ні воблакам дыму,
Бо чаму, як заплюшчу я вочы,
Стаіць прад вачыма

Мінск жывы, не нябожчык, —
І звоняць трамваі на плошчах...

В письме к М. Лынькову с просьбой вызвать его в Москву Кулешов пишет: «Работа над поэмой продвигается вперед, несмотря на то, что условия для работы необычно скверные. Пишу в блиндаже, в котором помещается секретариат с машинкой и сотрудниками в количестве шести человек. Помимо того часто отрываюсь и пишу стихотворения на русском языке для газеты. И вообще пишу в условиях, в которых все на меня смотрят так, словно я ворую время, нужное для работы в газете.

Это очень обидно, но, к сожалению, это так».

Через двадцать дней, 21.X.1942 г., очередное письмо Лынькову, как секретарю Союза писателей:

«Дорогой Михась!

Вчера закончил поэму «Знамя бригады», которую писал к 25 годовщине Октября. Поэма об отечественной войне и Беларуси. Размер — 2000 строчек. Пишу т. Горбунову письмо, чтобы он написал сюда начальнику политотдела и редактору просьбу от своего имени, чтобы меня командировали в Москву в распоряжение отдела пропаганды на 25—30 дней. Думаю за это время сделать вместе с переводчиком перевод на русский язык и предложить поэму либо «Известиям», либо какому журналу.

Поэма, как мне кажется, получилась не плохой. Конечно, отшлифовать ее не повредило бы. Хотелось бы прочитать всем вам, ведь я тут один, как волк, и прочитать некому, а хотелось бы знать мнение людей, которые в поэмах разбираются».

Письма печатаются без купюр и впервые. — В. К. (В переводе с белорусского. — Ред.)

А теперь слово Александру Твардовскому:

«Зимой 1942 года в одной московской квартире собрался дружеский кружок писателей послушать белорусского поэта Аркадия Кулешова, прибывшего с фронта с новой поэмой в полевой сумке. Первоначальное знакомство с этой вещью — одно из самых ярких и дорогих для меня литературных воспоминаний военного времени».

Кулешову повезло в том, что среди первых слушателей поэмы оказался такой знаток поэзии, как Александр Твардовский.

Он был тем, кто смог дать поэме надлежащую оценку.

«Покамест он не начал читать, я, как и другие товарищи, по собственному опыту знавшие трудности фронтовых условий работы, просто дивился тому, как в этих условиях человек нашел время и силы написать такую большую вещь, которая к тому же не могла даже идти в зачет его работы в газете, так как была написана на белорусском языке. Но с первых же глав поэмы, прочитанных автором, стало ясно, что он просто не мог не написать ее. Это было слово, которое не ждет особых внешних условий, чтобы явиться из сердца поэта, а даже скорее всего и естественнее может явиться тогда именно, когда трудно.

И чем дальше читал Кулешов, тем все чаще мы просили повторить отдельные места и порывались заглянуть в рукопись своим глазом, чтобы еще раз убедиться, что они есть на самом деле, эти за душу берущие, простые и полные большой новизны и силы слова и строки».

Известно, что в те дни, когда в гостинице «Москва», где жили белорусские писатели, работавшие в штабе партизанского движения, читалась рукопись «Знамени бригады», имела место и такая сцена: к больному Кузьме Чорному, который лежал в постели, заглянули писатели Бровка и Глебка. Зачем они пришли — неизвестно, но, увидев на тумбочке рукопись «Знамени бригады», схватили ее, начали дергаться с перебранкой и предложили сжечь. Поэму спас Чорный, который взмолился слабым голосом:

— Хлопцы, что вы делаете, это же произведение большого таланта!

Это, правда, были отдельные голоса на общем фоне большого праздника поэзии, который привез в конце 1942 года с фронта в Москву Аркадий Кулешов.

И вновь слово Твардовскому:

«В самом общем смысле поэма эта была голосом сердца, полного боли за родную белорусскую землю, плачем по ней, и горячей светлой веры в ее силы к борьбе, в ее освобождение. И голос этот прозвучал еще тогда, когда не только вся Белоруссия находилась под игом немецко-фашистских захватчиков, но и много русской земли на восток от нее».

Высокий уровень художественного слова поэмы, его пронзительность и актуальность сделали ее произведением не только высокого искусства, но и произведением-воином.

«Где-то в конце 1943-го в Черногорию, где мы вели тяжелые бои, советский самолет доставил позарез нужные нам боеприпасы и медикаменты — и то, и другое катастрофически закончилось. Там оказалось и нескольких новых советских книг о войне, в том числе — поэма Кулешова «Знамя бригады» в переводе Исаковского. Поэма буквально ошеломила меня. Я читал ее и перечитывал много раз, читал товарищам по оружию, которые немного понимали русский язык, а для тех, кто не понимал, отдельные места сам переводил на сербский. Это была поэзия, которая роднила нас с советскими братьями — роднила в ненависти к фашистам и в вере в победу, поэзия, которая придавала нам духовной мощи и силы»...

Эти слова принадлежат черногорскому поэту Радовану Зогавичу.

А я до сих пор помню разговор начала перестройки. Один московский тележурналист, хороший знаток своего дела и литературной среды Москвы, в разговоре со мной затронул вопрос «Знамени бригады». Он называл поэму культовской, не соглашался считать Ворчика предателем и ссылался на автора, который *когда-то* почему-то только усмехался в ответ на подобную критику. Из всего сказанного я поняла, что мой собеседник, литовец по национальности, поэмы не читал, потому что, прежде всего, не знал того, что в этом произведении, написанном в 1942 году, автор ни разу не упомянул ни имени Сталина, ни даже слова «вождь». Этому не было места в его народной поэме.

В мирное время безответственность Ворчика не была бы наказана так жестоко, как в условиях войны. Война зачеркивает сентиментальную атрибутику человечности. Остается только то, что работает на общее дело победы над врагом. Поэтому, наверное, лучшим стихотворением военного времени хорошие поэты Советского Союза считали стихотворение неизвестного лейтенанта, погибшего под Сталинградом:

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови ты на помощь людей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.

И не плачь, не скули, словно маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай-ка лучше сниму с тебя валенки —
Мне еще воевать предстоит.

Стихотворение, похожее по силе понимания психологической проблемы войны, есть и у Пимена Панченко, человека еще более мягкого и ранимого, чем Кулешов. Вот его начало:

Злосна сказаў: «Уставай, пяхота!
Мы не на пляжы, а на вайне».
І лёг на змяіныя скруткі дроту.
І дзвесце салдацкіх запыленых ботаў
Прайшлі па яго спіне.

1943 г.

Так что не характер, а талант автора и непосредственное участие в событиях помогали ему наиболее адекватно откликнуться на них. А что до того, что Кулешов только молча усмехался в ответ на слова собеседника, то тот, который был значительно моложе Кулешова, просто не знал, что это была обычная реакция поэта на сомнительную критику. Первым, кстати, это заметил белорусский литературный критик Григорий Березкин.

«Кулешов любил праздник мысли. Когда я наедине встречаюсь с кулешовскими книгами, когда я живу и наполняюсь его миром, я неизменно ощущаю в себе присутствие некой возвышенности души…

И сейчас мне кажется, что на всем творчестве Кулешова есть печать этой возвышенности, словно на всем, что он сделал… над всей его судьбой есть сень знамени. И это очень трогает и, думается мне, делает других лучше и чище, смелей и мужественней, и в этом суть его поэзии, ее чудо и ее непостижимая тайна», — заметил русский поэт Михаил Дудин.

Точнее, мне кажется, сказать нельзя.

ЕВГЕНИЙ КЛОКОВ

Каникулы длиною в три года…

Жарким июньским днем сорок первого года я сидел у окна вагона и смотрел на промышленный пригород Ленинграда, ожидая отправления поезда. Мне шел 14-й год. Родители разошлись: я жил с мамой в Ленинграде, но каждое лето на школьные каникулы уезжал на свою родину в Россонский район Витебской области. Там жили мой отец и два деда. В деревне Янковичи белорус Антон Миронович Клоков, а в соседней деревне Рудня-Прудок еврей Шлема Хаимович Перман. Они были одногодками, оба родились в 1875 году, дружили семьями. Не удивительно, что мои будущие родители Рая (Рахиль) и Павел, полюбили друг друга. Мамина семья воспротивилась браку. Тогда отец, как в лучших романах XIX века, украл маму. Ночью на тройке лошадей подъехал к дому деда Шлемы, и мама через отрытое окно с узелком одежды прыгнула в коляску. Резвая тройка увезла их в Янковичи. Эту любовь поддержал мамин дед, а мой прадед Хаим. В знак поддержки Хаим переехал жить в деревню Янковичи к деду Антону и моим родителям, и жил у них, пока мне не исполнился год.

На станции меня встретил отец. Впереди у меня были дни отдыха и развлечений. Разве мог я предположить, что от встречи с мамой и Ленинградом меня будут отделять три долгих года суровой борьбы и тяжелых испытаний. Уехал 13-летним мальчишкой, а вернулся 16-летним бывалым солдатом с двухлетним опытом войны и двумя ранениями.

22 июня я был в Ветрино, где мой дядя Степан Антонович Клоков работал директором школы. Накануне в школе был выпускной вечер, устали взрослые и дети. Встали поздно. Сквозь сон я услышал гул авиационных моторов и выскочил на крыльцо. Высоко в небе шли тяжелые самолеты, и непривычный гул висел над поселком.

— Что, маневры идут? — спросил я дядю.

— Похоже, что так. Самолеты сегодня летают с самого утра, — ответил он.

В воскресенье намечался поход на озеро. Пока я ждал взрослых, двоюродный брат Коля искал новости по радиоприемнику.

«Идите сюда, — позвал он. — Сейчас по радио будут передавать важное сообщение». Все сидели, притихшие, у приемника. Объявили, что немцы бомбили Таллин, Минск, Киев, Севастополь. Идут упорные бои на границе... Война! Запомнились заключительные слова правительственного сообщения: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!»

Через несколько часов все классы школы заполнились призывниками и добровольцами. Они сидели в классах, стояли в коридорах и ждали отправки на фронт. Мы, мальчишки, с радостью бегали за папиросами для призывников, передавали записки родным и провожали на станцию первые команды призванных.

Бомбили военный городок в Ветрино. Было отчетливо видно, как самолеты кружились над городком, от них отделялись черные точки бомб, после чего поднимались темные клубы земли и доносились тяжелые раскаты взрывов. На семейном совете приняли решение: нам с Колей срочно возвращаться в Янковичи. Однако сесть на поезд не было никакой возможности. Все составы, которые шли от границы, были заполнены беженцами и ранеными и в Ветрино не останавливались. Никто не знал, когда прибудет следующий поезд. Мы с Колей постояли на станции, увидели проходящий состав с обгорелыми вагонами и выбитыми стеклами и решили идти пешком.

В Полоцке на ночлег остановились в семье родного брата моей матери Яши Пермана. Сам дядя Яша — старший лейтенант, артиллерист, был на фронте. А его жена Генда Абрамовна с десятимесячной дочерью Розой жила в родительском доме с матерью Двойрой Хаимовной и отцом Авраам-Перес Марголиными. Отец болел, лежал в городской больнице.

…Только мы покинули город и подошли к лесу, как тяжелые, похожие на раскаты грома взрывы заставили нас обернуться: над городом поднималась черная туча дыма.

Немцы бомбили Полоцк. Проселочными дорогами, в обход шоссе, забитого техникой и беженцами, мы пробирались в Янковичи. По пути зашли к деду Шлеме. Поговорили о случившейся беде. От эвакуации дед отказался. Он помнил 1918 год, когда немцы оккупировали Белоруссию, и полагал, что и теперь к нему, простому крестьянину-еврею, у немцев претензий не будет, а сообщения о зверствах нацистов считал преувеличением пропаганды.

Перед Селявщиной из леса вышли два красноармейца.

«Куда едешь?» — спросили деда. Дед объяснил. Красноармейцы стали расспрашивать, встречались ли нам по дороге солдаты, много ли у них пушек, есть ли танки?

Дед сначала охотно отвечал, но потом вопросы показались подозрительными, и он замолк. На дороге появилась колонна пехоты. Эти двое нырнули в лес. Мы рассказали командиру о своих сомнениях. Он выделил команду для прочесывания леса, а нам сказал, чтобы мы скорее уезжали домой.

Янковичи заполнили военные. В наш дом зашел лейтенант и предупредил, что в деревне предполагаются бои с немцами и нам надо готовиться к эвакуации в тыл. Но перед обедом красноармейцы ушли, и деревня замерла в тревожном ожидании. К вечеру на шоссе показались мотоциклисты. Часть из них проехала прямо на Невель, а остальные рассыпались по деревенским улицам. Непривычные зеленые мундиры, чужая речь. Немцы! К нашей хате подъехали два солдата на мотоцикле, к ним подошли два красноармейца, которых мы встретили около Селявщины. Поздоровались за руку, заговорили по-немецки. Один из мотоциклистов зашел к нам в дом, вытащил обойму с патронами и жестом спросил, есть ли у нас оружие. «Нет, нет», — дружно замотали мы головами. Тогда немец подошел к деду, а затем ко мне, ощупал наши карманы, после снял с головы каску, повернулся к бабушке и сказал: «Матка, яйко». Я смотрел, как бабушка трясущимися руками опускала яйца в немецкую каску, и сердце сжималось от боли. Что будет с нами? Где отец? Где мама, и смогу ли я пробраться в Ленинград?

Мы, мальчишки, первыми бросились к оставленным нашей армией окопам. Возле них лежали убитые солдаты, стонали раненые, валялось много оружия. Позвали взрослых. Убитых положили на телеги, отвезли за деревню и в братской могиле похоронили. Раненым оказали первую помощь и развели по домам. Мы с приятелем Мишкой Субачем и двоюродным братом Колей Спиридовичем подбирали оружие и прятали в ближайших кустах в надежде, что позже перепрячем понадежней. Ни о какой подпольной или партизанской деятельности мы понятия не имели. Нами двигала мальчишеская любовь к оружию. Мне удалось надежно спрятать 8 винтовок, 3000 патронов и 14 гранат. Позже это оружие послужило веской причиной в пользу моего принятия в партизанский отряд. Не меньше моего спрятал оружия и мой приятель Михаил Субач. В деревне трудно что-либо утаить, да мы особо и не прятались, менялись с приятелями оружием, устраивали стрельбы в окрестных лесах. Хотя в лес стало опасно ходить. Кругом пальба. По малолетству и глупости на увещевания взрослых мы не обращали внимания. Чтобы нас утихомирить, кто-то из женщин пожаловался на нас в полицию.

Несмотря на запрещение деда Антона, я навестил деда Шлему. Он выглядел осунувшимся, встревоженным. Долго меня обнимал и целовал. А я по мальчишеской стеснительности вырывался, теперь жалею об этом. В дом заходить дед не позволил, проводил меня до околицы. Оборачиваясь, я долго видел его сгорбленную фигуру.

Это была моя последняя встреча с дедом Шлемой.

Геноцид оккупантов по отношению к евреям жители района осуждали, но этим и ограничивались. Боялись репрессивных мер со стороны немецких властей. А это не шутка. Заподозренных в помощи евреям отправляли в гетто. Не испугался мой дядя Степан Антонович Клоков и в чаще лесного массива Поломы вырыл землянку, заложил в ней запас продуктов и предложил моему деду Шлеме с семьей укрыться в землянке. Дед прятаться в землянке отказался. Он ответил: «Я остаюсь со своим народом и разделю его судьбу».

Крестьяне района направили немецкому коменданту в Россоны коллективное письмо в защиту деда Шлемы, которое подписали несколько сот человек. С их стороны это был мужественный поступок. В условиях геноцида публично выступать в защиту еврея означало подвергнуть опасности и себя, и свою семью. В письме охарактеризовали деда Шлему как порядочного, трудолюбивого человека и просили не подвергать репрессиям его с семьей. 10 февраля 1942 года дед Антон услышал, как в Янковичах полицейские бахвалились, что едут арестовывать Шлему. Мне это не передали.

Добраться до Рудни-Прудок раньше полиции шансов не было. Чтобы избежать сцены трагического прощания с дедом на глазах полиции, меня отправили с поручением в соседнюю деревню.

Повозка с арестованными остановилась возле дома деда Антона. Дед Шлема, бабушка Соня и десятилетний Зяма попрощались с Антоном Мироновичем и Маланьей Мироновной. Мне дед Шлема передал, чтобы я его помнил.

Через несколько дней в гетто по Советскому переулку их расстреляли. Когда семью вели на расстрел, Шлема Хаимович шепнул сыну: «Беги!» Зяма побежал. Его догнали, поставили рядом с отцом и матерью возле ямы.

Через четыре месяца в июле 1942 года в наш партизанский отряд перебежало несколько полицейских с оружием. Мне указали на одного из них, который вез моего деда с семьей в гетто. Я его подкараулил на лесной дорожке, прицелился, но выстрелить не смог. Я не Бог и не решился распоряжаться чужой жизнью. В 1943 году бывший полицейский погиб от пулевого ранения в бою с карателями.

В начале осени в деревню приехали немцы с полицаями, арестовали Михаила Субача и меня. По дороге в Россоны полицай сказал: поступили данные, что я храню оружие. Если расскажу, где оружие спрятано и кто дал задание его собирать, меня отпустят. Трудно сказать, как бы закончилась эта история, но меня посадили в подвал, где сидел пожилой мужчина в солдатской форме. Узнав причину моего задержания, он посоветовал не сознаваться в хранении оружия. «В крайнем случае, — сказал он, — отдай немцам негодное». Я так и сделал. Отдал немцам две самозарядные винтовки — СВТ без затворов. На мою беду, я попался на глаза немецкому коменданту Отто Ленцу. Я брюнет и этим отличался от своих белобрысых сельских сверстников. При аресте евреев некоторые родители, надеясь спасти детей, предлагали подросткам бежать. Полиция занималась их поиском. Ленц решил, что я еврейский мальчик, избежавший ареста, и приказал задержать. Меня водили по баракам гетто, расспрашивали, знает ли кто меня или моих родителей. Люди молчали. Хотя я знал, что среди них были те, кто знал деда Шлему, мою маму и меня.

Поселили меня в бараке, спал на голых нарах. Кормили один раз в день. Давали ломоть хлеба и суп с картошкой или свеклой без мяса и жира. Водили группами по 8—10 человек в сопровождении двух полицейских на железную дорогу грузить на железнодорожные платформы лес. Иногда на дороге встречались женщины, которые совали нам в руки хлеб. Большинство полицейских этому не препятствовали. Я понимал, что когда мы погрузим все бревна, нас расстреляют, и мечтал о побеге. Организовали мой побег из гетто подпольщики во главе со школьным учителем Петром Мироновичем Машеровым — студенческим другом Степана Антоновича Клокова.

Все локомотивы при отступлении Красной Армии были угнаны в глубь страны. Подпольщики выяснили, что на станции Громы немцы восстановили паровоз, брошенный отступающей армией как негодный. Узнали они и дату, когда первый состав с лесом уйдет из Россон в Полоцк. Машинист сразу согласился помочь подпольщикам. Сложнее было найти полицейского, который в этот день охранял бы узников и не заметил, как один из них бежит в сторону состава. Но и эта проблема была решена.

Когда нас вели на станцию, мой школьный друг Михаил Субач передал мне ломоть хлеба и посвятил в план подпольщиков. Перед прохождением поезда Михаил подошел к полицейским, завел с ними разговор, угостил сигаретами. Полицейские отвлеклись. Я перед приближающимся составом перебежал рельсы так, что от полицейских и платформы, которую мы грузили, меня отделял движущийся состав. Я забрался на одну из платформ и затаился. Перед мостом через реку Дриссу спрыгнул на землю.

Это был единственный рейс состава из Россон в Полоцк.

Подпольщики в топку паровоза вместе с углем подложили взрывчатку и взорвали его.

В Янковичи идти боялся, может, немцы уже меня там ищут. Стало темнеть, было прохладно и горько. Мир большой, а идти не к кому. В темноте решил постучать к тете Лизе — Елизавете Антоновне Спиридович. Она рассказала, что на машине приезжали немцы с полицией. Предупредили, что если не сообщат о моем появлении, всю деревню сожгут. В темноте тетя Лиза меня накормила и отвела спать в баню. На следующий день в бане вырыли яму, куда я должен был прятаться от оккупантов. Но я решил, что погреб ненадежная защита, и часто убегал в лес. Мы с тетей условились, что в случае

опасности она будет вешать на забор чугунный котел днищем вверх. Это означало, что в деревне немцы или полицаи.

На стене правления колхоза немцы прикрепили листовку, в которой сообщалось, что четырнадцатилетний подросток-еврей сбежал из гетто. Тому, кто сообщит о его местонахождении, обещалась награда. Но никто не позарился на иудины деньги. Я жил у деда Антона, помогал ему по хозяйству, вел обычную жизнь, от соседей не прятался, встречался со сверстниками, односельчанами. Единственный раз на лесной дороге мне встретился полицейский. «Ты внук жида Шлемы?» — набросился он на меня. Я это отрицал. Путь в полицейский участок лежал через Янковичи. В деревне женщины набросились на полицейского и отстояли меня.

Осенью пришел в Янковичи отец. Их группу призывников райвоенком направил в Невель. Перед Невелем дорогу преградили немецкие танки. В считанные минуты безоружные и неорганизованные люди были смяты и рассеяны. Отцу чудом удалось просочиться через цепи немецких автоматчиков и лесными тропинками вернуться домой.

Однажды вечером, когда мы сидели за столом в ожидании ужина, кто-то осторожно постучал в окно. Отворили дверь. Вошел худой, изможденный человек с белой, как снег, головой. С трудом в нем можно было узнать Степана Антоновича, с которым я несколько недель назад расстался в Ветрино.

И сегодня в Ветрино стоит памятник героям, расстрелянным фашистами в июле 1941 года. В 30-ю годовщину Победы с памятника убрали фамилию Клокова Степана Антоновича, который храбро воевал в Отечественную войну и дожил до славной Победы.

В ноябре 1941 года отца и Степана Антоновича вызвал в Россоны районный бургомистр Рогачев и предложил отцу занять довоенную должность лесничего Россонского лесничества, а Степану Антоновичу должность преподавателя истории в школе. Впрочем, предупредил, что отказ от работы будет рассматриваться как нелояльность к немецким властям и саботаж. О том, чтобы идти работать к оккупантам, не могло быть и речи. Степан Антонович отговорился тем, что не залечил раны, полученные в июле 1941 года. Отец попросил разрешения привести семью из Ушачского района. Отец привез мою мачеху Татьяну Степановну с трехлетним братом Сережей, но поселился в Руднянском лесничестве в пустующем доме. Лесничество располагалось в лесу вдалеке от деревни. Немцы, опасаясь партизан, там не появлялись. Меня оставили у деда Антона в Янковичах.

Зимой к нам в Янковичи несколько раз приезжал Петр Миронович Машеров. Он учился вместе со Степаном Антоновичем в Витебском педагогическом институте, и они дружили. Когда он приезжал, Степан Антонович посылал меня на улицу смотреть, не появится ли там незнакомый человек. Тема их разговора меня не занимала, и только через несколько лет Степан Антонович рассказал, что обсуждали они вопрос развертывания партизанского движения на Россонщине. Через несколько месяцев Петр Миронович в Россонах создал партизанский отряд «Дубняк», в котором стал командиром, а Степан Антонович в Янковичах — партизанский отряд им. Кирова, в котором был комиссаром.

В мае—июне 1942 года командование бригады направило в регионы района инициативные группы по созданию партизанских отрядов. С такой инициативной группой в конце мая в деревне Прибытки встретился я.

В Прибытках навстречу нам бежали женщины. «Мальчики, — кричали они, — бегите, спасайтесь, в деревню пришли люди с ружьями, говорят, что партизаны, а там, кто знает, кто они». У крайнего дома стояли несколько вооруженных человек и смотрели в нашу сторону. «Ну и положение, ведь я с оружием, — закралась у меня тревога. — Если это полицаи, доказывай, что я — не партизан, а если это партизаны, доказывай, что я — не полицай». Бежать в лес было поздно, и я решил, раз они говорят, что партизаны, со своими объясниться будет проще. Я подошел к ним. Однако они на меня не обратили никакого внимания.

Они были в поношенной солдатской форме со знаками различия. На одном солдатская форма выглядела щеголевато.

— А ну-ка, ребята, — сказал он, — помогите сориентироваться, в каком направлении дорога на Россоны? Где железная дорога на Полоцк?

Я объяснил.

— Кто вы будете? — в свою очередь задал вопрос я.

— Партизаны, — последовал ответ. Зачем идти искать партизан, решил я, попрошусь к ним в отряд. И я обратился к щеголеватому военному:

— Товарищ командир, возьмите меня в отряд.

— Эта просьба не ко мне, поговори с комиссаром, — ответил он и указал на военного, сидевшего на бревнах. Я подошел к нему.

— Григорий Калинкин, комиссар отряда, — представился тот. — Почему ты решил пойти в партизаны? Ты же знаешь, война — дело трудное, а тебе сколько лет?

— Четырнадцать, в октябре будет пятнадцать.

— Вот видишь, хотя ты и рослый парень, а воевать тебе еще рано. Где твои родители? Откуда ты?

— Мама в Ленинграде, отец с мачехой в Руднянском лесничестве. Живу с дедом Антоном и бабой Маланьей в Янковичах.

— Оружие у тебя есть?

— Есть, 8 винтовок, 3000 патронов и 14 гранат спрятано в лесу.

Комиссар задумался.

— Воевать трудно, не заплачешь, не запросишься домой?

— Нет, не запрошусь, буду воевать, как и вы, взрослые.

Комиссар поговорил с командиром отряда Евдокимовым, а затем сказал:

— Товарищи, подойдите сюда. Разрешите представить вам первого партизана нашего отряда Женю Клокова. Первому партизану в приеме в отряд отказывать нельзя.

Проводив меня в партизаны, Миша Субач вернулся в Янковичи и рассказал деду Антону, что я ушел воевать. Дед Антон и бабушка Маланья набросились на Мишу с руганью: «Сейчас такое тревожное время, а у тебя такие дурацкие шутки! Если это услышат полицаи, они полдеревни вырежут, здесь каждый второй дом нам родня».

С трудом удалось Михаилу убедить стариков, что он говорит правду. Срочно отправили в лесничество моего двоюродного брата Колю рассказать отцу, что я ушел в партизаны. Отец сначала тоже не поверил, решил, что его разыгрывают, мол, я где-то спрятался в доме. И начал меня искать. Отец понимал, что на первого партизана оккупационные власти бросят все свои карательные силы. Так и получилось.

26 июля утром, возвращаясь из Горовцов, комиссар Калинкин разрешил мне навестить отца. Шел я лесом, соблюдая меры предосторожности. В лесничестве жило несколько семей. Убедившись, что на улице никого нет, я зашел в дом. Встреча была радостной, но короткой. С теми же предосторожностями вернулся в лагерь. Через день, когда стоял на посту, в утреннем тумане показался силуэт человека.

— Стой, кто идет? — окликнул я.

— Сынок, это я, — услышал голос отца.

Пошли к командиру. Отец рассказал, что 27 июля утром в лесничество нагрянули гитлеровцы. Увидев немцев, отец убежал, а моя мачеха Татьяна Степановна с трехлетним Сережей бежать отказалась. Жаль было бросать хозяйство, немцев она считала культурной нацией, не способной на зверства. Отец забрался в болото и просидел в нем до утра. В лесничестве слышались крики и стрельба. 28 июля отряд вышел на дорогу к лесничеству. Встретили женщину, которая видела, как гитлеровцы выходили к дороге на Янковичи. Командир отряда Евдокимов решил дать немцам бой. Это была первая боевая операция отряда. Перехватить карателей на пути к Янковичам мы не успели, поэтому устроили засаду на дороге к Полоцку. Дорога шла по левому берегу реки Дриссы. Отряд устроил засаду на правом берегу. Мы залегли и замерли в тревожном ожидании. Нас было одиннадцать партизан, на вооружении ручной пулемет и винтовки. В книгах я читал про первый бой, как герои произведений мучительно переживали, как они себя поведут. Думал об этом и я. Хотелось перед товарищами не показать себя трусом; но вдруг будет очень страшно? Не зря же некоторые литературные герои в первом бою трусили и убегали и только впоследствии становились настоящими воинами. Ко мне подошел комиссар Калинкин, прилег рядом, проверил сектор обстрела и заговорил об обыденных жизненных делах. Тревога моя понемногу улеглась, и я стал отвечать на вопросы комиссара. Показались немцы. Шли они неторопливо, разговаривали, на поясах многих болтались каски. Я прицелился в ближайшего немца, красивого белокурого парня, и по команде «огонь» нажал на спусковой крючок. Выстрела не слышал, но увидел, как немец остановился и упал лицом в дорожный песок. Партизанские пули обрушились на немцев. Упали убитые, закричали раненые, уцелевшие поползли к лесу, пытаясь укрыться от пуль. Наконец немцы стали отстреливаться — пулеметный огонь

прижал нас к земле. Со стороны Рудни послышался выстрел из миномета, и за нашими спинами разорвалась мина. Капитан Евдокимов дал команду на отход. Подпольщики потом сообщили, что семь гитлеровцем было убито и девять ранено. С нашей стороны потерь не было. В бою я не испугался, значит, не трус. У меня даже появилась некоторая бравада, которая, впрочем, после первого ранения прошла.

Из лесничества пришла печальная весть. Нашелся предатель, который сообщил в Полоцк, что к лесничему Клокову приходил сын-партизан. Поэтому приехали немцы, искали меня. Каратели пытали, а затем и расстреляли всех жителей лесничества, кроме предателя, который их привел и ушел вместе с ними. Погибло 18 человек.

Сердце сжималось от боли, и кровь закипала от ненависти, когда я смотрел на 18 гробов. Из 18 замученных и казненных человек, только двое — моя мачеха Татьяна Степановна Клокова и трехлетний брат Сережа — имели отношение ко мне. Остальных 16 человек я никогда не видел и никого не знал. На святых для меня могилах я дал клятву, что каждая невинная жертва будет отомщена. Свою клятву я сдержал.

В тот день закончилось мое детство. Понял, с какой звериной безжалостной силой мы воюем. В бою у меня притупился страх. Я спокойно смотрел на карателей, тщательно целился из карабина и плавно нажимал на спусковой крючок. Почти всегда моя пуля попадала в цель.

С первых дней создания отряда были сложности с питанием. Немцы через полицию отслеживали крестьянские хозяйства, помогающие партизанам. Заподозренных расстреливали, а дома сжигали. Первыми партизанами в отряде стали военнослужащие Полоцкого укрепрайона, попавшие в окружение. В деревнях их не знали, опасаясь фашистских провокаций, контактов с ними избегали. За продуктами ходили по очереди. Больше всех продуктов приносил я. В окрестных деревнях меня знали, поэтому сердобольные женщины, не опасаясь, загружали мой вещевой мешок едой. Отряд рос, и с каждым днем продуктов требовалось все больше. Командир отряда капитан Евдокимов назначил меня начпродом отряда. Я рвался в бой. Евдокимов и комиссар Калинкин обещали в ближайшее время на эту должность подобрать более солидного человека, а пока просили поработать. В моем подчинении были две девушки, они готовили еду, а я занимался заготовкой. Для хозяйственных нужд выделили лошадь с телегой. К своим обязанностям я подошел творчески. Обошел окрестные деревни, в каждой нашел женщин, которые согласились заготавливать продукты для партизан. Эти продукты они по определенным дням оставляли в лесу в условленном месте. Мне оставалось только забирать их, не заезжая в деревню. Это было намного безопаснее. Только один раз, когда я с Вашневой Линой ехал к условленному месту, на дорогу вышел полицай, но я успел выстрелить первым.

Не было соли. Весь 1942 и 1943 годы партизаны ели несоленую пищу. К началу июля численность отряда выросла, и на мою должность назначили пожилого партизана, а меня перевели в стрелковый взвод.

Было еще много боев, лишений, потерь. В сентябре 1942 года последний немецкий солдат был изгнан из Россонского района. Врагом было сожжено множество деревень, люди ютились в землянках, скрывались в лесах, но работали, пахали, сеяли, убирали урожай. Только благодаря поддержке народа партизанское движение могло принять всенародный размах.

25 ноября 1943 года в одном из боев я был сильно ранен. Спас меня доктор Гинзбург, польский еврей, в 1939 году бежавший от нацизма в СССР и работавший в Гродно стоматологом. Когда началась война в СССР, он стал пробираться к линии фронта, спасаясь в очередной раз от нацистов, чтобы записаться в Красную Армию. Случайно встретил партизан. В партизанской бригаде не было врача-хирурга, и он вынужден был им стать.

В середине января 1944 года я получил из Ленинграда первую весточку от мамы. Она писала, что пережила в Ленинграде блокаду. Был страшный голод и холод. Все наши соседи умерли. Осталась в живых одна она. Всю блокаду продолжала работать на фабрике — шила обмундирование для солдат. Трамваи не ходили, поэтому на фабрике и жила. После работы вместе с другими женщинами ходила патрулировать улицы города. Ее наградили медалью «За оборону Ленинграда». Она счастлива, что я живой. Писала, что ее молитвы сохранили мне жизнь...

Все наши родные и близкие погибли в той страшной войне, кто на фронте, кто в лагерях гетто.

Авторы номера

Савицкий Алесь (Александр Онуфриевич). Родился в 1924 г. в г. Полоцке Витебской области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького (Москва). Прозаик, публицист. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь и премии Ленинского комсомола Беларуси. Живет в Минске.

Чернявский Микола (Николай Николаевич). Родился в 1943 г. в д. Буда-Люшевская Буда-Кошелевского района Гомельской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, прозаик, переводчик. Автор свыше 30 книг для детей и взрослых. Лауреат Литературных премий имени Я. Мавра, В. Витки и Премии федерации профсоюзов Беларуси. Живет в Минске.

Бондарев Юрий Васильевич. Родился в 1924 г. в городе Орске Оренбургской области. Окончил Чкаловское артиллерийское училище и Литературный институт им. А. М. Горького (1951). Прозаик. Автор множества рассказов, повестей, романов. Лауреат Государственной премии РСФСР (1975), Государственной премии СССР (1977, 1983), Герой Социалистического Труда (1984).

Боков Виктор Федорович. Родился в 1914 г. в деревне Язвицы Московской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор около тридцати книг стихов и прозы. Жил в Москве. Умер в 2009 году.

Смолянко Анатолий Владимирович. Родился в 1936 г. в Кореличском районе Гродненской области. Окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Автор 15 книг документальной и художественной прозы. Живет в Минске.

Ваншенкин Константин Яковлевич. Родился в 1925 г. в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор многих сборников стихов и прозы, слов популярных песен. Лауреат Государственной премии СССР (1985), Государственной премии Российской Федерации (2001). Живет в Москве.

Майко Анатолий Федорович. Родился в 1932 г. в Украине. Окончил факультет журналистики Киевского государственного университета. Автор нескольких книг документальной прозы и радиопьес. Во время Великой Отечественной войны находился в семейном партизанском лагере на территории Пуховичского района.

Коршуков Евгений Иванович. Родился в 1932 г. в д. Давидовичи Калинковичского района Гомельской области. Окончил Белорусский государственный университет. Прозаик, поэт, переводчик, критик. Руководитель студии военных писателей. Автор многих книг. Лауреат литературного конкурса Министерства обороны Республики Беларусь. Живет в Минске.

Сабило Иван Иванович. Родился в 1940 г. в Минске. Окончил Ленинградский институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта. Секретарь правления Союза писателей России. Прозаик, публицист. Автор многих книг. Лауреат литературных премий им. Ф. Абрамова, Н. Островского, В. Пикуля. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Секретарь Исполкома Международного Сообщества писательских союзов. Живет в Москве.

Семененко Ольга Андреевна. Родилась в 1992 г. в г. Виттшток (Германия). Учащаяся гимназии № 29 г. Минска. В «Нёмане» публикуется впервые.

Бележенко Борис Павлович. Родился в 1937 г. в м. Бочейково Бешенковичского района Витебской области. Окончил филфак Белгосуниверситета и Минскую ВПШ. Поэт, прозаик. Автор многих книг. Почетный член Союза писателей Беларуси. Живет в Витебске.

Стадольник Иван Константинович. Родился в 1940 г. в д. Янки Докшицкого района Витебской области. Окончил Полоцкое медицинское училище и Белорусский государственный университет. Автор ряда книг прозы. Живет в Минске.

Маляренко Алексей Харитонович. Родился в 1938 г. Полковник в отставке. В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

Суслов Александр Александрович. Родился в 1922 г. на прииске «Центральный» Красноярского края. Окончил факультет журналистики БГУ. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет в Минске.